

1774
MAY 17
1774

БРИГАНТИНА

**Сборник рассказов
о путешествиях, поисках, открытиях**

МОСКВА. «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ». 1975

С61
Б87

Составитель
Вл. СТЕЦЕНКО

Художник
А. ГАНГАЛЮЖА

Б $\frac{70302-050}{078(02)-75}$ 172-74

© Издательство «Молодая гвардия», 1975 г.

КОМСОМОЛ НА УДАРНОЙ СТРОЙКЕ

Трудно даже представить себе такой участок хозяйственного и культурного строительства, где не находили бы применения энергия, творчество и дерзание комсомольцев. Ударные комсомольские стройки, групповые конкурсы мастерства молодых рабочих, студенческие строительные отряды, молодежные производственные бригады, летние лагеря труда и отдыха — все это конкретные и очень нужные дела комсомола, вожака советской молодежи.

Л. И. Врежнев,
Отчетный доклад XXIV съезду КПСС

Нет ни одного уголка страны, куда не забрались бы энтузиасты-комсомольцы, приехавшие со всех республик по комсомольским путевкам, студенты, для которых «третий семестр» становится школой жизни. Каждую весну ЦК ВЛКСМ объявляет общественный призыв на комсомольские стройки страны. Советские парни и девушки ждут этот клич с волнением. Покидая родные места, они едут за тысячи километров в прекрасном порыве — ими движет извечное стремление молодости — создать нечто грандиозное и очень нужное всем людям, всей стране. Для многих ребят именно с комсомольской стройки начинается биография. Человек здесь находит себя, друзей, свою судьбу, свою профессию, свою линию в жизни.

Родина строит. На карте ударных комсомольских строек 139 объектов. Это объекты черной и цветной металлургии, новые энергетические «солнца» — очередные энергоблоки и гидроагрегаты в Билибине, Сургуте, Рязани, Нуруке, на Ленинградской и Кольской АЭС. Стрелы газопроводов и

нефтепроводов устремились с окраин к центру страны... Объекты химии, морские порты и причалы в Приморье, шахта-гигант в Кемеровской области... Строится КамАЗ, реконструируются Челябинский тракторный, Ростсельмаш... Возникают предприятия легкой промышленности, новые города — Набережные Челны, Аркалык... Каналы, оросительные системы и водохранилища, крупные животноводческие комплексы... О каких стройках рассказать? Неважных среди них нет, неинтересных — тоже... Каждая стройка — это взлет энтузиазма, научной мысли. Когда пишешь о них, то неизбежны слова «самый большой», «невиданный до сих пор», «рекордный». Эти слова не штампы, они характеризуют масштабы, темпы и методы строительства.

ГДЕ НАЧИНАЕТСЯ ДЕНЬ

На Дальнем Востоке, где начинается день солнце, люди отодвинули сопки от берегов синей бухты Врангеля, железным пунктиром наметили линии будущих причалов. Бывает трудно, как трудно всем первопроходцам, всем, кто строит города на необжитой земле. Пароход вместо дома. Только в планах — клуб и школа. Приморье — это и Находка (самый крупный глубоководный порт в Советском Союзе), и Лучегорская ГРЭС, и Дальневосточный научный центр, и Новоспасский цементный завод — пять Всесоюзных ударных строек. Реальное воплощение программы девятого пятилетнего плана по ускоренному развитию Дальнего Востока.

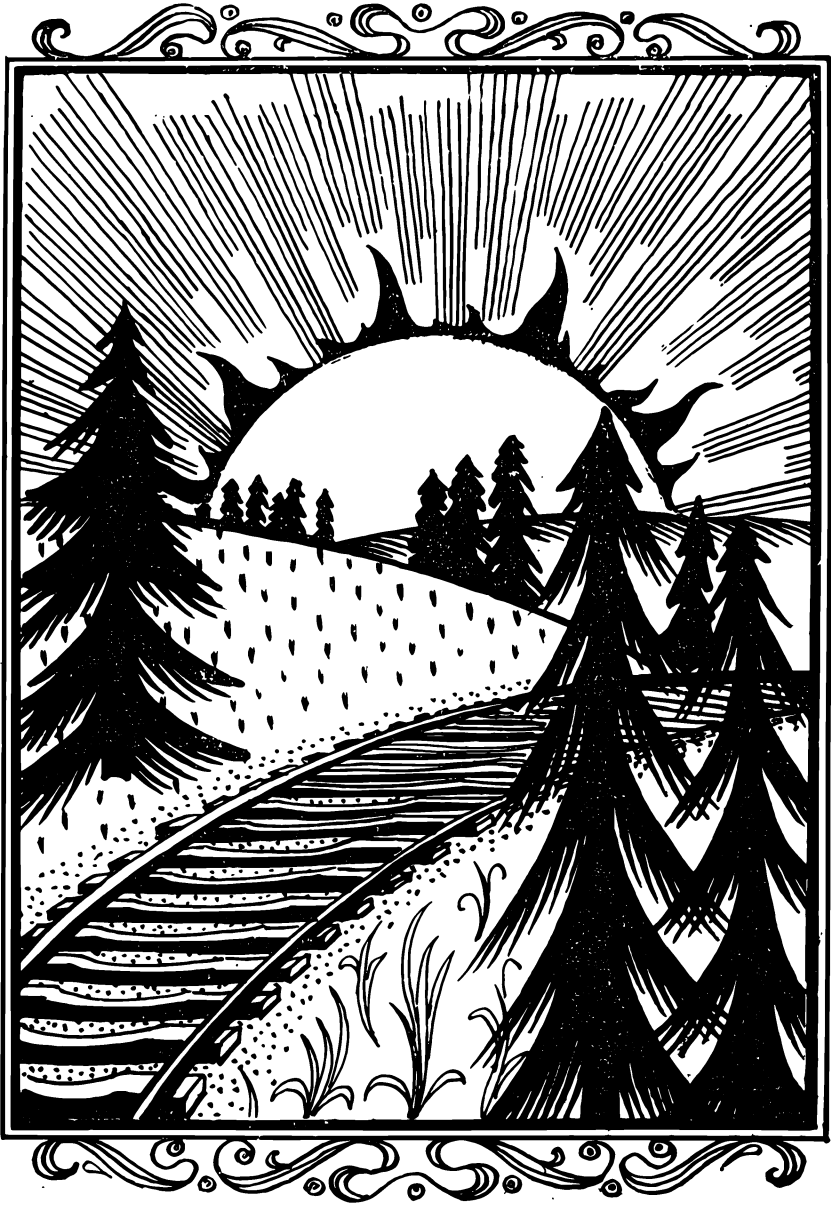
В наше время одной из ведущих фигур края стал молодой строитель-комсомолец...

АТОМ СОГРЕЕТ ЧУКОТКУ

«На полпути между Полярным кругом и Ледовитым океаном в тундре строится атомная теплоэлектростанция. Это самая северная Всесоюзная ударная комсомольская стройка. Именно с Билибинской атомной начнется энергетическое перевооружение громадных пространств Чукотки и Колымы».

«Комсомольская правда», 13 ноября 1973 года

Отогреваются огромные просторы нашего Севера. Строятся Колымская ГЭС и Анадырская ТЭЦ, расширяются Магаданская ТЭЦ, Аркагалинская ГРЭС, Эвбекинотская РЭС. А за ними видятся Ново-Чукотская электростанция, каскад электростанций на Колыме. Ученые изучают возможность строительства на Пенжинской губе нового типа электростанции, работающей от энергии морского прилива.

Энергетическое перевооружение края совершенно изменит наши представления о Севере: возникнут новые города «под колпаком» — с электрообогревом воздуха, с теплицами и оранжереями. Вместо котельных в современных городах появятся электрические подогреватели. Исчезнут костры, с помощью которых строители оттаивают промерзший на несколько метров в глубину грунт, — появится «электрическая оттайка» грунтов. Северная земля наконец-то откроет свои недра людям: электробульдозеры примутся за вскрышу торфов, за добычу полезных ископаемых, которая пока нерентабельна, потому что не хватает энергии для борьбы с мерзлыми, окаменевшими грунтами.

Шефство над строительством новых предприятий, развитие энергетической базы — это комсомольские дела. Чукотка, бывший оленеводческий край, стала промышленной и энергетической зоной благодаря комсомольскому строительству. Билибинский район, например, — целиком зона комсомольского действия. Здесь не одна ударная комсомольская стройка: ею были самая протяженная заполярная ЛЭП, сооружение поселка Билибино и теперь — сооружение Билибинской атомной электростанции.

НОВОЕ СОЛНЦЕ СИБИРИ

Передвинемся по карте левее — Сургутская ГРЭС, еще один гигант пятилетки, который строят ударные комсомольские отряды. Сургутскую ГРЭС называют «новым солнцем Сибири». Энергетика края развивается вкупе с нефтегазовой промышленностью. «Попутный газ Самотлорского и Усть-Балыкского нефтяных месторождений будет отныне вращать турбины одной из крупнейших в стране тепловых электростанций — Сургутской ГРЭС». Эта электростанция полностью обеспечит нефтяные районы страны дешевой электроэнергией.

«Комсомольская правда», 25 января 1973 года

ЧЕРНОЕ ЗОЛОТО СИБИРИ

Недавно капиталистический мир испытал сильнейшее потрясение: страны Арабского Востока отказались снабжать его нефтью. Медленно, как в траурном шествии, движутся машины по улицам Токио, Нью-Йорка, Парижа, Лондона, Амстердама и других европейских и азиатских столиц — надо экономить бензин. Тускло горят лампочки, гаснут рекламы, останавливают работу химические комбинаты — нет сырья... Модницы с ужасом предчувствуют, что, наверное, придется ходить в простых нитяных чулках! Нефтяная блокада...

Нашей промышленности не грозит такая судьба. Одна только Западная Сибирь — огромная кладовая нефти и газа. Не тоненькой струйкой — мощным потоком устремилась нефть с окраин к центру страны. За последние 10 лет в Западной Сибири построено пять нефтепроводов. Сооружение нового нефтепровода Самотлор — Альметьевск было объявлено комсомольской ударной стройкой. Чтобы приблизить день, когда тюменская нефть начнет поступать на нефтехимические заводы Башкирии и Поволжья, комсомольцы этой ударной стройки применили метод единого технологического потока. В единый кулак собрались усилия землеройщиков, сварщиков, изоляровщиков. «Никаких простоев, никаких потерь рабочего времени!» — провозгласили комсомольцы. По новой магистрали Нижневартовск — Усть-Балык — Курган — Уфа — Альметьевск хлеб энергетики и химии, «черное золото» с Самотлора и других нефтяных месторождений Средней Оби придет на Каму, к головной насосной станции трансъевропейского нефтепровода «Дружба».

Через центр тайги строители прокладывают рельсы новой железнодорожной трассы Решоты — Богучары. Они воюют с буранами, осушают болота. Идет трасса к Ангаре.

ЖИВАЯ ВОДА

А в это время другие строители развернувшейся в Каршинской степи Всесоюзной ударной стройки все силы бросили на орошение земель.

«Шесть мощнейших насосных станций на протяжении 120-километрового магистрального канала поднимут воды Амударьи на 132 метра. Вода, пройдя пески, оросит тысячи гектаров плодороднейших земель Каршинской степи, вырастут новые поселки, совхозы. Поля тонковолокнистого хлопка, виноградники, бахчи преобразят пустынный доселе пейзаж».

«Комсомольская правда», 5 апреля 1973 года

Поднятая из Каховского водохранилища на 25-метровую высоту днепровская вода устремилась в русло магистрального канала Каховской оросительной системы. Пришел день, которого ждали не только комсомольцы Всесоюзной ударной — строительства Каховской оросительной системы, но и сельские труженики Херсонщины, Запорожья: 570 гектаров земель оросил 129-километровый канал. Это реальное воплощение Директив XXIV съезда партии, в которых сказано: «Расширить производство зерна на орошаемых и осушенных землях, усилить работы по созданию баз гарантированного производства товарного зерна на поливных землях на юге Украины, на Северном Кавказе и в Поволжье».

ТЕХНИЧЕСКОЕ ПЕРЕВООРУЖЕНИЕ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА

В Директивах XXIV съезда КПСС записано: «Для обеспечения животноводства полноценными кормами развивать высокими темпами комбикормовую и микробиологическую промышленность».

И как ответ на это следует сообщение:

«В Голодной степи вступил в строй самый крупный в Средней Азии комбикормовый завод. Он рассчитан на выпуск двухсот тонн высокопитательных кормов в сутки.

Электронно-вычислительная аппаратура помогла составить 54 рецепта кормов для птиц, животных и рыб в зависимости от времени года. С ее помощью компоненты кормов точно дозируются.

Продукция завода найдет широкое применение на животноводческих фермах, птицефабриках и в рыбосовхозах Узбекистана».

«Комсомольская правда», 18 сентября 1973 года

В Директивах XXIV съезда КПСС записано: «В целях ускорения роста производства продукции животноводства и повышения его эффективности обеспечить строительство механизированных животноводческих ферм в колхозах и совхозах, развернуть вблизи городов строительство крупных государственных, колхозных и межколхозных комплексов по производству продукции животноводства на промышленной основе...»

КОМПЛЕКСЫ БУДУЩЕГО? ОНИ УЖЕ ЕСТЬ!

— Все мы тут как большая команда Айболитов, — говорят ребята в белых халатах. Они — операторы кормления на промышленном свиноводческом комплексе в Белгородской области. Один год — и вырос этот поселок с благоустроенными домами, как в городе, с Дворцом культуры, детсадом, школой и... чудесным «лабиринтом», где в бесконечных залах рождаются и воспитываются многочисленные поросята.

Строили комплекс ударные бригады комсомольцев Белгородской области. Теперь эти ребята трудятся уже в другом качестве — работников комплекса.

На промышленном свиноводческом комплексе, прежде чем проникнуть внутрь, надо пройти царство Мойдодыра — дезобработку, только после этого, облачившись в спецодежду, попадаешь в «лабиринт». Здесь отсутствует неприятный запах, воздух такой, как в лесу. Отходов, загрязняющих среду, на комплексе не бывает — они поступают в сложную очистительную

систему и после многочисленных превращений становятся чистой водой и брикетами для удобрения полей...

Такие животноводческие комплексы-поселки есть или строятся во многих областях и краях нашей страны. Здесь производят не только свинину, но и мясо рогатого скота, домашней птицы...

СЕЛЬСКАЯ СТРОЙКА ЯКУТИИ

«В Центральной Якутии среди рощ белоствольных берез и многочисленных таежных озер вырастает сельскохозяйственный поселок будущего — агрогородок Харбалах... Это ударная республиканская комсомольская стройка. Наперекор суровой природе юноши и девушки из многих районов республики возводят здесь жилые дома с городскими удобствами, строят механизированные фермы, расширяют луга и пастбища, создают крупное централизованное овощеводческое хозяйство...»

«Комсомольская правда», 7 апреля 1973 года

«Более полутора тысяч бойцов студенческих строительных и трудовых отрядов Комсомольска-на-Амуре будут строить сельские объекты, леспромхозы, школы, работать на путине.

В городе открылась школа молодых командиров и комиссаров студенческих отрядов. Занимаются в ней новички. Они встретятся с экономистами, юристами, преподавателями техникумов и вузов, деятелями культуры, ветеранами строительных отрядов, прослушают лекции по основам трудового законодательства, строительного дела, педагогике, психологии. В конце мая — зачет».

«Комсомольская правда», 27 февраля 1973 года

Техническое перевооружение сельского хозяйства — важнейшая задача девятой пятилетки. Новые мощные тракторы Волгоградского, Харьковского, Минского, Челябинского тракторных и ленинградского Кировского машиностроительного заводов, машины КамАЗа — вот что поставит в этой пятилетке наша промышленность сельскому хозяйству.

ГОРОД НА КАМЕ

Камский автогигант... Невозможно охватить глазом эту крупнейшую ударную комсомольскую стройку. Ветераны-строители сравнивают КамАЗ с Магниткой. Верно: по духу они родня. Но все же КамАЗ сегодня — это стройплощадка в сто квадратных километров. Сметная стоимость всего комплекса 3 миллиарда рублей. В день осваивается 1 миллион рублей — это невиданный в отечественной практике рубеж. Автогигант

на Каме оставил по масштабам далеко позади знаменитые стройки наших отцов.

КамАЗ завтра — это крупнейший в мире комплекс заводов по производству грузовых автомобилей. В год он будет давать 150 тысяч машин, 100 тысяч мощных дизельных моторов, запасные части. У автогиганта есть важная особенность — все необходимые для машин узлы и детали будут производиться здесь, в Набережных Челнах, городе, который строит молодежь нашей страны.

С первых дней КамАЗ — это все лучшее, передовое, прогрессивное, чего достигла строительная индустрия нашей страны. Например, при строительстве громадных корпусов завода особое значение приобретает сооружение перекрытий. Изготовление кровли, монтаж отдельных элементов в крупные блоки, остекление световых фонарей, утепление — все делается на земле индустриальными методами. А на высоте с помощью уникальных кранов остается только стыковать блоки.

Большой экономический эффект дала замена традиционных монолитных фундаментов буронабивными сваями: отпала необходимость рыть глубокие котлованы, а кроме того, теперь одновременно со строительством корпусов можно закладывать фундаменты под оборудование.

На строительстве камского автогиганта работают юноши и девушки всех национальностей нашей страны. В летописи строительства КамАЗа славную страницу заполнил Всесоюзный ударный отряд «Дружба»...

ИМЕНАМИ ГЕРОЕВ...

В третьем, решающем году пятилетки страна послала на крупнейшие стройки 11 ударных комсомольских отрядов. В течение 1974 года на пусковые объекты по общественному призыву придут 62 тыс. юношей и девушек, 10 всесоюзных ударных комсомольских отрядов общей численностью 5700 человек. Один из этих отрядов строит важнейший объект металлургической промышленности в железном сердце страны, на Курской магнитной аномалии, — Лебединский горно-обогатительный комбинат. Лебединский ГОК — это первая ласточка в ряду объектов будущего мощнейшего в стране горнодобывающего, горно-обогатительного и металлургического комплекса в Белгородской области...

«ЕСТЬ АЗОВСТАЛЬСКИЙ ЛИСТ!»

В 5 часов 30 минут мы увидели первую ленту проката. Она медленно остывала, теряя в цвете. Чья-то нетерпеливая рука вывела на ней куском мела слова: «Есть азовстальский лист».

«Комсомольская правда», 24 июня 1973 года

25 июня на Всесоюзной ударной комсомольской стройке — стане «3600» прозвучала команда «Пуск!». На полгода раньше срока был выдан первый лист проката...

Большая металлургия страны.... Новолипецкий металлургический завод, «Казахстанская Магнитка» — Карагандинский металлургический завод, тоже в рекордный срок получивший прокатный стан «1700», металлургические заводы в Кривом Роге, Кемерове, Норильске — все это Всесоюзные ударные комсомольские стройки. Над ними тоже шефствует комсомол...

На торжественном пленуме ЦК ВЛКСМ первый секретарь ЦК ВЛКСМ Е. М. Тяжелников сказал, что «сегодняшнее поколение будет считать свой долг выполненным, если потомки, перелистывая страницы истории, с благодарностью вспомнят советского человека, открывшего для народа несметные богатства недр земли, свяжут наши имена с преобразенной Сибирью, Севером, Дальним Востоком!».

ХРОНИКА ТАЕЖНЫХ КИЛОМЕТРОВ

«Два года назад, в июне, на крохотной дальневосточной станции Бам, где не останавливаются скорые поезда, раздались взрывы. Гулкое эхо двадцать три раза вознеслось над тайгой. Взрывная волна, как ни старались приглушить ее шпальными решетками и мешками с песком, дважды опрокидывала старые вагоны. Вдрагивали в поселке дома. Звенели стекла. Понижающие люди согласно кивали: вот оно, началось!..

Началось второе рождение соединительной ветки Бам — Тында и всей Байкало-Амурской магистрали»,

«Комсомольская правда», 21 мая 1974 года

История Байкало-Амурской магистрали упирается корнями в первую пятилетку. Еще тогда был составлен дерзновенный проект строительства этой гигантской железной дороги через глубины тайги. Протянулась первая соединительная ветка.

Война отвлекла силы и средства от начавшегося строительства. Рельсы новой ветки разобрали и отправили под Сталинград — воевать.

Весной 1974 года молодежь страны всколыхнула весть: объявлена новая, невиданная доселе, ударная комсомольская стройка. БАМ — это прозвучало как набат, как призыв к действию.

НАКАЗ СЪЕЗДА

Весной 1974 года XVII съезд ВЛКСМ объявил Всесоюзной ударной стройкой мелиорацию земель и сельское строительство в нечерноземной зоне РСФСР.

Твой дом, твоё родное село, твоё поле и ферма, сельский комсомолец, стали ударной стройкой.

В своей резолюции XVII съезд комсомола записал: «Ежегодно направлять в эту зону студенческий строительный отряд численностью не менее 20 тысяч человек».

В. СЕВАСТЬЯНОВ,

бортинженер космического корабля «Союз-9»,
кандидат технических наук,
Герой Советского Союза

ОКЕАН ГОЛУБОЙ ПЛАНЕТЫ

Моя юность прошла на море. И естественно, первые мечты были связаны с ним. Сочинской дождливой весной, когда несколько суток подряд моросит нудный дождь и набережные города пустынные, я любил бродить около моря и мечтать. Я смотрел на корабли, большие и маленькие, палубы которых тоже были пусты. Лишь иногда открывалась дверь камбуза, и кок отправлял за борт завтрак для чаек. Я тогда жил романтикой моря, навеянной морскими рассказами, путешествиями «отважных водителей фрегатов», и мечтал о своей «бегущей по волнам».

На всю жизнь запомнился запах холодного моря ранней весной и теплого, как парное молоко, в жгучий южный полдень. Я заглядывал и в подводный мир, мир, который и на сегодня остается для меня тайной. Позже я познавал море и морскую жизнь, драя палубу и подавая концы, когда во время летних каникул работал матросом на небольших катерках, курсирующих по маршруту Сочи — Хоста — Сочи. В ту пору я познакомился с первой утренней морской зарей и с яркими красочными вечерними закатами. Познакомился и с абсолютно черным морским ночным небом, усеянным почти неизвестными мне в ту по-

ру звездами, которые тоже манили меня и ставили бесчисленные вопросы.

Когда пришла пора выбрать жизненный путь, я выбрал авиацию. Какая-то неведомая сила влекла меня в воздух, хотя любовь к морю тогда была сильнее. Я пришел в Московский авиационный институт, ни разу не побывав на борту самолета. Позднее поступил в аэроклуб, испытал прелесть полета. Но любовь к морю, как первая, сохранялась в моей душе. Находясь уже в отряде космонавтов, я часто приезжал на море — на отдых или для проведения различных испытаний. И всегда с радостью встречался с ним.

В длительном полете на космическом корабле «Союз-9» мы увидели море с огромной высоты. Не море — Мировой океан. И тогда впервые воочию представилось, что Мировой океан действительно является большей частью поверхности нашей планеты. Всем известны цифры: 71 процент поверхности Земли — вода, 29 процентов — суша. Но их трудно зримо вообразить себе. В полете же по орбите, глядя на Землю, видишь — вода, вода, вода и вода... Обнаружив сушу, невольно восклицаешь: «Земля!»

В дневнике, который я вел в полете, есть записи: «Вода (внизу) и облачность — надоели... Нравится — суша, особенно открытая от облачности... Очень радостно встречали каждый раз остров Таити и рядом расположенные острова Общества и другие. После «длительного» полета над океаном — вдруг группа живописных островов. Каждый можно описывать в самых радужных красках. Райские уголки! Сурово прекрасна южная часть Южной Америки: мыс Горн и Огненная Земля...»

В дневнике же отмечено, что в нашей терминологии появились такие выражения, как «там, на Земле», «вот придем домой», «скоро суша» — по-морскому...

Да, Мировой океан действительно грандиозен. И в разных местах планеты он выглядит по-разному. Средиземное море удивительно ярко-голубое. Когда пролетаешь над Италией, то видишь его все сразу: под тобой «сапожок» — Апеннинский полуостров, южнее — Сицилия, слева — Сардиния, Корсика, Балеарские острова, справа — Крит и Кипр. Слева — Гибралтар, справа — Суэц. Еще видна Сахара и дельта Нила, далеко врезающегося своими мутными водами в морскую лазурь. Вдоль европейских берегов Средиземноморья, покрытых изумрудной полоской субтропической зелени, под водой просматривается прибрежный шельф и продолжение рельефа континента.

А впереди уже виден живописный массив Альп и справа — темное Черное море. Вот Красное море со светлой водой, зажатое Африкой — массивы мертвых черных гор без единого пятнышка зелени, — и Азией — безжизненная аравийская пусты-

ня. В Персидском заливе мы впервые увидели идущие по морю суда, у восточного берега Африки — большой риф. Далее — безбрежная гладь Индийского океана.

Тихий океан и из космоса суров и поистине велик. Пролетая острова Новой Зеландии, надолго прощаемся с сушей: дальше безбрежный водный простор. И только очень редко попадаются маленькие островки, окаймленные ожерельем коралловых рифов с изумрудными лагунами. Обычно большая часть океана закрыта облаками. Когда облачность отступает, видишь серую либо «стальную» поверхность, сморщенную мощными волнами. Я и сейчас помню идущий в океан корабль. Это было так неожиданно — встретить на поверхности огромной массы воды одинокое судно. Я четко представил себе, как еще долго ему нужно плыть до ближайшей суши, и почти физически ощутил трудности профессии моряка. Даже мы, космонавты, двигаясь над водой со скоростью около 15 тысяч (!) узлов, и то с нетерпением ждем появления суши.

Совсем иначе выглядит Атлантический океан, особенно Карибское море и Мексиканский залив: в отличие от чистых вод Атлантики в Карибском море удивительные узоры, образованные изумрудными, бледно-зелеными, желтыми и кроваво-красными разводами. Мексиканский залив штормит — берега окантованы белым прибоем, при хорошем солнечном освещении различается муар волн.

Впечатляет интересный вид восточного берега Южной Америки: рельеф континента продолжается и под водой. Различимы три террасы, уходящие в глубь океана. На дне отчетливо просматривается продолжение русел рек, которые прорыли себе глубокие каньоны под водой. Далеко в океан выносятся глубокие мутные воды Амазонки. Причем можно наблюдать, как они глубинными течениями утаскиваются под слоем чистой воды.

Пролетая в районе острова Ньюфаундленд, мы заметили большие белые образования, будто гигантские корабли. Но за ними нет характерного следа, который тянется за кормой кораблей. Мы, Николаев и я, долго не могли найти ответ: что же это? И только через сутки, вновь обнаружив их в том же районе, вдруг догадались: да это же айсберги! Так состоялось наше знакомство с удивительными посланцами «Зеленой Земли» — Гренландии — и Северного Ледовитого океана.

Интересно наблюдать поверхность Мирового океана: по ее гляncу стремительно бежит золотистый солнечный «зайчик». Удивительно!.. На громадном водном просторе отчетливо видны течения и различные зоны, которые они огибают. Создается впечатление, что поверхность океана — это пространство, на котором есть «пустыни» — мертвые области с температурными условиями, почти полностью исключая существование там планктона, а следовательно, и мальков промысловых рыб, а есть «плоскогорья» со скудной жизнью: есть еще цветущие «доли-

ны» — настоящий рай для морских животных и рыб. Все эти области относительно стабильны и ограничены слабыми и средними течениями — «ручейками» и «реками». К сожалению, обо всем этом мы сегодня еще очень плохо знаем. Поэтому рыбаки часто идут ловить рыбу в «пустыни» и «плоскогорья», а транспортные суда движутся по навигационным трассам, не учитывая существования «рек» и «ручейков». Одна из задач космонавтики — произвести картирование Мирового океана, дать морякам информацию о слабых и средних течениях, о температурных зонах. И эта задача будет решена. Мировой океан — неотъемлемая часть нашей планеты — уже является и будет всегда полем широкой деятельности человека, особенно по использованию его природных ресурсов.

Наша планета удивительно красива. Она голубая. Это единственная голубая планета солнечной системы. И своим голубым цветом, цветом жизни, Земля обязана Мировому океану.

Когда я был мальчишкой, то мечтал о море, о дальних плаваниях. Я стал космонавтом, но моя мечта сбылась: я совершил 286 кругосветных путешествий и увидел все моря и океаны Земли.

ЗАПИШИТЕ МЕНЯ В НАДЫМ

Заполярный, увязший в синие снега Салехард был занавешен пургой. Колкий, как песок, морозный ветер зарождался далеко в тундре, скользил с бугра на бугор, вороша сугробы, и с сатанинской яростью набрасывался на город. Сквозь слепящие крылья метели с трудом просматривались опущенные белым здания, машины с включенными фарами, случайные прохожие на улицах. Ветер сотрясал стены старых домов, тонко вызванивали заледенелые стекла; потом он стихал на минуту, собираясь с силами, и снова накатывался как прибой...

В один из таких дней длинный худой парень по фамилии Пушкин показывал свои документы в строительном управлении. Пожилой инспектор-кадровик, листая его справки и свидетельства, устало и беззлбно ворчал:

— Вот молодежь пошла! Ну не сидится ей на месте, что ты будешь делать! Все едут, едут. А зачем едут? — призывал он меня в свидетели. — Вот скажи мне, Пушкин, зачем тебе, вольному сыну степей, Салехард?

— Я в Надым хочу, — пробасил Пушкин и круто повернул головой, будто шею ему стягивал не свитер, а веревочная петля. — На комсомольскую стройку хочу.

— В Надым он хочет, видали! — торжествовал кадровик, поворачиваясь ко мне всем корпусом и разводя руками. — На ро-

мантику его потянуло, на запахи тайги. Признайся, ты романтик, да?

— Я слесарь, — обиделся парень, — я четвертый разряд имею.

— Четвертый разряд он, видите ли, имеет. Высокой, можно сказать, квалификации специалист, — не унимался инспектор. — А ты знаешь, приятель, что у меня с шестью разрядами люди в порядке очереди стоят? И все в Надыме хотят работать. Вот заявления, видишь? — он потряс в воздухе пачкой бумаг и положил их в стол. И уже спокойнее: — Поезжай-ка ты домой. Бери свои документы — и поезжай. Счастливого тебе пути, дорогой, и дальнейших творческих успехов. Привет хлеборобам! — и в знак того, что беседа окончена, кадровик протянул ему руку на прощание.

От рукопожатия Пушкин не отказался, однако от стола не отошел.

— Я в Надым хочу, — начал он по второму кругу. Но инспектор оборвал его с холодной вежливостью человека, которому мешают работать.

— Вот что я тебе скажу, Пушкин, — сказал он, медленно закипая. — Хороший ты человек, Пушкин, но у меня ставки такой нет... — И, обращаясь ко мне, шепотом: — В третий раз ходит! И что мне с ним делать?

В тот же вечер я встретил парня в гостинице «Ямал». Он где-то узнал, что я лечу в Надым, и пришел ко мне в номер, прижимая к груди розовый шмат сала, нашпигованный чесноком.

— Пробуйте, пожалуйста, — говорил он с радушием хлебо-сольной хозяйки. — Хорошее сало, домашнее. Сам разделявал. Иные хозяева лампой тушу опаливают, а я нет — я соломой. Ржаной дух с огнем тогда в самое нутро уходит, все поры пропитывает... У меня еще тушенка домашняя есть, замечательная тушенка, я вам скажу. — И он тут же исчез за дверью, появившись с запотевшей стеклянной банкой.

Я и мой сосед по номеру «пробовали», а Пушкин рассказывал:

— Я почему в Надым хочу? — глядел он на меня в упор, не мигая. — Я о Надыме еще с армии мечтал, всю литературу перечитал, какая есть. — Он вытащил из-за пазухи стопку газетных вырезок, при виде которых, я уверен, дрогнуло бы сердце любого журналиста. — Месторождения, каких поискать! Говорят, скоро пару сотен миллиардов кубиков дадут. Только, по-моему, эта цифра приблизительная, полностью все запасы еще не подсчитаны... Ой, да у меня ж еще ткемалевый сок есть!

После того как сок «Ткемали» в трехлитровой бутылки был торжественно водружен на столе, парень взял быка за рога.

— Вы в Надыме долго пробудете? — спросил он меня с пристрастием.

— Неделю, — сказал я, не очень понимая, к чему он клонит.

— Видите ли, — Пушкин снова крутанул головой, словно шею его стягивала веревка, — там есть комсомольско-молодежные управления. Замечательные люди работают. Так у меня просьба будет: оставьте в отделе кадров мои документы. Скажите, есть такой человек — Пушкин Лев Тихонович, сорок девятого года рождения, член ВЛКСМ, холост, Краснодарский край. Скажите, слесарь он, а также по монтажу электрооборудования специалист. Ну и всякие такие слова — вы же корреспондент.

Кусок свиной тушенки застрял у меня поперек горла.

— Это что же выходит? — показал я на остатки трапезы. — Ты мне сало, а я тебе документы?!

Лев обиделся и покраснел, опустив глаза. Сало было съедено, и я чувствовал себя не в своей тарелке.

— Документы я передам. Это мне ничего не стоит, — сказал я строго. — Только где ты набрался таких привычек?!

— А еще Пушкин называется, — весело отозвался мой сосед, прихлебывая «Ткемали». Ему-то вообще следовало бы помалкивать.

ЭКЗОТИКА. ДОСПИГ, КАВТ И ДРУГИЕ

Надым в двухстах километрах на восток от Салехарда. Сейчас он растет как на дрожжах и в скором времени обещает стать таким же городом, как Сургут или Нижневартовск на Оби. И «помогут» ему в этом Медвежье и Уренгой. Месторождения, каких поискать! (Здесь Лева Пушкин абсолютно прав.)

Запасы Медвежьего насчитывают полтора триллиона кубометров природного газа. Но это, утверждают ученые, далеко не полные сведения: буровики еще не сказали последнего слова. В нижних горизонтах открыта еще одна высокодебитная залежь, а самая низкая является перспективной на нефть.

Если раньше геологи полагали, что прежние прогнозы по запасам газа несколько завышены, то сейчас выясняется: они даже меньше того, что есть в глубине недр.

Конечно, эти прогнозы не претендуют на точность. В них, очевидно, слишком много эмоций. Но триллионы есть триллионы. Пока для них подыскивают народнохозяйственные мерки, они волнуют воображение. Однако и сейчас можно кое-что подсчитать: один триллион кубометров газа равен 300 тысячам эшелонов с каменным углем — это в два с лишним раза больше его годовой добычи в нашей стране...

Начало — детство всякого дела. Здесь, в ямальской тундре

и лесотундре, начало было за геофизиками. Когда они впервые вылетели на места предполагаемых месторождений, то застали природу в миг «сотворения мира» — твердь, не отделившаяся от хляби. Их встретили зыбкие торфяники, угнетенные елки на болоте, полное безлюдье. Это была почти не обжитая и недоступная по тем временам местность. Геофизикам и буровикам предоставили вертолеты, рации, вездеходы, весь комплекс современной таежной obsługi. Но иногда приходилось полагаться на собственные ноги, иногда бульдозер заменяла зычная команда «раз, два — взяли!», а обед — морошка или брусника... «Мы не болели ни малярией, ни дизентерией, — рассказывал мне как-то, усмехаясь, один из первооткрывателей северного газа, — зато укусы энцефалитного клеща мог навсегда излечить от насморка. В морозы земля на сажене трескалась, но это все ерунда. Гораздо хуже было летом, когда вскрывались болота и голодное комарье набрасывалось на людей с жадностью питонов. Под ногами плыла земля — собственно, даже не земля, а крохотный пятачок суши, — и с каждым новым шагом мы могли оставить по себе вечную память».

Теперь эти трудности позади. Медвежье действует! Первая нитка газопровода прошибла таежные болота и пади, пришла на Урал и в социалистические страны. Пора эмоционального шока, сопровождавшая «открытие века», давно миновала, восторги улеглись, и теперь люди заглядывают в недра земли так, будто открывают дверь рабочей комнаты. «План», «дебит», «эффективность», «комплексность» — вот о чем говорят в Надыме, говорят как о первоочередном деле, которое нужно просто делать, быстро, методично и упорно.

Надым — штаб огромной стройки. Деньги здесь меряют миллионами, трубопроводы — тысячами километров. Стройка уникальна не только масштабами, но и уровнем технико-экономических решений. Все здесь необычно, все требует оригинальных подходов, изобретений, новейшего оборудования.

Надым весь в движении, в спешке неотложных дел. Он весь опутан автодорогами и трубопроводами, обагрён кострами и вспышками электросварки, озвучен тракторами и вертолетами, телефонными звонками, спорами до хрипоты и радиотрансляцией. И мне кажется, если в один прекрасный день город вдруг снимется с места и всем табором откочует куда-нибудь, этому мало кто удивится. Здесь каждый день перемены и каждый день новоселья.

Среди грохота стройки и людского многоголосья, пожалуй, одни лишь надымские псы проводят жизнь в праздности и лени. К местным жителям они привыкли, а новичков обхаживают.

С древним безучастием, как неживые, собаки трусили следом за мной по улицам города, и люди смотрели на нас с веселым снисхождением. Псы были толстые, лохматые и нелюбопытные. Они не лаяли, не ластились к ногам, не просили по-

дачки и бежали, видимо, чтобы как-то убить время. Из собачьих ноздрей вырывался теплый парной туман. Он смерзлся в сосульки, и они звенели, как бубенцы...

Псы мне порядком надоели, я припустил бегом. Вот уже центр города показался, и горком партии, и конторы трестов, а собаки и не думали сворачивать. Спасибо мальчишке — выручил! Он шел мне навстречу, перекатываясь с боку на бок, и был похож на добротню упакованный тюк, из которого выглядывали одни глаза, и хотелось привесить к нему табличку «Не кантовать!». Наверное, он показался более интересным спутником, чем я, и вся собачья компания повернула за ним следом.

...В пустой комнате треста «Севергазстрой» секретарь горкома комсомола Сергей Яковлев говорил с кем-то по телефону:

— Это ДОСПИГ? Яковлев говорит... У вас случайно нет машины — в Медвежье нужно съездить?

— Откуда у нас машина?! — кричал ДОСПИГ, словно сидел в соседней комнате. — Мы сами на голодном пайке. Трясите СУПТР или ГПУ, у них всегда что-нибудь найдется...

СУПТР ничего конкретного не обещал, зато прозрачно намекнул, что свободный транспорт есть у КАВТа.

— Это КАВТ? — устало вопрошал секретарь горкома. — У вас машина...

— ...есть, есть, — бодро закончил за него неведомый КАВТ. — Приходите завтра в восемь утра.

Мы с Сережей облегченно вздохнули. Дело в том, что он собрался в Медвежье проводить там комсомольское собрание; мне же хотелось увидеть трассу и газопромыслы. Так мы оказались попутчиками. Что же касается необычных для свежего уха аббревиатур, то здесь, как выяснилось, ничего необычного нет: ДОСПИГ — это дирекция строящихся промыслов и газопроводов, ГПУ — газопромысловое управление, СУПТР — специализированное управление подводно-технических работ, а КАВТ — контора автомобильного и водного транспорта.

В Надыме более 90 различных организаций. Надо же их как-то называть!

ТРАССА. БЕЛЫЕ КИЛОМЕТРЫ ТУНДРЫ

В Медвежье мы выехали затемно. Мотор нашего «Урала» гудел упруго и бесшабашно. Автомобильные фары высвечивали ровную, искрящуюся инеем дорогу, можно сказать, автостраду, потому что скорость была на все сто, а потом фары запрыгали, засуетились, обнажая выбоины и чахлое редколесье, и мы стали приваливаться друг к другу плечами. Эта дорога и вела на Медвежье.

Вскоре мы въехали в захлавленную тайгу, а точнее — в лесотундру, и перед нами, едва видимый в слабых пятнах расцвета, обозначился коридор трассовой просеки. Он был унылый и какой-то неприглядный. Наверное, здесь когда-то бушевал лесной пожар; одно дерево, обгорелое, клонилось к другому, другое к третьему, и все это снизу обрастало густым мхом. Если бы не молоденькие березки, старающиеся заслонить собой следы пожара, не на чем было бы остановить глаз...

Из-за горизонта тяжело и мутно выкатилось солнце. Оно застряло на острых пиках лиственниц, и вся дорога, снега вокруг дороги задымились в неверном желтом свете. Стволы деревьев излучали чистое багровое сияние. Радужные блики запрыгали по кабине. И мы все разом повеселели, почувствовав, как вливается в нас горячая радость утра.

Мне вспомнились слова одного бывшего путешественника: здесь, у Полярного круга, люди живут иначе, чем в южных краях. Они подолгу работают, не обращая внимания на погоду — дождь ли это, мороз, и вдруг погода эта милостиво улыбнется, и тогда все бросают работу, радуясь нечаянному теплу. Изредка видя солнце, северный человек находит в его скупых улыбках больше радости, чем южанин в палящем зное...

И сразу же пошли разговоры.

— Во-он ложбинка, видите? — не отрывая глаз от дороги, говорил Николай Будников, наш водитель. Его взгляд упирался в размытое солнцем пространство с чахлыми елочками. — Год назад «позагорать» здесь пришлось. Шина, понимаешь, лопнула, а тут пурга с морозом. Во как!

У Николая медленная речь, жесты, походка. Он один из тех немногих людей, которые никуда и никогда не спешат, больше отмалчиваются, работают основательно, на совесть: ведь на скорую руку да на громкий голос северную природу не возьмешь, не осилишь. Но сейчас, рассказывая о том, как он «загорал», Николай от волнения захлебывался словами и у него осел голос.

— Понимаешь, сам во всем виноват. Понадеялся, что без запасного колеса трассу пройду, и не смонтировал вовремя... Вышел я из кабины, а меня уж всего облепило. Полез в кузов доставать камеру и шину, а они тверже камня. Мороз-то — более сорока. Ну дела, думаю, теперь всю ночь проканителишься. Пока хворосту найду, пока костер разожгу, пока камеру согрею. А попробуй разожги, когда тебя с ног валит! Ветер-то оглашенный...

— Для чего тебе костер-то был нужен? — перебил его Сережа. — Мог бы и паяльной лампой согреть...

— Правильно, — согласился Николай. — Я так и делал. Паяльной лампой камеру отеплял, а костром — спину.

— Бензином пользовался, — деловито определил Сергей.

— А как же? — с удовольствием согласился шофер — Без бензина пропал бы Плеснешь на дрова — и порядок. Но камеру-то я отоплил, а дальше что? Дальше надуть надо колесо-то да три десятка гаек наворачивать. Все пальцы поморозил, во как! — он показал свою разлапистую ладонь, кончики пальцев были кое-где серыми и бугристыми — Все сделал, колесо поставил, за руль уселся. А ехать то куда? А ехать-то и некуда! Вся дорога — сплошной сугроб. Во как!

— Что ж ты делал?

— Читать-то, понимаешь, нечего было, так я книжки вспоминал. А чуть дремать начну — песни ору.

— И долго так? — спросил я, не очень хорошо представляя, как это можно петь посреди тундры и пурги.

— Да часов десять, пока ветер не стих, — охотно объяснил Будников. — А утром, гляжу, вертолет ко мне спускается. Я уж глазами своими едва ворочаю, вот-вот усну. Так меня и подобрали, полусонного. Поел — помню, вертолетчики мне говядины тушеной дали — и снова на боковую. А они смеются: «Для чего мы тебя, спрашивается, искали? Чтоб сон твой охранять?»

Дорога была чистой и накатанной до блеска, как крахмальная скатерть, но каждую минуту напоминала, что особенно расслабляться нельзя. Мы догнали колонну грузовиков с прицепами, и нас захлестнул могучий прибой автотрассы. Мы мчались в седых бурунах снега, в сплошном молочном тумане. Николай пытался выскочить из этого вихря, но вовремя понял, что выхода из толкучки нет. Наш «Урал» покорно отдался своей судьбе. К несчастью, дорога стала узкой, неровной, и скорость автопотока резко упала. Мы тащились в хвосте МАЗа с прицепом в добрых полквартала, а сзади нас подпирал звероподобный «Ураган», груженный буровым оборудованием.

Но вот колонна грузовиков и трубовозов остановилась, образовался небольшой зазор между впереди идущей машиной и обочиной дороги, и Будников ловко проскочил в него, помахав на прощание знакомому шоферу. Снова открылся простор трассы, увеличилась скорость.

— Через три месяца этой дороги не будет, — сказал водитель повеселевшим голосом. — И вообще на Медвежье дороги нет. Только вертолет. То, что вы сейчас видите, подарок зимы! В декабре мы эту трассу тракторами утюжили. Болота спрессовались, смерзлись, а чуть в сторону... — и в подтверждение своих слов он показал на глубокий след колеса, под которым застыла ржавая жижа. — Товарищ мой, Миша Волков, «загорал». Три часа стоял, пока его трактор не вытащил. Во как!

Это вечная мерзлота, и шутки с ней плохи. За вторжение человека в ее владения она мстит термокарстовыми «взрывами». Проехав дважды по одному и тому же месту, в особенно-

сти летом, вездеход или трактор уничтожает моховой покров и обнажает мерзлоту. Грунт протаивает на большую глубину, ледяные жилы превращаются в провальные воронки, их заполняет вода. На месте временной дороги образуется эрозионная полоса, и ширина ее может достичь нескольких десятков метров. Строителям приходится менять трассу, переносить ее в сторону. Но это, конечно, не выход. Ученые-мерзлотоведы считают, что грунтовые дороги лишены здесь всех прав и думать нужно прежде всего над тем, чтобы создавать дороги насыпные или разборные — из железобетонных плит. Обязательное условие при этом: уважать вечную мерзлоту, сохранять моховой покров. Иначе тундра «заболеет оспой» — покроется термокарстовыми озерами и канавами.

...В половине второго зашло солнце. Сумерки, точно привидения, подкрались из таежных падей, и Николай включил верхнюю фару. Пучок света прошел дорожную мглу, и впереди тонкой пунктирной линией обозначилось какое-то селение. Разбросанные вдоль трассы дома, казалось, сдались на милость снегам и стуже, стояли печальные, задавленные стылым саваном неба, и только комья куропаток белели на фоне черных обвалившихся труб...

Лес постепенно лысел, становился мельче, сиротливее. Будников прибавил газу, и перед нами распахнулось залитое электричеством пространство, открывались штабеля труб, сложенных друг на друга, как гигантские соты, трубовозов, трубоукладчиков. У горизонта вспыхнул факел газосборного пункта, заплясала далекая цепочка огней жилого поселка. И по этим приметам мы догадались, что подъезжаем к месторождению Медвежье...

Мы ехали по дороге, которая через три месяца уйдет в землю. На смену ей из Надыма протянут железную. Из гигантских сот «сложат» вторую и третью нитки газопровода, которые придут в крупнейшие промышленные центры СССР, а также за рубеж. Как полагают специалисты, из тюменских недр можно будет получать газа столько, сколько дает его ныне вся страна в целом.

СОВЕЩАНИЕ. УПРЯМЫЙ ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ

Не в обиду будет сказано, в Надыме предсказателей хватает. (Прогнозирование — наука столь древняя, что Данте специально для прорицателей открыл четвертый круг ада, и, как утверждают, там было тесновато.) Шум стройки у 66-й параллели разбудил не только тундру, он растревожил воображение людей, подчас не имеющих прямого отношения к месторождениям газа. Каждый житель города — будь то буровик или строитель, промысловик или шофер, стар и млад — пытается заглянуть в грядущее своего края и представить: а что

будет через год... через пять лет... через десять? Но каждого прежде всего волнует судьба самого Надыма.

Года три назад о маленьком поселке в «бескомфортной зоне» говорилось очень много и обязательно в превосходной степени. «Он взметнет свои пяти- и девятиэтажные корпуса жилых домов, — писала местная газета. — Это будет современный город: с асфальтом и зелеными скверами, с плавательным бассейном и стадионом. К услугам людей будет все: удобные, благоустроенные квартиры, кафе, школы, детские учреждения, больницы, кинотеатры».

В газетной фантазии автора не было ничего безрассудного. Будущее Надыма начинает постепенно сбываться, обретает зримые формы.

...В кабинете первого секретаря горкома партии шло совещание руководителей трестов и ведомств. На стене висела карта: «г. Надым. Проект детальной планировки. Эскиз застройки», выполненная в Ленинградском зональном научно-исследовательском институте экспериментального проектирования. И каждый из присутствующих мог увидеть свое будущее воочию и даже высказать собственное мнение.

Кое-что в этом будущем успело устареть — несколько пятиэтажных домов, предусмотренных проектом, уже построены, кое-что нуждалось в доработке, требовало уточнений. Но главное — это был город. Город с 30-тысячным населением, которому суждено утвердить себя в ямальской тундре. Он разбежался стройными замкнутыми кварталами жилых зданий. Дома, сомкнув каменные плечи, защищались от сильных ветров и снежных заносов. Внутри этих кварталов размещались школы, детские сады, спортивные площадки. Пурга как бы оставалась снаружи. В каждом жилом комплексе — своя сфера быта. В каждой квартире — просторные комнаты с высокими потолками, искусственная подсветка, нарядная отделка... Это был Надым, способный удовлетворить не только утилитарные бытовые нужды, но и, если хотите, осветлять дух человека, приобщать его к возвышенной гармонии зодчества.

Так было на макете, так говорил на совещании главный архитектор генплана города Э. С. Кунцман.

Но проект уже вышел из мастерской и теперь во многом не зависит от воли его создателей. Эскизы застройки вовлечены в орбиту строительной индустрии. Проект «одевается» в стекло и бетон, «озвучивается» грохотом механизмов и командами прорабов. И здесь порой случаются досадные перекосы, помарки, несуразности. Хрупкое детище зодчих, попав на стройплощадку, теряет свежесть оригинала.

Причин тому много. Прежде всего отдаленность Надыма от промышленных баз, дороговизна перевозки железобетонных конструкций, капризный, изменчивый климат, малокачествен-

ный бетон, нехватка квалифицированных кадров и, наконец, странное поведение мерзлых песков, залегающих под фундаментами. Некоторые руководители называли в «качестве причины» и некоего Васильева Ивана Васильевича: он-де необоснованно вмешивается в ход строительства, и отменяет приказы вышестоящего начальства, и устраивает ненужные дебаты вместо работы, и вообще всячески вредит общему делу. «А на днях, — жаловался представитель одного из ведомств, — он отказался подписать акт о сдаче в эксплуатацию жилого корпуса. Представляете?!»

В Надыме о Васильеве ходят самые разноречивые толки — «неуживчив», «ортодоксален», «упрям»; и — «молодчага», «ему палец в рот не клади», «Васильев знает, что делает». Можно сказать, весь город поделился на две партии: одни «носятся с этим Васильевым как с писаной торбой», другие его выносить не могут. Самого Ивана Васильевича я еще не видел, но вот что успел узнать. С самого начала стройки ЛенЗНИИЭП послал сюда своих представителей, наделенных правами противостать возможным искажениям проекта. Группа ленинградских проектировщиков, и Васильев в их числе, выехали в Надым на постоянное жительство и вот уже второй год осуществляют здесь авторский надзор.

Грозный Иван Васильевич оказался скромным молодым человеком в очках, с растерянным выражением лица. Ему, наверное, впервые предстояло выступать перед таким количеством оппонентов. Сидевший рядом со мной руководитель треста, впервые увидев всесильный «надзор», изумленно воскликнул:

— Такой молодой и уже Васильев?!

Некоторые из присутствующих рассмеялись, другие насупились, устремив на Васильева глаза, напоминающие спаренный пулемет.

— Один мудрец сказал: «Сначала мы создаем облик наших зданий, а потом они создают наш облик». Запомните эти слова, товарищи! — начал Иван Васильевич, обретая уверенность в голосе. — Давайте сначала решим: что мы строим — город или временное поселение? («Разумеется, город, — раздались голоса. — Что за разговоры?») Город — согласен. Но тогда он обязан стоять не одну и не две человеческие жизни. И жить в нем должны не временные постояльцы, а коренные надымчане.

Как мы строим подчас? Сегодня мы засучим рукава, поднажмем, сделаем, подпишем акт, а завтра будем расхлебывать — ремонтировать, подновлять, переделывать...

Совещание загудело: «Факты, факты!» Васильев поднял руку, успокаивая возмущенных.

— Возьмем, к примеру, пескобетон. Это же обыкновенный раствор. Он растрескивается на морозе. А автоклавный бетон мы почему-то не применяем. Почему? — Его слова остались без ответа. — Ладно, идем дальше. Сваи! Их нагрузка

рассчитана на десять тонн, тогда как надо двадцать пять. тридцать. Это требования ученых-мерзлотоведов, но мы эти требования не выполняем... Так, идем дальше. О свойствах надымских песков вы, надеюсь, знаете? Известно ли вам, что под фундаментами некоторых зданий встречаются мелкие пылеватые сыпуны? Вы учитываете осадку зданий на оттаивание мерзлоты?

Представители трестов молча разглядывали свои ногти.

— Да, я «вредный» человек, — Васильев победно улыбнулся, — но свой «вред» я хочу обратить на благо. Для вас же самих, товарищи, для будущего Надыма. Если нам дорого именно дело!

ДОСУГ. ХУДИ И ХУНЗИ

Что такое балки? — спросит непосвященный человек. Очень просто: несколько теплофицированных вагончиков (без колес, конечно), расставленных прямоугольником и подведенных под общую коммунальную крышу. В каждом вагончике — две крохотные комнатки, а лучше сказать — два купе; между ними общая кухня с газовой плитой и раковиной — все честь честью. Четыре с половиной тысячи холостяков, проживающих в Надыме, вполне довольствуются своим жильем, хотя не могу утверждать столь категорично: за то время, что печатается очерк, цифра могла сократиться. Как, впрочем, и число холостяков.

Мне, честно говоря, балки понравились. Открываешь дверь с улицы — и сразу попадаешь в необъятных размеров прихожую. Она же вестибюль, гостиная, коридор и сени. Это кому как нравится. Можно устраивать танцы, крутить кино, справлять свадьбу или гонять футбол.

В балке № 96 хант Виктор Хунзи предложил мне сразиться в пинг-понг. За свои двадцать три года он успел, кажется, сменить профессии рыбака, плотника, лесоруба, котельщика; но, став сварщиком, успокоился.

Хунзи — парень непростой, с норовом. К нему подход нужен. Знаменитый в Тюменщине бригадир сварщиков Анатолий Шевкопляс рассказывал мне в Медвежьем, что буквально накануне Хунзи самовольно ушел с работы, нагрубил главному инженеру — и все из-за того, что тот снял его с объекта и поставил остеклять окна. «Подвел меня Витя, шибко подвел, — сокрушался Шевкопляс. — А так он мужик ничего, очень даже ничего. Перемелется — мука будет».

В первой же партии Хунзи разделал меня под орех, с гордым вызовом сказал:

— А я думал, москвичи лучше играют.

Я обиделся за «москвичей» и предложил реванш. Невозмутимый ненец Валера Худи, судивший нашу встречу, шепнул мне:

— Сейчас хвастаться начнет.

Мы поменялись местами, и Хунзи обрушил на меня серию своих коронных ударов с подсечкой.

— Вообще-то школа у вас есть, чувствуется кое-что, — похваливал он меня в перерыве между ударами. — Но... — он снова применил свою подсечку, — реванш не состоится.

— Хунзи у нас чемпион, — сказал Худи и подмигнул мне.

— Чемпион не чемпион, — заулыбался Виктор, — но кое-что умеем. — И без всякого перехода: — Хоть вы и журналист, а ведь наверняка не знаете, кто первый сварщик среди народности ханты?

Выдержанный человек Валера Худи, но и он зашелся в хохоте. А я сказал, пряча улыбку:

— Знаю, Витя, знаю...

— Откуда ж вы знаете?

— От людей.

— А что еще говорят?

— Всякое...

— Но все-таки?

— Больше хорошего.

— Например?

— Второе место по лыжам занял. Английский язык изучаешь.

— Бросил, — помрачнел Хунзи.

— Напрасно, — пожурил я.

— Некогда стало. На Медвежье перевели...

Худи и Хунзи — друзья-приятели и оба первые сварщики: Валерий — среди ненцев, Виктор — среди хантов.

Однажды к Худи обратились из краеведческого музея Ямало-Ненецкого национального округа, просили для экспозиции его защитную маску и спецодежду. Худи отказал: «Самому нужно». Год назад вместе со своим бригадиром он удостоился награды: бригадир получил орден, Валера — медаль «За трудовое отличие». Другой бы на его месте обрадовался, а Худи запереживал. Он пришел в балок и сказал: «Возьмите медаль, ребята. В тресте что-то напутали, я ее не заслужил. Когда лучше буду работать, возьму обратно...»

Вскоре вокруг нас образовалась шумная компания: Сережа Яковлев, инженер, и самодельный композитор Виктор Капустин, фотограф «Комсомольского прожектора» Надя Шумская, другие знакомые и незнакомые мне люди. Капустин взял гитару, Надя поставила на огонь чайник, Худи побежал в магазин, Сережа открывал банки с консервированным компотом, а Хунзи жаловался ему на несправедливость судьбы и ругал начальство. В балок вбежала чья-то собака, она уселась у горячей батареи и стала с наслаждением вылизывать заднюю ногу, словно играла на виолончели. Каждому нашлось дело.

В этот вечер ребята не сказали ничего значительного, они

больше шутили, пели, пили чай и компот, курили, рассказывали разные истории, и их разговоры были так же просты и бесхитростны, как сигареты «Е2-Е4» — гордость надымского ора. Но если бы они замолчали, то этим своим молчанием они сказали бы друг другу больше, чем если бы высказались вслух. Да и что тут говорить, когда сообща построено столько домов и дорог и в каждом доме, в каждом километре трассы оставлена часть себя, маленькая часть жизни. Истинные слова негромки, истинные поступки немногословны. Главное, наверное, заключалось в улыбках, в подкупающем радушии Сережи, Худи и Хунзи, в том, что сегодня прожит трудный, хлопотный день и он, слава богу, подходит к концу; и что завтра можно выпасться, сходить в кино, в библиотеку или на охоту; и что впереди еще столько всяких дел и нужно успеть их осуществить...

В Салехардском аэропорту, ожидая рейса на Москву, я случайно встретил Леву Пушкина. Он выгружал из вертолета какие-то мешки с пломбами и делал это без всякого удовольствия. Глаза его потускнели, щеки провалились...

Я подошел к нему.

— Вот, — сказал Лева обреченно, — на временную работу оформился.

— Ну и как?

— А-а-а!.. — он махнул рукой и отвернулся.

— Я тебе тут письмо написал, — сказал я, чтобы как-то ободрить его. — Сегодня опустил. — Но он даже не пошевелился. — Я кое-что узнал в Надыме. — Лева наострил уши. — В стройуправлении есть одна вакансия. Я договорился: тебе пришлют вызов.

И тут же попал в могучие объятия.

СОТВОРЕНИЕ МИРА

ЗА СИНИМ КАМНЕМ

Есть люди, чья судьба невольно вызывает восхищение и добрую зависть. Эти люди — искатели, первооткрыватели, всей жизнью которых движет желание послужить своей Родине на самых трудных дорогах. Эти люди — романтики в самом высоком смысле этого слова. Таким был Павел Николаевич Лукницкий — неутомимый путешественник, поэт, прозаик и драматург.

Биография П. Н. Лукницкого настолько необычна, настолько богата, что сама по себе может служить темой для большой и увлекательной книги. Он всегда был там, где трудно. Доброволец в гражданской войне, доброволец в борьбе с басмачами и, наконец, доброволец в Великой Отечественной войне.

Павла Николаевича всегда влекли неисследованные дали: ему хотелось, чтобы на карте Родины не было «белых пятен». И вот вместе с ныне известными учеными Юдиным и Хабаковым он отправляется на никем не изученный высокогорный Памир. В поисках «синего камня» — лазурита — пешком и верхом, один и с товарищами он прошел более 10 тысяч километров, ими было открыто 12 пиков, один из которых — высочайший — по его предложению назван именем Владимира Маяковского.

Но самым замечательным открытием первопроходцев было одно из крупнейших в мире месторождений лазурита — «синего камня».

Смерть подстерегала первооткрывателей повсюду: на неизведанных горных тропах, перевалах, ледниках. К тому же на Памире в то время действовали банды басмачей, пытаясь задушить молодую Советскую власть. Но чувство страха было чуждо Павлу Николаевичу.

После Памира он отправляется в составе экспедиции академика Ферсмана исследовать еще одно «белое пятно» — Мончегорскую тундру. Можно было бы перечислить еще много маршрутов первопроходца П. Н. Лукницкого... Ниже публикуемый отрывок — рассказ Павла Лукницкого о прошлом и настоящем Советской Средней Азии.

Подготовила к печати В. К. Лукницкая.

Аль-Бируни, великий ученый арабского древнего мира, в своем труде «Книга достопамятностей, оставшихся от минувших веков» сообщает: «Вахш есть имя духа, коему предоставлена власть над водяными, в особенности реки Джейхуна» (то есть Амударья, которую составляют две вырвавшиеся из горных теснин реки — Вахш и Пяндж).

В периоды засух, стремясь умиловить этого грозного духа, древние согдийцы, а впоследствии горные таджики по наущению мулл приносили в жертву Вахшу не только животных, но и людей. Об этом свидетельствуют этнографы. Покорить реку Вахш геологи и энергетики еще в начале века считали немислимым.

Вздыбленные горообразовательными процессами сиреневые, серые, темно-фиолетово-красные, гладкие или клочковатые пласты мезозойско-третичных отложений торчат, словно невообразимо гигантские — чуть не в километр! — крылья фантастических ракетопланов. Впечатление такое, будто все они сразу кинулись рядами в крутое пике на нашу планету Земля.

Так выглядят горы здесь, возле Нурекского ущелья Вахша. Выше Нурека Вахшу за десятки тысяч лет титанической работы удалось пробить себе в скалистом массиве только узкую — десятка в два метров, — хоть и высокую, щель. Реке было тесно. Вспрыгивая на крутые плоскости неодолимых скал и скатываясь обратно, бешеный Вахш прерывистым круговращением струй высверлил в скалах тысячи дырок — малых и больших котлов вымывания. Стены ущелья превратились в нагромождение, схожее не то с норами птеродактилей, не то с окаменелыми кучами пустых черепов огромных доисторических земноводных чудищ.

И однако, чтобы сомкнуть эти дыры, чтобы расширить щель, неистовому Вахшу понадобился бы еще с десяток тысяч годков...

Советский человек оказался сильнее Вахша. Пронизав шурфами нависший над рекой монолитный склон, заложив в них множество тонн взрывчатки, строители Нурекской ГЭС мгновенно подняли в воздух 200 тысяч тонн скалистой породы. Узкая щель, и все накопленные рекой котлы вымывания навеки исчезли под гигантской грудой раздробленных, обрушенных на ядро новорожденной плотины скал. А шапка взрыва, затмив

солнце, долго раскачивалась в вышине над гребнями горных склонов.

Еще сотни лет назад, воспользовавшись беспомощностью, казалось бы, всеильной реки, древние таджики соединили свою перерезанную надвое Вахшем страну зыбким бревенчатым висячим мостиком Пуль-и-Сангином, перекинутым через узкую щель. На сотни километров по обе стороны от него не было до последних лет других переправ.

Рядом с мостиком в глинобитном домишке жил эмирский чиновник, взимавший с путников дань — с каждой головы человека, лошади, коровы, осла и овцы. В год наскрѣбывал он таким образом до 8—10 тысяч рублей для своего бека.

Народный хафиз Бобо-Юнус, как и все бедняки, ходил из Бальджуана на заработки в кишлак Душанбе. Там услаждал он слух людей своими «гариби» — чужбинными песнями. Возвращаясь же через этот мост, лишался здесь половины своего заработка; затем за дерзкое слово был отведен в бальджуанскую крепость и там бит — получил от бека пятьдесят палок. Бобо-Юнус дожил до 1945 года, и ему было что рассказать в своих песнях комсомольцам таджикской столицы.

Конечно, именно здесь, возле стратегически важного мостика, разрушаемого и восстанавливаемого жителями Нурека, не раз происходили бои. Здесь дал успешный отпор карателям маслобойщик Восэ. В 1885 году он поднял народное восстание, взял штурмом Ховалинг и Бальджуанскую крепость, но вскоре был схвачен предателем, отвезен в Бухару и там казнен.

Но с этого года в Ховалинге, Бальджуане, Кулябе стихийно возникали восстания — во славу и в память Восэ.

А когда вспыхнувшая в России Октябрьская революция подняла знамя Ленина и в Туркестане, когда в сентябре 1920 года рухнул в Бухаре эмирский трон, а сам эмир Саид Алим-хан, отступая сначала в Душанбе, а через пять месяцев дальше на юг, за Вахш, двинул в контрреволюционное кровавое действие армию вооруженных британскими империалистами богачей, мракобесов, фанатиков — у Нурекского моста бои разыгрались вновь. Именно через этот мост, восстановив его под огнем, 1-й красноармейский кавполк прорвался на выручку к осажденному гарнизону Куляба. Именно здесь, в нескольких часах верхового пути от моста, 4 августа 1922 года в бальджуанском кишлаке Дагана конниками 8-й кавбригады — сводного эскадрона Ивана Савко пулеметным огнем был убит возглавивший басмачество турецкий панисламист Энвер-паша, а с ним его помощник Давляман-бий. На пути к этому мосту, на перевале Зердоло, между Душанбе и Нуреком 3 июля 1922 года повстречался с красными конниками главарь локайских басмачей Ибрагим-бек, отступавший из Колташа — места, где он

родился и формировал свою банду. В бою с Алайским и Гиссарским полками Красной Армии он потерял тысячу триста своих приспешников, а сам бежал на Яван с сотней басмачей из своего племени.

Борьба с бандами эмира, Энвера-паши, Ибрагим-бека и других главарей длилась шесть лет. 1 июля 1926 года, преследуемый красноармейцами 8-й кавалерийской бригады, Ибрагим-бек с последними оставшимися у него четырьмя джигитами возле кишлака Беш-Капа переправился через Пяндж и бежал за границу. В апреле 1931 года Ибрагим-бек с двухтысячной бандой головорезов вторгся в пределы Таджикистана. Но дехкане повсеместно объединились в отряды и вместе с частями Красной Армии перебили его лютую банду. С двумя своими подручными Ибрагим-бек летом того же года на переправе через реку Кафириниган был схвачен колхозником Мукумом Султановым и передан командиру красноармейского отряда. Басмачество кончилось навсегда.

В 1960 году, в туго сжимающих Вахш диких горах Сарсарияк и Каратау (бывшее прибежище ибрагим-бековской банды) началось грандиозное строительство Байпазинского гидроузла и семикилометрового — под горным хребтом — туннеля-водовода к сухой Яванской долине. Об этом строительстве, преобразовавшем Яван, нужно рассказывать особо...

А ныне «Каменный», точнее «Скальный», мостик через Вахш Пуль-и-Сангин просуществовал очень недолго. Мост Пуль-и-Сангин погребен теперь навсегда вместе с легендарной скалистой цепью, под основанием исполинской каменно-набросной плотины; высота ее ко дню пуска первой турбины Нурекской ГЭС достигла 140 метров (а это равно высоте Асуана!) и ныне ежедневно растет, пока не достигнет проектных трехсот. Толща этой плотины, считая по протяжению ущелья, почти полтора километра... Такой плотины еще никто, нигде и никогда в мире не строил!

В течение сотен лет Пуль-и-Сангинский мост представлялся местным жителям наивысшим строительным достижением. Его можно было бы заменить разве что железным. В самом деле, что еще человеческие руки могли бы тогда сотворить здесь? В тесноте сухих, раскаленных яростным летним солнцем вековых скал (куда и овцу не всюду по козым тропам протасишь) у путников что ни день срывались в пропасть даже вьючные ишаки!

15 ноября 1972 года обо всем этом я думал, в день торжественного события — пуска первого агрегата крупнейшей в Средней Азии Нурекской ГЭС. Среди тех, кто стоял на трибуне почетных гостей и строителей, я видел многих прославленных отличным трудом людей. Например, бригадира комсомольско-молодежного экипажа Файзулло Ашуралиева, в тот

день награжденного знаком «Трудовая доблесть» ЦК ВЛКСМ; или Муххабата Шарифова, депутата Верховного Совета Таджикской ССР, чья поистине интернациональная бригада (в ней рабочие 18 национальностей) заложила первый бетон в здании ГЭС.

Многие из передовиков стройки прежде в окрестных горных селениях занимались животноводством, садоводством, возделывали табак, сеяли на богаре пшеницу. Когда началась стройка, они пришли в Нурек, стали механиками, бульдозеристами, крановщиками, бурильщиками. Таков бывший чабан Абдулла Саидов: пришел на стройку, устроился сторожем; затем, обученный экскаваторщиком Самойловым, стал и сам превосходным специалистом.

И конечно, особенно хотелось бы мне сказать доброе слово о человеке, пользующемся в Нуреке не только большим авторитетом, но и любовью строителей. Уж таковы его трудовые и личные качества: быть с рабочими стройки всегда и везде, где нужны справедливое слово, дельный совет и принципиальное решение. Этот человек — горьковчанин, в прошлом кузнец, а теперь на строительстве — первый секретарь Нурекского горкома партии. Рабочие здесь говорят о нем: «Павел Иванович Горбачев — душа стройки!»

А сколько добрых слов следовало бы сказать о десятках командиров производства — русских, украинцах, узбеках, таджиках, о людях из других республик.

Но из тех, кто стоял на трибуне в день пуска первого агрегата, особенно привлек мое внимание пожилой человек в чалме. На его пиджаке поблескивали орден Отечественной войны и боевые медали. Он с явным удовольствием глядел на многотысячную толпу, заполнившую строительную площадку и выступы скал, на детей, на оркестр, на сотни машин, видневшихся под утесами вдали, и на водохранилище, уходящее за поворот ущелья...

Окладистая седая борода, ясные молодые глаза, светившиеся добротой и счастьем, привлекали к нему внимание. Он молчаливо, с жадностью вслушивался в каждое произносимое с трибуны слово. Этого человека нельзя было выпустить из поля внимания. «Скажите, рафик, кто вы?» Он ответил охотно.

Мы разговорились, и я узнал, что он коренной житель Ну́река, некогда глухого кишлака с двумя десятками глинобитных кибиток и с одним только деревом — маленьким гранатовым деревом, от которого, наверно, и пошло название «Норақ», по-русски — «гранатик», превратившееся позже в «Нурек».

На следующий день мы встретились с почтенным Махмадулло Рахимовым, так звали моего нового знакомого, в его госте-

примном доме, в Туткауле. Этот новый поселок Туткаул, что вырос ниже плотины рядом с превратившимся в город Нурек-ком, ничуть не похож на неказистый прежний кишлак Туткаул. Кишлак остался на дне Нурекского моря. Привез меня к Махмадулло его сын, водитель «Волги», проехав по новому, с крутой железной фермой мосту, что перекинут через Вахш ниже Нурека.

Рахимов пригласил гостя на разостланные одеяла к обильному достархану. Оба — и сын и отец — хорошо говорят по-русски. Началась многочасовая беседа, добрая, дружеская. За окном в саду и на веранде щебетали, резвились дети, хлопотали женщины в национальных платьях, большая семья была в сборе.

— Как же получилось, что юношей, в двадцать пятом году в диких горах, где свирепствовало басмачество, вы организовали ячейку комсомола?

— Сначала, — начал он, — о том, что запомнилось с самого детства, когда мне было семь-восемь лет... То были страшные годы, с девятьсот четырнадцатого по шестнадцатый. У нас не выпало ни капли дождя. Каждый день умирали от голода два-три человека. Под нами шумел Вахш, но, чтобы спуститься к нему по скалам, а потом подняться с кувшином, надо было силу иметь в руках и ногах на полдня. Меня мать посылала. Я был маленький, лазал, как ящерица, напрямик, не по тропинкам лазал...

Был день, я сидел у воды с кувшином, отдыхал от горячих камней, пальцам дал отдых от острых скал... К воде пришла женщина с грудной дочкой на руках и сына привела, слабенького, лет четырех. Я узнал ее, имя забыл, а помню: от голода она ушла из своего сухого кишлака Шалипоя (где наше море сейчас), пришла в Туткаул поработать: у нас тутовые деревья росли, можно было немного кормиться ягодами...

Женщина склонилась, держа ребенка под локтем, другой ладонью черпает воду, обмывает девочке личико и ручки. Обмыла, поцеловала, прижала к груди и... бросила в Вахш. Малютка закричала, закрутилась и утонула. А мальчик заплакал: «Мадар, мама, зачем ты ее в воду бросила?» Но мать и его обмыла, поцеловала и бросила в бешеную реку. Утонул сразу.

Когда женщина пошла наверх, я за нею с кувшином поднялся. Подошла она к дому, упала и умерла...

Почему я об этом говорю? Потому что всю жизнь болит душа, как только вспомню. Маленький был, а думал: неужели никому до такого ужаса дела нет? Никто не поможет голодным людям? Может быть, эту женщину мулла уговорил принести себя с детьми в жертву духу Вахша?

Вся наша семья тоже голодала. У отца — семеро детей,

всех нас, значит, девятеро. Отец говорит матери: «Давай уйдем, чтобы не умереть всем!.. Куда-нибудь, где хоть немножко поливной земли есть!» Кибитку бросили. Все вещи сунули на одну сторону ишака, а на другой его бок — двух младших мальчиков. Других детей посадили на второго ишака. Отец и мать пешком пошли через перевал в Душанбе. Теперь машина от Нурека туда — шестьдесят шесть километров — за один час ходит. Тогда по козьим тропам шесть дней шли...

Махмадулло повел речь о революции, о гиссарском беке Авлиакуле, бежавшем от гнева народа, о том, как басмачи казнили людей. О смерти отца и возвращении семьи в Туткаул.

Нам оказалось легко разговаривать, с полуслова понятно все, оба знаем историю Советского Таджикистана не по книжкам.

— Мать увела нас высоко в горы — басмачей боялась. Но и в тот кишлачок пришли пять басмачей, потребовали восемь пудов риса для своей большой банды, избили всех. Однако нашлось во всем селении риса только четыре килограмма. Один наш умный старик послал тогда меня в кишлак Шур-гузар, к человеку Сафар-Али: «Ты только скажи ему: басмачи у нас, риса требуют». А тот человек оказался переводчиком стоявшего там кавалерийского полка Красной Армии. Ну, этот полк и угостил всю банду рисом... из пулеметов. Пятсот басмачей испробовали этот рис! Вот так подружился я с Красной Армией.

Потом у нас в кишлаке разместился красноармейский гарнизон — восемьсот человек. Народ весь вернулся в Туткаул и в Нурек. Открылась школа. Старшина Ермолай, татарин, и русский командир Миша говорят мне: «У нас есть комсомол, а у вас в Туткауле нет! Давай, Махмадулло, свой комсомол устраивай!» И мы, двенадцать человек, вступили в комсомол, организовали свою Туткаульскую ячейку. Я секретарем был. Но целый год по совету красных командиров наша ячейка была засекречена, потому что шпионы басмачей убили бы нас. Они провокации устраивали, например, провоцировали драки между узбеками и таджиками, таджикские роды и племена друг на друга натравливали.

Потом, после ликвидации басмачей, мы для всего Туткаула открыли красную чайхану имени Комсомола. В ячейке стало сорок пять комсомольцев, в их числе три девушки. Я и секретарем, и райсом сельсовета три года был, а потом организовал в Туткауле колхоз (назывался «Активабал»). Потом еще три года — инструктором райкома КСМ в Кангурте, там и жил, вернулся, стал счетоводом колхоза... Очень помогали нам русские люди, коммунисты, чтобы мир у нас наступил между родами и племенами. Эту помощь мы особенно почувствовали с

февраля 1925 года, когда Бухарская народная республика волей народа была преобразована в Таджикскую Автономную Советскую Социалистическую.

А как мы прощались с Красной Армией, когда, победив басмачей, 13-й стрелковый корпус уходил от нас в Россию! Плакали мы, обнимались. Этого никто не может понять, если сам в освобожденных от басмачей кишлаках не был... Сердце у русского народа великое, благородное, кровь свою отдавали они за младших братьев! Хорошо узнал наш народ, что такое большевик, коммунист.

— А где и когда, друг мой, вы потеряли ногу? — спросил я моего собеседника.

— А это... — сказал Махмадулло, — это под Старой Руссой, в 981-м стрелковом полку, на Ленинградском направлении, 12 января 1943 года, когда начались бои за прорыв блокады и мы двинулись наступать с фланга. Второе ранение — осколок мины в атаке... Я добровольцем пошел...

И разговор, естественно, перешел к Ленинграду и к приближающемуся 30-летию со дня прорыва блокады, праздничному для всех советских людей и особенно для участников обороны города Ленина...

Как и полагается по таджикским обычаям, слушавший беседу старших молодой человек — 27-летний Рахматулло молчал. Он шофер Нурекского горкома партии. Хорошо знает все старые и новые дороги Центрального Таджикистана, где, кто и как живет теперь, и кому какие в новых домах даны квартиры, и как день ото дня воздвигается Нурекская ГЭС, и какие кишлаки были с берегов Вахша скрыты бульдозерами перед затоплением. И как сады, виноградники, окна, двери, бревна, доски, имущество жителей, сами жители старого Туткаула были бережно перевезены на грузовиках сюда, на левобережный «дашт» — речную террасу, в созданный четыре года назад новый Туткаул, уже цветущий («чувствуете, как пахнут эти предзимние розы?»), и в другие благоустроенные по примеру города Нурека красивые кишлаки.

У Рахматулло есть сын, Олег, и жена, русская, Галя, работающая в Нуреке диспетчером «Горгаза». Сам он окончил нурекскую среднюю школу, а потом — в Душанбе шоферские курсы и вернулся на строительство Нурека.

Все эти люди, как и 10 тысяч других строителей Нурекской ГЭС, трудятся столь вдохновенно и самоотверженно, столь дружно (а их насчитывается здесь 47 национальностей и народностей!), что и мыслят едино, мечтая вместе о том, как бы скорее приблизить тот счастливый день, когда строительство будет закончено и в среднеазиатскую систему электропередачи польются все 2 миллиона 700 тысяч киловатт рожденной ими, их общими усилиями, электроэнергией. А мне хочется сказать —

и их личной, человеческой энергии, преобразованной в электрическую.

Уже пущен второй агрегат станции. Затем одна за другой вступят в строй и семь следующих турбин... Эти турбины, эта Нурекская ГЭС — для моих таджикских друзей воплощение новой жизни, сотворение нового, прекрасного мира, основанного на великом интернациональном единстве советских народов-братьев.

ГИПОТЕЗА МАРХИНИНА

I. САМАЯ МОЛОДАЯ ЗЕМЛЯ

Авачинская сопка в последние дни задыхалась гуще обычного. То и дело над кратером появлялись мутно-серые выбросы и медленно, громадными облаками уплывали на восток, в сторону близкого океана, чтоб там просыпаться пеплом.

Естественно, пробуждение вулкана не могло остаться без внимания. Жители Петропавловска то и дело тревожно поглядывали на белую, величественную гряду гор, которая высилась сразу за городом и благодаря своей величине казалась особенно близкой.

«Тридцать лет такого не было», — вспоминали старожилы и пускались в рассказы о том, как в 1945 году всю ночь дрожала земля и над вулканами стояло зарево.

Конечно, как свидетельствуют ученые, это было не совсем так. Но вулканы на Камчатке дают знать о себе, и нередко среди ночи вдруг задребезжит посуда в буфете и начинают раскачиваться лампы, и ты ощущаешь, как под ногами дрожит пол, точно палуба корабля.

Авача задыхалась. И хотя, по данным сейсмологов, ничего серьезного не ожидалось, вулканологи собрались взглянуть, что же там происходит. Но беда — поднялся ветер, и вертолет не выпускали час, два, а потом и совсем перенесли вылет на

будущий день. Евгений Мархинин возглавлял отряд ученых, которые собирались на оживший вулкан. Но так как вылет не состоялся и у Мархинина был свободный вечер, он прямо с аэропорта заглянул ко мне. Мы давненько не виделись — и вулканологи и журналисты должны много ездить, чтоб что-то увидеть, потом дни и ночи напряженной работы. Вдобавок как-то случалось так, что, когда он дома, меня нет и наоборот.

Он заявился в штормовке, грубых ботинках. Но под штормовкой — белейшая рубашка с галстуком. Говорят, где бы он ни был, даже на вершинах, у самого кратера, где палатка стоит лишь чудом и то и дело над кратером взлетают бомбы — большие и малые куски твердой, горячей лавы, Мархинин всегда выбрит, в свежей рубашке, всегда бодр и подтянут.

У меня из окна все три околородских вулкана как на ладони. Вот уходит в небо острый конус Корякской сопки. Рядом, чуть пониже ее, с широким, будто срезанным кратером, стоит Авача. А где-то на западе выглядывает из-за Корякской сопки вулкан Козельский, совсем маленький. Вот она, семейка, что красуется вот уже многие тысячи лет на берегу океана. Она — на старинном гербе Камчатки; на всех камчатских значках и открытках.

Есть в вулканах что-то притягательное. Белые горы среди зеленых полей. Как громадные корякские чумы, они чуть-чуть дымятся, вызывая и восхищение, и глубоко затаенную тревогу.

Ведь еще до сих пор город залечивает раны, нанесенные последним землетрясением.

Тогда, три года назад, жертв не было. Но кое-где в домах повывлетали стекла, по стенам разбежались трещины. Жильцов оттуда срочно переселили. И немного жутковато было проходить мимо этих вымерших, каких-то пустоглазых зданий.

Но люди живут и не собираются уезжать с Камчатки. Она, как и все дальние края, завораживает. Говорят, если не уедешь после окончания первого договора, через три года, считай, остался насовсем.

Как-то я перебрал своих друзей, с которыми в юности впервые увидел с борта корабля белые камчатские сопки, и все они, кто остался после первых трех лет, и поныне на Камчатке. Сияют окна квартир, в которых они живут, звенят голоса детей, для них Камчатка — настоящая родина, они здесь появились на свет.

Друзья мои на примере собственной жизни открыли, что родина — это не только край, где ты родился, сделал первые шаги стал различать окружающее: землю, небо, траву, но родина — это и та земля, которую ты день за днем, год за годом греешь жаром своего сердца, работаешь на ней и для нее.

Так вот случилось, что полтора десятка лет я живу близ вулканов. Они, спокойные, величественные, глядят в мои окна. И когда порою они затянуты мглой или густыми облаками, мне

чего-то не хватает. Мне не хватает их. Вулканы, точно мудрые, живые существа, кажется, видят тебя насквозь и своим присутствием настраивают на спокойный, деловой тон, не дают потонуть в суете быстротекущих дел.

— Между прочим, у меня такое же ощущение, — сказал Мархинин. — Некоторые утром одни, бреясь, глядятся в зеркало и настраиваются на бодрый лад, уверяя себя, что все обстоит прекрасно, что все задачи дня — по силам, другие слушают любимую музыку, и она сообщает мышцам и духу необходимый тонус. А меня по утрам настраивают вулканы.

И вообще, если, случается, несколько месяцев мне не удается выбраться из кабинета, мне уже кажется, что я постарел, и уже никогда не осилить мне горных вершин. И я, поймав себя на этой мысли, тороплюсь в горы, отодвинув ворох начатых статей, бумаг, нескончаемых дел.

Действительно, несмотря на сорокалетний с небольшим возраст, Мархинин сухой и поджарый, и его спутники по экспедициям, молодые ученые и рабочие, напрягают все силы, чтоб не отстать от него.

Как у всех камчатцев, у меня особое, очень теплое отношение к вулканологам. Они живут и работают на огнедышащих горах, шаг за шагом проникая в глубь и суть земли, которая, несмотря на то, что вдоль и поперек исхожена человеком и уж, кажется, довольно обжита, тем не менее остается загадочной и далекой, как те планеты, что удалены от нас на немыслимые расстояния.

— Однако что же это такое, ветер-то не стихает... — С этими словами Мархинин взглянул на часы и потом впился взглядом в Авачинскую сопку, над кратером которой как раз появился выброс.

Когда облако прошло кратер, он опять взглянул на часы.

— Да. Ветер до двадцати метров в секунду. Вертолет не выпускают, чего доброго, и завтра.

— Но как же ты узнал это?

— Очень просто, — Мархинин улыбнулся, точно открывая истину, которая известна всем, кроме меня. — Кратер Авачи — четыреста метров. Я слежу, за сколько времени ветер пронесит выброс над кратером. Ну а потом скорость ветра в час узнать нетрудно. По моим наблюдениям, ветер не стихает, а усиливается...

Просто. Доступно. А самое главное — безошибочно. Вот как вулканологи нашли практическое применение даже этим вот выбросам из кратера. Вообще-то они мастера на выдумки, эти вулканологи. Я вспомнил, как несколько лет назад Мархинин очень простым способом уточнил площадь Курильской гряды, которую он облазил всю. Он вырезал на карте все

острова и взвесил их. Потом взвесил квадрат точно такой же бумаги, взяв его за единицу измерения. И, решив уравнение с одним неизвестным, выяснил, что на самом деле площадь Курильских островов меньше, чем принято считать. Теперь в энциклопедии будет, видимо, поправка.

Но, конечно, не ради этой поправки обследовал он остров за островом на длинной Курильской гряде. Не за тем, чтоб быть только свидетелем извержений, мчится он то на один, то на другой вулкан, едва лишь тот начинает просыпаться, хотя, конечно, увиденное кажется фантастикой, неправдоподобностью, настолько по мощи красок непохоже оно на все обычное, земное.

В 1938 году вулканолог В. Ф. Попков был свидетелем рождения вулкана Белокай, возникшего на северо-восточном склоне Ключевской сопки. В историю вулканологии вошел дрейф В. Ф. Попкова и И. З. Иванова на лавовом потоке из новорожденного вулкана. Этот дрейф стал легендой, символом мужества ученых, отважившихся взять пробы газов и измерить температуру раскаленной лавы, огненной рекой стекавшей вниз... Вначале они поднялись к кратеру и, увертываясь от вулканических бомб, заглянули в раскаленное жерло вулкана, из которого несло нестерпимым жаром. Бомбы светились красным светом. Попков вдавливал в них монеты, и монеты накалялись докрасна.

Потом на северо-восточном склоне Ключевской сопки появился новый кратер, и оттуда потекла жидкая лава. Этот огненный поток из расплавленной каменной породы двигался, на шестнадцать километров сжигая все вокруг.

Спустя некоторое время на лавовом потоке появилась шлаковая корка. Эта корка двигалась вместе с потоком, как панцирь, со скоростью 30—32 метра в минуту.

Ученым надо было измерить температуру потока и взять пробу газов.

А что, если вскочить на эту корку? Бросили остывшую глыбу на корку. Корка выдержала. И вот Попков, не бросая руки Иванова, ступил на лаву. Почувствовав порядочную прочность, он отпустил руку товарища и еще раз шагнул... Читая описание дрейфа, невольно переживаешь. А если бы геолог провалился в раскаленную трясину? При мысли об этом берет оторопь.

Попков, перенеся часть веса на свой жезл, еще раз шагнул. Жезл погрузился в пластичную лаву...

Горячие токи воздуха сносились ветром, и потому можно было дышать.

Вслед за Попковым на лаву взошел Иванов.

Они пробыли на лаве час и продрейфовали вместе с нею

два километра. Да, они рисковали. Но теперь мир узнал о лаве такое, чего не знал до сих пор.

А Мархинину посчастливилось увидеть и услышать раскаленную лаву в кратере соседнего вулкана — Толбачика, ночевать у самого кратера других вулканов, слышать клочотание лавы внутри их, вести наблюдения, ежесекундно увертываясь от раскаленных бомб.

Вот как описывает Мархинин это в книге «Цепь Плутона».

«Второй день мы питаемся только шоколадом и мандариновым компотом, но сейчас, пока мы находились в кратере, ветер немного стих, и мы имеем возможность, спустившись в лагерь, сварить себе нормальную рисовую кашу с тушенкой. После такого плотного ужина мы снова, уже в сумерках, захватив с собой электрические фонарики, поднимаемся к кратеру. Сумрак сгущается, и курчавое белое облако над вулканом становится кроваво-красным.

Наконец мы опять на вершине. Вокруг нас панорама, захватывающая дух необычной, какой-то демонической красотой. На западе под нами обледенелые склоны вулкана, в которых отражается лунный свет. Дальше и ниже сплошная пелена курчаво-волнистых облаков, над которыми в черном небе с отдельными мерцающими звездочками повисла половина диска луны. Справа и слева от нас в лунном свете белоснежная кромка вершины Толбачика, а прямо перед нами, в кратере, освещенный изнутри красным светом, огромный ледяной колодец. Нас отделяет от него небольшое пространство, занятое снежниками, шлаками, канатными лавами. Поток красного света из глубины ледяного колодца притягивает нас, как лампочка мотыльков. Мы, как лунатики, обходим препятствия и приближаемся к краю ледяного колодца. Его стенки действуют как мощные рефлекторы — отражатели света. Свет лавы отражается еще и поднимающимся над кратером вулканическим облаком...

В глубине, в раскаленном каменном колодце кипит лава. Сейчас все происходящее там видно гораздо лучше, чем днем. Облака газов просвечиваются насквозь и не мешают наблюдать за поверхностью лавы. От нее то и дело на небольшую высоту взмываются красные брызги, а иногда невысокие языки пламени. По-видимому, это мельчайшая раскаленная лавовая пыль — вулканический пепел. Охлаждаясь, она превращается в черный дым. Оттуда, из глубины колодца, доносятся шум и урчание, как из огромного кипящего котла. Ночью просвечиваемые вулканические пары кажутся более безобидными, чем днем, но временами, окутывая нас, они раздражающе действуют на глаза, носоглотку, легкие.

Холодно. Мы отходим от края ледяного колодца, но покинуть вершину вулкана не в силах. Близится полночь, и ка-

жется, что вот-вот в кратере появятся огненные феи со стеклянными волосами. Время идет, но феи не появляются. По-видимому, в течение очень многих месяцев здесь все остается без перемен, и золотистые волосы огненных богинь остались как следы бушевавшей в прошлом стихии. А когда она будет бушевать снова? Увы! Мы еще не можем ответить на этот вопрос.

...Мы спускаемся к лагерю, унося с собой неизгладимое впечатление. Пусть ждет нас ночь без сна, полная тревоги, пусть у одного из нас к утру носом пойдет кровь, пусть на обратном пути дождь вымочит нас до нитки, но мы видели еще необычную и изумительную по красоте картину природы. Красота эта, весь комплекс полученных нами ощущений непередаваемы. Мы изучаем вулканы. Результаты этого изучения мы можем передать в научных статьях и популярных книжках. Но как передать впечатления и чувства, которые вызывают величественные и прекрасные огнедышащие горы и картины вулканического извержения?

Никакая фотография не способна сделать это в полной мере. Мне кажется, что даже такие большие художники, как Врубель, Сарьян и Рокуэлл Кент, не справились бы вполне с этой задачей. Как передать на полотне свист ветра, урчание и всплески лавы, грохот камней, срывающихся с отвесного ледяного карниза, и настроение, порождаемое демоническими силами природы? Может быть, средствами музыки? Может быть, это могли бы сделать Бетховен, Вагнер? Может быть. И все же для того, чтобы до конца ощутить величие и дикую красоту этих природных явлений и получить ни с чем не сравнимое эстетическое наслаждение, надо самому побывать на вершинах наиболее активных камчатских вулканов».

Впрочем, от той ночи осталось кое-что и документальное. Весь мир обошли фотографии Вадима Гиппенрейтера, на которых запечатлены феерические картины «работающих» вулканов. Гиппенрейтер был как раз с Мархининым. Кстати, он после не раз участвовал в экспедициях Мархинина по камчатским и курильским вулканам.

Но... этот риск не ради эмоций. Риск необходим науке, ибо на мертвом вулкане делать нечего... И каждое восхождение, пусть по крупине, добавляет новое в молодую науку вулканологию. Не раз мне приходилось возвращаться из далеких плаваний, ждать, когда на горизонте покажется земля. Первыми вставали из моря вулканы, белоголовые горы, как песня на заре, когда еще ничто не успело проснуться. Эта песня росла, одушевленная и теплая, предвестница большого шумного дня.

Еще ничего нет. Застывшая синева моря, переходящая в небо. Лишь ленивые волны неторопливо вздымаются у борта корабля. Да и они вдали кажутся застывшими. Но вот на горизонте появляются острые конусы. Белые летом и зимой.

Землей еще и не пахнет. А вулканы вырастают и вырастают на горизонте, предвестники долгожданной суши.

Вот так однажды и вышла эта земля, вслед за конусами вулканов, и встала средь моря. Курилы. Камчатка. Самая молодая земля. К примеру, Курилам лишь около 83 миллионов лет. Что это по сравнению с возрастом всей Земли, насчитывающей четыре с половиной миллиарда? Один день. И именно по этому «дню» Земли, самому близкому к нам, вулканологи пытаются узнать историю предшествующих «дней» нашей планеты, уяснить, что же в конце концов представляет собой она. Откуда взялась земная кора, почему появились океаны, как произошло то чудесное смещение атмосферы, которое обеспечивает жизнь всему, что дышит.

Те, кто полагает, будто эти вопросы давно ясны, ошибаются.

Самая молодая Земля... Она еще далеко не успокоилась, и потому несет в себе разгадку...

Мархинин живет от меня в трех кварталах. Мы не спеша идем опустевшей улицей. По облакам летит яркая осенняя луна. Хрустит под ногами молодой, неокрепший ледок.

Вулканы то высветляются луной до сияния, то как бы растворяются в густой синеве ночи.

Мы идем. Ветер сечет лицо, холодный, осенний. Дорога неровная: это когда-то изливались лавы и застыли намертво, переплетясь одна с другой.

Мархинин с надеждой посматривает на Авачу, которая, кажется, стала дымить меньше. «Слетаю туда, а потом меня ждут Курилы...»

И оттого ли, что вечер поздней осени располагает к возвышенным раздумьям, или оттого, что он вдруг вспомнил свои любимые Курильские острова, Мархинин начинает читать стихи.

Суровая Курильская гряда,
Страна ветров, штормов, дождей, туманов.
Там облаков несметные стада
Обходят цепи молодых вулканов.
На склонах их кипящие ключи,
А в кратерах — горячие озера.
Прислушайся — услышишь, как стучит,
Как бьется пульс земли, как дышат горы.

Это его стихи. Их не спутаешь ни с какими другими.

Он пишет по-старомодному, несколько возвышенно. Может, это потому, что его любимыми поэтами на всю жизнь остались Шекспир и Роберт Бернс.

Конечно, сейчас никто не напишет, скажем, «ты притупи. о время, когти льва...». Но ведь так можно сказать лишь однажды. И после, сколько ни пройдет веков, эта строка не

потускнеет. А «Ночлег в горах», а «Растет камыш среди реки» — стихи, в которых нарочитая грубоватость и чуть грустная улыбка поэзии так живы, так волнуют, точно это случилось с тобой, точно тебе посчастливилось открыть эти строки...

Мне припомнилось, что именно Бернс и Шекспир сблизили нас с Мархиным на одном веселом ужине в дружеской компании.

Пожатие его было крепким и горячим. Я возвращался домой, глядел на вулканы и думал о человеке, для которого наши камчатские горы — смысл и суть жизни...

II. ЦЕПЬ ПЛУТОНА

Есть люди, которым сразу же в жизни везет в самом главном: в выборе пути. Они не теряют понапрасну времени, пока не поймут, что заблуждались и необходимо выбираться на другую дорогу. Сколько тому примеров: учитель вдруг начинает понимать, что никакой он не учитель, а лучше бы ему быть счетоводом. Агроном обнаруживает, что если не уедет из села в город, то помрет с тоски по неоновым рекламам... Мархинину сразу же повезло, ибо он только до четвертого класса не знал, чему отдать предпочтение: сияющей каске пожарного или быть Валерием Чкаловым. Но вот однажды он увидел горы. И они захватили его воображение. Он начинает интересоваться геологией. Причем этот интерес был настолько серьезным, что, когда в войну подросток пошел работать в разведочную буровую бригаду, выяснилось, что он кое-что знает. И через месяц, когда буровой мастер ушел на фронт, вместо него поставили Евгения Мархинина, у которого еще не было паспорта!

Потом институт. Работа геолога-поисковика. Потом приход в вулканологию — на самый передний, самый горячий рубеж науки о земле.

Встреча с вулканами... Постоянная прописка на самой молодой земле...

Как-то Мархинина не было на Камчатке несколько месяцев. Он сидел в своей московской квартире и работал над докторской диссертацией.

Вдруг однажды я получаю от него письмо. А в нем — стихи, полные тоски по оставленному краю.

В Европе Западной есть фирма.

Продает в изящных банках...

Воздух.

?

Да, обычный,

Но только концентрат.

К примеру, скажем, в лондонской квартире

Откроет бизнесмен такую банку
И может подышать часок-другой
Целебным воздухом
Альпийского нагорья.
За десять тысяч километров
От берегов
Камчатки
Я дышу
Ее соленым, с запахом йода
И рыбы
Воздухом.
Нет, не получаю
Посылок я
С воздушным концентратом.
Одни газеты.
И то лишь иногда.
Но в них...
Прибоя шум.
И запах кораблей.
Плеск рыбы в сетях.
Топот ног оленьих.
Скрип нартовых полозьев на снегу.
Крик котиков на скальных Командорах.
И гул вулканов...
Все...
Все, чем живут, чем дышат
На Камчатке,
Отражено в них...
В комнате моей —
Камчатский воздух.
Я дышу им
За тыщи верст
От мильных берегов...

Тогда я работал в газете «Камчатская правда» и, опубликовав эти стихи, послал в Москву номер газеты.

Как потом рассказывала жена Мархинина — Ирина, в тот день в их московской квартире был праздник.

Не скрою, меня притягивает поэтичность этого человека. Наверно, таким и должен быть настоящий ученый — непременно с поэтической жилкой.

Жаль, что некоторые этого не понимают. Они считают, что серьезным людям — ученым, морякам, учителям, не к лицу заниматься таким несерьезным, юношеским увлечением, как писание стихов, видят в этом пустую забаву.

Но если поэтический настрой — суть человеческой души? Та призма, через которую рассматривается мир?

Кстати, Мархинин дал хороший урок таким людям, ратующим за мнимую серьезность, когда в 1965 году в издательстве «Мысль» вышла его книга «Цепь Плутона» — взволнованное, полное поэзии повествование о жизни вулканов, о людях, которые избрали для себя нелегкие маршруты к вершинам гор и к вершинам науки. Человек с сухой душой не смог бы написать такую книгу.

И недаром она была тепло встречена читателем. В Петропавловске, например, она разошлась в несколько дней. Эта книга имеет счастливую судьбу. Она переведена на английский и французский языки.

Но вернемся к стихам, присланным из Москвы.

Они словно высветили для меня Мархинина, его непоказную любовь к дальнему краю. Стало понятно, почему он еще до создания в Петропавловске института вулканологии, притянувшего ученых из Москвы, за несколько лет до этого уже прочно обосновался на Камчатке, на вулканологической станции в небольшом поселке, что под самой Ключевской сопкой.

Это были очень плодотворные годы. Мархинин познавал не только жизнь вулканов. Он познавал Камчатку, вулканный край, и все больше приходил к мысли, что не только на Камчатке и Курилах, где еще полна жизни цепь Плутона, бога подземного огня, но и вообще вулканы сыграли и играют до сих пор роль, может быть, самую важную в жизни земли.

Огороды ключевских жителей, щедро посыпанные вулканическим пеплом, давали неслыханный урожай. А может быть, и вся оболочка земли — это продукт извержений?

Морская вода по своему составу удивительно похожа в своих пропорциях на ту воду и соли, что дают вулканы.

А воздух, которым мы дышим, откуда он взялся?

Вначале была пугающая догадка: все вокруг — следствие деятельности вулканов, и, стало быть, мы — дети вулканов.

Вначале, конечно, Мархинин рассмеялся: «Вот загнул!» — и попробовал отогнать эту догадку. Но она не уходила. А, наоборот, являясь ночной гостьей, занимала все больше времени.

Главное, что его занимало в те годы, — надо было обосновать роль вулканизма при образовании земной коры, обосновать на примере Курильской островной дуги, что земная кора — продукт вулканической деятельности.

Три миллиарда тонн вещества выбрасывают ежегодно при извержениях вулканы. А за жизнь Земли, за 4,5 миллиарда лет, выброшено на поверхность примерно 14 миллиардов миллиардов тонн (ведь деятельность вулканов была не менее, если не более, интенсивной). Масса земной коры — 24,6 миллиарда миллиардов тонн. Это количество вещества, выражающееся цифрой 14 с восемнадцатью нулями, — явно заниженная цифра. И не будет ошибкой полагать, что вся земная кора — продукт вулканической деятельности. Да только ли кора? А атмосфера, а гидросфера?

Вначале было много возражений, поскольку пока что господствуют другие взгляды. Пока... Но ведь и они пришли на

смену когда-то общепризнанным. Все ясно! Железное проявление закона отрицания отрицания. Наука не может стоять на месте.

Гипотеза о происхождении атмосферы, воды и земной оболочки явилась однажды ночью, когда Мархинин писал книгу «Цепь Плутона». Явилась в виде простого вопроса: «А откуда все-таки в океане вода и откуда взялась атмосфера?» И заставила его задуматься, застыть над неоконченным словом. А в лунной ночи позади огня Петропавловска высились молочно-белые вулканы, молчаливые, неторопливо курящиеся исполины, ревниво охраняющие свою тайну. Попробуй выведай...

Спал город. Люди отдыхали от забот, которыми полны их дни на земле. Но они должны знать свой мир, чтобы управлять им. Ведь человечество лишь прикоснулось к тайнам природы, чуть приоткрыло тяжелую дверь и только лишь заглянуло туда... Кто-то в ночной тиши прокладывает пути в космос. А вот он думает над тем, откуда взялись гидросфера, атмосфера и земная оболочка. Все это очень нужно людям, ведь человечество, по сути, только и делало, что открывало мир вокруг себя, чтоб пользоваться им. На разных ступенях развития — свои открытия. Огонь, колесо, осознание того, что есть Земля в пространстве....

Ты поднялся на гору. Открывается новый вид. Но это в детстве, заплутавшись, надо взобраться на возвышенность, чтоб увидеть дорогу к дому. А теперь — с высоты все больше неясного открывается вдаль, и видишь очертания все новых и новых задач.

Боже, как мало мы знаем о Земле, обо всем, обо всем...

Лет эдак через двести-триста мы будем выглядеть наивными младенцами, какими нам кажутся теперь ученые древности, бившиеся над разгадкой существа мира. Их гипотезы вызывают сегодня улыбку.

Но, с другой стороны, не будь их наивных размышлений о мире, не было бы и сегодняшней науки, так же как без сегодняшнего не будет и завтрашнего.

...В ученом совете около тридцати членов, маститые ученые, авторитеты, поседевшие, довольно походившие по земле за разгадками тайн природы. Они с интересом рассматривают ясноглазого, плечистого, спортивного человека. Перешептываются. Качают головами, поглядывая на него.

Некоторые ученые знакомы с ним давно, помнят его еще юношей, знают о нелегком пути, которым пришел Евгений Мархинин в науку. Знают о том, что свою диссертацию он высидел не в кабинете...

Здесь, пожалуй, можно было бы без труда найти шестерых таких, которые прожили все вместе четыреста лет, из них три-

ста наверняка посвящены геологии. А здесь готовится защищать докторскую диссертацию человек на сороковом году жизни. Гм... Не молод ли? Не так уж многие становятся в сорок лет докторами геолого-минералогических наук.

Но, однако, он и не думает работать перед авторитетами. Мог бы с успехом защитить диссертацию на какой-либо «малой» теме, о которой все имеют самое общее представление. А он, вернувшись из самого пекла, из края разбуженных вулканов, ринулся в самый водоворот страстей, споров в ученом геологическом мире. Тема его диссертации — «Роль вулканизма в формировании земной коры» (на примере Курильской островной дуги). Причем, по его мнению, роль эта основная.

Ну что ж, дерзайте, молодой человек!

А с гипотезой, которая в самом конце диссертации, придется повременить. «Вулканическая гипотеза образования земной коры, гидросферы и атмосферы...» Это, брат, будешь доказывать попозже, потому что сейчас у тебя не хватит сил и фактов на то, чтоб заставить ученый мир признать ее.

Но надо отдать должное, молодой ученый упрямо, как к краутеру самого трудного вулкана, идет к своей гипотезе. Чтоб убедиться, достаточно взглянуть на названия его научных работ: «Об энергии образования ювенильного вулканического пепла», «О количестве ювенильной воды, участвующей в вулканических взрывах», «Опыт оценки количества и давления газа в магме перед вулканическими взрывами», «Восхождение на Ключевской вулкан в период извержения», «Извержение вулкана Безымянного» и т. д. Причем две последние работы свидетельствуют о характере ученого. Никому из присутствующих в зале не надо объяснять, что для того, чтобы написать о вулканах во время извержения, кроме эрудиции и желания, нужно самое главное — побывать на них, увидеть все собственными глазами.

Несколько часов шла защита. А потом в одной из маленьких аудиторий, неподалеку от зала, где шло столь долгое «сражение», друзья подняли бокалы шампанского за только что рожденного доктора-«камчадала» Евгения Константиновича Мархина, самого молодого по возрасту доктора геолого-минералогических наук.

III. ГИПОТЕЗА СТАНОВИТСЯ ТЕОРИЕЙ

В тот большой для него день, после защиты и поздравлений, когда чуть остыла радость, Мархинин почувствовал неудовлетворенность. самого главного сказано не было! Ведь его гипотеза о том, что земная кора, вода и атмосфера — продукты деятельности вулканов, даже не рассматривалась, а ведь она

владеет всем его существом. Она как неисцеленная боль, которая не дает позабыть о себе, подчиняет себе всего человека.

Различные взгляды на образование атмосферы и гидросферы можно объединить в две гипотезы. Первая. Если Земля была однажды полностью расплавлена, то большая часть воды и многих других веществ улетучилась в горячую атмосферу. Когда Земля остыла, водяной пар конденсировался и образовался первичный Мировой океан.

Согласно этой гипотезе современная атмосфера и гидросфера являются простым остатком горячей древней атмосферы.

Вторая гипотеза, противоречащая первой, лишена ее простоты и ясности и основывается на сравнительно мало изученном процессе «дегазации» пород в глубоких недрах Земли.

Причем есть два варианта этой гипотезы. В одном — вода и другие летучие вещества выделились из недр Земли за очень короткий период времени на заре земной истории. Согласно другому варианту летучие вещества выделялись из глубин Земли постепенно, в течение значительной части геологического времени.

Точка зрения Мархинина примыкает к взглядам тех ученых, для которых представления о «первичной» гидросфере и атмосфере Земли оказались неприемлемыми и которые считают, что единственным источником воды и атмосферы на поверхности Земли могли быть лишь породы мантии, образование гидросферы и атмосферы — результат постепенной дегазации мантии.

А дальше он идет самостоятельным путем. Оценивая роль вулканических извержений в этом процессе, Мархинин считает, что в конечном счете гидросфера и атмосфера, так же как и земная кора, созданы вулканической деятельностью и деятельностью фумарол и гидротерм.

Собственные исследования и обобщение опыта других ученых, занимающихся этой же проблемой, доказывают правомерность выдвигаемой им гипотезы. Но сильны и позиции ученых, считающих, что количества воды и других легколетучих веществ, вынесенных вулканами и поствулканической деятельностью, если даже считать, что их объем был порядка объема изверженной лавы или даже выше на порядок, недостаточно для создания на поверхности Земли современного океана и атмосферы.

Однако данные, полученные в последнее время, доказывают другое.

При вулканических взрывах три процента продуктов извержения составляют газы и вода. Причем воды девять десятых. Это составляет половину воды на нашей планете. Вторую половину дают фумаролы и гидротермы.

Теперь об атмосфере. При извержениях в составе газов есть углекислый газ и азот. Углекислый газ распадается на O и C —

основу жизни. При извержениях вулканов выделяются и все остальные компоненты воздушной оболочки Земли.

И все же новое в науку никогда не приходит без борьбы, потому что не так-то просто отказаться от привычных представлений. И нужно работать, работать, вести все новые исследования, подтверждающие твою правоту. И снова и снова лезть в пекло вулканов.

Мархинин немало побродил по свету. Но об усталости, о чувстве оседлости, овладевающим со временем кое-кем из племени бродяг-искателей, не может быть и речи.

«Экспедиции... Дороги... С детских лет я мечтал о них. И теперь я узнал счастье путешествий. Прежние мечты сбываются, но им на смену приходят новые. Сколько еще непознанного, не открытого таит наша планета! Сколько еще впереди интересных экспедиций и нерешенных проблем, захватывающих ум и воображение!»

На сейсмической станции «Авача», расположенной на вулканах, обнаружили, что возле кратера Корякской сопки появилась новая, активно действующая фумарола. Дымок из нее виден был даже из города.

Как всегда в таких случаях, быстро собралась группа для изучения фумаролы.

Мархинин в это время был на Курильских островах, где ожидалось извержение какого-то вулкана. Я напросился, и меня взяли на Корякский вулкан. Жаль, что не было Евгения Константиновича!

Я вернулся домой, полный впечатлений. В окна квартиры глядели величественные горы. А на столе у меня стоял букет рододендронов, высокогорных цветов с желтыми прочными лепестками. Это оттуда, с вулканов. Молоденький лаборант сейсмостанции при прощании протянул их мне.

— Отвезите в город как привет. Жаль, что это обычные...

Я подумал, что он рисуется, этот парень, недавно пришедший в вулканологию. Желтые рододендроны, необычайно мужественные цветы, которые живут, не умирая, под снегом, а не только тогда, когда снег сойдет, — есть ли что прекраснее в горах, чем они?

Лаборант поправил очки, ехидно прищурился.

— Камчатцам, а тем более со стажем, полагается знать, что есть еще одна разновидность — рододендрон камчатский. Он розовый в отличие от этого. И растет в более высоких местах. Прилетайте как-нибудь, вместе сходим...

Честно сказать, я не совсем поверил юному отроку науки. С чего это вдруг «камчатские»? Но, открыв Большую Советскую Энциклопедию, убедился, что он прав.

На столе у меня рядом с рододендронами лежит новая книжка Мархинина, изданная обществом «Знание». И там его гипотеза уже называется теорией. Ну а сам Мархинин, как я уже сказал, был в это время на Курильской гряде, опять, в который раз, он шел к пробудившемуся вулкану. Вот строки из его дневника.

«Сначала загудела и заколебалась земля. Потом одни увидели пепловый столб взрыва, напоминающий атомный гриб между вулканами Тятя и Руруй. Другим показалось, что пепловая туча распространяется на них с восточного склона Тяти. Вскоре все закрыла черная мгла.

С неба посыпался пепел, песок и камешки величиной с горошину. Этот каменный материал еще не успел остыть. Он был теплым и насыщен вулканическими газами. На расстоянии вытянутой руки ничего видно не было. Грохотали взрывы, гремел гром, сверкали молнии. Пепловая масса была наэлектризована. В темноте некоторые падающие частицы светились, подобно светлячкам.

Все это происходило в полдень 14 июля 1973 года в трех населенных пунктах у подножия вулкана Тятя: на рыбалке близ устья реки Птичьей и в маленьких поселочках Урвитово и Круглово. Жители Урвитова, взявшись за руки, пошли в крошечной тьме сквозь густой пеплопад, под аккомпанемент взрывов в сторону поселка Круглово, который был дальше от действующих кратеров.

Тем временем рыбаки с рыбалки у Птичьей отправились в поселок Урвитово. Таковы свидетельства очевидцев.

Подоспевшие на помощь корабли рано утром 15 июля эвакуировали всех до единого жителя с подножия вулкана Тятя. В ночь на 15 июля «Геофизик» направился к вулкану. Черная пепловая туча стояла стеной впереди по ходу судна. Беспорывно она прорезалась молниями. Они были большей частью горизонтальными, иногда как бы пунктирными или штриховыми. И только у самого истока тучи, над действующим жерлом ежесекундно вспыхивали вертикальные разряды. Электричество было под нами: в темной соленой воде повсюду мерцали «светлячки». И оно было впереди нас — молниями в пепловой туче.

«Геофизик» вошел в эту тучу в пятом часу утра. Он сразу же весь густо покрылся пеплом. Около шести часов я вышел на палубу. Все тут было серо. Сверху сыпался пепел, но его стало уже меньше, чем час назад. А за кормой висела зловещая черная туча. Кусок ее был, по-видимому, оторван и унесен вперед, а вокруг нас образовался временный просвет. В этом просвете мы увидели берег. Где-то здесь должен быть поселок Круглово, который уже эвакуирован. Где высаживаться нашей группе? Нас не столько волнует опасность, сколько боязнь высадиться недостаточно близко от места извержения».

И в этом весь Мархинин. Ему, несмотря ни на что, надо быть ближе к вулкану!

...Черная туча пепла то накрывала дома поселка, то отступала дальше, к горам, и тогда с корабля вулканы были хорошо видны. Оставалось неясным, где же именно расположен действующий кратер (или кратеры?), но идти дальше на «Геофики» значило бы удаляться от места извержения.

И вулканологи решили высадиться в неизвестность. Они сошли на берег и пропали в пепловой мгле.

Странный и грустный вид имело Урвитово, маленький поселочек на берегу пролива Екатерины. Все было в пепле. Ноги мягко ступали в пятисантиметровый слой, похожий на цемент. Двери и окна домов были сплошь забиты пылью. Травы не видать — она полегла под пеплом. Их было трое — Евгений Мархинин, Валерий Гранник и Юрий Аникаев.

Ночь застала их у подножия вулкана. Они дрожали от холода, ждали утра, чтобы взять пробы газа и пепла, посмотреть, что удастся, на вулкане. День прошел в работе.

Усталые, на пределе сил, вернулись они в Урвитово. Потом вулканологи вели наблюдение за извержением с плоского «плеча» вулкана, с высоты 1400 метров. Потом были облеты на самолете, опять пробы, расчеты, подсчеты. Но, кроме обычных, так сказать, результатов, было такое, что привело ученых в волнение. Вот как об этом написал мне Мархинин: «Мы получили поразительный результат: в вытяжках из пепла извержения Тяти определены аминокислоты (составные части белка). Если это не заражение (что не исключено полностью), а биогенное образование в пепло-газовой туче, то, понимаешь, сам процесс извержения есть первый шаг от неживого к живому». Теперь нужно ждать дальнейших результатов. Но одна мысль о том, что, возможно, именно при извержениях вулканов был совершен величайший скачок от неживого к живому, приводит в волнение. Ведь это разгадка еще одной тайны природы...»

В письме Мархинин делился радостью: его новая книга вышла в серии «Путешествия XX века» рядом с книгами Папанина, Амундсена, Арсеньева, Тура Хейердала и других известных всему миру путешественников, ученых, каждый из которых с риском для жизни вырвал для людей хотя бы пядь у Неизвестного...

Но книги, как известно, пишутся тогда, когда путешествие окончено, данные систематизированы.

А жизнь идет впереди книг. И открытие тайн природы продолжается — в новых походах, в новых маршрутах.

**В. ПОВОЛЯЕВ,
В. ТРАВИНСКИЙ**

ЛЮДИ И СТИХИЯ

**(Хроника катастрофы,
которой не дали осуществиться)**

«Сель (арабск. — бурный поток) — внезапно возникающий на горных реках бурный паводок, несущий очень большое количество наносов... Для образования селя необходимы три условия: 1) интенсивный ливень или бурное снеготаяние; 2) значительные уклоны; 3) наличие легкосмываемого рыхлого мелкообломочного материала. Значительные селевые паводки известны в горных районах Западной Европы (Австрии, Италии, Франции), США (особенно в районе г. Лос-Анджелеса), стран Южной Америки, Японии и других».

Из Большой Советской Энциклопедии

«СЕЛЬ ПОШЕЛ!»

У алма-атинских событий, случившихся летом 1973 года, есть трагическая и величественная предыстория. Узел трагедии завязан высоко в горах, в чересполосице морен, ветвистых ущелий и стремительных речек...

С конца июня в горах становится жарко. Ледники ускоренно тают. У их края, где между диковатыми скалами льда скопились морены, груды камня и щебня, собирается вода. Моренные озера напоминают своим строением айсберги: взору доступна лишь малая их часть. Кажется, что такое небольшое блюдечко воды покрыло наносы камня и натёки ледника, а на самом деле блюдечко уходит водяными корнями в многометровые толщи морены, уже похожей на перенабухшую губку, раздираемую во все стороны напором талой воды, скрытой от глаз. Когда «взорвется» морена, точно не знает никто. Но у гидрологов есть на этот счет свои прогнозы, свои приметы. И горькое знание: когда «взор-

вется» — родится сель. Яростная вода мгновенно вберет в себя камни, щебень, грязь, рванется вниз по склону ущелья, по долине реки или ручейка, обламывая, слизывая берега, корчя деревья, сдирая почву, осылая горы, — страшный поток по имени сель сам себя усиливает, сам себя ускоряет. И горе всему, что встанет на его пути.

На пути селя, ринувшегося вниз 15 июля 1973 года, лежала столица Казахстана город Алма-Ата с восьмисотсорокатысячным населением.

Немного истории. В 1921 году чудовищный сель, свалившийся с поднебесья ночью на спящий город, прошел Алма-Ату из конца в конец, прошел фронтом в двести метров шириной, оставив после себя развалины и трупы. Не считая воды, грязи, обломков деревьев, одних лишь камней обрушилось на город столько, что, по подсчетам, их хватило бы для загрузки 2500 товарных поездов. И эти эшелоны, разогнавшись по склону, на курьерской скорости таранили Алма-Ату, разрушая и уничтожая дома, улицы. Общий объем селя определялся в миллион двести тысяч кубометров.

За ликвидацией последствий катастрофы внимательно следила вся страна, следил и сам Владимир Ильич Ленин. Но память об этом несчастье не затухала у горожан. Тем больше помнили о ней, изучали ее причины и следствия ученые, особенно гидрометеорологи. И летом 1973 года картины былого вдруг зловеще ожили в их воспоминании... Саген Шлесович Дуйсенов; начальник Гидрометеоцентра республики, его коллеги шли шаг за шагом по следам надвигающейся катастрофы...

Полтора месяца в горах лили дожди. Склоны гор, берега рек разбухли и могли стронуться с места при малейшем толчке. Толчка вроде бы не предвиделось: вплоть до июня моренные озера были скованы льдом. Но вот на смену дождям внезапно наступила жара. Ни ветерка, ни «грамма» прохлады. Алма-Ата задыхалась от зноя; по пятницам сотни тысяч людей разбредались по окрестным ущельям и лесам, по речушкам и озерам, чтобы в воскресенье вечером вернуться домой. И гидрологи безвылазно находились в ущельях. Не ради отдыха: жара разбудила ледники, проснулись моренные озера. В считанные дни проклюнулись их блюдечки; озера зажили, задвигались. Гидрологические посты один за другим сообщали: положение угрожающее, возможен сель. Вертолеты Гидрометеоцентра непрерывно висели над проклятыми озерами, над путаницей хребтов и вершин. 12 июля, в четверг, Дмитрий Андреевич Качалов, старший инженер отдела гидропрогнозов, вернулся из полета особенно взволнованный. По его мнению, сель мог пойти вот-вот и пора было составлять официальное письменное предупреждение.

Правительственный аппарат внимательно прислушивался к голосу ученых. И когда в пятницу, 14 июля, на управленческие

стола легло предупреждение Гидрометеоцентра, реакция была незамедлительной. Утром в субботу в обкоме КПСС собралось городское и областное совещание с участием представителей правительства. Всем руководителям предприятий, организаций и учреждений предложено было оставаться на местах в выходные дни и привести в движение службу гражданской обороны. Были поставлены в известность органы охраны порядка, армия, пограничники. Аэрофлот.

С возможных дорог селя спешно убрали рабочих, чабанов, группы ученых и альпинистов.

Увы! — убрали не отовсюду. Даже получив предупреждение, Управление курортами и зонами отдыха, полагаясь, видимо, на «авось», не очень беспокоилось. Не был отменен ни один туристский маршрут даже в предполагаемой опасной зоне. В крупнейшей туристской базе «Горельник» как раз на воскресенье 15 июля был намечен новый заезд, а день заезда, как известно, самый безалаберный и неорганизованный в декаде. Аварийной связи в «Горельнике» тоже не было — ее не спешили установить. Никаких мер для оповещения «диких туристов» не приняли, а в горах таковых немало.

Группа академика Макаревича не числилась в числе «диких»; напротив, она сознательно и упорно пробивалась с научным оборудованием ближе и ближе к самым селеопасным районам. 15 июля в 17.45 местного времени моренное озеро ледника Туюксу на глазах членов группы на мгновение вспучилось и сразу опало. Раздался особенный, похожий на хриплый вздох звук, тут же переросший в мучительный грохот. Предсказанный, но всегда неожиданный сель рванулся.

Пока точно не установлено, сколько воды извергла первоначально морена. По-видимому, не меньше ста тысяч кубометров. Но когда через несколько минут поток донесся до «Горельника», в нем было уже не менее миллиона кубометров воды и камней. Перед «Горельником» на пути селя поднялась противоселевая ловушка: бетонная арматура, врытая концами в стены узкого ущелья да еще для крепости подтянутая десятью стальными канатами толщиной в руку каждый. На таком канате самый большой современный корабль мог бы продержаться, не сорвавшись с якоря, в любой шторм; селю, однако, понадобилось всего восемь секунд, чтобы порвать канаты. На территорию базы ворвался уже вал высотой почти в тридцать метров. На складе базы новая группа туристов как раз получила обмундирование — вот через склад будто намеренно и пошел вал. Он был втрое страшней, чем сель 1921 года! 120 миллионов лошадиных сил, овеществленных в четыре с лишним миллиона кубометров воды и скал, готовились подмять и раздавить город у подножия Алатау. Город, ничего не подозревавший, залитый огнями и медленной воскресной музыкой.

Однако наступил 1973 год, и потому, когда сель вынесся на

последнюю прямую перед Алма-Атой, перед ним встала плотина Медео...

Шестой год шел к тому времени плотине. К ней привыкли как к части пригородного ландшафта, как к детали пейзажа, подобной пику Талгар. Незаметно, но уверенно она вписалась в сеть высоких горных морщин, собравшихся вокруг города. Тем не менее эта — единственная! — морщина шла не вдоль ущелья, а поперек. Так ее поставили люди. В конце 1966 года два направленных взрыва уложили два с половиной миллиона скального грунта по плану, разработанному научными центрами Москвы, Ленинграда, Новосибирска, Алма-Аты. Идея подобной плотины принадлежала вице-президенту АН СССР академику М. А. Лаврентьеву. Возникли дебаты. До сих пор в ходу были ловушки для селя, заслоны, ямы, замедляющие бег потока, смягчающие его удар, но никто еще не пытался вообще запереть выход с гор, спорить с селом на равных. «Беспочвенные фантазии, — говорили противники плотины. — Разве можно заковать горы? Бессмысленные затраты средств». — «Можно и нужно заковать горы, — отвечали сторонники. — Против гор способны держаться только горы, в данном случае искусственные». Руководство республики приняло точку зрения академика М. А. Лаврентьева. За расходами не постоjali: плотина Медео обошлась Казахстану в 12 миллионов рублей...

...С плотины видно далеко окрест. Все как на ладони — и тусклое овальное блюдо прославленного высокогорного катка, и дорога, ведущая в близкую Алма-Ату: несколько поворотов, и машина уже в городе, на Крымском мосту. А с другой стороны тоже просматривается все — и чаша селехранилища, такого глубокого, что столкнешь голыш с макушки бермы, он катится долго-долго, и Малая Алматинка, речушка в обычное время до обидного крохотная, воровей перейдет вброд...

Тело противоселевой плотины, если смотреть на нее со стороны катка Медео, похоже на боковину древнеегипетской пирамиды, только верхушка спилена, — такое же покатое и гладкое, оно, стремительно взлетев, поднимает будто бы облака на пенале-макушке, которую гидростроители зовут бермой — самолетные крылышки. Виднеется кафе «Карлыгаш» (в переводе на русский — ласточка), кафе сейчас не работает, а рядом две едва заметные желтые точки — милицейские мотоциклы, поставленные у самой бровки бермы, коляски-«люльки» висят над обрывом. За месяц до того, когда по тенистому ущелью Малой Алматинки двинулся сель, на плотине начали дежурить наряды милиционеров-мотоциклистов, а по макушкам гор у кражистых «пупырей» установили наблюдателей с портативными рациями, которыми обычно «вооружают» в городах орудовцев, позже протянули провод полевого телефона.

...День был знойным, неподвижное солнце висело над самой головой, и горы от парящего марева были прозрачными, невесо-

мо воздушными, в крапинах светло-синих веретенец-елок: в жаре грозные вершины таяли, словно конфеты. Хотелось уснуть в этой благодатной душевной тишине, которая, похоже, была нескончаемой. Казалось, что все кругом находилось в состоянии полудремы... Так начал свой рассказ милиционер-мотоциклист Николай Гринченко, находившийся в тот день на плотине. Он рассказывал, слегка запинаясь, прислушиваясь к звуку собственного голоса, и в первый момент кажется, что ему самому интересен собственный рассказ. Но только в первый момент, ибо собственный рассказ страшен для него: Гринченко еще не успел «оттаять» от увиденного, не успел пережить, перейти по ту сторону барьера, когда эмоции легко отделяются от сухого объективного анализа.

...Но не все было неподвижным и сонным — около Медео на дороге появилась человеческая фигурка. Девчонка, платье прилипает к потным коленям, за плечами рюкзак мешком висит. «Куда идешь? Ведь селевое предупреждение дали, нельзя сегодня в горы», — подумал Гринченко и двинул каблуком сапога по рукояти стартера. Он хотел поехать наперерез, но нарушительница уже свернула в обочину, перемахнула через кусты и стала проворно карабкаться на бугор в таловые заросли.

— Куда? В горы нельзя! Сель! — прокричал Гринченко.

— С горами надо быть на «ты»...

— Догоню, оштрафую...

В ответ донесся смех, беспечный, долгий, беспричинный, обидный. Не погонишься же ты за ней на мотоцикле по зарослям.

Вдруг издали донесся грохот, будто за ярко блистающей на горизонте снежной макушкой хребта реактивный самолет брал звуковой барьер. Грохот исчез так же неожиданно, как и возник. Сейчас Гринченко уже не помнит, зачем он посмотрел в тот миг на часы, посмотрел без всякой цели на циферблат и начал считать секунды, досчитал до десяти, поднял голову и вдруг увидел, как за покрытым елями склоном горы взвился вверх огромный рыжий столб пыли, целый смерч, закрыл и солнце, и небо, и в то же мгновение уши вновь резанул самолетный грохот, скрежет. Из-за поворота стремительно выкатился огромный грязевой вал. Вал с ходу ударился о твердь берега, в ели, легко вывернул их из земли, только яркие корни мелькнули в воздухе, будто ноги, потом отпрыгнул в обратную сторону, к противоположному берегу, где всего полминуты назад находилась девчонка, обрушился на него со всей своей высоты, и полберега как не бывало: ни елей, ни кустарниковых зарослей... Только камни, каждый весом по нескольку тонн, будто пущенные гигантской пращей, легко пробивали грязевую толщу и взметывались вверх... Застонала земля. Плотине Медео был нанесен удар такой силы, какой, если не считать атомных взрывов, никогда еще не наносился по творению рук человеческих.

На берме плотины в тот миг оказались четыре алма-атинских милиционера: Николай Гринченко, Дмитрий Перевалов, Алексей Аверьянов, Николай Савельев. Они первыми и вступили в «бой» — первыми из многих тысяч людей, которые несколько часов спустя взялись за обуздание селя.

Еще не успели передать сообщение в город по радию, как кто-то из четверки — ни один из них потом не мог вспомнить кто — крикнул:

— Человек! Человек в селе!

Сель, разбившись о плотину, начал растекаться, заполняя чашу хранилища, а из ущелья как волны накатывались новые валы, более слабые, вторичные. Камни ушли на дно, на поверхности огромными пузыряющимися клубами бурлил перемешанный с водой ил. И в этих клубах вдруг показалось человеческое тело. Поток воды тело отшвырнуло к крохотному каменному мыску. Еще минута, и человек вновь уйдет в глубину, и тогда его уже не спасти.

Два мотоцикла птицами сорвались с плотины, понеслись по дороге к мыску. Потом свернули с дороги, запрыгали по камням.

В какой-то момент Гринченко показалось, что прыжок, который совершает его мотоцикл, бесконечен, и если они приземлятся, то мотоцикл перевернется и не останется в живых ни ему самому, ни напарнику. Но благополучно приземлились у самой кромки селя, чуть не врезавшись в него. Гринченко спрыгнул с мотоцикла и вбежал в поток, чувствуя, как ил, скользкий, липкий, мягкий, заливаешь голенища сапог, лезет в карманы галифе. В голове мелькнула мысль: кобура! Пистолет! — и он даже остановился на секунду, но медлить было нельзя. До тонущего оставалось пять метров... Три метра... Один метр...

Фамилия спасенного была Мусин. Пятидесятилетний Кальян Айханович Мусин «плыл» в селе более двух километров — более двух километров! — в мощнейшем селе, который в секунду может превратить девятиэтажный дом в манную крупу. И остался жив. Случай в мировой практике, кажется, редчайший...

За первым селом с пятнадцатиминутным интервалом пришел второй.

ТРЕВОЖНЫЕ ДНИ

В Алма-Ату мы прилетели в момент, когда опасность была по-прежнему велика, а город как бы находился в состоянии сжатой пружины. Расползлись разные слухи: в автобусе, идущем от аэропорта до центра, мы слышали чудовищную четырехзначную цифру — якобы столько человек погибло. Назы-

1, 2 — Дорога, дорога, зовущая в неведомую даль,
притягивающая беспокойные студенческие сердца, когда
наступает ставший уже традиционным трудовой семестр.
Манят таежные глухомани с комариными топями и кашей,
пахнущей дымком, манит трудная работа...

1

3 — Ночью дороги, ведущие к пусковым объектам новостроек, являют собой эффектное, незабываемое зрелище.

4

4, 5, 6, 7 — Разбужена вековая тишь непроходимой тюменской тайги. На трассе Тюмень — Сургут студенты из разных уголков страны укладывали железнодорожное полотно, строили школы, столовые, поликлиники, сооружали мосты через протоки Оби. Работали ребята горячо, старались ни в чем не уступать опытным строителям.

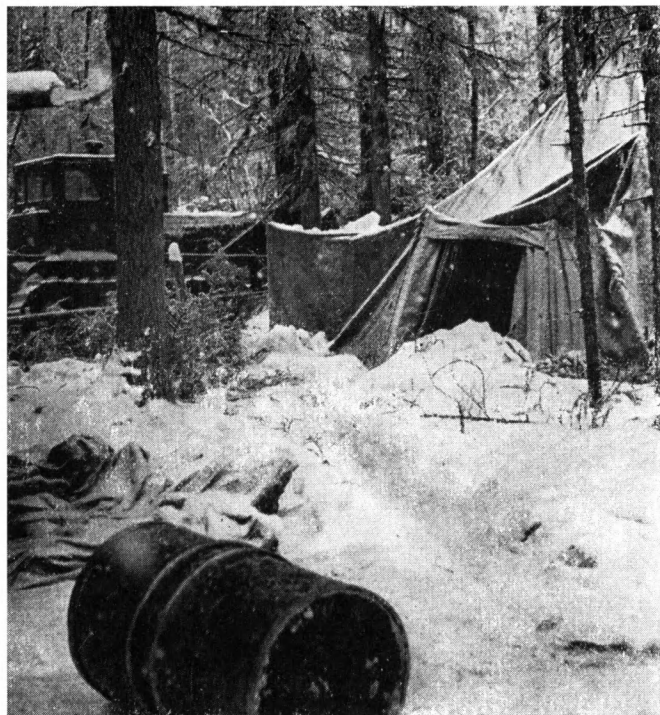
5

6

7

8, 9, 10, 11 — Непросто добраться до сокровищ, которые веками таила тюменская земля. Нужно было пробиться сквозь непроходимую тайгу, незамерзающие болота и пятидесятиградусный мороз. Часто начиная с палаток на голом месте, нужно было поставить сотни буровых, протянуть тысячи километров труб...

8

9

10

11

12, 13, 14, 15 — Осуществились планы, предназначанные партией, — Тюмень стала нефтяной державой. В тайге выросли новые города и потекли нефтяные реки Сибири...

12

13

14

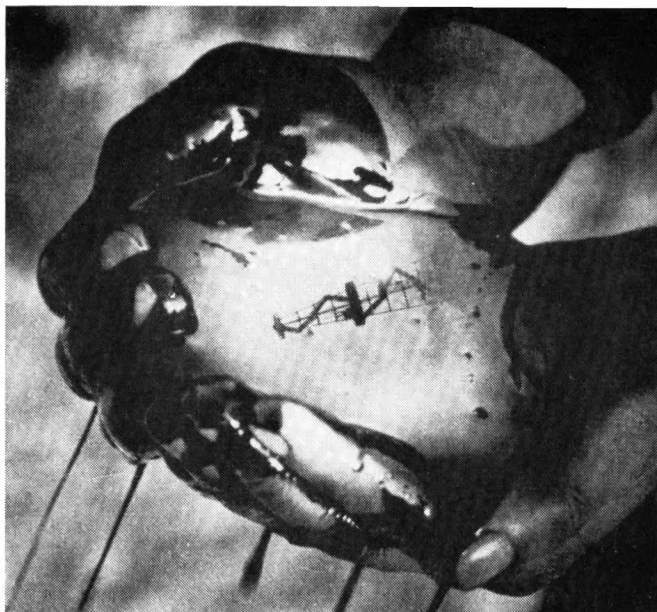
15

16

16, 17, 18 — Эти руки, давшие стране «черное золото», щедро ссыпают в закрома Родины миллионы тонн хлеба...
На новые, необжитые места молодежь приносит с собой самоотверженный труд и неукротимую жажду жизни.

17

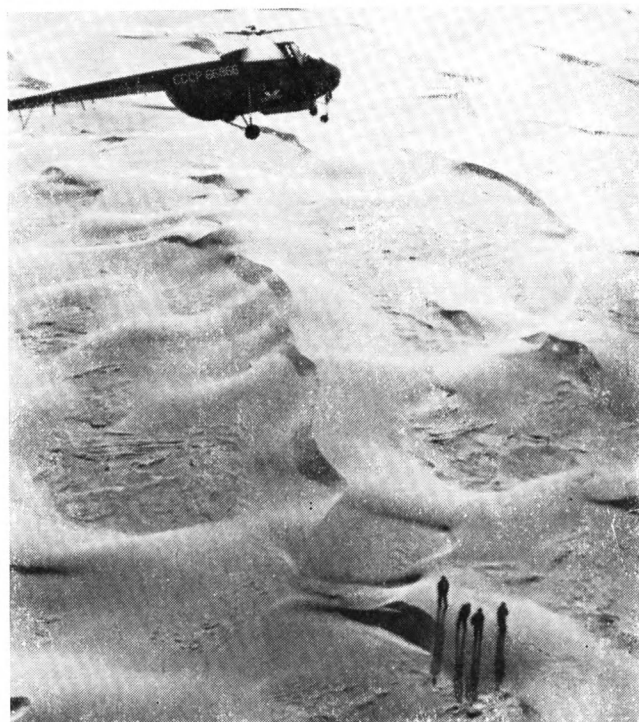

18

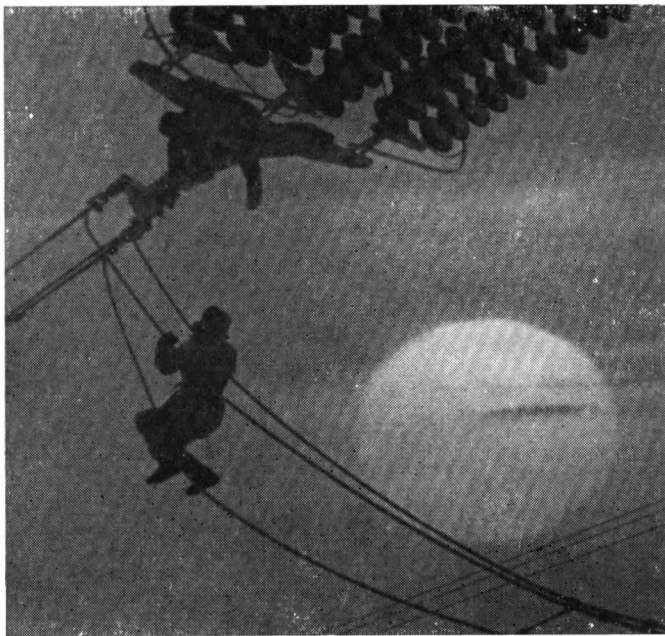
19, 20 — «ЛЭП-500
не простая линия...»
Они встречают первые
лучи солнца и первых
журавлей...

19

21

20

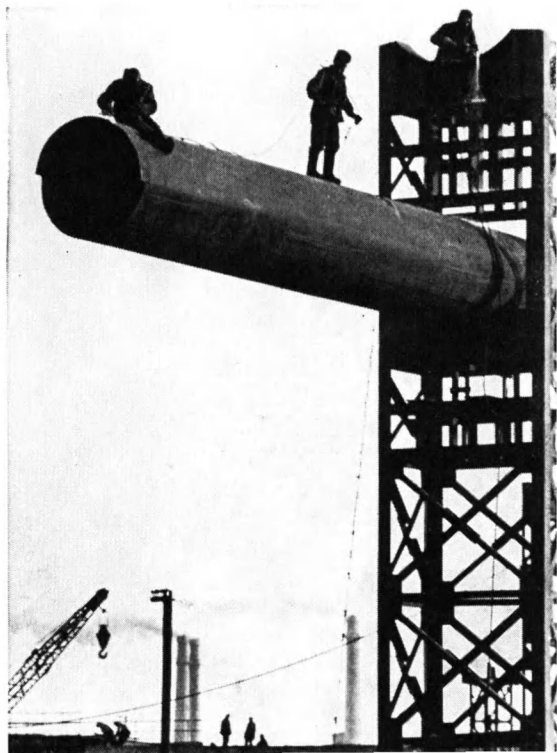
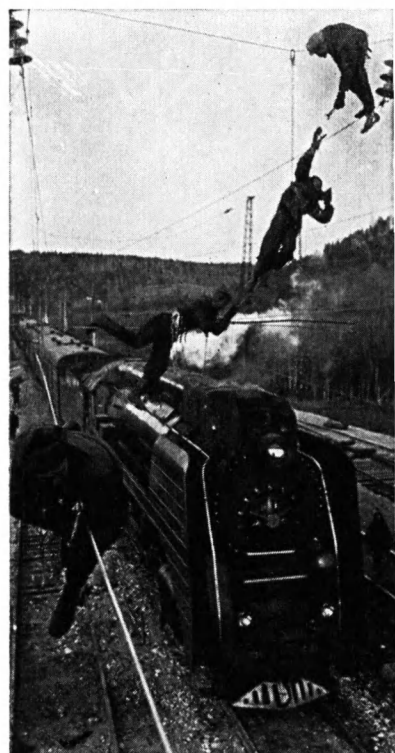
22

21, 22 — Им покорилась
пустыня...

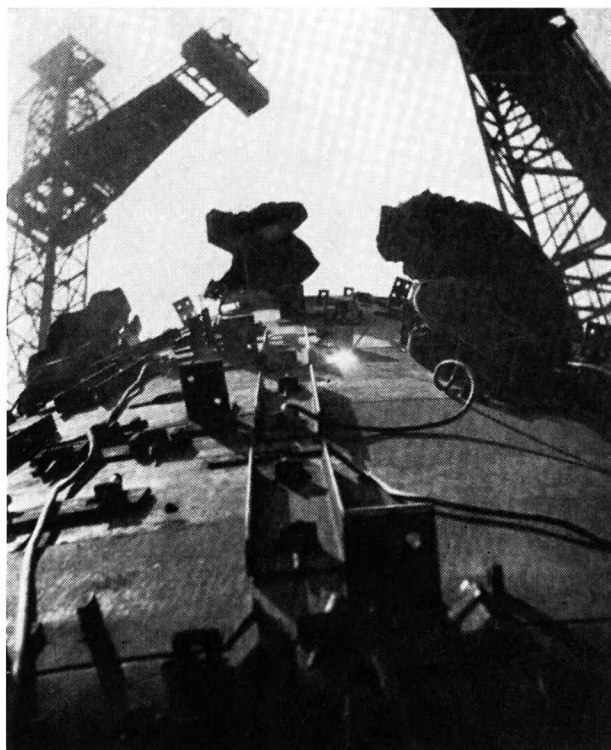

23, 24, 25, 26 — У каждого в жизни своя высота. И может быть, с той небольшой высоты, которую покоряли верхолазы над Транссибирской железной дорогой, строители в Нижнем Тагиле, монтажники домы легендарной Магнитки или мостостроители над Волгой, начиналась та высота, которую покорил Юрий Гагарин.

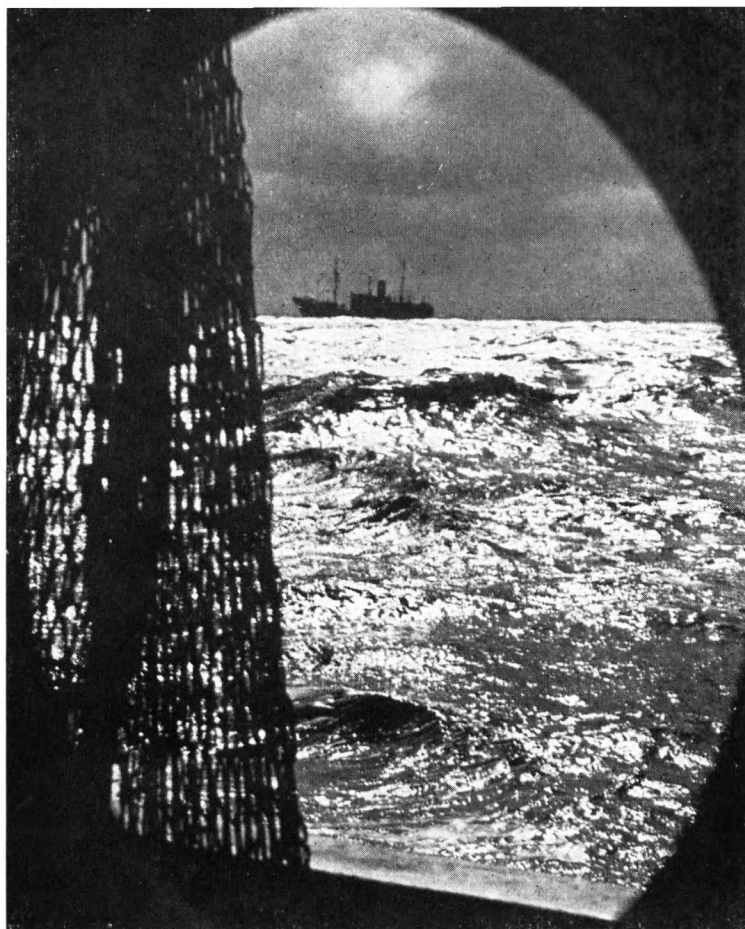

23

26

27 — Вот она, романтика моря, манящая в неведомый мир, полный опасности и приключений. Вслушайтесь в шквальный ветер, он напевает «бригантину».

вали даже села и города, которые-де снесены, тут же в автобусе комментировался факт, что люди перестали ходить в театры и кино. Действительно, было несколько дней, когда жители опасались собираться в закрытых помещениях. Этими слухами и не замедлил воспользоваться кое-кто из дельцов от темного мира. Нам рассказывали, что в нескольких домах было зарегистрировано появление людей, одетых в милицескую форму, которые приказывали жильцам собрать все необходимое и покинуть дом.

— Сель прорвал плотину. Ваша улица находится на пути движения селя, — сообщали они. — Эвакуируйтесь! Срочно!

И кое-кто из жителей поспешил покинуть свои дома, чем грабители, естественно, не замедлили воспользоваться. Да, именно в таких критических ситуациях на поверхность выплывают подонки. Подонки всегда остаются подонком...

Положение оставалось угрожающим. Плотина выдержала первый удар, но теперь ей грозила «битва на истощение». Сель забил водоотводные трубы, а вздувшаяся Алматинка добавляла в селехранилище по 10—12 кубометров воды ежесекундно. Уровень озера поднимался. Вода грозила перехлестнуть плотину, сдвинуть ее с места, и страшно себе представить, что могло произойти тогда, — сель, к мощности которого прибавится миллионотонная масса плотины, все-таки рухнет почти с двухкилометровой высоты на «город яблоч», слизнет половину Алма-Аты, и на месте цветущих парков, садов, на месте жилых массивов, памятников, улиц, площадей, дворцов останется черная, обезображенная земля. На случай, если плотина не устоит, спешно начали эвакуировать пионерские лагеря, детские сады...

Плотина набухла, пропиталась насквозь водой и, казалось, грозила вот-вот сдвинуться. А потом вдруг в одном месте ее пробила тонюсенькая струйка воды, затем в другом и третьем, струйки эти начали шириться, расти, они резали тело плотины на каньоны. Стало совсем тревожно.

Тогда правительство республики срочно собрало прямо на плотине консилиум: из Новосибирска прилетел вице-президент Академии наук СССР М. А. Лаврентьев, из Москвы — директор Института физики Земли АН СССР академик М. А. Садовский и заместитель начальника Главгосэкспертизы Госстроя СССР академик К. И. Смирнов. Были проверены все расчеты, обследован каждый метр туловища плотины. Заключение дали единодушное: «дырявость» плотины — явление нормальное, так должно быть. Но тревога не проходила.

Дорога была забита машинами, и непонятно, как на узеньком пространстве асфальта, где и легковушкам едва дано разойтись, разворачиваются, проходят, почти прижимаясь друг к другу бортами, сразу по три КраЗа — машины мощные, широкие, с хищно заостренными высокими радиаторами. Машины

поднимали на двухкилометровую высоту насосы, трубы, дизельные установки, дымящийся асфальт, бетон, сетчатые блоки плетеной арматуры, железобетонные столбы; все ревело, грохотало, плевалось дымом и тошнотворным бензиновым смрадом. Лейтенант-орудовец Николай Безобразов сказал, что, «постояв в таком потоке минут двадцать, можно в больницу ложиться». Но Безобразов стоял на шоссе под самым телом плотины уже шестые сутки — спал он не более трех часов в день. Охрипший — вместо голоса какой-то птичий клекот, со слезающимися, обожженными солнцем глазами, с лицом, с которого красной шкуркой слезала сгоревшая кожа, он мгновенно реагировал на любой дорожный конфликт, на любую пробку. Надо отдать должное алма-атинским орудовцам — и шоферам, конечно, — на дороге, от которой во многом зависела судьба и жизнь города, в эти дни не случилось ни одного происшествия, ни одной аварии, ни одного наезда.

Вода в селехранилище все прибывала и прибывала — спешно монтировались 16 мощных насосов для откачки, монтировались три нитки трубопровода, по которым предполагалось сбросить воду в опустевшее русло Малой Алматинки. В городе высохли арыки, которые питала речка, а арыки эти были для каждого жителя своего рода весточкой с плотины. по ним даже научились определять, как идут дела. Теперь видели, что дела идут плохо...

В самых опасных и трудных местах — на плотине, у насосов, в траншее трубопровода можно было увидеть в эти часы члена Политбюро ЦК КПСС, первого секретаря ЦК Компартии Казахстана Динмухамеда Ахмедовича Кунаева, Председателя Совета Министров Казахской ССР Байкена Ашимовича Ашимова, других руководителей партии и правительства республики, командующего войсками Среднеазиатского военного округа генерала армии Николая Григорьевича Лященко, военачальников, инженеров, хозяйственников. Казалось, весь «мозг республики» собрался здесь, на плотине, на самом опасном месте.

Поздним вечером наш «газик», осторожно, «почти на самом задку» съезжавший с плотины, вдруг, резко затормозив, так и застыл в висячем положении. Впереди, где серело мокрое полотно дороги, вдруг вздыбился горбом асфальт, будто невидимый колосс прламывал корку земли изнутри, потом на глазах отвалился толстенный кусок дороги, съехал в сторону, и в воздухе взвился мутный фонтан — вода еще в одном месте пробила тело плотины, пробила прямо сквозь дорогу! Засипели гудки остановившихся грузовиков, вспыхнули прожектора, ярко высветившие все вокруг; целая река воды, журча и взбрыкивая на выступах шоссе, понеслась вниз. Все, кто был на дороге, взялись за кирки, лопаты, тут же появился отбойный молоток — всего десять минут понадобилось, чтобы через

шоссе прокопать траншею, загнать в нее трубу, да еще прорыть почти стометровый канал для стока воды, а потом заасфальтировать трассу, предварительно утрамбовав ее катком. Машины пошли дальше по дымящемуся асфальту...

Здесь, в урочище Медео, побивались все рабочие рекорды, известные до сей поры, здесь время спрессовывалось в десятки и сотни раз — то, что раньше творилось месяцами, здесь свершалось за считанные часы.

Да, за часы, ибо нормы перевыполнялись в десятки и сотни раз. На плотине Медео властвовал массовый трудовой героизм. Характерная деталь: здесь не отдавали приказов, здесь только называли цель трудовой операции, и люди немедленно, почти не сговариваясь, с намека, с кивка понимая друг друга, бросались в «бой».

Правда, один приказ, прозвучав, был не исполнен. Бригада Промсантехмонтажа четверо суток не уходила с площадки, варила трубы. Главный инженер Н. П. Лысый наконец приказал сделать перерыв на сон. Бригада отказалась молча, просто никто не повернул головы.

Штаб решил: для монтажа понтона расчистить площадку на правом берегу, исполнитель — управляющий трестом «Алма-Атаоблтяжстрой» Л. Ю. Новал. К Новалу тотчас придвинулся бульдозерист В. Н. Салмин:

— Разрешите мне. Я тут четвертые сутки за баранкой, привык, а новичку ориентироваться трудно. — И, не дожидаясь ответа, повел бульдозер по самому краю обрыва.

Чуть в стороне, в кабине грузовика, не вникая реву и визгу моторов, спал В. Н. Змеулин, начальник городского управления общественного питания. Непросто наладить четырехразовую полноценную кормежку для двух тысяч рабочих на голом месте, от нуля, как говорится! Между грудами стройматериалов и разогретого железа тут и там притулились раздаточные пункты, цистерны с квасом, передвижные столовые. Девушки с покрасневшими глазами разливали в металлические миски борщ, раскладывали котлеты.

И над всем этим деловитым скопищем людей и механизмов погромывали патрульные вертолеты Аэрофлота, темными теньями отражаясь в зловещем, молча вспухающем озере.

У того самого мыска, где милиционер Гринченко и его товарищи спасли Кальяна Мусина, стоял плот, собранный из нескольких понтонов; на плоту, на толстых, рамой сваренных двутавровых балках две бригады — А. В. Флейто и В. А. Лотика — монтировали огромный, в полтора человеческого роста, насос, машину весом почти в 40 тонн. Мощность трех таких насосов равна мощности средней европейской реки. Начальник участка Казпромтехмонтажа Михаил Кондратенко, руководивший работами, подошел, сел рядом, произнес всего одну фразу: «Через три часа запустим», и тут же поднялся — сидеть

было нельзя, сидя можно заснуть; зачерпнул на ходу воды, протер лицо. Пришли КрАЗы с трубами — целая колонна. Трубы были газовыми, их сняли с проходящего на Мангышлак состава... Трубы-то есть, а фланцев нет. Но Флейто подал идею: содрать покрышки с запасных колес на грузовиках...

А вода все прибывала...

Машины ползли и ползли снизу из напряжившейся Алма-Аты, везя подтопку непрерывному пожару «сражения». Взоры спасателей все чаще и чаще приковывались ко все еще молчащим насосам. Вода поднималась: до верха плотины оставалось совсем немного, совсем немного... И вот наконец — наконец-то! — натужно и звонко первая струя воды ринулась в нитку трубопровода. А там через плотину, по ступенчатому склону горы в обескровленное русло Малой Алматинки.

Утром весь берег селехранилища был окантован двухсантиметровой мокрой пленкой — вода пошла на убыль. Люди нагибались, ощупывали эту кромку пальцами, словно не верили, замеряли ее линейками, люди плакали, не стесняясь друг друга. Люди смеялись...

Это была победа...

ПОВЕДА

Впервые в истории крупнейшее стихийное бедствие было не только заранее предсказано, но и встречено по точному плану, погашено, примято, нейтрализовано. Спокойно, деловито, на современном уровне организации и научно-технической мощи катастрофа предотвращена. В хорошо налаженном ритме работали ученые, администраторы, хозяйственники...

Важен практический опыт «укрощения» алма-атинского селя. Ледники продолжают ползти: оползни и сели еще не раз посетят нас... Теперь мы знаем, что самое слабое место в обороне от горных стихий — это безответственность некоторых звеньев исполнительного аппарата, выразившаяся, в частности, в том, что на Алатау в решительнейшую минуту не оказалось средств связи. Не было радиостанции, как не было ее у большинства мелких групп рабочих-геологов, во множестве передвигающихся короткими вояжами по Памиру и Тянь-Шаню, не было в альпинистских и туристских лагерях — а ведь в Казахстане, например, Совет Министров республики восемь раз принимал решение об установлении прочной связи между пунктами на путях возможного движения селя, — и все-таки, когда гром грянул, «Горельнику» об этом сообщить не смогли! Можно ли за ведомственную экономию на копеечных телефонных и радиоаппаратах расплачиваться здоровьем, жизнью наших людей? Ученые составля-

ют прогнозы, хозяйственники выделяют миллионные средства, сотни и тысячи рабочих с полной беспощадностью к себе строят узлы обороны против стихий, и все это запросто может свестись на нет из-за халатности нескольких рутинеров или скаредности случайных сквалыг, не имеющих чувства чести и долга! Опыт событий на реке Малой Алматинке должен послужить не только к славе победителей, но и к бесславию, наказанию ленивых и нерадивых.

Ну а завтра? Не преждевременная ли радость? Не слишком ли много восторгов по поводу серьезного, но все-таки частного успеха? Этот сель мы удержали. А если завтра пойдет новый, еще мощнее? И послезавтра... Всякое сооружение обладает пределом выносливости. Имеет ли смысл огород, то бишь ущелье, городить? А не лучше ли его засыпать вообще? И нет ли иных — менее рискованных и более дешевых — способов защиты от селя? Неужто снова придется алмаатинцам на энтузиазме, на героизме стоять, что называется, насмерть, расходуя столько сил, нервов, средств дефицитной техники...

Конечно, наилучшим кардинальным решением было бы предотвращение селей вообще, в любом месте, в любое время. Но управлять ими, как и вулканами, как и землетрясениями, мы только учимся. В частности, во время борьбы у плотины Медео был применен оригинальный способ «давления» на ледник: вертолеты забрасывали их дымовыми шашками, заслоняя от солнца, тем самым замедляя таяние и переполнение моренных озер. Идут упорные поиски и других сильнейших средств воздействия на высокогорные процессы.

Пока же, как доказали события, плотина — самое надежное орудие обороны. Ущелья засыпать не надо: они нужны нам для жизни, для отдыха. И не по всякому ущелью идет сель. На то и нужен научный прогноз: по какому именно ущелью? Как оказалось, такие прогнозы точны, алмаатинский сель пошел прямо по «указанному ему» маршруту.

Бояться, что плотина ослабеет под неоднократными атаками селя, не надо; наоборот, хитроумие замысла ученых и проектировщиков состоит как раз в том, что каждый сель будет укреплять — да, да, укреплять! — плотину. Те три с лишним миллиона кубометров камня, что принес сель, пустят на наращивание плотины — в результате она станет почти вдвое мощней. Значит, в следующий раз, буде он случится, плотина остановит сель вдвое мощнее нынешнего, а в следующий раз еще мощнее и так далее. Наконец она сделается такой массивной и прочной, что навсегда избавит Алма-Ату от опасностей.

Мы победили, и это главное! К чувству гордости за силу человеческого интеллекта и могущества производственных рычагов присоединяется и глубинное политико-хозяйственное удовлетворение. Ведь, кроме всего прочего, мы одержали

победу в авангардных боях на главных путях нынешнего освоения территории. За тысячи лет предки наши освоили все места, удобные для обживания, безопасные для бытия. Мы покоряем досель непокоренное, непригодное, небезопасное: Север, пустыни, горы, океан, космос... Там не до шуток: там мы вынуждены быть в постоянной готовности к беде, во всеоружии знаний, техники, работоспособности, смелости и упорства. Поэтому психологические последствия победы еще значимей и для страны, и — не побоимся такого обобщения — для всего мира, ибо теперь доказано, что можно разумно, планомерно, с минимальными потерями ставить природу «на место», даже когда она в неистовстве. Мы верим, что в социалистическом обществе это осуществимо, мы это знаем!

СЕРДЦЕ В ПЕСКАХ

Бьется ли сердце Азии? Не заглушено ли оно песками?

Н. К Р е р и х

...Ввести в эксплуатацию новые орошаемые земли на площади 465 тысяч гектаров. Продолжить работы по развитию нового крупного района хлопководства в Каршинской степи, увеличению орошаемых площадей в Голодной степи, Сурхан-Шерабадской долине и Каракалпакской АССР. Ускорить строительство Андижанского водохранилища и Тюя-Муюнского гидроузла...

Из Директив XXIV съезда КПСС
по пятилетнему плану развития
народного хозяйства СССР
на 1971—1975 годы

У туркмен есть поговорка: «Когда птица летит через Каракумы — она теряет перья, когда человек идет через Каракумы — он теряет ноги». Я полюбил пустыню с детства и, так сказать, заочно, как мальчишки обычно влюбляются в море. Но прошло довольно много лет, прежде чем я смог своими глазами увидеть серо-желтые песчаные барханы, которые издавна зовутся черными — «кара». Потом я часто ездил по шоссейным дорогам этой самой суровой из величайших пустынь мира. Привычные определения слишком общи, чтобы дать ясное представление о том, что такое пустыня. «Стихия песка», «мир каменного хаоса», «раскаленная сковородка» — все это так и не так. Я видел мерцающие в лунном свете золотые города, созданные ветром, и зеленые цветущие оазисы, солоноватые колодцы, куда приходят на водопой стада сайгаков, и скалы, которые ломались и крошились в морозную лютую ночь.

Одним словом, пустыня — понятие собирательное, многозначное. Почти такое же, как природа. Тем более что свойственная пустыням своеобразная изменчивость часто преворачивает с ног на голову самые привычные представления. Реки здесь блуждают как замороженные фата-морганой путники. Сегодня они впадают в озеро, а завтра неукротимым броском прорываются к морю. Пересохшие засоленные русла без истоков и дельт вдруг переполняются вспененной водой, которая затем словно по мановению волшебной палочки проваливается сквозь землю.

В Хиванском оазисе, самом сухом месте Евразии, где за год не наберется и 25 миллиметров осадков, все то время, что я там пробыл, лил дождь. В Ташкенте термометр показывал плюс 35, а в Хиве только 17. Зато на Тюя-Муюне в это же время можно было печь в песке яйца. Земля накалилась до 85 градусов!

Не случайно эта изменчивая стихия, первозданная и необъятная, извечно влекла к себе человека, тревожила его воображение своими тайнами и миражами. Древнейшие цивилизации, погребенные ныне под барханами, были всего лишь крошечными оазисами в бескрайнем море песков. Островками влаги и зелени, затерянными среди пустыни.

Сейчас о них напоминают только сверкающие осколки глазурированных черепков на древних караванных путях... Но речь не о прошлом.

Засушливые степи и знойные пустыни занимают около 14 процентов всей территории нашей страны. В Туркмении — до 90 процентов, в Узбекистане — 60. По сути, вся Средняя Азия — одна сплошная пустыня, зажата с юга и востока горными хребтами, у подножия которых приютились цветущие оазисы. Две великих реки, сбегаящие с высокогорных глетчеров, Амударья и Сырдарья, извилистыми трещинами прорезают красноватые барханы Кызылкума и желтые каракумские пески. Вдоль берегов и речных дельт тоже протянулись узкие зеленые ленты оазисов. Вокруг же, на тысячи километров — пустыня. Покрытое черным щебнем плато переходит в унылые глинисто-бурые пространства, где затерялись мутно-зеленые озерца, окаймленные сверкающей под беспощадным солнцем солью, а благоухающая весенней зеленью степь сменяется дикими солончаками Устюрта или каменными россыпями Бетпак-Дала.

Невольно вспоминаются слова Н. К. Рериха: «Бьется ли сердце Азии? Не заглушено ли оно песками?.. Но живо ли сердце?»

И в самом деле, живо ли погребенное в песках сердце? Пробудить его мечтали десятки поколений.

О тех же, кто пытался сделать это, слагали легенды. Примером тому поэма «Фархад и Ширин» Алишера Навои, воплотившая мечту об орошении водами Сырдарьи бескрайних просторов Голодной степи.

Ныне слово «голодная» уместно брать в кавычки. «Голодная»

степь — это такое же чудо нашего века, как и Ферганская долина, которую называют «жемчужиной Средней Азии». Французский публицист Жан Марабини писал недавно в газете «Монд», что Фергана — «этот лучший район на стыке границ трех республик — Киргизии, Узбекистана, Таджикистана — является гордостью советских людей и... претендует на то, чтобы стать образцом для третьего мира».

Наше поколение стало свидетелем удивительной цепи метаморфоз. Идиллические и несколько расплывчатые картины «покоренной природы» уступили место трезвой оценке сил и средств. Отныне мы знаем, насколько ограничены наши возможности «диктовать» свою волю мирозданию. Привычный лозунг «борьбы с природой» уступил место разумной идее гармоничного сосуществования. У человека нет и никогда, видимо, не будет возможностей уничтожить пустыни. Во-первых, для этого на земле не хватит пресной воды, а во-вторых, это совершенно не нужно. Пустыня столь же необходима нашей планете и нам самим, как, скажем, лес или океан. Она неотъемлемая часть ландшафта, незаменимое звено того гигантского экологического круговорота, который породил человека и всю его цивилизацию.

Речь идет, таким образом, не столько о борьбе с пустыней, сколько о комплексном ее освоении.

Ключевая проблема пустыни, как известно, вода. Но вода воде рознь и пустыня — рознь пустыне...

ЗАКЛЯТИЕ КАМНЕМ

Пылало солнце над его челом.
Суровый темный прах лежал кругом.

Фирдоуси

Грозна и прекрасна пустыня — победительница камня! Как мельница времени, стирает она в песчинки тот самый гранит, который еще во времена фараонов считался символом вечности. В Казахстане мне вспомнились гордые валуны Карелии. Забрызганные пятнами лишайника, суровые и молчаливые стражи языческой древности. Как свеж на изломе был их неприступный гранит! Он влажно пламенел розовым шпатом, искрился черной, как беличий зрачок, слюдой... Пустыня же, подобно иссушающей лихорадке, насквозь пронзает даже камень. Здесь граниты кажутся пыльными и немощными. Они крошатся под ветром, и тусклые пластинки опадают с древних скал, как штукатурка с покинутого дома.

Выпуклость по-казахски — «чеху». Этим словом зовут и древнюю каменную пустыню, где солнце и ветер изваяли причудливые замки из останков разрушенных гор. Эти горы, куда более старые, чем Урал, истаяли подобно ледяным глыбам. Остались лишь «чеху» — выпуклости, или, как говорят геологи, «центральной

ноказахстанский мелкосопочник». Но это не очень удачное название. Оно уже явления, беднее его.

Причудливый каменный лес. Развалины готических замков, в которых жили сказочные великаны. Слоистые скалы, отдаленно напоминающие мешки с мукой перед укладкой в трюм. И все это «мелкосопочник» — дряхлый гранитный костяк не существующих ныне заоблачных пиков. Совместное творение великих скульпторов: солнца, воды, ветра и холода. А вокруг на сотни верст измельченные камни, среди которых, как солнечные часы вечности, высятся выветренные гребни кварцитов, противотанковые заграждения гнейсов. Каждый камень умирает по-своему. Глинистые сланцы скругляются, как обсосанные льдинки, мраморы обретают тусклую сухую шлифовку. Но лишь граниты — собственно «чеху» — сами себе возводят колючие островерхие обелиски. Так медленно и неуклонно умирают горы. Природа же не знает смерти. Палеозойские хребты обрели новое существование. Они стали каменной пустыней. А она, в свой черед, дала приют жизни, эфемерной и яростной. Пронизанные мириадами трещин, гранитные твердыни превратились в прекрасные аккумуляторы воды. У их подножий, где во впадинах — они слышны еще издали — льдисто журчат роднички, буйно неистовствует зелень. Она не выгорит до поздней осени, до той самой поры, когда замерзающая по ночам вода примется вновь с хрустом крошить гранит. Нужно ли говорить, что там, где вода и зелень, там и человек с его исконными меньшими братьями? С давних времен жители казахской земли приводили свой скот к заветным ключам у подножий «чеху». Собирали воду в лотках, соединяли источники сложной системой каналов. Значит, и здесь, в каменной пустыне, было свое, пусть маленькое, земледелие, свои крохотные оазисы. Жизнь билась тоненьким родничковым пульсом. Сердце Азии все-таки стучало под каменным хаосом разрушенных гор.

Как бы ни были причудливы заколдованные ландшафты «чеху», подлинное обличье пустыни — это щебень. Бескрайние щебнистые равнины — по-арабски хаммады — это истинная пустыня: нигде ни травинки, ни кочки, которая могла бы дать хоть клочок тени. Мне довелось как-то проехать по такому щебнистому плато у отрогов Памиро-Алая. Картина, должен сказать, завораживающая. Всяду черный, зловеще сверкающий на солнце камень с очень характерным оттенком высохшей марганцовки. Это и есть знаменитый «загар пустыни», ее колдовской каменный лак. И какого бы цвета ни была та или иная горная порода, загар этот всегда черен. Солнце заставляет потеть даже камни. Оно вытапливает из них скудный горный раствор, который и остается на поверхности в виде тончайшей железомарганцевой пленки.

Щебнистые пустыни обычно рождаются на предгорных плато, куда тающие ледники обрушивают грохочущие каменные лави-

ны, куда низвергаются мутные потоки песка и ила. Ветры развеют погом это исполинское решето, и дожди многократно его промоют. Пыль и песок унесутся на сотни километров, чтобы осесть бог весть где. Останется один лишь щебень. Он легко пропускает воду, которая, как в запечатанной кладовой, безвозвратно пропадает затем в подстилающих слоях песчаника. Оттого так страшны черные безжизненные хаммады, что не добраться до этой глубинной воды ни растительным жадным корням, ни нетерпеливой лопате истомленного жаждой кочевника. Иное дело — современная бурильная установка. С ее помощью можно добыть воду даже посреди раскаленной каменной сковородки, имя которой хаммада...

В Центральной Азии щебнистые пустыни зовутся «гоби», что вообще-то означает «степь». Впрочем, чаще говорят «черная gobi», а это и есть мертвое, покрытое «загаром» щебнистое плато. Оно будет пострашнее любой сахарской хаммады. Сахара не знает ни таких лютых зимних ночей, ни таких беспощадных ветров. Иван Антонович Ефремов подарил мне как-то камешек из монгольской gobi. Он был обточен под правильную трехгранную пирамиду и отшлифован до зеркального блеска, хотя рука человека его не касалась. Это было слепое творение ветра. И он виртуозно справился с крепкой, близкой к яшме породой.

Вообще gobi Центральной Азии сложены из обломков твердых коренных пород. Они прошли двойную закалку: жаром и холодом. О ветре я уже и не говорю. О нем достаточно наглядно свидетельствуют шлифованные плоскости. Верблюды быстро истирали ноги на таких вот острых камешках. Недаром в прежние времена, когда через gobi пролегали исконные пути шелковых караванов, погонщики оснащали верных своих дроздов толстыми подметками сыромятной кожи.

Миллионы лет подтачивает победительница камня гора, в считанные дни уничтожает она речные долины. Такыр — исполинская пересохшая лужа, покрытая черной паутиной трещин. Он рождается на местах, где бурлили и пенились разливы илистых речных вод. Но вода невидимым паром уходит в небо, оставляя после себя гладкую глинистую равнину, которая тут же растрескивается на отдельные плитки. С этого момента такыр (это слово можно перевести как «голый») становится водонепроницаемым. Талые снега на некоторое время могут превратить его в озеро глубиной в ладонь, но рано или поздно солнце выпьет влагу, и там, где еще вчера был водоем, вновь зазмеится трещина. Глина такыра почти не раскисает в воде и быстро каменеет на солнце. Такыр поэтому бесплоден и мертв. Его терракотовая брусчатка способна при высыхании разорвать даже самые прочные корни.

Но в период дождей или снеготаяния такыры становятся хранилищами живительной опресненной воды. Пастухи сгоняют

к ним свои стада, местные женщины впрок запасают драгоценную, лишённую жестких солей влагу.

С незапамятных времен научились люди использовать обильные воды такыров, сберегать их от неминуемого высыхания. В наиболее глубоком месте вырывают небольшую ямку — «ой» и тщательно выбирают из нее такырную твердую глину, вплоть до подстилающих песков. Короче говоря, «протыкают» грязевую лепешку насквозь, чтобы вода могла уйти в песок и слиться с подземным морем. И хотя грунтовые воды в пустынях сильно засолены, такырная влага не пропадает впустую. Благодаря разнице плотностей она образует своего рода «линзу» в соленом горизонте. Конечно, неизбежная диффузия рано или поздно размоет эту пресную линзу, растворит ее без остатка в хлоркальциевом или гидрокарбонатриевом море. Но в том-то и секрет, что лучше поздно, чем рано. У опытных «прокалывателей» опресненные «линзы» сохраняются годами. В таких местах сооружают нехитрые водопои, куда в беспощадные засушливые сезоны чабаны сгоняют бесчисленные отары овец. Привыкших к подсоленной воде животных поят обычно не чистым эликсиром такыра, а смешивают «сладкую» воду с «горькой». Оно и полезно, да и хватит ее дольше. Я видел один такой колодец на Устюрте, где кочевал некоторое время с партией геологов. Изнуренные жарой и жаждой бедные лошади наши выпили его до дна, прежде чем успели просочиться новые порции воды. Я подумал, что, наверно, так вот, досуха, выпивали целые колодцы жадные кони нукеров хана Батыя... В те времена тоже знали секреты такыров. Но, как бы ни был драгоценен древний народный опыт, одного его недостаточно для успешного освоения пустынных земель. Если раньше человек искал воду лишь для того, чтобы напоить своих животных и напиток самому, то ныне она нужна прежде всего для промышленного использования. В том-то и трудность проблемы. Но о воде у нас еще будет особый разговор. Возвратимся поэтому к такырам — мозаичным мертвым площадкам, где даже лошадиные подковы не оставляют следа.

В умелых руках эта безжизненная, до металлического блеска окаменевшая пустыня станет обильным оазисом. Поэтому все чаще теперь такыры с большим запасом подземных вод глубоко перепаживают, добавляя в почву песок и удобрения, и постепенно обводняют. Потом, через год-другой их засаживают тополями, а там, глядишь, и бахчу разбивают. Кстати сказать, нет в мире дынь слаще, чем наши среднеазиатские. Холодные, с мутно-зеленоватым упоительным соком, который снимает усталость, незаметно и ненавязчиво утоляет самую жестокую жажду. Но особенно хороши дыни, выращенные на иле без единого полива. Каким-то чудесным образом перерождают они горькие воды пустыни в нектар. И нектар этот чудодействен и стоек... Он остается даже в клейких вяленых скибках. Солнце

и сухой горячий воздух не выжигают его. Недаром еще караванщики «1001 ночи» брали с собой в далекий путь изрядный запас вяленых дынь — лучшее лекарство против усталости и солнечного перегрева. Видимо, есть в дынях какие-то неизвестные еще вещества, которые препятствуют обезвоживанию. В условиях же пустыни это бесценное качество. Ведь здесь даже камни потеют, не то что люди. Столь же яростно тиранит пустынное солнце землю. Оно буквально высасывает из нее все соки. Вместе с влагой к поверхностному слою, естественно, подтягиваются и соли. Оттого-то столь щедро и плодородна здесь почва, что ненасытное солнце накачивает ее минеральными удобрениями. Ведь даже барханы в Каракумах расцветают по весне буйным разнотравьем. А это чистые пески, без капли гумуса! Но увеличение минерализации, к сожалению, благотворно лишь до известных пределов. Как и все в природе, это противоречивый диалектический процесс. С определенного момента горькая соль начинает угнетать растения. Они сгорают изнутри, как потерпевшие крушение мореплаватели, вынужденные пить забортную воду. И это самый страшный секрет пустыни. Обычно говорят о жаре, иссушающих ветрах, подвижных песках, тогда как самый коварный недруг — ползущая из-под земли соль. Она способна за какие-нибудь два-три года отравить щедрый оазис, богатый зеленью и водой. Натиск подземной соли тем сильнее, чем выше скорость испарения. В местах, где грунтовые воды подходят близко к поверхности, уже на второй год могут появиться белые выпары соли. Так рождается солончак — губительное болото пустыни, где даже мясистые, по-марсиански красные солеросы и те недолго удержатся. Влажные, пропитанные горячей рапой пески вспухают, подобно злокачественной язве, и начинают распространяться вширь, беспощадно истребляя всяческую растительность. Русское слово «солончак» не объемлет все злокозненные варианты этих мертвых, набухших рассолом болот. Пожалуй, их лучше называть «сор» (по-казахски) или «шор» (по-туркменски). Солончак — это скорее процесс или его стадия, когда на белом от кристаллов гипса и хлористого натра песке поселяются солеросы. А сор — это итог, когда уже никто здесь не может поселиться, когда все живое сгорело, отдавая горькой подземной крови. Сор может возникнуть и на месте пересохшего озера. Оно еще значится на карте, да и сверкающая гладь его издали видна истомленному путнику, но напрасны усилия скорее добраться до воды. Пусть даже путник не стал жертвой иллюзии и не принял блеск соли за отсвет воды, все равно вода перенасыщена солью. Пройдет год-другой, и она исчезнет, обнажив кристаллический выпар на дне и черные жирные трещины ила. Под тонким слоем хлоридов и сульфатов натрия зачастую скрывается жаркая грязевая топь, способная засосать не то что верблюда, а целый вездеход. Неопытному человеку лучше обойти сор стороной. Благо

его окрайка — последняя граница солончака — ясно видима. Это пояс изумрудных и ярко-пунцовых, как созревший помидор, солеросов. До сочной их мякоти большие охотники джейраны. Верблюды тоже не прочь полакомиться солеросами. Особенно по осени. Как-то я подстерег в солончаках Кызылкума дикого, а может, просто отбившегося от каравана верблюда. Я не собирался его ловить, да, честно говоря, и не знал, как это делается. Вполне достаточно было одного сознания, что этот верблюд мог бы стать моим. Хорошо, что есть еще в мире островки дикой природы, где бродят свободные гордые звери — любимые дети ее. И хорошо, что это не где-то там за морями, а на твоей родной земле. Я не то чтобы открыл, а физически ощутил очень простую в общем-то истину. Пустыня для нас — это не какая-то несказанная экзотика, а неотъемлемая часть Родины. Отдельные пустынные уголки нужно не только обходить, преобразовывать и переделывать, но и просто беречь, как берегут леса и реки, реликтовые заповедники, неповторимые творения природы.

В Средней Азии, кстати сказать, есть пещеры из оникса. Они совершенно уникальны. Природа создавала эти подземные храмы миллионы лет, каплю за каплей наращивая ониковые колонны из известкового раствора. Этим залам цены нет, и весь добытый здесь оникс не стоит отбитого куска сталактита. Недопустимо добывать драгоценный минерал на сувениры и тому подобные художественные поделки. Это все равно что разрабатывать малахит в Эрмитаже. Хорошо, что за пещеры вступилась наша печать. Но непоправимое уже случилось. Один из залов совершенно опустошен выработкой.

Пустыня — овеществленный сон природы. В нее, как в небытие, скользнули целые цивилизации. Здесь спят под песками древние буддийские монастыри и развалины зороастрийских башен молчания, каменные жертвенники неведомых кочевников, керамика Ольвии, золото и бронза Согдианы. Об этом должен помнить каждый, кто приходит сюда. Мы прокладываем в пустыне новые газопроводы, бурим землю в поисках воды и нефти, строим города, выращиваем хлопок, добываем золото. И мы не должны забывать, что под ногами у нас спрятано прошлое. Оно тоже нуждается в сохранении, неповторимое, уникальное, как сама природа.

Время совершает известную нивелировку, сближая слепые порождения стихийных сил с творениями рук человеческих. Разрушенные, занесенные песком городища так похожи на выветренные скалы, а эоловы города трудно отличить от древних развалин даже вблизи. Впервые фигуры выветривания, с их причудливой и капризной игрой светотени, когда контуры предметов становятся текучими, как очертания облаков, я увидел в Туркмении. А несколько лет спустя, уже на Устюрте, я бродил по залитым луной улицам несуществующего города. Я шел вдоль домов без окон и не удивлялся, потому что в Средней

Азии окна смотрят внутрь окруженного дувалом двора. Я взбирался на гребенчатые крепостные стены, и это была настоящая, только местами разрушенная стена. Я пытался разгадать причудливые фигуры на каменных пьедесталах посреди площадей и не сомневался, что действительно вижу их, и битое стекло вокруг — следы чьего-то разрушенного быта... И все же я знал, что стекло — это не более чем пластинки кальцита и стены дома и памятники рождены ветром и умело декорированы луной. Я видел лишь город Эола. Но знание это ничему не мешало, и огромный, по-азиатски рожками кверху месяц ткал и ткал свою волшебную паутину, а звезды колюче посверкивали в кристаллах кальцита. Это было прекрасно. И я хочу, чтобы эолов город остался на своем месте навсегда. Сейчас через Устюрт проложена железная дорога. Пусть все, кому случится проехать по ней, знают, что где-то совсем рядом их ждет заколдованное чудо: город луны и ветра. Ждет и всегда будет ждать... Сам Устюрт тоже чудо природы, порожденное противоборством стихий. Плоские, как гладильная доска, возвышенные плато нередки среди пустынь. И если они скорее похожи на аэродромы, со всех сторон отгороженные от пассажиров отвесными стенами, то Устюрт — исполнский космодром для пришельцев-гулливеров. Целая страна, вознесенная над пустыней метров на триста. Плоские, сложенные из твердых пород горы, как правило, возникают на месте недавних (с геологической точки зрения) морей. Их не корежили горообразующие катаклизмы, но ветер столь же ревностно, как и гранитные скалы, обтачивал их обрывы, унося в неведомые страны песок, камни и прочую «строительную» труху. Благо мезозойские и кайнозойские осадки легче поддаются «пескоструйной» обработке, чем твердые вулканические породы. Такие столовые горы — туркмены называют их «дорткуль» — характерная ипостась пустыни. Здесь гуляют ветры, дрожит воздух над раскаленными камнями, и почти абсолютное безводье. Самая настоящая пустыня. «Чинки» — отвесные обрывы, ограничивающие дорткули и каменные плато, часто совершенно неприступны. И если охотник, увлекшийся преследованием горного козла, не обучен альпинизму, ему лучше поискать себе другую добычу. И вообще, животный и растительный мир каменистых плато крайне скуден. Если в пустынях нашей Средней Азии насчитывается около 2500 видов растительности, то на белых, точно заснеженных, гипсовых почвах известковых плато ютится какая-нибудь десятая или даже двадцатая их часть. Суровый и бедный мир, где смогли выжить лишь самые упорные, самые приспособленные виды. Вот и получается, что собственно пустыни — обычно они ассоциируются с безбрежным морем песка — далеко не пусты. Уж если кто пуст, так это табыр, гипсовое плато, сор и черная щелнистая гоби. Пески же, напротив, богаты жизнью и скрытой водой. Природа — великий комбинатор. Она любит

всевозможные сочетания и перестановки. Злокозненные свойства пустынь подчас смягчаются соседством со степью или речной дельтой, а иногда ужесточаются невеселым сочетанием, скажем, гипсового плато с мертвым солончаком — сором. Встречается, хотя и нечасто, и полный «пустынный набор», когда с гипсом и солью соседствует черный щебень, изрытый воронками, изъязвленный растрескавшимся такыром. В Африке подобные «оазисы» носят имена, от которых попахивает адской серой. В Средней Азии за ними тоже утвердилась прочная репутация «шайтановых» да «иблисовых». Такие местечки есть на северо-западе Туркмении и на Центральном Мангышлаке. Здесь не то что на вездеходе или же на верблюде, пешком пройти и то невозможно. Что ни шаг, то яма с мокрым солончаком на дне или грязевая трещина. Одним словом, перефразируя афоризм Ст. Ежи Леца, можно сказать, что среди каждой пустыни есть своя пустыня. Настоящая!

АМУ БЛУЖДАЮЩАЯ

Увидел птиц я среди руин твердыни
над черепом царя, валявшимся в пустыне.

Омар Хайям

О милостивая богиня Аму! Дай нам полив!

Надпись на жертвенном сосуде

На новой обкомовской «Волге» по отличнейшему шоссе едем мы на Амударью. Скорость около ста километров в час. Все нормально и все привычно. Дорожные знаки, несущиеся навстречу, телеграфные столбы. Шлагбаум. Переезд. Накаленные рельсы. Есть лишь одна маленькая особенность: по обеим сторонам шоссе — пустыня, и воздух ее раскален и сух, как дыхание мартеновской печи.

У древнего полуразрушенного мазара решили остановиться. Осыпавшаяся стена шелушится от бумажных наклеек. Просьбы, благодарения за помощь. Горстка монет в нише. Шесты с посеребрившими от времени цветными флажками указывают на святое место. Но, судя по убогим подношениям, оно не очень-то посещается. У подножия холма — глубокий колодец с мутной солоноватой водой. Сквозь поредевшие ветви саксаула виднеются оплывшие развалины какого-то старого городища или, быть может, глинобитной крепости — такие часто встречаются в этих местах.

Ветры обнажили кое-где цветные черепки, редкие бусинки из бирюзы и сердолика. В проломах стены с высокими округлыми сверху зубцами тихо колышутся колючие метелки тростника. По серым, как сухая халва, руинам бегают юркие и черные, словно камни пустыни, жучки. Кое-где встречаются извест-

ковые шары скарабеев. Пыльные ящерицы шныряют в бесчисленных дырах и трещинах.

Древние, еще домусульманские традиции учили избегать развалин: в брошенных домах и забытых мавзолеях поселяются духи, которых лучше оставить в покое. Те же народные обычаи, между прочим, настоятельно рекомендовали отгонять от больных и умерших мух, которые на самом-то деле и есть злые духи. И в том была древняя интуитивная мудрость. Своего рода профилактика. Видимо, подобные запреты препятствовали распространению губительных эпидемий. И ведь никто даже не подозревал о существовании невидимых микробов!

В тени старой шелковицы сонно вился столбик каких-то мошек. Я указал на него Р. Д. Джуманиязову, секретарю Хорезмского обкома по пропаганде.

— А ведь здесь нехорошее место, Раджаб Джуманиязович! — пошутил я.

— Да. Старики еще приходят на мазары, — не сразу понял он. — А люди среднего поколения и молодежь — нет. Разве что какая-нибудь бездетная женщина придет вымолить у шейха сына.

— Я не про то... Рядом с мазаром — «нечистое место». Развалины.

— Ну, это уже давно забытое суеверие! Теперь нечистых мест нет, — засмеялся он. — А вон, смотрите, тандыр!

Среди развалин действительно белели обломки древнего тандыра. В таких яйцевидных с круглым жерлом печах и до сих пор пекут вкуснейший домашний хлеб. Завидев где-нибудь этот дымящийся конвертер, я не упускал случая купить горячую ароматную лепешку.

Люди тысячи лет жили в пустыне, и накопленный ими опыт бесценен. Глинобитный хорезмский домик с затененным внутренним двориком и входом, глубоким и темным, словно туннель в скале, — лучшего жилья для этих мест не придумаешь. А лепешка, выпеченная в тандыре? Она долго не черствеет и не боится плесени. Ее хорошо взять с собой в долгий путь. Я навсегда запомню звездное небо над пустыней. Жаркое пламя в холодной кристальной ночи, с треском пожирившее сухой саксаул. Кок-чай, сваренный в солоноватой воде первого попавшегося колодца, размоченную в нем сухую лепешку, сохранившую дымное тепло хорезмского тандыра.

Я бродил по развалинам, которые постепенно обретали черты гениального хаоса, мертвой природы. Рукотворная глина возвращалась к первозданному состоянию. Мне еще сильнее захотелось увидеть великую реку Азии, желтую от плодородного ила. Она дарует воду посевам, плодородие пескам и глину гончарам. Дарительница жизни Аму! Недаром древние хорезмийцы и согдиане почитали ее как богиню. Я видел терракото-

вые фигурки Анахит — милостивой богини Аму. Они были очень похожи на ранние изображения Изиды и Ашторет.

И это не удивительно. В плодородной нильской дельте и в междуречье Евфрата и Тигра, на Ганге, на Иравади — везде, где река несла жизнь, люди обожествляли реку.

Слава тебе, Нил, выходящий из земли,
Чтоб Египет оросить!

И не случайно первые очаги цивилизации возникли именно в долинах рек. А реки эти текли через пустыни. Казалось бы, люди могли себе выбрать колыбель и получше. Но колыбели не выбирают. Выбор приходит уже потом, когда ребенок вырастает и готовится покинуть отчий дом. Лес создал человека, но цивилизацию создали пески. Необыкновенная щедрость почв, богатых растворимыми солями, обилие солнца и тепла, сухой и здоровый воздух — все это дала пустыня. И еще она дала безоблачное небо и большие звезды в ночи. Они научили человека угадывать сроки благодатных разливов, дарующих плодородные нивы, и находить верную дорогу среди песков. Именно здесь, в пустыне, далекие пращуры подняли глаза к звездам. Борьба за воду научила их высокому искусству прокладки каналов и исчисления площадей. На плоском ландшафте пустынь они творили ту первую практическую геометрию, из которой родились потом постулаты Эвклида.

Я видел следы древнейших стоянок по берегам Аму и Сыр, Мургаба и Зеравшана, на озере Денгиз-Куль и на золотоносной реке Сурхан. Как далеко ушло человечество от первых костров и кремневых нуклеусов! От первых арыков в песках...

В пещере Тешик-Таш, расположенной высоко в горах Байсунтау, найдена палеолитическая стоянка. В этой каменной, пропыленной дыре тысячи лет назад жили люди загадочной мустьерской эпохи, когда еще только складывались зачатки родового строя.

Я видел целые галереи наскальных росписей. В Кобыстане и в горах Кугитанг, не так далеко от Сурхандарьи. Лиловая и рыжая охра. Нехитрый быт примитивного общества. Охотник, поражающий копьём быка, стада круторогих козлов, веселая пляска по случаю богатой добычи... Пройдут тысячи лет, и появятся святилища с неугасимыми жертвенниками, трехгранные бронзовые наконечники для стрел, гончарный круг и нержавеющие обручи из метеоритного железа.

Особенно интересно мне было увидеть следы древнейшей оросительной системы. Ведь именно тогда и началась борьба человека с пустыней. До сих пор он лишь приспособлялся к ее капризам. Покорно следовал правилам придуманной ею игры. Но первый канал, подведенный к оазису, круто изменил расстановку сил. Отныне человек стал диктовать свою волю природе. К сожалению, это ему далеко не всегда удавалось.

Древние обитатели Средней Азии знали несколько видов искусственного орошения: от обычных каналов до подземных кяризов, по которым к посевам подводились опресненные грунтовые воды. В древнем Хорезме ирригационная система достигла высшего совершенства. Достаточно сказать, что построенный 2500 лет назад канал Чермен-яб имел в длину 200 километров!

Вполне закономерно поэтому, что еще задолго до новой эры на территориях древнего орошения возникли могущественные государства: Хорезм — в районе нижнего течения Сурхандарьи, Согдиана — в долине Зеравшана и Кашкадарьи, Маргиана — в долине реки Мургаб. На весь древний мир славились их сказочно богатые города: Марканда (нынешний Самарканд), столица Бактрии Бактра, Мерв — центр таинственной Маргианы...

Хивинский оазис остался далеко позади, а до Амударьи было еще недалеко, когда вправо от дороги что-то сверкнуло нестерпимым тяжелым блеском.

— Озеро?

— Мираж, — ответил Раджаб Джуманиязович и развернул карту. — Мы сейчас вот здесь, — он очертил пальцем небольшой кружок. — Тут недалеко только сухое русло.

— Чье?

— Какой-то реки...

Сухие русла, пропавшие реки пустыни... Когда летишь на вертолете в низовьях Аму или Сыр, сколько видишь этих петляющих, занесенных песками староречий. Меандры излук. Венозные разветвления дельт. Но никакой воды! Разве что пригрезится сверкающая рябь в кустах тамариска или озерная гладь под шелковистой ивой. Но это мираж. Фантом. Призрак. Реальный блеском слепит только окаменевший такыр и битые черепки по берегам староречий. Вода здесь была. Люди ловили рыбу, выращивали сады. Но уходили реки, высыхали озера, и жизнь замирала. С вертолета хорошо видна сглаженная песками ирригационная сеть: каналы, нарезанные параллельно друг другу арыки, отводные коллекторы, четкие прямоугольники полей. Но все в прошлом: поля, арыки, каналы. Вода ушла. Печальной памятью о ней темнеют развалины глинобитного арыка, груды битого кирпича, глазурированные осколки керамики. С последним исчезнувшим ручейком остановились и стрелки часов. Беспощадная реальность пустыни. Ее реки щелры и необыкновенно коварны, им чуждо постоянство. Они шатаются по пустыне как одержимые безумием. Подобно песчаному удавчику, бороздят ее следами без конца и начала. Печальное это зрелище — сухое русло в песках...

В Хорезме я бродил по дну Старой реки (Кунядарьи) и набрел на круглый камень с дыркой посередине — древний якорь. Кто-то плавал, кто-то ловил рыбу... Еще в тринадцатом веке здесь был благодатный оазис, в котором выращивали

персики и пшеницу. Но ушла вода, и над оазисом сомкнулась пустыня. Сухая ныне Жанадарья в Кызылкуме каких-нибудь полтора столетия тому назад несла свои воды в Арал. Теперь же среди красивых песков змеится каменистый овраг длиной в 400 километров. Другие староречья Сырдарьи были полноводными еще на памяти живущих ныне людей.

Надо сказать, что такие вот пересохшие, покинутые реками русла породили легенду о неизбежном усыхании пустынь. И в самом деле, на первый взгляд в этом есть известная логика. Против объективной реальности не попрешь. Реки высыхают, пески надвигаются — неотвратимый геологический процесс, бороться с которым бессмысленно. Зачем же тогда, спрашивается, обводнять среднеазиатские пустыни? Это же все равно что выливать воду в песок.

Попробуем разобраться, в чем тут дело. Ведь от правильного ответа на вопрос, почему исчезают реки, зависит, без преувеличения, все! О какой ирригации можно говорить, если даже у больших, полноводных рек нет будущего? Если каждой из них рано или поздно предстоит оставить после себя сухое русло? И при этом в последний раз...

Попробуем проследить путь реки с заоблачных вершин на широкую равнину. У нас, в средней полосе, горы, как правило, покрыты лесом и сравнительно невысоки. Поэтому реки, даже если они и родились в горах в зоне умеренного климата, чисты, прозрачны и неторопливы. Они мутнеют и переполняются лишь по весне. Но, сколь бы обильны ни были талые воды, они не могут заставить реку покинуть свое русло. Напротив, весенние разливы лишь углубляют его. Иное дело высокогорная река, которую питают глетчеры. Она скачет по камням, которые днем раскаляются от солнца, а ночью лопаются от мороза. Безлесные берега обрушиваются в воду всевозможный горный сор, мелкую гальку, тучи песка и глины. Тарахтящие осыпи и стремительные лавины то и дело перегораживают течение. Вспененная, бунтующая вода прыгает из стороны в сторону, прорезает новые пути, огнибает завалы, срывается с отвесной кручи в ущелье, поневоле несет с собой непомерный груз песка и камня. На равнине же, где скорость воды затухает, обессиленная река сваливает тяжелую ношу. Валуны и галька остаются на месте, а река, разбившись на сотни извилистых ручейков, продолжает свой путь, желтая и мутная от песка и глины. И течет эта река не по европейской равнине, где в нее вливаются сотни ручьев и рек. Нет, пустыня ничего не подарит ей. Напротив, с каждым шагом река в пустыне теряет воду. Ее выпивают солнце и сухой воздух, ее жадно впитывают пески и прошлогодние илистые наносы самой же реки. Именно они год от года как бы приподнимают речное русло. Неудивительно, что в один прекрасный день вода выходит из берегов и в широком вольном разливе своем начинает искать

более короткую дорогу к низине. Так рождается новое русло. И появляется запорошенное сухим илом староречье. Пустыня же завладевает оазисом на его берегах.

Нет, пустыни не стремятся к окончательному высыханию, а реки в них не исчезают бесследно. Они лишь меняют время от времени свои русла. И это доставляет человеку массу хлопот. Приходится возводить систему дамб, сковывающих склонную к неожиданным побегам реку, пристально следить за таянием ледников. В одну из последних суровых зим, когда Аму замерзла на большом протяжении, ее пришлось даже атаковать с воздуха. Авиабомбы взорвали лед, который по весне мог бы причинить большие неприятности. Вот как обстоит дело с реками пустыни. Недаром Аму называют «бешеной», совсем недаром. Ей ничего не стоит подмыть и обрушить берег, засыпать хлопковую плантацию супесью отложений или смыть десяток квадратных километров культурных земель. Не проходит и года, чтобы она не прорвала в нескольких местах длинную береговую дамбу.

Человек не может диктовать свою волю мирозданию. Лишь зная законы природы, он сумеет заставить ее подчиниться. Это игра, в которой правила выдуманы не нами. Их нужно поэтому твердо знать, иначе нечего даже надеяться на выигрыш. Есть такая штука — кориолисово ускорение. Человек не властен над ним, как не властен он над вращением Земли вокруг своей оси. Благодаря этому самому кориолисову ускорению реки (в северном полушарии) всегда подмывают правый берег. Кроме того, рекам свойственно проталкивать свои излучины вниз по течению. Если мы знаем эти простейшие правила игры, то можем не опасаться за свои посеы на левом берегу и поселения, построенные выше излучин. В противном случае не избежать проигрыша.

Город Петро-Александровск (впоследствии переименован в Турткуль) был основан в семидесятых годах прошлого века. Место для него выбрали на правом берегу Аму и ниже ее излучины. Одним словом, в полном пренебрежении к двум основным законам эволюции рек. Расплата не заставила себя ждать. Если в 1888 году город отстоял от реки на пять километров, то в 1932 году это расстояние сократилось до нескольких сот метров. Лишь за июль 1932 года Аму «сожрала» береговую полосу шириной в полкилометра! На защиту города были истрачены большие средства. Но ничто не помогало: ни дамбы, ни перепускные каналы, ни молы. Река неукротимо подступала к домам. Когда воды Аму стали заливать окраину, стало ясно, что битва проиграна. В конце концов (лучше поздно, чем никогда) решили, что дешевле будет перенести город на новое, безопасное место, чем растрчивать средства на бессельное сопротивление непреодолимому натиску могучей стихии. Так было положено начало новому городу. Теперь он называется

Нукус и является столицей Каракалпакской АССР. Это прекрасный процветающий город с современной планировкой, утопающий в зелени. Он может быть спокоен за свое будущее. А Турткуль... На карте вы найдете это название. Но это новый Турткуль. Он построен на другом месте. Старый город поглотила Аму.

Нужно хорошо знать прошлое. Без этого нельзя предвидеть завтрашний день.

В далекие геологические эпохи, когда, повинувшись колебаниям климата, наступали и отступали огромные ледники, район Каракумов становился то пустынным, как в настоящее время, то влажным, как лесотундра. Каспийское и Аральское моря сливались в огромное внутреннее море. А воды Аму (или Окса у древнегреческих авторов) впадали сначала в Аральское море, которое имело большие размеры, а затем через Сарыкамышскую впадину и древнюю долину Узбоя в Каспийское. Так же вела себя и Сыр (Яксарт).

Во времена доисторического человека Каракумы, как и Сахара, были вполне обитаемым районом. Об этом рассказали нам неолитические находки.

В V веке до н. э. Сыр впадала в Аральское море двумя рукавами — северным (существующим и в настоящее время) и южным, который соединялся с устьем Аму. Геродот со свойственной ему обстоятельностью описал все как было. Слившись воедино, реки пересекали Сарыкамышскую впадину через Узбой и впадали в Каспийское море. В III веке до н. э. южный рукав Сыр исчез, и реки разделились, сначала временно, а затем, в X веке н. э., уже постоянно. Как будто бы постоянно!

Позднее тоже отмечались климатические скачки, чередования засушливых и дождливых периодов. Соответственно колебался и уровень Каспийского моря.

Вот несколько исторических свидетельств. В царствование Селевка, преемника Александра Македонского, Патрокл посетил берега Каспия и видел устья Окса и Яксарта. К началу нашей эры уровень моря был на 11—12 метров ниже среднего уровня океана.

В IV веке римлянин Марцеллин застал русло Узбоя совершенно сухим. В V веке Эсдигер II построил на берегу Каспийского моря город Дербент. Развалины этого древнего города в настоящее время затоплены морем. В VII веке уровень Каспийского моря достигал самой низкой точки — отметки 56 метров. В следующем веке он повысился на 16 метров. В X веке арабские географы описывали лесистые районы вокруг Аральского моря. В XIV веке Аму вновь впадала в Каспийское море. Хотя русло Узбоя и оставалось безводным...

И вот наконец я плыву по великой реке на стареньком катере! Под тентом накрыт достархан с узбекским пловом, жареной рыбой, дынями и виноградом. Спокойная глинистая вода

тихо плещется за бортом. Но изредка до слуха долетают приглушенные расстоянием залпы.

— Что это? — спросил я.

— Аму берега обрушивает, — ответил Александр Александрович Корниенко, начальник огромной стройки, куда я, собственно, и стремлюсь попасть.

— А часто так?

— Всегда.

И правда, гулкие залпы, сопровождаемые всплеском, слышались на протяжении всего пути. А так река была спокойной. Спокойным и приятным было и путешествие. Волновался лишь наш капитан. Вскакивал, бежал в рулевую рубку или на корму — промерять глубину. Фарватер Аму столь же непостоянен, как и русло. Ее воды несут тысячи тонн ила, который ежеминутно оседает на дне и по берегам. Этот плодородный пористый грунт легко уступает потом нажиму лопаты или удару кетменем, но столь же легко поддается он лобовым ударам воды. Аму много шире Волги, и ленивое спокойствие ее прозрачно. Эта река сметет любое препятствие, любой завал либо выскочит вдруг из своего русла и шарахнется в глубь пустыни, оставив без воды древнейшие оазисы, знавшие расцветы и падения многих государств Востока.

Рядом со мной сидели люди, которые хорошо изучили повадки своенравной реки. Они готовили для нее сюрприз: большую клетку, способную смирить и обуздать «среднеазиатскую тигрицу». Тигры, кстати сказать, лет двадцать назад еще водились в этих краях. Речные тугай — крошечное царство перепутанной зелени — давали им надеждый приют. Но слишком уж беспокоен, особенно в последние годы, стал человек на Аму! Катера, пароходы, лайнеры, баржи... Грохот, шум, свист. Да еще стрекочущие в небе вертолеты. И высоковольтные вышки, поставленные в самых заповедных местах... Царственный зверь покинул амударьинские тугай. Остались лишь хищные камышовые коты, да дикие кабаны, да фазаны.

Тугай — это джунгли пустыни. Они тянутся на многие километры вдоль берегов Аму и Сыр, Мургаба и Теджена. Заросли голубоватого тамариска, расцветающего по весне крупными сиреневыми соцветиями, переплетены тугими лианами ломоноса. Его многочисленные плодоносящие побеги похожи на запорошенные инеем папахи. Серебристые листья лоха, чьи соцветия издают сладчайший, слышимый на сотни метров запах, скрывают стальные колючки шингиля, способного разодрать в клочья даже кирзовые сапоги. Но тот же шингиль — лучшее топливо для тандыров. Вспыхивает, как спирт, и горит долго и жарко, пропитывая хлеб неповторимым своим ароматом, диким и пряным.

Тугай — это непроходимые джунгли, тугай — это тенистые,

похожие на искусственные парки леса. Высокие тополя, плакучие ивы и лох перемежаются красными полянами солончаков и полосами шумящего тростника, в котором бродят выводки диких свиней и сонно плещутся громадные сомы. Зеленый сумеречный мир, где неожиданно открываются, как изумленные очи, синие озера, окруженные дрожащим под ветром серебром эриантуса. А осенью на этих заколдованных озерах и старицах устраивают себе привал огненные фламинго. А потом розоватые желтоклювые пеликаны прилетают сюда из заморских краев.

В тугаях можно встретить косулю или подстеречь редкий миг, когда болотные змеи свиваются в огромные шипящие клубки. А хорезмские старики уверяют, что в зарослях все еще живут разбойники-леопарды, уносящие по ночам овец из кишлаков. Мало ли кто может скрываться в тугаях!

В сплошной стене лиан и колючек нет дверей. И привычных троп нет в джунглях пустыни. Лишь запутанный лабиринт зеленых труб, по которым животные идут к водопоям. И даже над арыками не видно неба, потому что метелки эриантуса смыкаются в стрельчатую арку, как своды готического собора. Можно часами плыть по каналу на лодке, без всякой надежды ступить на берег. Берега нет. Лишь тростник и эриантус. И воды тоже нет, и неба. Лишь тенистый петляющий коридор. Где-то хлюпают большие рыбы, кричат птицы и какие-то звери ломают тростник. Все это можно лишь слышать. Увидеть ничего не удастся. Разве что пятачок жирно блестящей воды среди зелени. Знай себе проталкивай лодку шестом. Вперед и вперед... Но это, так сказать, романтическая сторона, привлекательная. Есть и другая. Еще до того, как закатится солнце и летучие мыши станут бесшумно чертить в вечеряющем воздухе стремительные фигуры, над водой повисают дымные рыжеватые облачка. Они тянутся по ветру или неподвижно вдруг повисают над палубой, чтобы через мгновение обрушиться беспощадной всепожирающей атакой. Это гнус, москиты и еще бог знает кто. Спасения от них нет. Крылатые кровопийцы пустыни по лютоści превосходят своих родичей с суровых сибирских рек и заполярной тундры.

Институт зоологии Узбекской академии наук ведет большую исследовательскую работу по борьбе с гнусом. Пробуют травить места выплода всевозможными химикалиями, подсаляют в арыки живородящих тропических рыбок, но ощутимых результатов пока не видно. Малярийного комара ликвидировали, что называется, под корень, а простого не могут. Видимо, за эту проблему надо браться с другой стороны. Не уничтожать надо комара, а человека защищать надо. Тогда все будет в полном порядке. Ведь сам по себе комар нужен природе. Он необходимое звено великой пищевой цепи, в котором участвуют насекомые, рыбы, звери, птицы и косвенно мы, люди. Исчезнов-

ние комаров, как правило, тяжело отражается на урожае. Слишком уж дорого приходится платить за безопасные прогулки у вечеряющей воды.

МИСТЕРИЯ ПЕСКА

Где та пора когда дрова пылали?
Теперь пылают красные тюльпаны.

Рудаки

Не носи капсюль-детонатор в
кармане!

Надпись на фанерном щите
(Тюя-Муюн)

Наш пароходик пристал к деревянному пирсу, прилепившемуся к высокому обрывистому берегу со следами свежих обрушений. По узенькой тропке, заросшей колючими травами, мы поднялись наверх, где за шлюзом отводного канала нас уже ожидали машины.

Отсюда на Тюя-Муюн лежала прямая дорога. Раскаленный пыльный грейдер среди пустыни. Причем настоящей пустыни, в самом традиционном понимании этого слова — с песком и барханами. Наконец-то я мог увидеть легендарные барханы!

Может показаться странным, но песка в пустынях не так уж и много. Пустыни СССР раскинулись на территории примерно в три миллиона квадратных километров. Но лишь четвертая часть бескрайних этих просторов занята песками. Примерно такое же соотношение соблюдается и в других частях мира. Даже знаменитая Сахара не составляет здесь исключения.

Сахара — это прежде всего хаммады — каменистые равнины — и еще сериры — равнины, покрытые щебнем и галькой. И только шестую часть великой пустыни занимают песчаные пространства — эрги. Много меньше, чем у нас. Пески эти неподвижны, они намертво схвачены цепкими корнями скудной, но выносливой пустынной растительности.

Иное дело барханы. Но и в Сахаре они очень редки. Эти материковые дюны пустынь, холмы сыпучего песка, навеянные ветром и не закрепленные растительностью, не так-то просто увидеть. Одиночные барханы на плотном грунте не более чем песчаные горки полулунного или серповидного профиля. Они не очень-то примечательны. Но там, где песок уходит вглубь, образуются сплошные барханы. Все зависит от ветра: если дуют устойчивые ветры, создаются продольные барханные гряды, барханные цепи; если в воздухе сталкиваются и смешиваются противоборствующие ветры, появляются барханные пирамиды самых разных очертаний, чаще всего похожие на звезды.

Не закрепленные растительностью барханы вечно движутся со скоростью от десяти сантиметров до пятисот метров в год. Медленно, но упорно ползут они по пустыне. Кочевники обычно разбивают привал у подножия барханов, потому что им издавна известно (теперь это знают и ученые), что бархан может хранить в себе пресную воду. Недаром казахи говорят: «Кум-бар-су бир» (где пески, там и вода). Подобно губке, всасывают пески животворную влагу и долго хранят ее в своих запечатанных кладовых. И вот что интересно! Вода эта почти не испаряется в сухой воздух пустыни. Ее плотно удерживают капиллярные силы песков. Зато корни растений получают ее совершенно беспрепятственно. Оттого так буйно и расцветают барханы весной. Всего пять дней бывает снег в Каракумах, и очень редко идут там дожди. Но и этой малости песчаной пустыне достаточно!

Не в пример каменистым пустыням Казахстана, где осадки довольно обильны и равномерно распределены по временам года, песчаные барханы расцветают буквально в одну ночь. Это праздник жизни, буйный, благоухающий и такой короткий...

С мартовским солнцем пустыня покрывается зеленью и нежными цветочными чашечками всевозможных оттенков и форм. Изумрудный селин, лиловый гусиный лук, тюльпаны, мятлик и астрагал — все это тянется к жаркому небу, торопится жить, оставить после себя семена для будущих всходов. Особенно хороша кара-иляк — нежная короткая травка с могучей корневой системой, способной высосать всю воду до последней капли. Это первый весенний корм. Изголодавшиеся за зиму овцы быстро приходят в норму на кара-иляке. Это для них и первейшая еда, и безотказное лекарство, и лучшее питье. Отары, которые пасутся в зарослях иляка, по месяцам обходятся без водопоя. Необходимый запас воды чудесная травка уже насосала в свои клетки из песка. Но короток, эфемерен этот праздник жизни. Недаром пустынные пастбища носят названия эфемерных. Они ведь и исчезают за одну ночь. словно никогда их и не было. Иляк и живородящий мятлик, лиловая малькольмия и красные ремерии, золотистый лютик, вероника и астрагал — эфемеры, поденки. Все, что пощадят животные, будет уничтожено вскоре беспощадным солнцем. Барханы выгорят, и лишь темный налет останется на песках, да и его сдует первый же ветер. Так исчезают весенние пастбища. Тенистые зонтичные ферулы, песчаные акации, черные и белые саксаулы тоже примут участие в языческом пире весны. Но после короткого цветения притаятся, засохнут, как неживые. И все же от них хоть стволы да колючие ветки останутся. От цветов же ничего. Только невидимые семена. Залог того, что вновь повторится неистовое пиршество природы. Что и на другой год обagrится пустыня чистой кровью маков, золотом и порфиром тюльпанов.

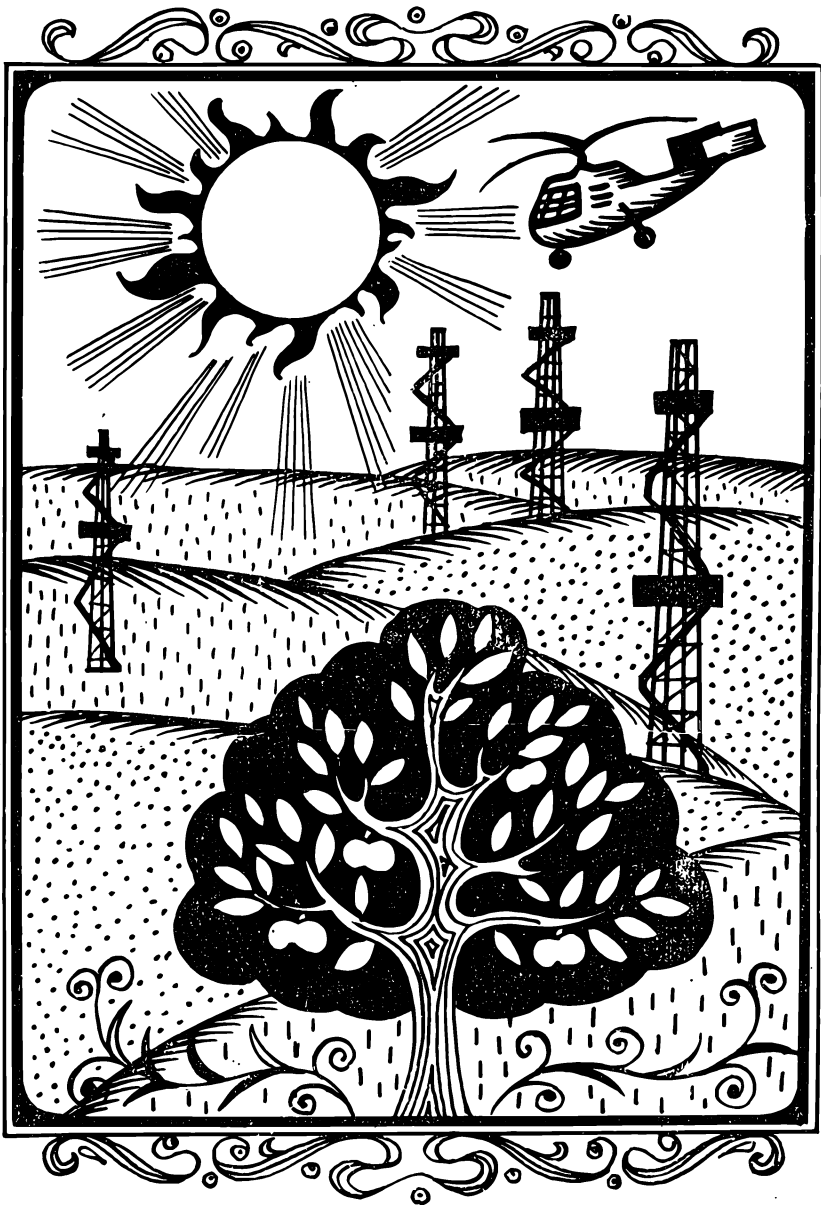
Да, такое увидишь лишь в «настоящей пустыне», песчаной, ну разве что еще в желтой — лессовой. Суровые черные камни не знают и кратковременного взрыва жизни.

В Средней Азии пески называют «кум». Отсюда Каракумы и Кызылкум, черные и красные пески. Кум — это эрг Сахары, текучий, переменчивый мир, подвластный ветру и случаю. Непривычному глазу он может показаться безжизненным, но это не так. Жизнь в пустыне не кончается с наступлением жаркого лета. Змеи, ящерицы, черепахи, лисы, шакалы, зайцы никогда не покидают родных краев. Пустыня лишь притворяется безжизненной, потому что все живое в ней переживает дневную жару.

Делали такой опыт: ящерицу привязывали на открытом солнце и следили, сколько она выдержит. Ящерица погибала уже через несколько минут. Змея продержалась не дольше, а черепаха — что-то около часа. Вот что значит жар пустыни, ее раскаленный песок. Человек на открытом солнце тоже долго не проживет, от силы часов десять-двенадцать.

Любопытно ведут себя животные в жару! Змея-стрела держится в тени и старается не покидать облюбованный ею сухой куст, а если и окажется вдруг на песке, то норovit поменьше его касаться. Удавчик же вообще под песком ползает, неистовствует, оставляя подземный причудливый след. И ящерицы без нужды на поверхность не вылезают, а черепахи, так те вообще зарываются вглубь и впадают в спячку до осени. Зато какое шествие устраивают они по пробуждении! Бывает, что многие тысячи этих живых танкеток совершенно перегораживают движение на дорогах! И водители могучих самосвалов ждут, пока пройдут черепахи. Им столько надо успеть сделать за свою короткую весну! Растения пустыни зеленеют дважды в году: весной и осенью. Животные соизмеряют свой жизненный цикл с этими важнейшими датами песчаного календаря. Некоторые из них, подобно черепахам, едят лишь в эти короткие дни изобилия и прохлады. Зато уж наедаются как следует. Пустынные травы намного питательней клевера, люцерны и прочих даров щедрой нашей умеренной полосы. Кроме того, они, постоянно сменяя друг друга, никогда не оставляют животных совершенно без корма. Что-нибудь да найдется в пустыне съедобного в любое время года. Даже зимой, когда наши леса, поля и горы покрывает снег и пропадает всякая зелень. Поэтому и пришли люди в пустыню еще в незапамятные времена. Став пастухом, древний человек, видимо, отчаялся найти зимние пастбища для своих табунов и отар. Он, наверное, перепробовал все, пока не набрел наконец на скромные травы пустыни, которые на весь год обеспечили животных подножным кормом. Особенно богаты такими травами пески Кызылкума. Недаром только узбекские каракулеводы держат там свыше шести миллионов овец.

Мы переделываем пустыни, мы хотим, чтобы они еще лучше

служили нашему хозяйству. Но мы не собираемся их уничтожить, смести, как говорится, с лица земли. Мы бы не стали так делать, даже если бы это оказалось в наших силах. Потому что пустыня нужна человеку, нужна земле. Для регулирования испарений необходимы каменистые россыпи, а участки нетронутой, первозданной пустыни — незаменимые пастбища. Все это следует очень бережно охранять, поддерживать особый «пустынный суверенитет». Все хорошо на своем месте. Недаром турмены выпалывают с такыров любую траву, потому что такыр отлично собирает воду. И если какое-то количество такыров все же распахивают и пускают под земледелие, то тем ценнее становятся остающиеся. Дороги травы в песках, но вода всего дороже. Пусть же останется голым водосборник такыр.

Песчаная пустыня, которая даже зимой дает корм скоту и топливо человеку, не всегда милостива. Поистине ужасны лишние растительности пески, когда задувает ветер. Мы с детства знаем о страшном самуме, о неистовом, все иссушающем хамсине или о коварном афганце, который обрушивается на хлопковые плантации тысячи тонн песка. В Термезе я обратил внимание на то, что окна окраинных домов матовые. Первой мыслью было, что это из-за солнца. Все же рассеянный свет тиранит не так жестоко, как расплавленное олово безоблачного неба. Но знакомый пограничник очень быстро мне все разъяснил.

— Это работа афганца, — сказал он, постукав ногтем по шершавому стеклу. — Песочек что твой наждак.

Песчаный ураган подобен затмению солнца и землетрясению. Он сбивает с ног, душит, слепит, высасывает влагу из каждой поры. Нельзя вздохнуть, горло опалено, уши забиты, и резь, страшная резь в глазах.

Плохо приходится человеку, если застанет его в пустыне песчаная буря. Благо еще животные задолго чувствуют ее приближение. Тревожное их поведение как бы предупреждает людей о близкой опасности. Жители пустыни хорошо знают приметы афганца. Они вовремя могут поэтому укрыться в юртах, домах, загнать отару в овчарни. Иное дело кочевники XX века: геологи, шоферы, строители. Кроме основной профессии, им нужно еще крепко усвоить законы пустыни, изучить ее тайный, но очень красноречивый язык.

Бывалый человек не пропадет в пустыне. Он всегда сумеет найти воду и пропитание, отыскать по звездам дорогу домой. Но непростое это дело, стать здесь бывалым человеком. Для этого мало одного знания. Нужно еще и любить пустыню. Очень любить. И верить, что сердце ее все же стучит под песками.

В пустыне Кызылкум недалеко от Бухары я встретил давнишнего своего приятеля Колю Рощина. Он москвич, геолог-нефтяник, кандидат наук. Насколько я был в курсе его дел, он последние несколько лет работал по теме, весьма далекой от

Средней Азии. Да и диссертацию свою сделал на тюменском регионе.

— Как ты здесь очутился? — спросил я, когда мы учинили в полутемной палатке нехитрое чаепитие.

— И сам не знаю, — пожал плечами Коля. — На старое протянуло.

— Ни с того ни с сего?

— Почти... Был, понимаешь, прошлой осенью в Новосибирском академгородке. У них там Рерих в картинной галерее. Вещи-то все известные! — Он развел руками. — Знаю я их. А тут вдруг словно в первый раз увидел. И так захотелось в пустыню, что сердце защемило. Вспомнилось вдруг, как она цветет, как пахнет ветер полынью. И дали вечерюющие, грустные, синие... Я тут после института поработал. Три года. Да и студенческая практика тоже. Одним словом, такая меня тоска обуяла, что и словом не сказать!

— Ты же вроде уже докторскую начал?

— А ну ее! Жизнь-то проходит! Пройдет еще десять-пятнадцать лет, и я уже не вырвусь в пустыню. То да се, рутина всякая... И силы будут уже не те. Кроме того, диссертацию-то и здесь сделать можно. И какую!

— Думаешь, найдете нефть?

— Не сомневаюсь. Она тут, — он постучал старым кедом по брезентовому полу. — Или там, — кивнул головой в сторону откинутого полога.

— Значит, все хорошо и ты доволен?

— Доволен? Не то слово, старик. Я живу! Хочешь съездить за грибами?

— А есть?

— Уйма! Хоть косою коси. Грибы и тюльпаны...

И еще была у меня одна любопытная встреча. На Узбое, в каменном русле, откуда ушла вода. Я познакомился там с Рустамом Касимовым, змееловом. Он только что спустился с гор, где, как мне говорили, есть удивительные синие озера с чистой, но мертвой водой. Ложе такого предельно засоленного озера — это сплошная друза кристаллов гипса. Причем отдельные кристаллы вырастают величиной с ладонь. И все это сверкает, искрится, переливается в преломленных сквозь воду лучах солнца. Зрелище, как уверяли восторженные очевидцы, совершенно фантастическое, завораживающее. Я спросил Рустама об этих озерах.

— Знаю. Слыхал, — кивнул он. — Но не видел. Некогда было. Преследовал змею. Два дня. Ни минуты роздыху.

— Гюрза?

— Кобра.

— Два дня преследовать кобру! Как же вы не потеряли ее? Вы что, совсем не спали? И вообще, ночью... Она же могла уйти.

— Никуда она не денется. Я же знаю все ее повадки. Это бесхитростная змея, благородная.

— Простите, но мне это не очень понятно. Мало ли щелей и нор... И вообще, скалы, пустыня. Или, быть может, вы не теряли змею из виду?

— О, если бы! Тогда бы мне не понадобилось двух дней. Хватило бы десяти минут. Нет, я сторожил ее. Сторожил и преследовал.

— А как остальной улов? — я покосился на брезентовый мешок, небрежно брошенный в угол.

— Ничего... Есть, — односложно ответил Рустам. — Вы не подбросите меня до ближайшей столовой? Ужасно стосковался по простой человеческой еде.

— А что вы берете с собой на охоту?

— Кусок лепешки и флягу с холодным кок-чаем.

— И это все?

— Все. Когда ты преследуешь змею, ты должен быть быстрым и подвижным, как она. Поэтому я стараюсь не брать с собой много груза. Хватит мешка и палки с крючком.

— На одном хлебе далеко не уедешь.

— Почему? Хороший хлеб — это все, что мне надо. И чай. Когда есть хлеб и чай, я доволен. Большего и не надо.

— Когда есть? Значит, есть не всегда?

— Если далеко зайдешь. Дня три случалось обходиться без хлеба.

— А вода?

— Я знаю места своей охоты. Все колодцы и родники.

— И такыры?

— Да. Но туда я иду только после дождя.

— Нелегкая же у вас работенка! По три дня ничего не есть...

— Нет. Я ем. Голодный человек здесь быстро теряет силы.

— Но вы же сами сказали, что хлеб бывает у вас не всегда.

— Хлеб — да. Но есть грибы — я сушу их на солнце, жую побеги ревеня, собираю янтарный сахар.

— Янтарный сахар?

— Некоторые виды верблюжьей колючки выделяют сахаристые соки, которые застывают на ветвях в виде белых крупинок. Это исконное у нас лакомство. Его и на базарах продают. Я еще в детстве ходил в пустыню за сахаром... С деревянным тазом.

— Но ведь все это весной, осенью, когда пустыня оживает...

— Верно. Именно тогда я и уйду на охоту.

— Ну а в скалах как же?

— Еда везде есть. На крайний случай можно есть термитов.

— Я слышал об этом.

— Я пробовал. Можно. Давленных с солью. Человек может есть все, что едят звери. Хотя бы тех же ящериц.

— А змей?

— Змей — нет. Они слишком дороги. Каждый грамм сухого яда — это сто шестьдесят рублей. Драгоценные лекарства. Валюта.

— Правда, что термиты погибают под открытым солнцем всего за несколько секунд?

— Правда.

— И ведь живут в пустыне! Приспособились.

— Это их дом. И они знают его.

Встреча с Рустамом много значила для меня. Она помогла мне на конкретном примере четко осознать место человека в пустыне и роль пустыни в жизни людей. Привела как бы в систему все то, что я увидел, услышал, почерпнул из книг. И еще одно... Этот необыкновенный человек обострил мой интерес к змеям. Я был много наслышан о них, но ни разу не повстречал в пустыне ни кобру, ни гюрзу, ни эфу, ни щитомордника. Ящериц видел массу, даже «крокодила пустыни» — варана земзем, а вот змей нет. Только их следы на песке. Мало змей осталось в пустыне, выбили их, переловили. Недаром Рустаму пришлось двое суток гоняться за коброй.

Вполне понятно поэтому, что, приехав в Ташкент, я поспешил посетить знаменитый змеепитомник Академии наук Узбекистана. Туда не очень охотно пускают гостей, особенно с фотоаппаратами. Директор вполне резонно возражал, что, во-первых, должен ознакомить меня с инструкцией, которую мне следует знать назубок (последнее выяснится лишь на экзамене), а во-вторых, змеи склонны к неожиданной атаке именно в тот момент, когда их пытаются поймать в видеоискатель. Здесь последовал обстоятельный рассказ о несчастном фотокорреспонденте, которого укусила кобра.

Но как бы там ни было, в вольеры я все же попал. Меня сопровождал Василий Петрович Карпенко, опытнейший герпетолог, кандидат биологических наук.

— Человека в пустыне не нужно охранять от змей, — сказал он после того, как я рассказал ему, о чем и как собираюсь писать. — Нужно охранять змей от людского невежества. Это древнейшие жители земли, и они не должны исчезнуть. Змея когда кусает? Когда ей некуда деться. Она уйдет с вашего пути или предупредит о своем присутствии шипением.

— Эфа вроде шипит после того, как укусит.

— Верно. Но эфу — она свивается, как двойной крендель, и передвигается боком, бросками — легко заметить и распознать. Для змеи укус — это трагедия. Она бережет яд для охоты. Гюрза ужалит только тогда, когда на нее наступили или схватили рукой. Щитомордник — маленькая наша гремучка — долго шипит и бьет по земле роговым хвостом.

— Один змеелов говорил мне, что особым благородством отличаются кобры?

— Правильно говорил. Кобра никогда не бросится сразу. Она сначала встанет в угрожающую позу, зашипит, раскроет капюшон... Вот смотрите, — он ловко подцепил стальным крючком молодую сильную кобру и бросил ее на пол. — Прежде всего она пытается скрыться.

Испуганная змея с тихим шелестом метнулась вдоль стены, ища хоть какое-нибудь укрытие, но крючок ласково и ненавязчиво завернул ее. Она заструилась по полу, как маслянистый ручеек, но и здесь ее ждала стальная преграда. Тогда кобра зашипела и, грохоча чешуйками, приподняла голову, чуть-чуть обозначив знаменитый свой капюшон. Дальше в своих угрозах она не пошла. Зато сделала несколько ложных выпадов и, не раскрывая пасти, атаковала палку.

— Это она играет, — сказал Карпенко. — Даже овцу, которая могла растоптать ее, кобра не укусит. Она ударит ее головой — вот так, чтобы отогнать. Сколько раз меня бодали кобры!

— И ни одного укуса?

— Нет, однажды было. В вольере. Не очень ловко схватил, да и отвлекся на разговор. А тут нужно внимание, сосредоточенность.

Он дал кобре обвиться вокруг палки, легким фехтовальным движением прижал ее головку к полу и молниеносно поймал за шею. Змея конвульсивно дернулась, но герпетолог, бросив палку, второй рукой прижал за хвост.

— Это самый ответственный миг, — он перевел дыхание. — Иначе она сломает себе позвоночник... Ну что ты, что ты, не бойся, бедная, сейчас я тебя отпускаю.

Кобра с хлюпаньем изрыгнула из анального отверстия ярко-желтую жидкость.

— Последняя попытка освободиться. Думает, что я от неожиданности разожму пальцы. Нет, не выйдет! Человек поумнее твоих естественных врагов, змеючка.

— Герпетолог, — уточнил я. — Кто-то другой может и отпустить от неожиданности.

— В этот момент она его и ужалит.

Кобра в его руках была неподвижна. Я осторожно погладил светлый ее живот, окаймленный зелеными, сиреневыми, коричневыми чешуйками.

— Для них каждый отлов — это такое переживание! Такое переживание. Я уж не говорю про взятие яда. Настоящее мучение для змей, когда ей разожмешь пасть — вот так — и упрешь ее зубы в бюксу.

Лаборант взял стекляшку и сунул ее под загнутые острые-острые и полупрозрачные иглы. Слово капельки глицерина брызнуло в стекло.

— Так их и доят? — спросил я.

— Нет, мы еще раздражаем виски электродами. Для более полной ядоотдачи. Жалко их, ох как жалко! А что делать?

— Наверное, они скоро умирают?

— Нет. Мы добились, что змеи живут у нас до пяти лет. Это меньше, чем на воле, но все же ничего. Они заслужили хорошее обращение. Скольким людям спас жизнь змеиный яд! Вернул здоровье.

— Скоро его научатся синтезировать.

— Не очень-то скоро. Формула яда непостоянна. Мы разделяем яд с помощью электрофореза в агар-агаре на несколько фракций. И представьте себе, что даже у змей одного вида состав фракций различен. Это четко видно на хроматограммах. Две гюрзы одного пола и возраста, но пойманные в разных местах, дают разный яд.

— Специфика пищи, воды...

— Видимо. Мы улавливаем разницу даже у змей, которые были пойманы в местах, разделенных расстоянием в пятнадцать километров... Ну, хватит тебе мучиться, хватит, спасибо, моя хорошая, — он быстро швырнул кобру в террариум, где под горячей лампой слабо подергивал лапкой умирающий цыпленок, и захлопнул сетчатую дверцу. — Надо руки помыть. Ядом капнуло.

Лаборант бережно надел крышку, восковым карандашом проставил на стекле номер и убрал бюкс в холодильник.

— Ну что, пойдём теперь к гюрзам? — спросил Карпенко, тщательно намыливая руки. — Они у нас в открытых вольерах живут, почти что на свободе... Да, жаль змей. Змеи — это сокровище! Вот вы говорите о комплексном освоении пустынь... А о змеях разве подумать не надо? Если хотите знать мое мнение, то я вам скажу вот что: нужно в полной неприкосновенности сохранить их местообитание. Самые змеиные уголки трогать нельзя. Пусть будут там заповедники, нетронутые участки пустыни. Это, если угодно, выгодно даже с точки зрения голого чистогана. Змеи дороже каракуля, дороже лошадей, нефти и даже золота. Почему нынче золото?

— Что-то около сорока долларов за унцию. На свободной бирже, читал в газете, много дороже.

— Ну а грамм, один грамм золота сколько стоит?

— Полтора доллара.

— То-то и оно! А яд — двести! И золота в земле еще много, а змеи... — Он махнул рукой. — Каждый дурак norовит убить змею! Будто худшего врага! На что же это похоже? Законы приняты специальные об их охране, в газетах об этом пишем, по радио... Учтите, это ваша обязанность, пишущих-то людей, довести до сознания каждого: береги змею!

Я пообещал ему сделать все, что в моих силах. Было немного стыдно и не очень удобно, что ради любопытства незваного в общем-то гостя кобра подверглась внеочередной мучительной процедуре. У нее и без того несладкая жизнь. Но дело не только в змеях. Прежде всего я думал о людях, о Рустаме, Карпенко, об этом молодом лаборанте, имени которого не слышал. Василий Петрович относился к своим пленницам с какой-то суровой нежностью. Я не нахожу иных слов, несмотря на всю их сентиментальность. Он действительно нежно любил змей... Потом, когда мы уже сдружились, он рассказал, что однажды чуть не умер от укуса щитомордника. Долго болел, исходя почечной кровью. Знание, а тем более понимание даются дорогой ценой. За все нужно платить. И по самому большому счету. Я рад, что видел, как ловят змей и берут их в руки, как прижимают к их копьевидным головам электроды, как змеи кашляют ядом в пароксизме мучительных судорог. Мне было жаль их, и я понимал, что люди, которые ради меня делают сейчас пусть архипривычную работу свою, все же рискуют. Иногда ведь достаточно, чтобы крохотная капелька брызнула на незаметную царапину... И тем не менее мне нужно было все это видеть собственными глазами. Иначе я бы многого не понял и не сумел бы потом рассказать другим.

— А какая вам, собственно, разница, где вы увидите змею — здесь или в вольере? — спросил вдруг Карпенко. — В соседней комнате у нас полно гюрз.

— Мне хочется видеть, как их ловят на воле. Среди камней. В зарослях полыни и чертополоха. Если только можно, конечно.

— Можно. Хотя в вольере не совсем так, как на природе, но очень похоже. Неспециалисту разницы не уловить. Если хотите сами залезть к змеям, то наденьте сапоги. Без сапог нельзя.

С тех пор я больше нигде не видел змей. Разве что в зоопарке. Впрочем, одну мне все же пришлось встретить и в естественной обстановке. Впрочем, в естественной ли? Это была гюрза, убитая или оглушенная взрывом — точно не знаю — на Тюя-Муюне. На дне будущего пресноводного моря, которое позволит удвоить площади орошения в Ташаузской области Туркменистана и Каракалпакской АССР.

С востока и севера раскаленные пески Каракумов огибает мутно-глинистая лента «бешеной», «неукротимой» Амударьи. На склонах Заунгузской возвышенности великая река круто изгибается и прорезает узкую глубокую теснину. Это Тюя-Муюн, что означает «верблужья шея».

Еще недавно это с незапамятных времен возникшее название знали очень немногие. Теперь оно известно всей стране: Тюя-Муюнский гидроузел, Тюя-Муюнское водохранилище. Ги-

дроузел уже дает 100 тысяч киловатт электроэнергии, а в ближайшие годы его мощность возрастет в полтора раза. Водохранилище только строится, вернее, рождается в яростном грохоте металла и камня. Именно рождается, ибо темпы и грандиозность строительства сродни рождению вулканических островов и вскрытию огнедышащих кратеров.

Вместе с начальником гидроузла Александром Александровичем Корниенко мы едем на верхнюю отметку, откуда, если повезет, можно увидеть все строительство. Но, судя по тому, что среди бела дня под раскаленным безоблачным небом приходится включать фары, особенно надеяться на «везение» нечего.

— Ничего, — успокаивает Корниенко. — Поднятая взрывом пыль скоро осядет, — но тут же, повернувшись к помощнику, по-узбекски добавляет: — Если не задует ветер.

Тюя-Муюнское водохранилище будет закончено к 1975 году. В 1976 году сюда хлынут потоки Амударьи. По запасам воды оно в пять раз превысит все существующие на территории Узбекистана водохранилища, вместе взятые, и вырвет у пустыни почти миллион гектаров плодородных земель.

Это уже не высеченный среди скал «арык» легендарного Фархада!

Воздух действительно вскоре очистился. Сначала заблестели желтые излучки Аму, обманчиво спокойной, затаившейся, потом показались известковые откосы и наконец каменистое дно будущего моря — необозримый искусственный каньон. И хотя землю вокруг сотрясали взрывы, а горячий воздух гудел от могучих моторов землеройных машин, дымящаяся впадина казалась все же слепым порождением геологических разломов и сдвигов.

Что-то было в этом хаосе камня и пыли схожее с одноликой безжизненностью исполинских лунных кратеров. Но тем и отличны творения рук человеческих от созданий мертвой природы, что возникают они не за миллионы лет геологических эпох, а прямо на глазах и строго по плану.

Вот очередной взрыв поднял к небу веер измельченного грунта, и стальная грохочущая техника, как атакующая колонна танков, устремилась в прорыв, а на измятой, пропыленной светокопии появился еще один карандашный крестик. Это значит, что контур искусственной котловины еще на столько-то метров приблизился к проектному.

На строительстве Тюя-Муюна работают представители тридцати национальностей нашей страны. Неудивительно поэтому, что главную улицу в городке строителей назвали «Дорогой дружбы», а Ташсакинское головное сооружение — «Дружбой».

КРАСКИ КЫЗЫЛКУМА

Забыл, кто не оставил ничего.
Бесплодным было дерево его

Саади

Такой цвет обретает при обжиге светлая глина. Так выглядят перед рассветом солеросы на берегу горького озера, а на закате — скалы Памиро-Алая, подкрашенные легонько солями железа и марганца. Это истинный оттенок красных песков Кызылкума. Как щедра эта тонущая за мутным расплавленным горизонтом равнина! Изменчивая, тысячеликая... Под луной она становится голубовато-зеленой. И тогда в сухом, слюдяными слоями перетекающем воздухе призрачной рощей берез белеют стволы саксаула, световой дорожкой, как несуществующее озеро, мерцает звонкий такыр. В эти короткие часы прохлады пустыня живет напряженной, лихорадочной жизнью. Она полна тревожными шорохами, заглушить которые не в силах даже осенний стрекот цикад. На огонек разбитой в пыльных зарослях тамариска брезентовой палатки слетаются тучи бабочек и бронированных жуков. Завороженные светом, обреченно мечутся они, словно частицы в ускорителе, по круговым орбитам и падают, обессиленные, в лунную тень, чтобы стать добычей ящериц. Но, подобно оборванной киноленте, исчезает все колдовство кызылкумской ночи в холодном бестеневом свете утра. Вновь станет саксаулом береза и такыром — озерная гладь. Поблуднеют вчерашние сапфиры, изумруды, аметисты и превратятся в заурядные кристаллы хлористого натрия и гипса. Слово под хирургической лампой, обозначатся на песке все ямки и борозды, все следы. Два изумительных мига пустыни: волшебное преобразование вечера и трезвое разоблачение рассвета. Нетерпеливо и жадно ждут их люди в палатке. С секундомерами в руках подстерегают неуловимый момент перехода.

Зачем? Ради романтических красот?

Не будем спешить с ответом. Дикая и вечная красота пустыни, саднящая сладкая боль ее закатов и дымный холод латунных полос по синеве на исходе ночи способны заморозить кого угодно. Ни на море, ни в лесу ничего подобного не увидишь. Разве что высоко в горах, разве что на севере в тундре. Да ведь и там не то что в пустыне. Похоже, да не так. Иные оттенки, неповторимо другие полутона.

Вот наконец восходит солнце. Волнистая линия дальних барханов взрывается вдруг безмолвным, как лазерная вспышка, огнем. Сизый песок получает извечный свой колер глины, марганца и железа. Но что это обозначивается вдруг на склоне бархана, чуть левее от колючего шара перекасти-поля? След полоза? Старое русло пропавшего в безвременье ручья?

Вроде бы нет. Судя по всему, это древняя заброшенная тропа. Недаром колючей звездой блесит на ней осколок глазури-

ванного черепка. Видно, кто-то носил здесь кувшины с водой. Значит, это не случайная дикая тропа, которая оборвется вдруг посреди песков, как русло пропавшей реки.

Люди в палатке давно охотились за этой дорожкой, давно подстерегали тот неведомый миг, когда луч солнца или луны, упав под строго определенным углом, высветит ее из первозданной одноликости красных песков. Ведь только так и можно различить в пустыне следы былого. Смутные, еле заметные, но в отличие от следов на воде не пропавшие навсегда.

Такие затерянные в пустыне тропы иногда приводили геологов к древним заброшенным рудникам. Чаще всего руды оказывались полностью выработанными, и земля под песками была, как термитник, прорезана лабиринтом штреков и галерей. Но порой вблизи старых выработок обнаруживались выходы драгоценных жил, уходящих на большую, недоступную в эпоху лопаты глубину.

Кроме того, хотя древние среднеазиатские металлурги и были весьма в своем деле искусны, оставшаяся после них «пустая» порода могла содержать солидный процент редких металлов. Время всегда приводит к переоценке ценностей. В эпоху арабских халифатов были вновь открыты заброшенные рудники античности. Ныне же среднеазиатские геологи вместе с археологами отыскивают эти дважды, а то и трижды заброшенные выработки, чтобы вновь пробудить их для новой жизни.

Именно так по смутным описаниям в древних пергаментях и по едва заметным следам в пустыне были найдены богатые по нынешним понятиям месторождения серебра, меди, железа, залежи прославленного бадахшанского лазурита и той азиатской бирюзы, которая ценилась в иные времена дороже золота.

Тропы древних рудознатцев переплетаются по всей Средней Азии от песков Кара и Кызыл до каменных твердынь Тянь-Шаня и Памира. Наши геологи уже перестали удивляться тому поразительному факту, что каждое мало-мальски заметное скопление руд либо уже выработано, либо соседствует с какой-нибудь древней заброшенной шахтой. Получилось, что еще сотни и тысячи лет назад люди знали недра пустыни не хуже нас. Недаром историки и поэты прославили в веках сказочные богатства Бухары и Самарканда, Хорезма и Коканда. Но в эпоху «семи металлов» люди даже не догадывались о существовании германия, стронция, кобальта и теллура. Вот почему геологов так привлекают рудные отвалы и шлаки древних. Они могут содержать сотни тонн ценнейшего сырья, которое в наш космический век не заменят ни золото, ни серебро. Достаточно сказать, что только на древних выработках Канджола, что в горах Кара-Мазара, за сотни лет накопилось около четырех мил-

лионов кубометров шлака. Забрав свои «семь металлов», древние оставили нам все микроэлементы. Время принесло неизбежную переоценку. Вековые шлаки превратились для нас в богатую горную породу.

Все нужно было начинать с самого начала: искать месторождение, разведывать его запасы, начинать разработку. Слово и не было легендарного Канджолского рудника, словно черные эти шлаковые холмы рождены первобытной стихией, а не трудом рук человеческих. «Вторцветмету», наверное, и не снилось такое. Ведь вторичная металлургия, грубо говоря, начинается с пионеров, собирающих металлолом на пустырях. А здесь предстояло пройти полный цикл от разведки до плавильной печи. И даже не от разведки! Геологическим работам должны были предшествовать изыскания археологов, историков, архивариусов. Но дело того стоило. Тем более что не одни лишь рассеянные элементы достались нам в наследство от древних.

Как уже говорилось, они оставили на нашу долю немало самоцветов и серебра. Не все богатство наших великих пустынь давным-давно исчерпано и разошлось по рынкам Рима, Византии, Багдада и Дамаска!

О том, что недра Узбекистана хранят полезные ископаемые, писали давно. Но ведь и в морской воде они есть! Только в такой концентрации, что, как говорится, овчинка выделки не стоит.

В том и состояла трудность, что нужно было найти среди бескрайней пустыни породу с высоким содержанием полиметаллов, отыскать промышленные ее запасы. После античных авторов, упоминавших о кызылкумском «чуде», прошло добрых две с половиной тысячи лет, прежде чем были предприняты серьезные геологические работы. И здесь повторилась старая история. Образцы металлоносных пород приводили, как правило, к древним выработкам. И надо сказать, далекие пращуры потрудились на славу. Рудники были выпотрошены вчистую. Надежды подобрать хоть какие-то крохи быстро развеялись. Но все ли знали древние о кладах своей земли? Наглядный опыт свидетельствовал — все. Хотя это и противоречило здравому смыслу. Кайло и лопата бросали вызов колодезному бурению, радиоизотопии, электронике. Невероятно, но факт!

Советские геологи все же решили попробовать отыскать в Кызылкуме полиметаллические руды. Новые, в полном смысле этого слова заповедные, о которых не знал ни вездесущий Геродот, ни неутомимые рудознатцы.

Планомерное исследование среднеазиатских пустынь началось сравнительно недавно. И сразу же стало ясно, что «белое пятно» на несуществующей карте древних рудознатцев обещает многое. Очень многое. Первые же серии анализов руд

привели к обнаружению ореолов рассеивания. Они были близки к границам современного региона.

Но прошли годы и годы, прежде чем признанные специалисты, «матерые волки» поверили в открытие нового района. Анализы противоречили всему: геологической теории, порододобывающей практике. К тому же отдельные маршруты в этом регионе были выполнены такими светилами, как Ферсман, Щербаков! Возражения оппонентов напоминали сложный сплав из вполне понятных опасений, традиционной осторожности, откровенного недоверия, консерватизма и даже некоторого фетишизма. Где же было, наконец, то самое «шестое чувство», без которого не обходится ни одна мало-мальски серьезная история про земные клады?

— Предшественники не добились заметного успеха по той простой причине, — объяснял управляющий Самаркандским геологическим трестом Илья Самойлович Сокол, — что вели поиск традиционными методами — мелкими поисковыми партиями, незначительным объемом горных работ. Все надежды возлагались на богатство залегания. Но металлорудная масса простирается от основного залегания далеко в стороны, как корни дерева от главного стержня. И никакая интуиция, никакое «шестое чувство» тут не помогли бы. Современная геологическая разведка несет на себе ярко выраженные индустриальные черты. Романтический поисковик-одиночка отжил свое. Настало время больших коллективов, оснащенных самым современным оборудованием.

Разведка Кызылкума отличалась именно комплексным индустриальным характером. Подобно процессам, лежащим в основе науки и производства нашего века, она несла ярко выраженные черты лавины. Это была нарастающая цепная реакция, когда лавина новой информации оплачивается стремительным ростом напряжения сил и средств, мускулов и выдержки.

Среди голой раскаленной пустыни, где нельзя было толком измерить даже температуру воздуха, — нигде ни клочка тени, — как грибы после дождя выросли дощатые бараки, кошмяные юрты, буровые вышки. В 1960 году в поисковом регионе было пробурено всего тридцать два метра, а уже через два года поисковики прошли бурением сорок шесть километров! В полторы тысячи раз больше! Резко возросли и объемы тяжелых горных работ.

Это были уже не поисковые, а поистине индустриальные масштабы. Только точные знания, только абсолютная вера в конечную цель могли оправдать риск. И они оправдали его. Оставалось лишь разведать и уточнить промышленные запасы, после чего можно было бы приступить к проектированию производства.

Но современная научно-техническая революция показала, что исконная последовательность операций далеко не всегда эффективна. Экономика же научила нас ценить объективную физическую реальность, имя которой — время. Ведь что там ни говори, а рубль, совершивший два оборота, — это два рубля, совершивших один оборот.

Обоснованные рекомендации геологов позволили перейти к стадии проектирования еще до того, как были утверждены запасы. Вот он, почерк освоения уникальной кладовой: массивированное наступление, индустриальный натиск, пожирающий привычные сроки и стадии.

Конечно, это тоже был риск, но четко взвешенный, выверенный, как инженерные допуски, риск. Он позволил в несколько раз сократить дистанцию, отделяющую реальность объективную от просто реальности.

Дрогнула земля, и лопнул горячий воздух от очередного взрыва. Дымный клубящийся столб тяжело поднялся над пустыней. Теряя тяжелый грунт, рыжая в прямых лучах, медленно он уплывает в сторону и растворяется по краям. В ушах долго еще грохочет взрыв, и в горле душно от пыли. Но проблискивают уже сквозь дым жаркие белые зубья ковшей, и ревут моторы экскаваторов и самосвалов. В лязге железа и душной гари солярки начинается жизненный путь вещества.

Как правило, извлекающие фабрики выдают обогащенный концентрат.

Это не сенсация сегодняшнего дня. Люди, которые отняли клад у пустыни, получили всенародное признание, удостоились Ленинской премии. С полной отдачей работает карьер полиметаллических руд.

И все же это только начало. Красные пески очень богаты. И пример тому — карьер. Его первооткрыватели не просто нашли руду, они развеяли миф, взорвали псевдогеологическую догму. Неудивительно поэтому, что дальнейшая разведка принесла еще более щедрые плоды.

Цепная реакция натиска стала давать отдачу: запасы второй очереди месторождения во много раз превзошли первоначальные. И это было установлено в рекордно короткий срок. Люди работали по двадцать часов в день, забыв про усталость и бытовые неурядицы.

Фронт поисковых работ охватывает теперь огромные территории красных песков. Бурение ведется сразу во многих точках, и есть надежды, что на геологических картах появятся новые ареалы рассеивания полиметаллов, куда более богатые, чем известные ныне.

Пустыня долго хранит ребристые отпечатки колес могучих четырехосных вездеходов, как сохранила она тропы древних

горняков. Но там, где ищут сегодня полиметаллы, этих троп не увидишь. Ни после заката, ни перед рассветом. Не знали древние рудознатоцы о тех кладовых, которые мы сегодня распечатаваем, а если бы даже знали, то вряд ли сумели бы извлечь из них ценные элементы. В наш век великих научно-технических свершений мы как-то разучились по-настоящему удивляться. Но разве не удивительно встретить вдруг среди красной пустыни сверкающий город! Он открывается сразу и весь: белый, голубоватый и розовый. Город без пригородов, где за гранью песков, отражая весь солнечный спектр, высятся современные девятиэтажные дома. В 1969 году здесь был построен первый микрорайон. Еще не отшумели новоселья, как открылись магазины, кинотеатр, аптека, общежитие. Остальной город существовал только на плане, но микрорайон этого не ощущал. Может быть, потому, что металлурги уже привыкли не искать особые различия между планом и его воплощением. Они все делают своими руками, и делают быстро. И там, где испокон веку не было ни одного дерева, зеленеют теперь десятки тысяч яблонь, персиков и смоковниц.

Новый город среди песков! Его создание — закономерный этап величественного плана освоения богатств пустыни. Как Ферганская долина. Как Голодная степь.

Еще издали виден блеск. Юный город, отражающий безоблачное небо.

РЕЧНОЕ ВОЛШЕБСТВО

А город был внизу, и без воды
Там огороды гнили и сады.

Навои, Фархад и Ширин

Проблема воды остро стоит не только перед жителями пустынь. Не в меньшей мере затрагивает она и обитателей больших промышленных городов. Один лишь целлюлозно-бумажный комбинат забирает столько воды, сколько обычно затрачивает город в сто или даже двести тысяч жителей. А сколько уходит ее на нужды металлургии, строительной, нефтедобывающей индустрии! Наконец, знаем ли мы, сколько сами затрачиваем драгоценной влаги на свои пехитрые потребности? Сколько бездумно теряем ее зря? Экономисты подсчитали, что только в одной квартире за счет неплотно закрытого крана и протекающего бачка пропадает без всякой пользы семьсот кубов! Этого бы с лихвой хватило на изготовление трех с половиной тонн стали. Неудивительно потому, что в среднем по земному шару на одного городского жителя расходуется в три раза больше воды, чем на сельского. Мы выпиваем целые реки! На каждого из нас, горожан, уходит в сутки 150 литров! Только в московскую го-

родскую водопроводную сеть устремляется могучий поток с ежесекундным расходом в сорок кубов. Он мог бы напоить добрых полсотни гектаров виноградуников или хлопка.

Реки нашей планеты несут всего лишь тысячу двести кубических километров воды. Это что-то около двух процентов всего запаса пресных вод. Остальная влага, за исключением, конечно, пресных озер, хранится в виде ледяных консервов. Использовать их мы пока не научились, а речной воды стало заметно не хватать.

Аму и Сыр до последней капли выпивают пустыни. Точнее, не пустыни, а отвоеванные у них земли. Картина получается такая. В бассейне Аральского моря пригодные для орошения земли составляют около 35 миллионов гектаров. Из них 14 миллионов лежит в бассейне Аму, остальное — в бассейнах Сыр и других более мелких рек. Общий запас двух великих среднеазиатских артерий — 100 кубических километров. Они могут напоить не больше восьми миллионов гектаров. Восемь из тридцати пяти! Меньше четвертой части. Но и это неплохо. Сейчас в бассейне Арала орошается лишь десятая доля пригодных для поливного земледелия площадей. Если полностью зарегулировать все речные стоки, закольцевать их и вместе с возвратными грунтовыми водами пустить на орошение, то можно будет отнять у пустыни еще четыре миллиона гектаров, то есть примерно вдвое увеличить площадь оазисов. По сути, это предел наших возможностей. Я уже не говорю о том, что придется полностью реконструировать все ирригационные системы. Пустыня куда сильнее рек. И с этим ничего не поделаешь. Мирное сосуществование с ней человек щедро оплачивает водой, и, к сожалению, щедрость эта зачастую превосходит платежеспособность.

Лет пятнадцать назад в приаральском городе Муйнаке для защиты берегов от жестоких штормов возвели дамбы. Суть не в том, насколько хорошо или плохо оградили эти защитные сооружения береговую полосу. Главное, что их вообще можно было бы не строить! Сегодня море отступило от города дальше чем на километр. Дамба теперь стоит на суше, подобно знаменитой Девичьей башне в Баку, от которого тоже все дальше и дальше уходит Каспийское море.

В 1963 году уровень Арала понизился на 40 сантиметров, в 1966-м — еще на 80, два года спустя — уже на два с лишним метра. Море задыхается без обильных поступлений из Аму и Сыр. Если же сток рек будет полностью закольцован, оно исчезнет совсем. Не слишком ли щедрая плата за новые оазисы? И без того в летние месяцы, когда поля особенно жадно пьют воду, в Арал не поступает ни капли. Как бы в один прекрасный день не увидели мы на месте тростниковых болот и буйных тугаев голые, прорезанные венами усыхающих ручьев дельты.

Уже сейчас воды Аму покинули прежние нерестилища рыб.

Это привело к резкому падению улова. А ведь Аму давала strange почти две трети всей добываемой в регионе рыбы! Окупят ли сказочные урожаи на новых поливных землях аральскую рыбу? Заменят ли они уникальный растительный мир тугаев? Их зверье? Зимовья птиц?

Я совершенно согласен с В. Ковалевым и В. Тюриковым, которые писали в «Литературной газете», что разрыв природной цепи неизбежно отразится на всех ее звеньях. Исчезновение моря лишь нажмет кнопку запутанной системы ожидаемых бед и неизведанных неприятностей. Прежде всего упадет уровень грунтовых вод, которые, как уже говорилось, подпирают пресные линзы. И сразу же, как в выключенном фонтане, спадут, а то и спрячутся под землю напорные струи. Исчезнет вода под бубнами такыров, провалятся ключи у подножий гранитных скал. Двести тысяч квадратных километров пастбищ превратятся в то, что называют «ужасной пустыней», без воды и малейших намеков на зелень. Пески же, потеряв якоря корней, сдвинутся с места и понесутся по ветру, как подхваченный бурей корабль. Аральские ураганы развеют их по ветру вместе с тучами пыли и выпаренной соли. И кто даст гарантию, что весь этот букет не выпадет над Бухарским оазисом или Хорезмом?

Это не пессимистический прогноз, основанный на опасениях типа «как бы чего не вышло». Тысячелетний опыт пустыни позволяет во всех подробностях нарисовать картину под названием «После того, как ушла вода». Аральское море не всегда было в пустыне. Оно родилось в результате недавних геологических процессов, и вместе с ним в пески пришла жизнь. Как сломанные гребни, торчат из песков остатки глинобитных стен. Как ребра доисторических животных, примыкают сухие, засыпанные каналы к окаменевшим костякам покинутых русел. Остатки мертвых цивилизаций в пустыне интересны не только археологам. Это следы климатических катаклизмов, памятники водных катастроф. И это весьма весомые аргументы в споре, который ведут между собой ирригаторы Узбекистана.

— По генеральной схеме комплексного использования водных ресурсов Амударьи, — говорит известный гидротехник Лев Семенович Литвак, — на цели орошения будет взята вся амударьинская вода, то есть она практически перестанет впадать в Аральское море, которому грозит усыхание. До 1978 года оно будет довольно медленным, затем резко ускорится. Изменится солевой состав моря, оно потеряет всякое рыбопромысловое и транспортное значение. Но что выгоднее: поддерживать уровень моря или развивать орошение в бассейне Амударьи? Цифры неопровержимо свидетельствуют — выгоднее пожертвовать Аралом для нового прироста орошаемых земель. Если мы потеряем триста тысяч центнеров годового улова, мы лишимся тридцати миллионов рублей. Но зато, используя на орошение все воды Амударьи, мы получим дополнительной продукции на сум-

му 1,8 миллиарда рублей в год, а чистый доход составит 760 миллионов рублей. Нетрудно догадаться, какая чаша весов перегибает...

Но проблема далеко не столь проста. Во всяком случае, она не укладывается в рамки расход — доход. На конторских счетах ее не разрешить. Можно подсчитать убытки рыболовства, но никто не может сказать сегодня, сколько на самом деле стоит море. Боюсь, что рублем его не измеришь. А как исчислить катастрофические последствия? Я говорил уже и о пастбищах, и о тугаях, и о соляных дождях, могущих обрушиться на хлопковые оазисы. В качестве специального корреспондента «Правды» я мог ознакомиться с научными отчетами и докладами авторитетных комиссий. Мне довелось беседовать с гидростроителями и партийными руководителями республики, с президентом Академии наук, председателями крупнейших хлопководческих хозяйств. Выезжал я и на строительство гидротехнических объектов, и в оазисы. И почти все, с кем я говорил, настроены весьма осторожно. Нет, они отнюдь не готовы пожертвовать Аралом ради проблематичных миллионов новой зоны орошения. Но в том-то и дело, что судьба моря решается сама собой. Площади поливного земледелия растут, и Аму все скуднее несет себя к обреченному морю. Вольно или неволью человек идет против природы, создавшей в сердце пустыни море.

И вот встает сложная, не терпящая отлагательств задача: как, не снижая темпов развития хлопководческой базы страны, поддержать уровень Арала? Не дать морю высохнуть?

Даже с учетом дальнейшего роста производства синтетических волокон нашей стране требуется все больше и больше хлопка. К 1980 году намечено довести хлопковое производство до 9,1 миллиона тонн. Во много раз возрастут и потребности в овощах, фруктах, рисе, винограде. Все это неизбежно требует постоянного расширения поливных площадей. Нельзя забывать, что Узбекистан есть и впредь будет основной хлопководческой базой. Сладчайшему среднеазиатскому винограду и прославленным поэтами дыням тоже никто еще не нашел подходящего эквивалента. Одним словом, сама логика развития, живая, как говорится, жизнь требует неуклонного наступления на пустыню. Выходит тогда, что Арал так или иначе обречен? Или к нему все же можно подвести воду? Но откуда?

В Средней Азии «свободных» рек нет. Ближе всего к Аральскому морю расположены Урал и Волга. Но Урал маловоден, а Волга сразу же выпадает из игры. Она и без того перегружена. У нее и своих проблем хоть отбавляй: падение уровня Каспия, большая программа по обводнению калмыцких степей, осетровые рыбы... Хватит, кажется? Одного Каспия достаточно. Это не Арал. Каспийское море защищает всю европейскую часть страны от знойных ветров пустыни. Это бастион, который могла создать только природа. Я не говорю уже о значении моря для

пароходства и рыболовства, о том, что здесь гнездятся миллиарды птиц, охраняющих наши урожаи. Одним словом, о Волге даже думать кощунственно

Иное дело Иртыш, Обь, Енисей, Лена, несущие в Ледовитый океан воды, стократ профильтрованные сквозь хвойный перегной тайги и белый мох тундры. Переброска вод сибирских рек в Среднюю Азию может действительно кардинально решить все основные проблемы. Эта далеко не новая идея была выдвинута еще в конце прошлого века, но лишь теперь можно всерьез говорить об ее осуществлении. Только достижения современной научно-технической революции, помноженные на преимущества социалистического способа производства, могут претворить в жизнь этот грандиозный проект. И над ним плодотворно работают десятки исследовательских коллективов страны. Но научные изыскания и проектные разработки займут далеко не один год. Несколько лет потребуются и на сооружение грандиозной системы каналов, способных напоить сибирской водой истощенные русла Аму и Сыр.

Но вся беда, что нет у нас этих нескольких лет! Арал не может ждать. Так неужели нельзя хоть чем-то помочь усыхающему морю, поддержать его падающий уровень? Некоторые специалисты считают, что сделать это все-таки можно. Притом без всякого ущерба для планов развития хлопководства. Заслуженный ирригатор Узбекской ССР А. Ф. Соседко считает, что прежде всего нужно хорошо подновить действующую ныне оросительную систему. По его расчетам, одно это позволит увеличить площади поливного земледелия на сорок процентов! Сорок процентов даровых земель, и ни одной лишней капли амударьинской воды! Идея проста и вместе с тем ошеломительна.

Но в самом деле, вся ли забираемая из реки вода достигает растительных корней? Как показали опыты, хлопчатник в лучшем случае получает треть предназначенной ему порции. Две трети драгоценной влаги уходит в почву, в безоблачное небо пустыни. Фильтрация и испарение — явления не новые. Испокон веку люди ведут с ними нескончаемый спор за воду. Уплотнение грунтов, бетонирование стенок и дна каналов, посадки деревьев — все это достаточно эффективные, испытанные средства. Они хорошо показали себя в Голодной степи! Недаром на ее хлопковых полях перенимают опыт посланцы из Африки, Южной Америки, Азии. Голодностепские хлопкоробы свели потери воды до минимума. Затененные ивой и тополями бетонные лотки бережно доносят живительные струи до самых корней хлопчатника. Значит, кое-какие резервы для спасения Арала все же есть. Пусть хотя бы на первое время.

Но пойдём дальше. Если совершенствование ирригационной сети обещает столь заманчивый приз, то не поискать ли таких же скрытых резервов и в системе гидротехнических сооружений?

Возьмем для примера Чардаринское водохранилище. Сливные отверстия в его плотине пропускают 1500—1800 кубометров воды в секунду, тогда как амударьинский паводок достигает в иные сезоны 5500 кубов. Спрашивается, куда девается «лишняя» вода? Она после накопления водохранилища сбрасывается в Арнасайскую низину, где образовалось огромное соленое озеро. Соленое потому, что полые воды, затопив солончаковую низину, растворили в себе всю соль Арнасай и Айфара. Всю их пустынную горечь. Этого могло бы и не случиться. Стоило только провести обводной канал, и щедрые вешние воды могли бы влиться в Арал. А так многие миллиарды кубометров насыщенной лессом воды пропали бесцельно и для полей, и для Аральского моря...

Еще большее по величине озеро образовалось и на дне Сарыкамышской впадины. Вода в нем тоже горько-соленая. Ее принес тот самый коллектор «Дружба», который отводит грунтовые воды с плантаций Хорезма и Ташауза. Вместо того чтобы засолять и без того белую от выпаров Сарыкамышскую впадину, дренажные воды можно было бы сбросить в Аму, ниже по течению. Арал не отказался бы от такой животворной инъекции!

Впрочем, все еще поправимо. «Нечаянное» Сарыкамышское озеро, ежегодно питаемое грунтовыми водами Каракалпакии и Хорезма, вот-вот переполнится и выйдет из берегов. Так как наиболее низменная часть лежит на юге, то вода по руслу Узбоя, видимо, пойдет в Каспий. Отчего же не направить ее через Кунградский коллектор в Арал? Это не потребует даже специальных затрат! Кунградское русло достаточно глубоко. Есть и еще резервы! У подножия Султануиздага тоже образовалась целая система озер и болот, которую питает канал Кырккыз. А ведь это бесполезно пропавшая вода, которую взяли у реки! Просто каналы были рассчитаны на больший забор, чем это требовалось полям. От этого, во-первых, страдает все тот же Арал, а во-вторых, без пользы пропадают хорошие земли, которые все равно придется скоро осваивать. Так не лучше ли отвести с них лишнюю воду уже сейчас? Притом отвести ее туда, куда следует, в Аральское море. Освобожденные площади сто́крат окупят все ирригационные работы. И делать это нужно как можно скорее. Пока не засолились воды и болота не разрослись до такой степени, что их потребуется осушать. Аралу так кстати будет это никому не нужное озеро в добрую сотню квадратных километров.

Одним словом, Аральское море вполне сможет продержаться до того момента, когда в него хлынет живительная сибирская вода.

Предполагается, что Обь и Енисей смогут без всякого для себя ущерба «одолжить» Аральскому бассейну 100 кубических

километров воды. Примерно столько же, сколько имеется ее сейчас. Такое двукратное увеличение мощности бассейна потребует создания уникальных гидротехнических сооружений. Они должны будут обеспечить ежесекундный расход в 3 тысячи кубометров. Для этого потребуются десять таких каналов, как Южный Голодностепский — самый крупный из ныне действующих в СССР. Под стать каналам-гигантам будут и остальные сооружения: плотины, шлюзы, водохранилища.

— Мы ориентируемся на то, — говорит Лев Семенович Литвак, — что строительные работы на водной трассе Сибирь — Средняя Азия начнутся в середине восьмидесятых годов.

Водозабор из Енисея предполагается создать в районе Осиновской ГЭС, из Оби — у Омского, а из Иртыша — у Гагаринского водохранилища.

Дальше трасса проляжет по казахским степям и у города Кызыл-Орда подойдет к Сырдарье. Протяженность трассы от Енисея до Сырдарьи — 2600 километров.

У Кызыл-Орды канал Сибирь — Средняя Азия разделится на два рукава. Северный пересечет Кызылкум и выйдет к Амударье у Тюя-Муюна. Южный по существующему руслу Сыр подойдет к Чардаре, повернет на запад с выходом к Аму в районе Чарджоу. Сибирь — Средняя Азия составит 3700 километров. Это в четыре раза длиннее, чем крупнейший в стране Каракумский канал.

— Самотечной эту уникальную водную магистраль не удастся сделать при всем желании. Не позволит рельеф местности. Но высота подъема для такой трассы будет сравнительно небольшой — всего 60 метров. Что же касается участка Кызыл-Орда — Чардара, то тут подъем воды увеличится вдвое. Это не так много, если учесть, что на канале Иртыш — Караганда воду пришлось поднимать на 500 метров. Но даже для подъема всего на 60 метров такой массы воды мощность электрических двигателей насосных станций будет равна мощности турбин Красноярской ГЭС.

Но все это, разумеется, далеко не окончательные цифры. Лишь первоначальные наброски, ориентировочные прикидки. Окончательного проекта еще нет, и вариантов может быть бесчисленное количество. Тем более что далеко не все разделяют и саму идею канала.

— Мне думается, — говорит профессор С. Вендров, — с этим не следует торопиться. Переброска необходима. Но не каналами, а по трубопроводам из низовьев сибирских рек, не прибегая к их регулированию и созданию водохранилищ.

Скажем, половодье на Оби затягивается надолго, и в это время по трубопроводам можно взять из ее низовьев, без регулирования стока, около 50—60 кубических километров воды.

А это более половины естественного стока Амударьи. Весомая добавка!

Не кажется ли такой способ подачи воды фантастикой? Отнюдь! Построить 10 ниток трубопровода от Салехарда до Чарджоу — это при современной технике строительства легко выполнимо. Сейчас мы накануне освоения труб большого диаметра, почему же не подумать о трубах диаметром 5—6 метров? А такая труба может пропустить 3,5—5 кубических километров воды в год. Кроме того, видимо, потребуется мощность насосных установок в 1,5—2 миллиона киловатт. Но ведь уже сегодня мы тратим 350 тысяч киловатт на подачу воды из Иртыша в города Караганду, Темиртау и другие по системе каналов и водохранилищ длиной в 450 километров с подъемом на 450 метров.

Трубопровод позволит получить из низовьев всех северных рек СССР не менее 15 процентов их годового стока — около 500 кубических километров. Это равно полезной емкости всех водохранилищ страны.

Нам надо твердо усвоить, что в будущем станет выгодней использовать электроэнергию для получения пресной воды, чем, наоборот, применять пресную воду для выработки электроэнергии.

ЖИЛЫ ЗЕМНЫЕ

...И где бы на земле ни выросла фиалка.
Знай — родинкой она красавицы была.

Омар Хайям

В скалах Кобыстана, на берегу Каспия, я видел пещеры древних людей: слепые норы, наполненные черной шелковистой пылью. Тысячи лет осаждалась она в каменных щелях, нежно пеленала засохшую грязь, в которой потонули нуклеусы, костяные иглы, кремневые ножи, угли доисторических костров, убогие остатки минувших пиршеств. Примитивные петроглифы дают весьма слабое представление о внешности пещерных обитателей, но зато довольно точно рассказывают об их занятиях: охоте, танцах у священного костра, мореплавании в изогнутых, как полумесяц, лодках. Иногда на носу такой пралады щетинится лучами солнечный круг. Это уже космогония, магия и бог знает что еще. На память приходят древнеегипетские фрески. Путешествие Озириса по водам. Закат и восход. Солнечный культ.

У более поздних пещер, на шероховатых камнях среди базальтового хаоса, зарослей колючей ежевики и дикого граната появляются стада круторогих баранов и, как робкая про-

ба «пера», начатки орнаментов. Пробираясь от камня к камню, от пещеры к пещере, можно было видеть, как мужало человечество. Несколько шагов по узенькой горной тропе были равнозначны нескольким тысячелетиям.

Солнце сверкало в синем безоблачном небе, ртутными каплями горели слюдяные вкрапления. Черной точкой в зените проплывал коршун, высматривая добычу. Так было и сто, и тысячу, и пятнадцать тысяч лет назад. Хотелось забыть про домик археологов, про подвесную дорогу — какое-то варварское предприятие медленно, но верно превращало священные скалы вокруг пещер в заурядную каменоломню, — забыть про легкий запах гари, долетающий с завода газовой сажки, забыть, забыть... Я стоял у котла, в котором варилась история. И казалось, что небожители, которые поддерживали под ним огонь, куда-то ушли. Отлучились ненадолго, но вот-вот вернуться, и вновь забурлит, забулькает таинственное варево, и увижу я в клубах пара пленительную пляску теней. Не знаю, сами ли обитатели здешних мест творили свою цивилизацию или доисторический мир, подобно современному, был полон взаимовлияний и взаимопроникновений, но по кобыстанским петроглифам можно было бы наглядно изучать не только историю, но даже социологию.

Извилистая тропинка огибает забрызганную золотистыми пятнами лишайника скалу и манит вверх. Там, за кустом непалимой купины, гранитный навес, под которым скрывались от непогоды древние скотоводы. Карабкаясь от пещеры к пещере, я словно лечу в пресловутой машине времени. Собиратели, охотники, скотоводы! Три слова одной строки. Три соседние пещеры. Но это кажущееся соседство. За ним революционные взлеты истории, ее роковые миги, разделенные безднами тысячелетий. Вот полукруглое углубление в камне. Это «общий котел», который нельзя было ни поднять, ни спрятать, ни перенести в другое место. Он выдолблен раз и навсегда. У соседней скалы уже целая серия лунок. Здесь каждый житель имел свою персональную чашу, хотя тоже не мог ее никуда унести. Век керамики еще только мерещился. Но была уже недвижимая эта утварь — прообраз частной собственности...

Мужает, растет кобыстанский человек. Убогие росписи сменяются зачатками «звериного стиля», столь распространенного по всей Азии, изображения стад приобретают неуловимое сходство со «знаками Гэсера», с узорами «оленьих камней». Такое уж здесь место, что скрестились на нем дороги истории. Вот наконец роковой петроглиф, где первобытный охотник целит копьем уже не в быка, не в муфлона. Нет, он готов убить подобное себе двуногое существо! Отсюда рукой подать до огражденной решеткой глыбы, на которой знакомыми латинскими литерами высечено, что до сих пустынных мест до-

шел легион императора Домициана. Старый азербайджанец — местный сторож, правда, упорно зовет римского цезаря Наполеоном, но суть не меняется. Все чужеземные завоеватели несли на себе незримое клеймо того первого, нацеленного в человеческое сердце копьё. Старик это хорошо понимает.

— Вон, видишь, до чего дошло? Сперва убил из-за овцы, потом воевать начал. Землю отнимать стал. Наполеон аж вон куда забрался! Гитлер потом — про него ты и сам знать должен, — империалисты... Понимаешь, что из этого вышло?

Понимаю, все я понимаю, Ибрагим-ага. И не ради исторических аналогий решил я рассказать здесь о твоём Кобыстане, мудрый старик. Трудно удержаться от них, когда встают перед глазами наглядная эволюция рисунков, «камень Домициана», кромлехи, соседствующие с надгробными известковыми плитами, где куфическим письмом высечены строфы фарсидских поэтов... И все же вспомнить о древних пещерах Азербайджана заставил меня знак воды, который повстречал я в самом сердце Кызылкума. Я увидел эти расположенные одна под другой волнистые линии на каменной бабе недалеко от высохшего колодца. Испокон веку так рисуют дети море. И сразу же припомнил я Кобыстан. Робкую пробу «пера». Рождение орнаментов. Вечный символ волнующейся воды. Нет, не петроглифы интересовали меня, а высеченные в скальном грунте водосборы и водостоки! И надо сказать, что выполнены они были по всем канонам современного гидротехнического искусства.

В упорной борьбе за воду сложилось это эмпирическое стихийное знание. Кобыстанские люди бережно собирали ливневые потоки в каменных бассейнах, по каменным лоткам подвели их к пещерам и колодцам. В принципе эти миниатюрные гидротехнические устройства ничем не отличаются от современных оросительных систем. А как древние добывали воду из-под земли! Могуущественнейшая держава античности — Персия оставила после себя исполинскую оросительную сеть, которая отменно действует и по сей день. По длинным подземным коридорам — кяризам вода самотеком поднималась на поверхность и разливалась по полям, превращая пустыню в сад. В современном Иране на сегодняшний день насчитывается свыше 30 тысяч действующих кяризов! Подобные же сооружения можно встретить и у нас в Средней Азии. Подземные акведуки существовали и существуют везде, где только в пустыне жил человек. В разных местах их называют по-разному: кяриз, кираз, кериз, кариз — в Средней Азии и Афганистане, канат — в Центральном Иране, сахрит — в Йемене, крита — на юге Туниса, фоггара — в Сахаре, кхаттара — в Марокко.

При сооружении подземных акведуков на поверхности вырастали конусы грунта, подобные терриконам угольных шахт. Ныне эти искусственные горы уже не отличить от природных.

Они заросли полынью и тамариском, в них поселились ящерицы и скорпионы.

Вырытые в недрах пустыни колодцы соединены галереями, по которым можно идти, не нагибая головы. Как удалось построить туннель длиной в добрый десяток километров и с очень небольшим равномерным уклоном без современных машин и измерительных инструментов, остается лишь гадать. Это было высокое и таинственное искусство, подобное точной астрономии каменного квадранта Улугбека или пирамиды Хеопса.

Подземные акведуки распространены от Магриба до Синьцзяна и Турфана, они были известны уже в Ассирии и Вавилонии, использовались римлянами и турками, согдийцами и хорезмийцами. Но тайна их происхождения теряется в доисторической мгле. Существует, впрочем, одна небезынересная версия. В начале нашей эры в Иране обитала могущественная буддийская секта бармекидов. В IX веке, спасаясь от мусульманских гонений, бармекиды вынуждены были переселиться в Сахару, где уже через полвека появилась хорошо развитая система подземных каналов. Любопытно, что в Сахаре и до настоящего времени сохранилась некая секта Бармака (уже мусульманская), которая хранит секреты древнего земледелия. Примечательно, что районы распространения секты известны как места кяризного орошения.

И все же эта версия не представляется мне правдоподобной. Она основывается лишь на совпадениях, которые могут быть совершенно случайными. К тому же она не дает никакого объяснения изначальному происхождению кяризов. В самом деле, откуда взялись они в Персии, в Вавилоне?.. Видимо, истина много сложнее и одновременно проще. Начальные шаги к искусственному орошению люди сделали еще очень давно и скорее всего в каждом районе самостоятельно. Это было открытие, равное обретению огня и приручению стад. Это была первая сознательная попытка усовершенствовать пустыню — изначальную колыбель человека. Когда я смотрел на каменную плиту (наверное, метров пять на пять) в Кобыстане, то за скромными лунками и желобками ее мерещилось мне ложе Тюя-Муюна и разветвленная сеть Каракумского канала. Разве не виден нам в ярушечном плане прообраз реактивного лайнера? Или не был огонь первобытного костра тем семенем, из которого выросли доменные печи?

Право, не нужно большого воображения, чтобы перекинуть мосты банальных сравнений через бездны времени. Водосборы Кобыстана по одной лишь функциональной природе своей должны были напоминать современные. Иначе были бы они не водосборами, а чем-то совсем иным. Ну а кяризы? Какой современный аналог можно найти для них? В том-то и загвоздка, что никакого. Прежде всего потому, что они не являются

архаикой. Я уже говорил, что подземные акведуки и сегодня помогают человеку сосуществовать с пустыней. Во-вторых, сооружения эти отличаются не только изумительной точностью, но и поражают воображение своей величиной. И для современной техники вырыть в пустыне трехсотметровый колодец — задача далеко не простая. Я уж не говорю о том, что от него еще нужно отвести подземную галерею, по которой самотеком способна подняться на дневную поверхность вода. Если угодно, это чудо света ничуть не меньшее, чем легендарные висячие сады Вавилона. А сработано оно лишь кайлом да лопатой, вручную, как мраморный Улугбеков угломер, как египетская пирамида. Есть, наконец, и еще одна специфическая особенность. Отдавая дань древним астрономам и восхищаясь масштабами их циклопических сооружений, мы тем не менее знаем, что оптика, радио- и рентгеноастрономия позволили нам добиться неизмеримо большего. Новое качество сделало свое дело. Не то в случае кяризов. Здесь нет у нас такого нового качества. Эффект, который достигается выкачиванием подземных вод с помощью современных насосных средств, не дает нам права снисходительно смотреть на глубинные акведуки. Не говоря уже о том, что самотек и дешевле и надежнее.

По сути, мы только приближаемся к эре промышленного использования подземных вод. Потому-то и дожили кяризы до сегодняшнего дня. Когда-то подземные реки считались неисчерпаемыми. На них смотрели как на вечный дар, подобный дождю. И действительно, есть воды, которые пополняются за счет тех же дождей или подземных потоков. Но, к сожалению, это скорее исключение, нежели правило. Как и в подлунном мире, в царстве Плутона тоже существует проблема воды. По каплям собирала природа запечатанные свои запасы. Медленно фильтруясь сквозь песчаные пласты, перетекая в понижения по нерукотворным глиняным ложам, скоплялись эти драгоценные капли в пустотах, которые Шекспир называл «пузырями Земли». Запасы Плутона ограничены. Их легко растратить, но наполнить хранилища вновь способны лишь тысячелетия. И в этом подземные воды очень похожи на нефть. Мы можем рассчитывать лишь на однократное их использование. К тому же, как и нефть, их не удастся добыть полностью, высосать всухую. Интенсивная эксплуатация артезианских источников, как правило, осложняется «депресссионными воронками». Слово стремясь сохранить себя, вода уходит все дальше в глубину. За последние десятилетия сильно понизился артезианский уровень в Москве, Белгороде, Харькове. Под некоторыми городами он опустился больше чем на сто метров.

Поэтому и приходится вести постоянную водоразведку, искать скрытые под землей моря и реки. В нашей стране впервые в мире удалось отыскать такие потаенные воды с самолета. Это позволило разработать точную методику поиска и нанести

на карту приблизительные контуры «земных пузырей», наполненных артезианской водой: соленой и пресной, пригодной для промышленной добычи, лечебной. Теперь настала очередь гидрологов. С помощью бурения они должны установить более точные границы месторождений, определить химический состав вод, их температуру, запасы — одним словом, все то, что положено делать открывателям подземных кладовых.

И первые же исследования показали, что отличнейшей пресной водой особенно богаты наши среднеазиатские пустыни. Под песками Кара и Кызыл спят настоящие моря. Надо ли говорить, что в ряде мест над ними высятся терриконы забытых крязизов?

О том, как может в наш могучий индустриальный век пригодиться бесценный многовековой опыт народа, рассказал в «Правде» первый секретарь Туркестанского райкома КП Казахстана М. Исаков.

Полупустынные и пустынные земли Туркестанского района тянутся вдоль берега Сыр. До недавних пор туркестанцы пользовались для поливок стоком горных речек Чаян, Баялдыр, Ихан-Су и других, берущих начало на юго-западном склоне Каратау. Хребет этот невелик, и речушки, стекающие с него, ненадежны: бурные весной, они нередко теряли силу летом, а то и совсем пересыхали. И тогда знойные ветры иссушали посевы. Урожайность хлопка не превышала 8—10 центнеров, зерновых — 3—4 центнера.

«Главный резерв дальнейшего роста производства сельскохозяйственной продукции, — писал М. Исаков, — колхозники видят не только в расширении клина поливных земель, но и в улучшении водообеспеченности ранее освоенных площадей в районе Арысь-Туркестанского канала. А с этим делом у нас, прямо скажем, не все благополучно.

Уже десять лет как хозяйства получают по каналу воду, но он все еще достраивается. Многие, что предусмотрено проектом, не выполнено: на площади в 7,5 тысячи гектаров следовало сделать планировку, переоборудовать старую арычную сеть на инженерную, построить коллекторно-дренажные водосбросы и построить 125 скважин вертикального дренажа. Хозяйствам своими силами с этой работой явно не справиться, нет нужных механизмов, железобетонных лотков и других материалов.

Реконструкцию, связанную с улучшением колхозных земель и их водообеспеченностью, планировалось провести давно, однако работы Главриссовхозстроем ведутся медленно. В прошлом году, когда на кустах хлопчатника появились миллионы зеленых коробочек, подул иссушающий, горячий ветер. Чтобы спасти урожай, надо было интенсивно поливать плантации, но воды не хватало.

Опыт и находчивость умельцев помогли найти выход из затруднительного положения. Под туркестанским массивом на небольшой глубине залегает целое пресноводное море. Скважины вертикального дренажа не только понижают уровень грунтовых вод, предотвращают засоление массивов, но и выдают «на-гора» за поливной сезон десятки тысяч кубометров воды каждая. Они-то и выручили хлопкоробов, помогли спасти хлопчатник, собрать высокий урожай».

Эта история меня очень заинтересовала, и я попросил товарищей из «Правды» связаться по телефону с местным корреспондентским пунктом.

Я узнал именно то, что ожидал услышать: не только Туркестанский район, но и вся Чимкентская область — места древнего кыризного орошения. Кыризное орошение, такырный метод хранения воды — эти исконные «промыслы пустыни» изучают сейчас в оборудованных по последнему слову техники исследовательских лабораториях. Специфика пустыни требует максимальной простоты. «Чем меньше сложных механизмов, тем лучше, — говорят опытные люди. — Легче защитить от песка». Смысл этой фразы начинаешь понимать, когда обнаруживаешь, что после очередного афганца у тебя остановились часы и испортился фотоаппарат.

Рискуя надеясь, я готов повторять вновь и вновь: надо не столько бороться с пустыней, сколько научиться сосуществовать с ней.

Не в нашей власти обуздать того же афганца, несущего тучи раскаленного песка, колючего, как искры с точильного круга. Саксаул тоже не везде посадишь. Ну как тут бороться с заносами? Как оградить от песков хотя бы то, что в пустыне важнее всего, — дороги? Ведь только очистка полукилометрового участка железнодорожной ветки Небит-Даг — Вышка обходится в сто тысяч рублей! Дешевле новую провести! А сколько раз в году обрушивается ветер? Сколько раз приводит он в движение забаламученные пески? А натиск барханов? Он хоть и не столь стремителен, зато упорен. Со скоростью сто метров в год барханы бросаются на города, кишлаки, поля, гигантским языком слизывают целые километры дорог.

Раньше на капризы пустыни смотрели как на стихийное бедствие: «Такова воля аллаха». После очередного «налета» принимались расчищать улицы, убирали тачками песок, вновь отрывали засыпанные колодцы. В первые же годы Советской власти начались широкие работы по закреплению песков. Теперь они не угрожают больше городам, шахтам, крупным стройкам. Но небольшие оазисы все еще находятся под угрозой, и по-прежнему беззащитны дороги. Многие тысячи километров шоссейных и железных дорог. И дело не в том, что мы не располагаем надежными средствами борьбы с песком. Просто эти средства очень дороги, а путевая сетка часта и об-

ширна. Целиком защитить ее немислимо. Для этого нужно убрать из пустыни весь песок. Как в том анекдоте с Сахарой и львом...

Остается поэтому единственная возможность приспособиться. Не воевать с песками, а скорее «потакать» им. Вместо того чтобы строить неприступные дамбы, которые стоят подчас дороже, чем сам оберегаемый объект, не лучше ли попытаться понять пустыню? Ведь не из-за злонамеренности же, в самом деле, с особой яростью обрушивается она на дороги!

В Институте пустынь Туркменской академии наук на аэродинамической трубе изучили пути песчинок — всевозможные их траектории в воздушных потоках любых скоростей. И выяснилась любопытная вещь: пески оседают именно там, где это им энергетически наиболее выгодно. В принципе подобный вывод можно было бы получить и не прибегая к опыту. Он вполне очевиден. Но упругие столкновения песчинок и замысловатые треки их в искусственном смерче позволили получить эмпирические формулы, которые дают возможность с открытыми глазами решать чисто практические задачи. Туркменские исследователи нашли средство, которое делает пребывание песка на железнодорожных рельсах невыгодным для пустыни. Не встречая никаких препятствий, песок засыпает путь, но не задерживается на нем и уносится дальше. Или просто-напросто перепрыгивает через шоссейную полосу, чтобы обрушиться на совершенно пустое место далеко за дорогой. Это лучший выход из положения, не правда ли?

И все потому, что человек не препятствовал пустыне, а, напротив, «потакал» ей и шел навстречу ее капризам. И чуда здесь нет никакого. И особых ухищрений тоже нет. Всего-навсего полоса цементированного битумом или мазутом песка! И в нем весь секрет. Как на взлетной дорожке, срываются с нее гонимые ветром песчинки и просто-напросто перелетают через стальной путь. Они бы, может, и рады упасть на шпалы, да не могут, потому что нежданно приобрели слишком большую скорость. Чересчур разогнались на взлетной полосе.

Красноречивый пример нехитрой диалектики сосуществования человека с пустыней! Здесь требуются приемы простые, но эффективные. И, как правило, чем они проще, тем эффективней. Но простота эта не лежит на поверхности. Порой выявить ее помогает вековой опыт народа, но чаще всего исследователь вырывает ее у природы ценой долгого и кропотливого труда. Иногда же наилучшее решение подсказывают неудачи.

Испокон веку дома в пустыне строились из того, что было под рукой: песка и глины. Казалось бы, историческую эту наглядность, обладающую к тому же столь чтимой в пустыне простотой, следовало учесть и при строительстве сардоб — хранилищ такырной воды. Но в дело пошел железобетон, по всем канонам превосходящий библейские стройматериалы.

Как же прореагировала на это пустыня? Примерно так, как на забор у дороги: бетон дал трещины, и вода ушла. После ремонта все повторилось сначала, только в ухудшенном варианте. В трещинках успела укрепиться буйная пустынная зелень. Дикие, ко всему приученные корни взломали бетон и разнесли его в клочья, подобно динамиту. А строительство бетонных сардоб в пустыне обошлось дорого, очень дорого. Не лучше ли было использовать старый такырный метод, взять да и проткнуть «лепешку» и «запечатанную» в земле воду — водяную линзу? Так, собственно, и поступил в свое время член-корреспондент АН СССР В. Н. Кунин, величайший знаток оросительной техники среднеазиатских народов. По тому же пути пошли и его ученики в Институте пустынь.

Но не надо думать, что современные исследователи пустыни только тем и занимаются, что воскрешают «дедовские» способы. Отнюдь. Иначе не нужна была бы современная наука и весь могучий ее арсенал. Древние не знали ни «поощрительного» пескозадержания, ни, скажем, того же абсорбционного металлоизвлечения. Все это и многое-многое другое открыто, разработано и внедрено нашими современниками. Но весь арсенал современной науки может быть употреблен и для совершенствования приемов давным-давно известных, а то и вовсе забытых за далью лет. Так обстоит дело и с такырным методом. В отличие от древнего водознатца современный гидрогеолог руководствуется далеко не одной интуицией. В его распоряжении и аэрофотосъемка, и богатейший набор всевозможной электроники. Но, как и встарь, наблюдение за водяной линзой остается делом кропотливым и утомительным. А что поделаешь? По-прежнему человек зависит от погоды. Будет дождь или нет, с какой скоростью пойдет испарение, какая температура установится ночью — все это простые вещи лишь для бюро прогнозов. А ведь именно они определяют поведение пресноводной линзы. Не ученый, хотя и есть у него всевозможные датчики, дождемеры, регистраторы уровня. Но потому и называются они так, что регистрируют поведение стихии, которая не только не зависит от них, но, как это ни жаль, не подотчетна пока никому. Поэтому-то, уподобясь далекому предшественнику-кочевнику, современный исследователь изучает законы пустыни. Регистрирует малейшие биения ее пульса, чтобы приспособиться к ним, а не идти вслепую наперекор.

В последние годы сотрудники Института пустынь разработали способы точного инженерного расчета подземных водохранилищ, усовершенствовали систему сборных каналов, нашли оптимальную форму поглощающего котлована. Проблема хранения воды в подземных котлованах отличается особой деликатностью. В старину ее решали чисто интуитивно. Выйдет — хорошо, не выйдет — отправлялись на поиски другого такыра. Ныне же приходится принимать во внимание целый

комплекс факторов: засоленность пород, гидрофизические свойства грунта, минерализацию и химический состав соленых вод под такыром. Лишь после подробного физико-химического анализа проб приступают к расчету оптимальных размеров поглощающего котлована. Налицо математическая задача на нахождение оптимального, наивыгоднейшего решения, мал котлован — вода быстро испарится, велик — экономически невыгодно: затраты большие, а воды кот заплакал.

Эксперименты на такырах Сансыз, Каррыкуль наглядно продемонстрировали, как растет пресная линза, сколько требуется времени, чтобы ее создать. Благодаря полученным закономерностям процесс образования и движения линзы сделался в известной мере управляемым. А это позволяет собрать с такыра и, главное, спрятать в подземную кладовую гораздо больше воды, чем по традиционной народной технологии. А это очень важно. Осадки в Каракумах приносят в четыре раза больше воды, чем дает за год Аму. На такырах скопляется столько влаги, что и десятой ее доли достаточно было бы для обеспечения животноводства.

КЛАДЫ ЗАЧАРОВАННЫЕ

И воду жизни во тьме, недоступной
зрению, мне дали...

Х а ф и з

Мы добрались до Чертова камня на исходе ночи. Звезды над пустыней сверкали еще в полную силу, но небо уже зазеленело, и на востоке явственно обозначилась хмурая желтоватая полоса. Где-то далеко-далеко плакал и жаловался на судьбу шакал. В дымном свете фар клочьями фольги вспыхивали какие-то бабочки, перед самым радиатором стригли воздух летучие мыши. Наш «газик» неторопливо свернул с дороги и уверенной трусцой устремился к зарослям черного саксаула. В тусклом зодиакальном свечении эта рощица среди песков показалась мне темным мохнатым холмом.

— Это и есть Чертов камень? — спросил я Омара Раждова. — Знаменитый твой Шайтанташ?

— Нет. Это просто лес. Наломаем сейчас саксаула и запалим костер. К Шайтанташу пойдем с рассветом, а то ничего не увидишь.

— Ночь светлая...

— Все равно цвета не увидишь. Много потеряем. Второй такой гидротермы нигде в мире не найдешь.

Омар, в недалеком прошлом геолог, а ныне работник обкома комсомола, давно обещал свозить меня к Чертову камню.

И вот, наломав железных ветвей саксаула, мы запалили на холодном ночном песке костер. Пламя гудело, шатаясь по ветру, трещали дрова, рассыпаясь в пепельно-золотистые угли.

Когда мы поджарили на них сайгачью ногу, совсем уже рассвело. Пески зажглись винным ликующим блеском, но луна еще виделась в небе, анемичная, как молодое арбузное семечко.

От костра по пустыне летел нестерпимо вкусный дым. Мы хорошо приправили мясо киндзой, зернышками граната и дикой черемшой. Шакал, казалось, зарыдал еще жалобнее, еще безнадежней.

Потом мы пошли к Шайтанташу. Через саксаул, за дальние холмы.

Собственно, никакого Чертова камня не было. Я видел каменную пещеру и горячий источник в каменном ложе, но не гору, которую мысленно представлял себе, не каменную скалу.

Круглая лужица, в которой, туманясь облачком пара, бился ключ, сверкала золотыми кристаллами пирита. Я никогда не встречал сернистое железо такого блеска, такой благороднейшей желтизны. Видимо, виновна в том горячая, мылкая на ощупь вода. Пирит лучился в ней, как в глицериновой ванне. К тому же был он необыкновенно свежим, новорожденным. Кристаллы выпадали из раствора прямо на глазах. Все камни на дне были золотыми, позолотился и случайно попавший в источник сухой шип верблюжьей колючки. Я сунул в воду палец, но сейчас же вырвал его обратно и затанцевал на песке, сдувая быстро остывающий кипяток. Моя рука была в воде лишь какое-то мгновение, но капиллярные узоры на пальце, ногтевая лунка и волоски успели приобрести пиритный отблеск.

— Ну что? Видел когда-нибудь такое?

Я только покачал головой и пошел вниз по ручью, вытекавшему из каменной воронки. Золотой обманчивый блеск пропал, едва я сделал первый шаг. Зато вода и каменное ложе сделались похожими на густую венозную кровь. Видимо, температура источника быстро падала, и вслед за пиритом из раствора выпадал гематит. Еще дальше ручей и камни обретали явственный оттенок ржавчины. Это выделялась закись железа. А уж совсем внизу тяжело блестела обычная поваренная соль.

В принципе ничего уникального в гидротерме Шайтанташа не было. Вода вообще универсальный растворитель, а при высоких температурах ее растворяющая способность не знает пределов. При критической температуре 374 градуса Цельсия вода бьет все рекорды агрессивности, оставляя далеко позади самые сильные кислоты и щелочи. Она может растворить

большие количества кремния, урана, железа, меди, золота. Даже платину, которая стойко сопротивляется «царской водке», укрощает критическая вода. Пробиваясь на поверхность, такой гидротермальный раствор быстро остывает, и из него в порядке очередности выпадают всевозможные вещества и элементы. Сначала наименее растворимые, такие, как золото, затем менее стойкие металлы и их соединения. Но все эти процессы осуществляются в глубинах земли, где накапливаются всевозможные гидротермальные клады. У Чертова же камня заключительные стадии окончательной разгрузки водного раствора протекают открыто, на наших глазах. И все потому, что ключ пробился на дневную поверхность, не успев окончательно остыть. В центре золотой чаши, где особенно бурно выделяется пирит, температура, наверное, достигает 80 градусов Цельсия. Там же, где вниз по течению осаждается соль, вода остывает до 30 градусов Цельсия.

— Доволен? — спросил Омар. — Ты это хотел видеть? Сможешь теперь написать, как богата наша пустыня. Природная химлаборатория. Хоть сейчас завод можно построить. И какой!

— Какой же, Омар?

— А то не знаешь? Завод для получения природных веществ особой химической чистоты!

— Верно. Можно пробурить несколько скважин разной глубины и вытягивать из раствора ценнейшие элементы. Процесс будет вполне управляемым, потому что у каждого вещества своя индивидуальная температура осаждения. Весь вопрос в том, что именно несет в себе эта гидротерма и сколько.

— Мы думаем, что она очень богатая.

— Нужно знать точно, Омар. Завод в пустыне — это не шутка. Окупятся ли затраты?

— Подсчитаем... Авось окупятся!

— А как с водой? Не с этим гидротермальным раствором, а с обычной, сладкой водой?

— Море, — Омар топнул ногой. — Здесь ее целое море.

— Пресной? Ой ли, Омар?

— Сравнительно пресной. Не высшей категории, но годится...

— И это рядом с пиритом?

— Верно. Она немножко с сероводородом... Пахнет немножко.

— Пахнет! Сероводород хорош для лечения. Можете вторую Мацесту здесь открыть — пожалуйста! Но для питья? Боюсь, что очистка обойдется в копейчку!

— Знаешь что? — Омар нахмурился. — Ты пока не пиши про это. Не надо преждевременно людей пугать. Если недра себя оправдают, — он опять топнул, — вопрос с питьем решится сам собой. На крайний случай атомный опреснитель поставим,

как в Шевченко. Слышал? А для полива такая вода вполне годится. Тут не только завод будет, но и настоящий оазис... Не веришь?

— Отчего же не верю, Омар? Верю! Только давай-ка слазаем мы с тобой под землю. Хочу своими глазами увидеть это самое пресное море. Не возражаешь?

— Там же маленькая пещера! Разве все подземное море увидишь?

— Все и не надо. Достаточно крохотного заливчика.

— А сероводород? Надо бы кислородный прибор или хотя бы респиратор...

— Мы далеко не полезем. Только с краешку.

Свинтив с «газика» фару и нарастив шнур, мы полезли в пещеру. Была она не очень глубока, но каменные ступени природной лестницы не слишком нас порадовали. Порой приходилось ложиться на брюхо и осторожно сползать вниз, лихорадочно нащупывая ногой надежный упор.

— Как-то мы будем возвращаться? — дипломатично спросил я, жадно хватая открытым ртом парной банный воздух, весьма явственно пахнущий тухлым яйцом.

— Вверх всегда легче, чем вниз, — пожал плечами Омар, обшаривая лучом каменные своды.

В раздробленном нахмуренном свете автомобильной фары вспыхивали какие-то кристаллические друзы, острые, в ржавых потеках скальные гребни. Ни сталактитов, ни сталагмитов, а тем паче летучих мышей в мертвой этой пещере не было. Маслянисто, как нефть, отсвечивала тяжелая, неподвижная вода. В ней, как в лаковой шкатулке, отражались каменные зазубрины свода, темные непроницаемые ниши и наши опрокинутые лица. Неподвижным тоскливым светом резал глаза отраженный луч фонаря. Мы были похожи на выходцев с того света. Я расшнуровал кеды и, осторожно спустив ногу, потрогал воду. Она раздалась легко и мягко, обволакивая кожу телесной теплотой.

Свет внизу расплылся, задрожал. Перекорежилось и сместилось отражение наших ужасных лиц.

— Хорошо бы искупаться, Омар.

— Лучше не надо. Все-таки сильно пахнет. Там дальше сероводорода намного больше.

— Тогда полезли наверх.

— Это будет самое лучшее. Чайку поьем! Хочешь небось чайку, вскипяченного на саксауле?

— Кто же этого не хочет? С лепешкой!

— Лепешку размочим и тоже на углях поджарим. Будет как сразу с тандыра!

Так впервые увидел я погребенное в недрах пустыни море. Крохотный заливчик его. Видимо, один из худших по качеству

воды. До сих пор жалею, что не попробовал ее на вкус. Потом я видел пресноводное море лишь на гидрологических картах. Но зато пил их воду, полученную прямо из скважин. Иногда она была солоновата, но чаще все же напоминала по вкусу «Джермук», «Славянскую» или «Нарзан». Погребенные воды часто скрываются на большой глубине. В Кызылкуме согласно последним гидрогеологическим данным они прячутся в меловых песчаниках, уходящих к северу все дальше вглубь. Чтобы оконтурить подземное море, пришлось бурить скважины по принципу ступеней, невидимых ступеней невидимой лестницы, которая должна привести к воде. Первую разведочную скважину решили проложить глубиной в 1200 метров! Для гидрогеологов это уже глубинное бурение, потому что обычно воду брали метров с пятисот, не более. Три последующие скважины заложили на отметке 1100 и еще одну на 750 метров. Все буровые дали воду. В одном месте бур прорезал водоносный горизонт насквозь. Вода стала заливать скважину, и долгая операция оконтуривания висела на волоске. Но бурильщики успели наложить цементную заплатку, и скважина была спасена. Запасы подземного моря превзошли самые оптимистические прогнозы. Уже сейчас оно может напоить около трех тысяч квадратных километров пастбищ. Это три миллиона гектаров новых земель, которые не потребуют ни капли «запроданной» на долгие годы вперед речной воды!

Без таких погребенных морей Голодная степь осталась бы навечно голодной, не была бы освоена каршинская целина, в первую же засуху подчистую сгорел бы хлопчатник в Казахстане. Но даже в тех местах, куда по каналам доходит речная вода, будут рады подземному сокровищу. Ни для кого не секрет, что вода в каналах далеко не та, что в реке. Она прошла сквозь корни хлопчатника и вволю напиталась всевозможными удобрениями, ядохимикатами и прочей современной химией. Без специальной очистки ее не очень-то и попьешь! Очистка же обходится дорого. Проще бывает доставить питьевую воду в цистернах, чем построить надежные фильтры. Но, пройдя через недра пустыни, вода рождается заново. Она осветляется до родниковой кристальнейшей чистоты. Происходит это преобразование на очень больших глубинах. Повыше же, там, где смешиваются воды подземных потоков, бегущих с Мальгузарского и Нуратинского хребтов, земля бела от гипса, горька от соли. Не то что грунтовые, но речные и даже дождевые воды, пройдя сквозь мертвые эти пласты, превращаются в драконову кровь. Только в заповедных меловых глубинах сможет воскреснуть убитая дыханием пустыни вода. Но медленно, хоть тщательно и кропотливо, делает свое дело природа. Лишь один раз сможем припасть мы губами к подземному морю, где осветляется и становится сладкой насыщенная солями вода. Не скоро оно наполнится вновь, ох как не скоро! Временем жизни на-

шей не измерить это чудесное таинство. Вот и приходится еще заранее, до начала добычи, рассчитывать каждый глоток.

В последние годы гидрогеологи из Голодностепской экспедиции обнаружили большие скопления глубинных вод под Гулистаном, Славянкой, Джетысаем, Богарой. Действительно, целое море лежит под красными песками! Есть богатейшие водные резервы и у Ташкента, и у Самарканда, и, что особенно обнадеживает, в Сырдарьинской области. Пора, давно пора разгрузить великую реку! И без того всю себя отдала пустыне неустанная труженица Сыр...

В центральной зоне Голодной степи вода залегает в сравнительно неглубоких горизонтах. Первые же полукилометровые скважины оказались добычливыми. Интуиция и профессиональное счастье водознатцев помогли гидрогеологам набрести на глубинный поток, по мощности равный по меньшей мере Мургабу! И если бы не суровая зима, когда завязли тягачи, а вертолеты ветер сдувал, как стрекоз с тростника, подземная река уже увидела бы солнце. Да и запоздалая весна не порадовала поисковиков. Потоки талой воды размыли степные дороги, до краев наполнились речные русла и сая, горные ручьи неистово обрушили на равнину щебень, перемешанный с осколками льда. Особенно трудная обстановка создалась на участке Заамин, где ведутся работы по снабжению артезианской водой будущего металлургического гиганта, будущего рабочего городка.

Гидрогеологи работали днем и ночью, без выходных. Три недели в вагончике, среди неистовой, взбудораженной ледовой весной степи, потом неделя полного покоя, городского комфорта и тишины. Едва человек успевал прийти в себя, как вновь наступал его черед. Это было похоже на жизнь в высоких широтах, на ледовый штурм, на полярные будни Норильска.

Мрак пылевого дождя среди бела дня, ледяное оцепенение ночи и ветер, который, казалось, воеет даже во внутренностях. Но как только погода позволила, бригады Равиля Газизова и Фариды Биязова возобновили проходку скважин. Голодностепские гидрогеологи ухитрились даже опередить график и выдали необходимые проектировщикам и строителям рекомендации раньше срока. Во многом им помогла новая техника. Работники экспедиции первыми в Узбекистане освоили агрегат «ИВА 15В», смонтированный на мощном тягаче МАЗ-500. Когда остановилась вся степь и замерло в ней любое движение, могучий МАЗ со сборной вышкой на загревке как ни в чем не бывало продолжал работу. Фырча и вздымая мутные столбы снеговой и глинистой жижи, он шел, что называется, напролом.

По бездорожью, саям, сквозь кромешный мрак непогоды, когда, по меткому народному выражению, «слепнет сама степь».

На сегодняшний день глубинные воды — это единственная

надежда спасти Арал. По крайней мере, поддержать его до того дня, когда переброска сибирских вод станет реальностью.

Примерно к концу столетия ресурсы Сыр, Аму и их притоков будут исчерпаны. В этом нет сомнений, специалисты водного хозяйства на этот счет даже не спорят. А что будет потом? Видимо, нет смысла создавать большие водохранилища. Тем паче нецелесообразно перегонять из него воду по каналам и водохранилищам за тысячи верст, теряя часть ее в пути на фильтрацию и испарение. Уж лучше действительно, как говорил Омар, построить атомный опреснитель. В последние годы опреснение морской воды перестало быть чем-то экзотическим. И с каждым годом оно становится все дешевле. Но главный наш резерв, повторяю, — это подземные воды. Они есть не только в Средней Азии. Большие подземные бассейны найдены еще и в Казахстане, и на юге Западной Сибири, в Азербайджане, Армении, Дагестане.

Их можно разрабатывать поэтапно, рассредоточивая денежные вложения на несколько лет. Сооружение плотины для огромного водохранилища, подготовка его к затоплению и строительство каналов длиной в тысячи километров потребуют куда больше капиталовложений.

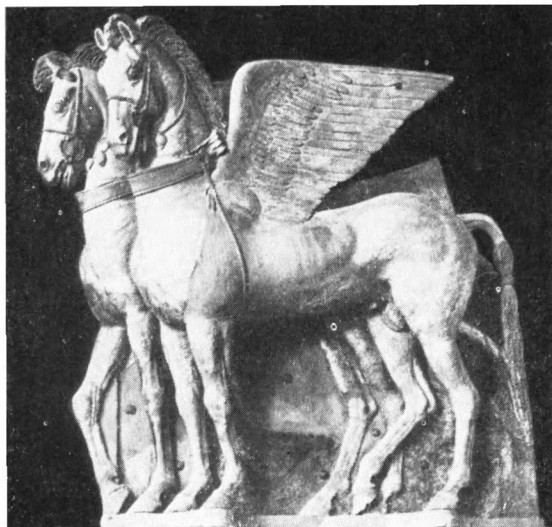
Правда, в условиях Средней Азии каналы и водохранилища себя вполне оправдали. Необыкновенная щедрость преобразенной пустыни с лихвой покрывает любые издержки. Но это не значит, что мы достигли совершенства и не должны больше искать новых, более экономичных способов водоснабжения. Преимущества же подземных морей налицо.

В эти обширные чашеобразные впадины, заполненные мощными слоями песков, песчаников и галечников, тысячелетиями собирались ледниковые и талые воды из далеких горных областей Тянь-Шаня, Алтая, Саур-Торбагатая, Мугоджар, Мангышлака и Урала. Они простираются порой на сотни километров и не уступают по запасам воды Азовскому или Аральскому морям. Только в Казахстане запасы пресной воды всех артезианских бассейнов и потоков грунтовых вод достигают 7,5 триллиона кубометров.

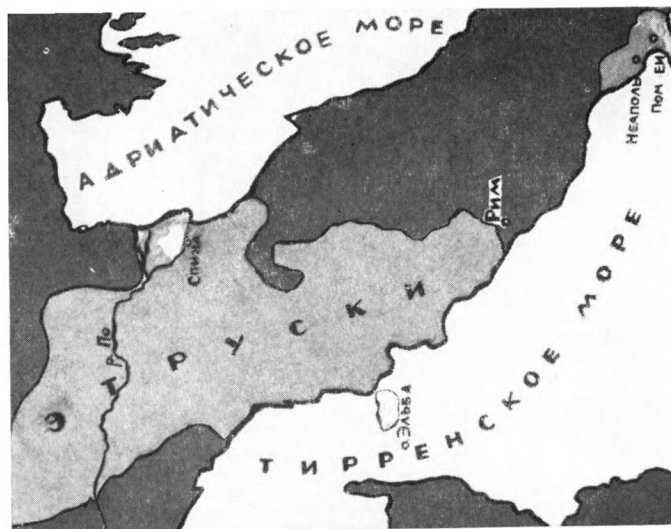
Во многих артезианских бассейнах вода находится под большим давлением и поэтому при бурении скважин вырывается на поверхность земли в виде фонтанов. Это значительно облегчает использование подземных вод. В некоторых случаях для их подъема не требуется прибегать даже к глубинным насосам. Но самое главное, что они почти повсеместны. Где бы, грубо говоря, вы ни копнули, везде окажется вода от 200 до 5 тысяч кубометров в сутки. Совсем неплохо!

Сооружение большого числа артезианских скважин, соединенных автоматическим управлением, даст возможность создать густую оросительную сеть. Можно будет шаг за шагом осваивать наиболее плодородные, удобные для полива земли,

Шедевр искусства
древнего мира —
крылатые кони,
найденные
при раскопках
этрусского города
Тарквиний.

Карта-схема
расселения
этрусков в Италии
в период их
наивысшего
могущества.

Глиняная скульптура, отрытая в этрусском городе Клузий, словно свидетельствует о том почете и уважении, какими пользовались этруссские женщины.

Крышка саркофага II века до нашей эры, найденная при раскопках города Вульчи.

«Умирающая
амазонка» — так
исследователи назвали
фрагмент скульптуры
II века до нашей эры.

Даже обыденные
предметы домашнего
обихода этруски
украшали орнаментами
и скульптурными
группами. Сосуд
VII века до нашей эры.

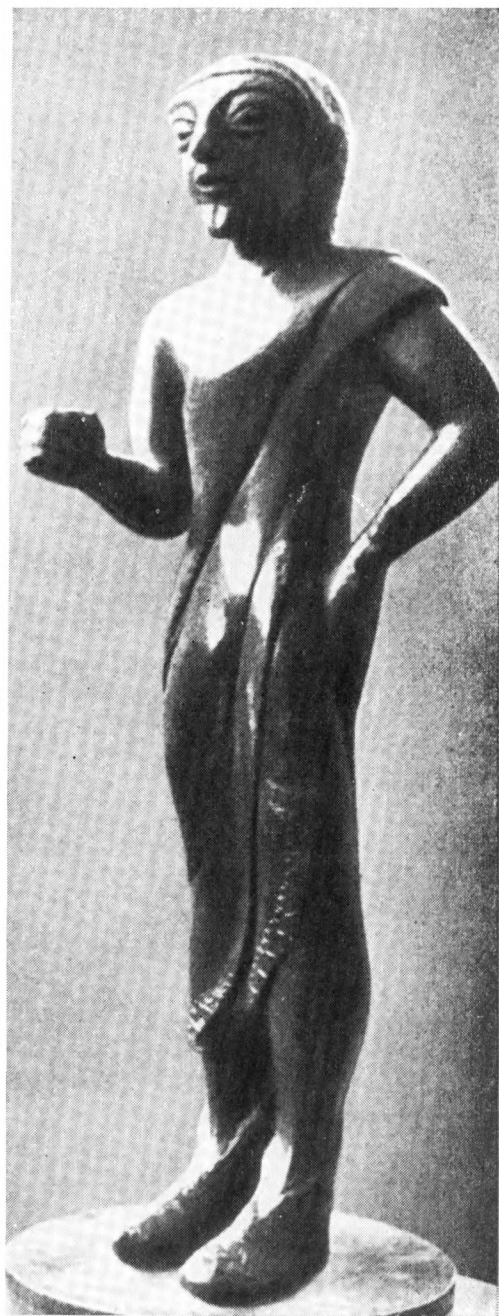
Бронзовое этрусское
зеркало с изображением
сцены гадания.

Женщина на троне
с ребенком. Скульптура
V века до нашей эры.

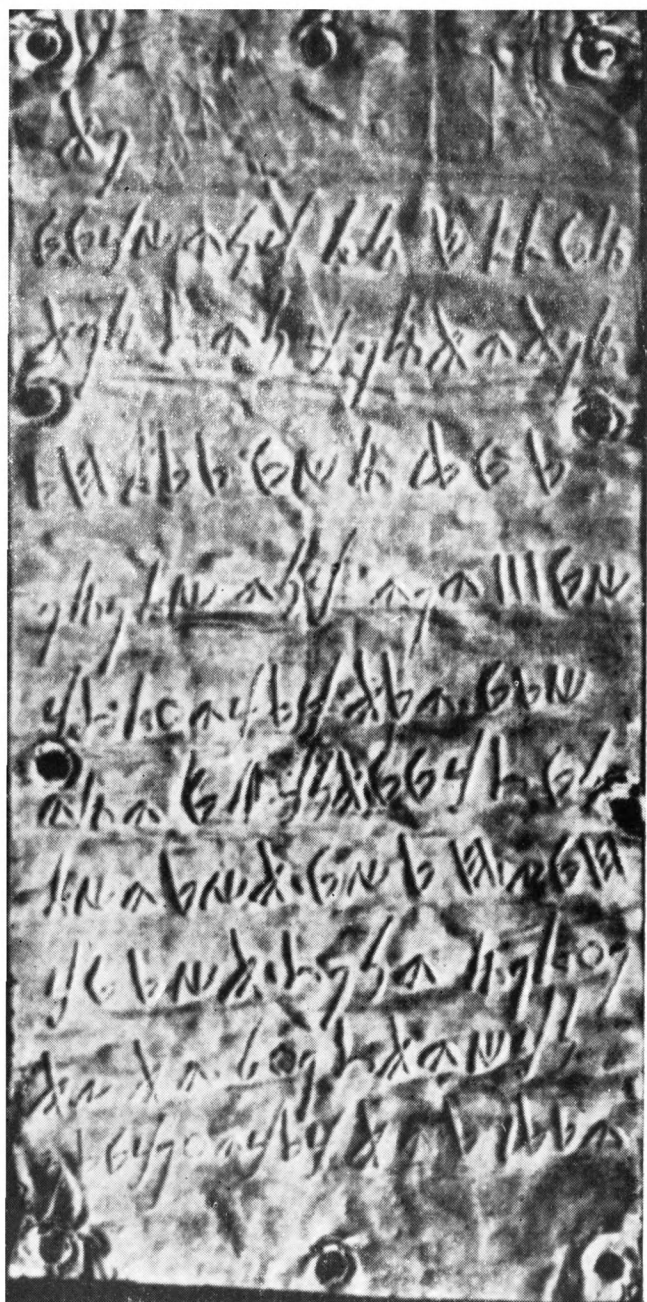
Фрагмент терракотовой статуэтки IV века до нашей эры. Одно из лучших произведений этрусской пластики, свидетельствующее об основных направлениях этрусской скульптуры — стремлении к экспрессии и реализму.

Эта статуэтка, изготовленная в VI веке до нашей эры, характерна для раннего периода этрусского искусства.

Бронзовая модель повозки, найденная при раскопках этрусского города Тарквиний, изготовлена в VII веке до нашей эры. Фантастический облик этой «звериной» повозки — отражение культа животных, широко распространенного в Этрурии.

Одна из двух найденных
в 1964 году пластинок
с параллельными
текстами по-финикийски
и по-этруски.

На пути селя встала плотина.

Здесь бушевал поток.

Зондируют сель.

Знаменитый
высокогорный каток
Медео спасен.

Евгений Кондратьев. У МОКШИ.

Река Сивинь.

Место слияния Сивини с Мокшей.

Река Мокша.

Друзья.

Молодые мокшанки
в праздничных нарядах.

Мокшаночка.

Проводы зимы.

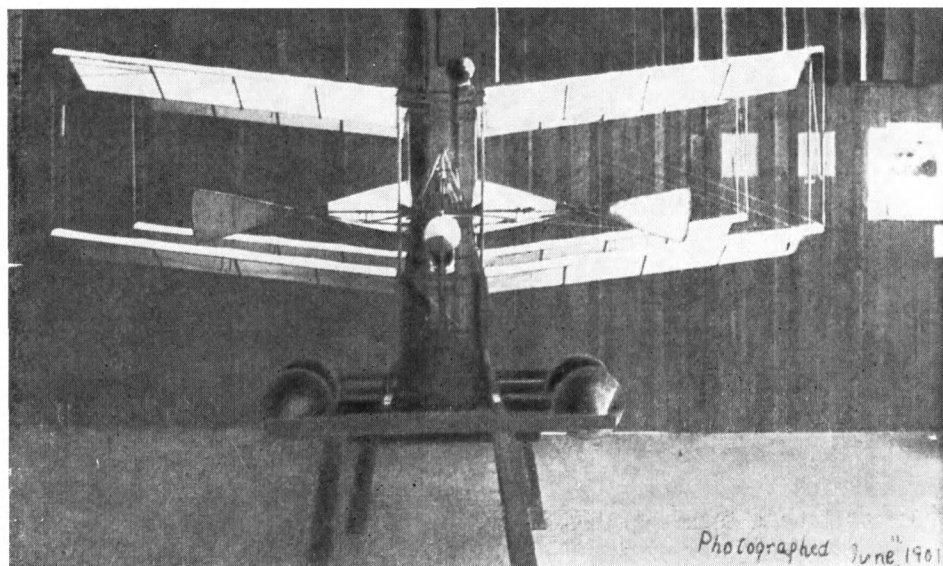

Центральная площадь села.

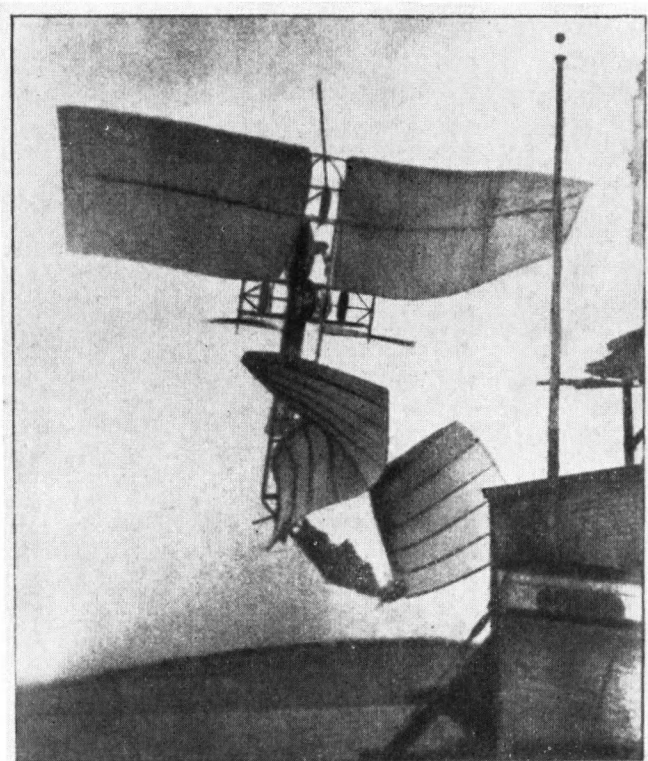
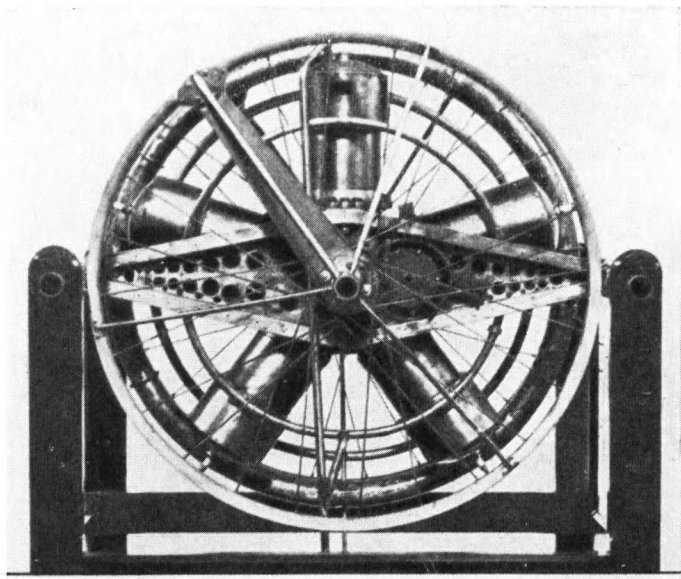

Сэмюэль Лэнгли
(1834—1906).
Рис. Р. Авотина.

Одна из моделей «аэродрома». 1901 г.

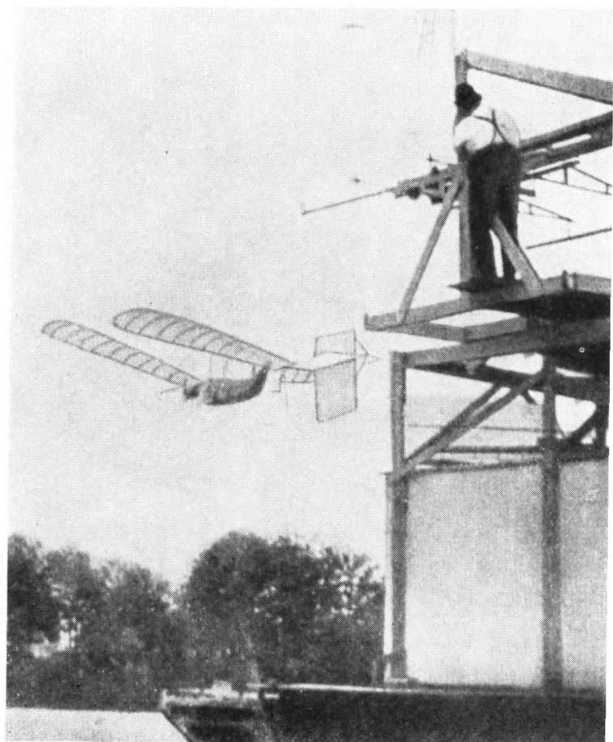

Двигатель
в 52 лошадиных силы
и весом
в 57 килограммов,
спроектированный
и построенный
Ч. Мэнли.

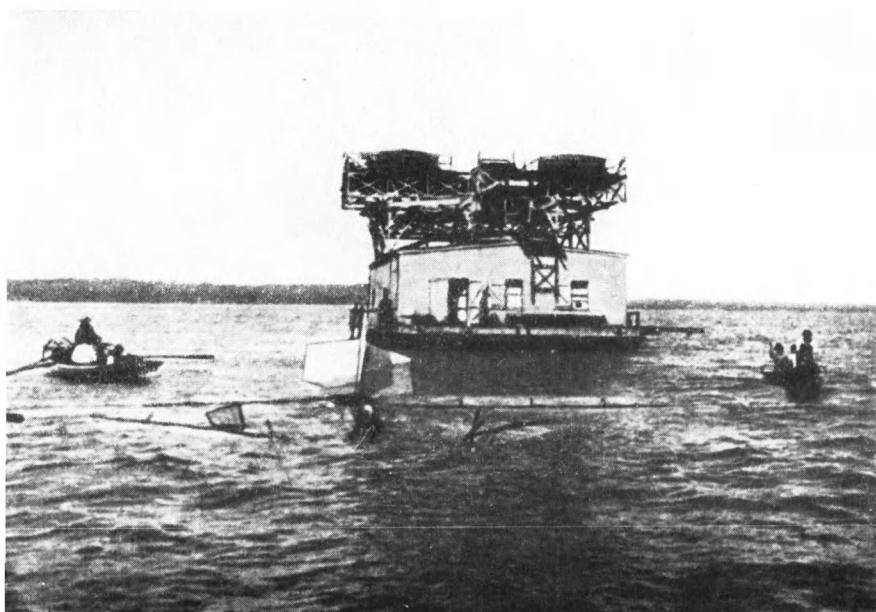

Уникальный снимок —
окончательный крах!
8 декабря 1903 г.

На испытаниях.

Последствия первого
старта 7 октября 1903 года.

на десятках и сотнях тысяч гектаров выращивать гарантированные урожаи пшеницы, риса, кукурузы. И не бояться ни засух, ни наводнений!

На глубинах, превышающих 500—700 метров, артезианские бассейны хранят большие запасы теплых и горячих вод. Со временем они будут использоваться для теплофикации и строительства геотермических тепловых станций в районах, лишенных энергетических ресурсов. Мало того! Использование для полива теплых термальных вод, нередко обогащенных микроэлементами, обещает ускоренное вызревание сельскохозяйственных культур. В некоторых местах таким путем можно получить второй урожай.

Использование подземных вод для орошения и обводнения связано с минимальными капитальными затратами.

Благодаря полной механизации труда, исключительно малым по объему земляным работам при бурении скважин орошение одного гектара земли глубинными водами обходится в 5—10 раз дешевле строительства канала большой протяженности. К тому же во много раз сокращается время, необходимое для освоения земель.

При этом совсем не обязательно отказываться от строительства ирригационных и гидротехнических сооружений. Если в пустынных или засушливых областях есть подходящие для этого поверхностные воды, то, как говорится, сам бог велел их использовать. Разве не каналы совершенно преобразили облик наших среднеазиатских пустынь?

До Октябрьской революции орошаемые и полурошаемые земли среднеазиатских и казахстанских пустынь сиротливо ютились лишь в речных дельтах и долинах. Почти не тронутыми оставались и богатейшие минеральные ресурсы. За пятьдесят лет здесь многое изменилось. Старая ирригационная сеть была обновлена и расширена. Были отрегулированы стоки многих рек, созданы крупнейшие магистральные каналы. Все это позволило значительно увеличить площади орошаемых земель.

Туркменская пустыня была рассечена. Цементированные солнцем такыры потеснились и пропустили в свои владения Каракумский канал имени В. И. Ленина — одно из самых крупных ирригационных сооружений нашего века. Он соединил великие реки Средней Азии — Аму, Мургаб и Теджен. Канал-исполиин выведен из Аму выше города Керки (у села Бассага) и идет к Мургабскому, а затем Тедженскому оазисам (протяжение этого участка канала 540 километров). От Тедженского оазиса он в 1962 году был продолжен до города Ашхабада (протяжение этого участка 260 километров). От Ашхабада канал пройдет на запад еще на 350—380 километров по предгорьям Копет-Дага. В районе станции Казанджик его русло раздвоится. Одна ветвь повернет на юг, в район туркменских субтропиков, другая подаст воду центру нефтяной промышлен-

ности Туркмении — городу Небит-Дагу. Отсюда амударьинскую воду можно будет подавать к Красноводску. Когда канал будет завершен, длина его составит 1300 километров. Он станет самым большим самотечным каналом в мире. Уже сегодня он позволил удвоить площадь всех поливных земель Туркмении! Были созданы и другие водные магистрали — Большой Ферганский канал имени С. М. Кирова, Арысь-Туркменский канал и другие, более мелкие. В речных долинах Средней Азии и Казахстана получили воду сотни тысяч гектаров целины, столько же будет освоено и в ближайшее время.

Там, где среди развалин древнейших городов и мечетей витали тени седой старины, заблестел глянec асфальтированных дорог, выросли крупные промышленные предприятия. Пустыня отдала человеку богатейшие сокровища: нефть, горючие газы, серу, минеральные соли, строительные материалы, руды черных и цветных металлов.

Центрами нефте- и газодобывающей индустрии стали Небит-Даг и Челекен в Туркмении, Эмбинское месторождение в Казахстане, Газлинское в Узбекистане. На полную мощность ведется разработка месторождений меди в Центральном Казахстане (Джезказган, Коунрад). Там, где еще недавно шумели поющие пески, гудят ленты транспортеров, переносящие серу и мирабилит. Сквозь высокие заросли ферул пролегли отсвечивающие синевой рельсы, а табуны диких куланов уже перестали шарахаться от набежавшей тени стрекочущего в небе вертолета.

Только в труднодоступных районах подвижных песков и солончаков еще приходится ездить по старинке, на верблюдах. Туркестано-Сибирская и Трансказахстанская железнодорожные магистрали ежедневно пропускают десятки эшелонов. Стальные пути соединили Кандагач и Гурьев, Чарджоу, Каган и Душанбе.

Даже солнце и ветер мы заставили работать. Совершенные ветродвигатели и гелиообогреватели дают свет в дома, качают воду из колодцев. Все это и есть, собственно, комплексное освоение пустыни. Но в эволюции любого явления неизбежен этап, когда чисто количественное накопление начинает давать все меньший эффект. Это значит, что на повестке дня стоит новое качество, несущее в себе неизбежные и резкие перемены.

Таким именно новым качеством в деле освоения пустынь и являются глубинные воды. Они готовы хлынуть в пустыню. И по сравнению с потенциальными их возможностями каналы и водохранилища — это уже вчерашний день.

А вообще-то они еще долго и верно будут служить человеку, подобно тому как исправно несут свою бессменную вахту тысячелетние кяризы. К тому же не следует забывать, что современные наши каналы не чета дедовским. Далеко вперед ушла ирригационная техника и от уровня пятидесятых годов, когда начался массивированный натиск на пески.

— Есть на Востоке старинная легенда о юноше Фархаде и красавице Ширин, — рассказывает президент Таджикской академии наук Мухамед Сайфетдинович Асимов. — Верная, немеркнущая любовь соединила их сердца. Всем пожертвовал Фархад — и своей любовью, и невозвратимой молодостью, чтобы прорубить горы и провести людям в долину воду. Это сказание отражает вековые мечты народов Средней Азии об изобилии воды, ибо нет ничего дороже ее в пустыне. А теперь советские люди воплощают легенды в жизнь. До недавних пор была у нас пустынная, безжизненная долина Яванская. Совсем недалеко протекает стремительный Вахш, но стеной между ними стал горный хребет. Как завернуть воды реки в долину? На помощь пришел современный Фархад — московские метростроевцы. Они проложили сквозь горы туннель. Направленным, точным рассчитанным взрывом река была перекрыта накидной плотиной, и струи Вахша устремились в долину. Десятки тысяч гектаров обширного Яван-Обикийского массива высоким урожаем хлопка уже окупают стоимость работ, десятки тысяч гектаров еще осваиваются.

Здесь тоже новое качество: проходка ствола с помощью метркомбайна, направленный взрыв и, главное, темпы. Невиданные, немыслимые еще двадцать лет назад темпы. В свое время Фархад тоже использовал для строительства канала новую «технологию»:

Он высекал зубцы по ребрам плит —
Зубец в зубец он сплачивал гранит,
И, много тысяч плит сводя в одно,
Он стены облицовывал и дно,
И так в работе этой был он строг,
Чтоб швов нигде никто найти не смог.

Видимо, не случайно легендарный герой был «строг» в своей работе. Уже во времена Навои прекрасно понимали, что арык не слишком надежный страж воды. Он не столько доносит ее на ниву, сколько теряет в песках. И сегодня это самый веский аргумент в пользу водостоков без «швов», иначе говоря — труб.

КРОВЬ ПУСТЫНИ

И тут мечи дракону в пасть впились,
И волны черной крови полились.

Фирдоуси

Газ, который вливается в магистраль «Дружба», тоже идет из самого сердца пустыни, из скрытых песками заповедных ее глубин. В последние годы Узбекистан вышел по его добыче на одно из первых мест в стране. Промышленные запасы ценнейшего топлива превышают 700 миллиардов кубометров, разве-

данные — 3500. Большая часть их концентрируется в пустынных районах Бухарской и Сурхандарьинской областей. И пустыня накладывает характерный свой отпечаток на все сложное хозяйство газодобычи: от компрессорных станций до трубопроводов.

Казалось бы, не все ли равно, где пройдут стальные трубопроводы невидимого топлива: по тайге или пустыне? Главное — проложить трубы, а высокое давление сделает все остальное. Но дело обстоит значительно сложнее. Подвижные пески могут сдвинуть, перекорезить стальную магистраль. Нужно учесть еще и резкое чередование тепла и холода и неистовые порывы афганца, способного обработать металл не хуже заводской пескоструйной машины. Вот и приходится даже к такой узкой, казалось бы, отрасли, как газопередача, подходить комплексно, с учетом всей пустынной специфики.

Прежде всего перед учеными Узбекистана встала проблема закрепления песков. Та самая извечная проблема, которая тысячелетия волновала и садоводов Бухары, и хлопкоробов Хорезмского оазиса. И вот ее-то, ключевую загадку пустыни, удалось наконец решить. И очень показательно, что свой уникальный вклад в это грандиозное дело внесли специалисты из многих республик нашей Родины. В Эстонии, где никаких пустынь, как известно, нет, был получен из горючих сланцев чудодейственный продукт — нерозин, который образует на песчаном валу твердую и прочную корку. Волгоградский институт агромелиорации, накопивший богатый опыт по освоению засушливых земель Поволжья, испытал нерозин в условиях пустыни и выработал соответствующие рекомендации. Дальнейший шаг был сделан учеными Среднеазиатского научно-исследовательского института лесного хозяйства и Института пустынь Туркменской академии наук, предложившими оригинальные методы засева обработанных нерозином участков.

Корка цементированного нерозином песка глубиной всего 5 миллиметров уже настолько прочна, что ее не может разрушить даже скот. Продавленные сотнями копыт валики, хотя и похожи на доброе решето, по-прежнему крепко удерживают пески над газопроводом. Нерозиновая пленка водонепроницаема, хорошо пропускает воздух, и семена под ней не теряют всхожести. А это особенно ценно, потому что засеянные саксаулом валики превращаются в неприступные стены, способные долгие годы противостоять натиску подвижных песков.

Работники Каракумской лесотехнической станции на обработанных нерозином песках выращивают саксаулы-гиганты, достигающие шестиметровой высоты. Под защитой этой живой стены обычно хорошо чувствуют себя и коренные обитатели засушливых степей — черкез и кандым, и ценные кормовые травы — люцерна и клевер.

В том и состоит задача комплексного освоения пустынных

районов, что она затрагивает все стороны жизни: от промышленности до сельского хозяйства. Здесь и трасса газопровода Амударья — Ташауз, и защита хлопковых плантаций Хорезма, где достигнут, кстати сказать, самый высокий в мире урожай в 40 центнеров с гектара, и дороги, и оросительные каналы, и пастбища знаменитых каракульских овец. Если учесть при этом, что только за последние десять лет по пустыне было проложено 11 тысяч километров газопровода, то можно представить себе всю значимость проблемы химического закрепления песков.

А новые, выросшие среди пустыни города? Промышленный центр Газли и Зеравшан. Их тоже требовалось оградить от грозящего сомкнуться песчаного моря.

Битум, полимеры, глинистый раствор, латекс — все шло в ход. Но лучшие результаты дал продукт сланцевого завода Кыивыли — нерозин. Он превратил химическое закрепление песков в проблему скорее биохимического плана, следовательно, более органичную, экологически более выгодную.

В самом деле. Без учета всего многообразия природных взаимозависимостей, которое, собственно, и является экологией, освоить пустыню трудно. Можно решить лишь какую-то ограниченную задачу, скажем задержатъ пески. Но как быть с дыханием пустыни, ее дневным иссушающим жаром и резким ночным холодом? Что делать с минерализованной водой, которую шлет пустыня из-под земли? Недаром ведь хорезмские виноградари и хлопкоробы каждую весну производят пятикратную промывку почвы! Иначе щедрейшие земли древнего, как сама история человечества, оазиса быстро превратятся в мертвые солончаки. И это без наступления песков, от одних лишь грунтовых вод, насыщенных горькой солью Каракумов!

Кажется, что в сравнении с жарой и общим безводьем пустыни засоленные воды? В лучшем случае второстепенная проблема. Но пустыня не знает второстепенных проблем.

Засоление — извечный и страшный враг. В дошедших до нас документах 2400 года до новой эры говорится, что жители древнего Шумера покинули засолившиеся орошаемые земли в поисках новых. Оставили все: поля, дома, деревни и храмы. И так было везде. Система кочевого землепользования широко применялась в древних государствах Средней Азии, в том же Хорезме. В густонаселенных районах земледельцы просто сгребали и выбрасывали верхний слой почвы. Взамен привозили и разбрасывали по полю свежую, незасоленную землю, перемешанную с навозом и песком.

В Хорезме крестьяне вносили от 150 до 300 тонн свежей земли на каждый гектар поля! До 50 тонн навоза! Немыслимый, неблагодарный труд! Даже в современных условиях подобный метод борьбы с засолением был бы убыточным.

Но в наиболее развитых сельскохозяйственных районах

Средней Азии существовали и другие близкие к современным способы борьбы с засолением.

Засоление возникает везде, где грунтовые воды лежат близко к поверхности. И поливы лишь способствуют этому, потому что поднимают до критического уровень грунтовых вод.

Глубина залегания этих вод непостоянна. Сухой осенью, после уборки урожая и прекращения поливов, она понижается. Если в это время дать полю воду, она хорошо промоет верхние слои почвы. Однако, неглубоко опресняя почвы на одном участке, можно вызвать усиленное засоление соседних, более низких. Так и происходило в иных среднеазиатских оазисах, где орошалось менее половины удобных для земледелия земель, а остальное превращалось в солончаки.

В Средней Азии и в Закавказье случалось, что владельцы полива в обильный водой год старались сильнее промыть свое поле. Это вело к засолению соседних, принадлежащих, как правило, более бедным крестьянам. В засушливые же годы беднякам приходилось еще хуже: владелец воды просто забирал ее на свой участок. На остальных посевах гибли, а земля опять-таки засолялась.

Борьба с засолением с помощью избыточных поливов, отесняющих соль на неполиваемые участки, называется сухим дренажем. Но есть другой вид дренажа, и его хорошо знали древние жители Бухары и Самарканда. Они рыли узкие каналы, которые назывались заурами или закешами, и с их помощью отводили слишком близко подходившую к поверхности соленую грунтовую воду. Правда, это были еще очень несовершенные сооружения. Глубина их была незначительна. Вода не находила выхода и застаивалась или в лучшем случае отводилась в соседние понижения.

Древние системы орошения не знали мощных насосов, способных подавать воду на большую высоту и на далекие расстояния. Вода от реки шла по самотечным каналам. На высокие места ее поднимали с помощью водоподъемного колеса — чигиря. Интересно, что это несовершенство техники служило в иных местах хранителем земли от угрозы сильного засоления. Там, где водоподводящий канал врезался глубоко в землю, он отчасти препятствовал подъему грунтовых вод. Вода, подаваемая из канала, промывала почву, и по водоносным слоям некоторое количество ее вновь уходило в канал.

Дренаж и сегодня остается самым эффективным способом борьбы с засолением почв. Но, конечно, современная техника не идет ни в какое сравнение с древней.

Хорезмский оазис пересекает большой магистральный канал, который каждую весну уносит эту горькую соль с промытых полей Хивы, Каракалпакии, соседних районов Туркмении. Этому каналу дали все то же простое короткое имя — «Дружба».

Глядя на жирную коричневую землю, на молодую листву

дрезных карагачей, на лиловую дымку цветущего урюка, трудно поверить, что это всего лишь оазис среди песков. Но сохранение щедрого плодородия почвы требует непрестанных усилий. Пустыня вокруг не знает «мелочей». Все, буквально все здесь одинаково важно.

Взять хотя бы те же каналы, которые отводят с полей горько-соленую грунтовую воду. Они зарастают уже на второй год. И никакие меры очищения — механические ли, химические — не дают надлежащего эффекта. Проводимость водных артерий резко падает, земля начинает засоляться.

Решить проблему помогли дальневосточные мелиораторы. Буйные водоросли, с которыми не смогли справиться никакие драги, пришлось по вкусу переселенцам из Амура и Уссури: белому амуру и толстолобику. Так в магистральных каналах завелась вкусная быстрорастущая рыба, которая взяла на себя все труды по очистке дна от «водяной чумы». Сейчас в Голодной степи созданы целые рыбные хозяйства. Каждый среднеазиатский колхоз может выписать оттуда любое количество замечательных мальков, которые начинают поедать водоросли с «ясельного» возраста.

Особые условия пустыни, ее жесткие требования постоянно заставляют искать новые оригинальные решения. Возьмем ту же прокладку газопроводов. Трудности, с которыми пришлось столкнуться укладчикам, не ограничились только защитой труб и закреплением песков. Свою лепту внесла и своенравная Аму с ее изменчивым руслом, обильными паводками и стремительным течением, которое, подобно исполинскому гидромонитору, превращает берега в глинистую пульпу.

Вполне традиционный дюкерный вариант закладки труб под речное дно оказался чреватым серьезными осложнениями. Газопровод нужно было упрятать на такую глубину, которая надежно предохранила бы его от самых стремительных перемен речного русла. Мировая практика таких глубин не знала. Впрочем, была и другая возможность — подвесной мост. Его возвели для переноски через Аму обеих ниток газопровода Бухара — Урал. По проекту Московского ЦНИИпроектстальконструкции было создано поистине уникальное подвесное сооружение с пролетом между пилонами в 390 метров! Второго такого моста в СССР нет.

В Хорезме я познакомился с Фарилем Салиховичем Афлионовым, главным инженером среднеазиатского управления. Добрых полгода этот молодой, загоревший до черноты парень проводит в песках. И по всей видимости, такая жизнь его вполне устраивает.

— Все, что есть в стране лучшего, — рассказывал он, — было брошено на газопроводы «Северное сияние» и наш, Средняя Азия — Центр. Тут даже думать некогда было, что вокруг тебя: пустыня или вода. Мы впервые освоили трубы диаметром

1420 миллиметров и уникальные ленинградские турбины ГТК-10 мощностью в 10 тысяч киловатт. Темпы!

И действительно, скорость освоения Каракумов поразительна. Именно здесь совсем недавно получили путевку в жизнь свердловские турбины на 6 тысяч киловатт. Теперь же они морально устарели. Всего за пять лет! Прав Афлитонов, темпы! Они вовлекают в свой стремительный ритм заводы и города. Недаром свердловчане уже работают над турбиной в 16 тысяч киловатт, готовят достойную смену могучему ленинградскому агрегату.

По стальным артериям идет каракумский газ на Урал, в центральные районы, к западным границам страны. Из Свердловска, из Ленинграда в жаркий Туркестан спешат платформы с частями уникальных турбин. Челябинский трубопрокатный завод дает трубы, МИАЗ — машины.

Единое большое хозяйство великой страны, пронизанное животворными артериями дружбы.

— Вся страна работает на нас, — говорит Афлитонов. — А мы на всю страну.

Впрочем, нужно отметить, что газ пустыни находит прекрасное применение и тут же на месте. Он приводит в движение турбины компрессорных станций и генераторов ГРЭС в Навои и Тахиаташе, голубыми огоньками горит в домах колхозников, согревает теплицы, где среди зимы вызревают лимоны и цветут розы. Рожденный в недрах великой пустыни, он возвращается назад преображенным в высоковольтный электрический ток, бегущий по проводам ЛЭП.

«ДИКОЕ ПЛАТО»

И прокатился первый гром.
И громом степь потрясена.

Рудаки

Богаты газом и заповедные недра красных песков пустыни Кызыл. Газовое кольцо окружает и легендарный Устюрт. В переводе на русский язык это слово означает «устье реки». Но здесь нет ни рек, ни устьев. Эта мрачная солончаковая пустыня долго была безымянной. Кочевые казахи называли ее «мстюрт» — «равнина». Так и попало казахское название в топографические карты, лишь немного переиначившись на привычный для нашего слуха лад. Но в отличие от Усть-Вычегды или Усть-Каменогорска не было на Великом плато — туркмены так и звали его Каплан-Кыр, «Великое плато» — ни устья, ни города в нем. Одна лишь впадина с топким солончаковым дном и мрачным именем «Барса-Кельмес» — «Пойдешь — не вернешься».

Теперь через Великое плато проложена железнодорожная колея — самый короткий путь из Европы в Азию. Вдоль нитки

газопровода при компрессорных станциях выросли многочисленные поселки.

Железная дорога и газ оживили Великое плато, о котором еще пятьдесят лет назад один журналист писал как о «затерянном мире».

Сейчас на четырехосном вездеходе «Ураган» Устюрт можно пересечь даже ночью, как по маякам ориентируясь на разноцветные огоньки компрессорных буровых. Бурят здесь не только на газ, но и на нефть. Следы ее уже обнаружены в скважине «Каракудук» («Черный колодец»), перспективными выглядят и палеозойские отложения Сарытегыз. Что же касается белого конденсата устюртского газа, то его можно хоть сейчас заливать в топливные баки дизелей.

Газ и возможная нефть заставляют смотреть по-иному и на котловину «Пойдешь — не вернешься». Зловещая репутация отнюдь не помешала геологической разведке этой природной кладовой ценнейших солей. На Устюрте, таким образом, есть все условия для создания развитой химической индустрии.

Но заводы и города рождаются в пустыне как бы во вторую очередь. Обычно все начинается с дорог. Как и в древние времена караванных путей, по-прежнему справедлива поговорка: «Лишний шаг по пустыне — это лишний глоток воды». Когда в суровую зиму 1968/69 года из-за гололеда забуксовали мощные тягачи, а ураганный ветер не давал вертолетам приземлиться, дороги были важнее воды. Но и в обычную пору трудно переоценить их значение. Тонна керосина стоит 40 рублей, а доставка ее на самолете из Тамды на дальние отгоны обходится в 250 рублей. Простая, но весьма наглядная иллюстрация. И не случайно именно в Тамдыне, самой большой и самой малолюдной области Узбекистана, лишь за последние два-три года проложены сотни километров современных автострад.

— Нет лучше профессии, чем наша, — с гордостью сказал старый дорожный рабочий Искандер-ака. — Люди на тебя смотрят как на ангела. Ведь дорога в пустыне — это жизнь...

Дорога — это жизнь. Вода — это жизнь. Газ и электричество — это тоже жизнь.

Затерянный среди красноватых барханов поселок Таскудук, состоящий из двух десятков юрт и нескольких выбеленных известкой дощатых домиков, не имеет электричества. Здесь, особенно в холодные зимние ночи, бидоны с керосином или баллоны сжиженного газа обретают первостатейную важность. Пустыня не только сурова, но и велика. Ее нельзя целиком залить водой, на каждый отгон не проведешь газопровод или линию электропередачи. Поэтому нужна разветвленная сеть дорог. И с каждым годом нужна все больше. Здесь тоже сказывается специфика пустыни, особенность ее освоения. Человек отвоевывает у песков землю, чтобы выращивать на ней хлопок, урюк, рис, строить города и заводы. Казалось бы, все хорошо,

все правильно: увеличивается площадь оазисов, уменьшается территория бесплодных песков. Но дело в том, что пески и засушливые степи далеко не бесплодны. Я уже, наверное, не раз говорил про это. Вот и сейчас я осязаемо вижу, как весной распускается на барханах буйная зелень. Желто-красные тюльпаны и сладкие белые грибы за одну только ночь вырастают в степи, где ветер становится зеленым и горьким от зацветающей полыни. А в Каракумах пробуждается саксаул и наливается живительной силой верблюжья колючка — излюбленный корм каракульских овец. Освоение пустыни — двуликий процесс. Диалектически противоречивый. Отрицательная сторона его — это заметное сокращение площадей выпаса. Но разве первосортный каракуль менее важен, чем хлопок? Разве чуть светящиеся в ночи шкурки меньшая наша гордость, чем нефть и газ?

Сейчас, когда преобразилась Голодная степь и разворачиваются работы по орошению Каршинской, проблема пастбищ стоит особенно остро. Комплексное освоение пустынь — это трезвый учет всех звеньев единой цепи: индустриализации и животноводства, ирригации и градостроительства, земледелия и прокладки дорог. Отвоевывая у пустыни землю, необходимо сразу же улучшать старые пастбища и прокладывать дороги к новым заповедным местам, засеивать голые пески травами и саксаулом. И пустыня щедро вознаградит за все усилия. Тот же вездесущий саксаул — на юге Устюрта его особенно много, — кроме всего, является еще и ценным химическим сырьем. Простой перегонкой из его древесины можно извлечь метиловый спирт, уксусную кислоту, смолы.

— Я ежегодно выезжаю в поле, — рассказывал мне профессор Ташкентского государственного университета, член-корреспондент Узбекской академии Ипполит Иванович Гранитов, большой знаток и патриот Устюрта. — Не знаю почему, но содалось среди некоторых работников сельского хозяйства мнение, что наше так называемое «дикое плато» для животноводства непригодно. Так ли это? Разве в прошлом на плато не кочевали животноводы? Не выпасали здесь миллионы голов овец, лошадей и верблюдов? Помимо биуртурна, на плато множество полыни, кайрука, есть эфемеры, в том числе и такие, как чатыр и арпахон, хорошо известные чабанам. Нельзя пожаловаться и на водопой. Еще в июне 1940 года на Устюрт выезжала правительственная комиссия, чтобы выяснить возможность освоения его каракалпакской части. Кстати, запасов пресной воды комиссия с собой не имела. А пробыла она в поле более двух недель. Я тоже принимал в ней участие. У Устюрта большие возможности для овцеводства и верблюдоводства. Пора в это дело включаться и животноводам Узбекистана. Ведь еще в 1961 году было принято решение об организации на плато опытного совхоза. Совхоз создан, но не на Устюрте, а... в долине Амударьи.

В том, очевидно, и суть комплексной проблемы освоения пустынь, что один участок не должен отставать от другого, иначе нарушится взаимодействие звеньев, пропадет экологическая гармония.

Сельское хозяйство не может отставать от заданного промышленностью темпа. Тем более что все мероприятия по обводнению и фитомелиорации пастбищ окупаются здесь со сказочной быстротой. В 1966—1968 годах совхозами «Карнаб», «Улус», «Нишан» и «Кинемех» было выделено на эти цели около 4 миллионов рублей в год, чистый же доход от увеличения поголовья составил свыше 20 миллионов рублей. В совхозе «Карнаб» все затраты на обводнение, улучшение пастбищ и создание участков артезианского орошения окупались всего за два года. Особенно показателен в этом отношении пример Голодной степи. За десять лет в нее было вложено 1,2 миллиарда рублей, а совокупный доход за то же время составил 1,23 миллиарда.

Получается, что уже сам процесс освоения окупил себя! Этого не мог предвидеть даже легендарный Фархад. Но такова щедрость пустыни, таковы плоды ее продуманного освоения.

ПАРОЛЬ ПУСТЫНИ

И «Морем избавленья» — водоём
Народ прозвал на языке своем.

Навои, Фархад и Ширин

Комплексный подход к решению важнейших народнохозяйственных задач пронизывает всю жизнь Узбекистана — республики, чья территория более чем наполовину покрыта песками. Естественно, что он характерен и для работы Узбекской академии наук.

С ее президентом — Абидом Садыковичем Садыковым я встречался неоднократно и в Москве, и в Ташкенте. Это выдающийся химик, академик АН СССР и большой знаток древней восточной поэзии, много внимания уделяет проблемам, связанным с освоением пустынь. Последний раз мы беседовали с ним после его возвращения с традиционной встречи президентов среднеазиатских академий, на которой согласовывались планы наступления на пески.

— Новые орошаемые земли — это прежде всего новые хлопковые плантации, — сказал Садыков. — Вы же отлично знаете, что Узбекистан является и впредь будет основной хлопковой базой страны. Наша республика дает около 70 процентов всего производимого в стране хлопка-сырца. Каждые семь из десяти хлопчатобумажных изделий, производящихся в стране, сделаны из узбекского хлопка. Не вам, химику, рассказывать о том, что можно получить из хлопка, — это и масло, и целлюлоза, и стимуляторы роста, и кормовые вещества, и лекарствен-

ные препараты, и многое другое. Ввод новых массивов поливных земель, повышение урожайности на всех занятых под хлопчатник землях должны обеспечить получение в 1975 году пяти-миллионного урожая хлопка-сырца. И эта задача не только хлопкоробов — колхозников и рабочих совхоза. Это задача всего нашего народа, ибо практически нет человека в нашей республике, который стоял бы в стороне от производства хлопка. Нет и такой области науки, которая бы так или иначе не касалась хлопковых проблем. Наши биологи разработали научные основы повышения урожайности, генетики и селекционеры создали новые высокоурожайные сорта хлопчатника. Хорошо известны «Ташкент-1, 2, 3», «С-6030» и другие, дающие возможность в прошлом, крайне неблагоприятном по водообеспеченности году получить в среднем по 27 центнеров сырца с гектара. А химики создали эффективные удобрения, дефолианты и гербициды. В управлении сельскохозяйственным производством все большее значение приобретают кибернетические методы. Механики плодотворно трудятся над усовершенствованием существующих и созданием новых машин для хлопководства, особенно наиболее трудоемкого его процесса — уборки. Научные исследования в области гидрогеологии, ирригации и мелиорации привели к определению бассейнов подземных вод, широко используемых для полива. Системы дренажа в районах с засоленными землями обеспечили улучшение их мелиоративного состояния. Физики создали эффективные машины для оголения семян хлопчатника, что обеспечило возможность получения такого ценного продукта, как хлопковый линт. Одним словом, почти все то, что вы называете «пустынным комплексом», связано у нас с комплексом хлопчатника. Мне бы хотелось, чтобы вы отметили это в своем очерке. Куда поедете теперь?

— Опять на водохранилище, Абид Садыкович. Ведь, как и во времена Фархада, освоение пустыни начинается с воды, независимо от того, что станут делать потом: выращивать хлопок или разрабатывать недра.

— «Фархад киркой пробил дыру, куда вся ручьевая хлынула вода», — процитировал Садыков.

...И вновь раскаленный на солнце металл и дымная пыль Тюя-Муюна. Кондиционер в кабинете начальника строительства с трудом справляется с жарой.

Корниенко обводит карандашом маленький прямоугольник на плане Тюя-Муюнского водохранилища и, обращаясь к первому секретарю Хорезмского обкома М. Х. Худайбергенову, говорит:

— Пора давать новому поселку название! А, Мадьяр Худайбергенович?

— А не рано, Александр Александрович? Ведь у тебя там нет ни одного дерева.

— Будут. Скоро будут. Привезем еще до того, как пустим первую воду.

— Школа-то хоть есть?

— А как же! Даже детский сад построили. Люди же семьями приезжают... Со всей страны!

— Тогда пусть, по древнему обычаю, скажет гость, — с изысканной хорезмской вежливостью улыбнулся секретарь обкома.

— Как по-узбекски «дружба»?

— Достлык, — мгновенно отозвался Корниенко.

И появилось на плане Тюя-Муяна, недалеко от судоходного шлюза и к западу от будущей дамбы, которая защитит лечебные грязи, новое название: поселок Достлык.

Еще в мае 1918 года В. И. Ленин подписал декрет об организации оросительных работ в Туркестане. Героическими усилиями тружеников трех республик — Узбекистана, Казахстана, Таджикистана, — с помощью всех братских народов нашей страны была воплощена в жизнь важнейшая часть ленинского декрета. Голодная степь стала ныне крупнейшей хлопководческой базой страны. На очереди теперь Каршинская и Шерабадская степи, Устюрт, кызылкумские и каракумские пески.

Сердце пустыни живо, оно бьется. Его пробудил от тысячелетней спячки могучий импульс: радостный труд свободных и счастливых людей, спаянных неразрывными братскими узами.

Я покидал Каракумы в самый разгар весны, когда цветут тюльпаны и в ноздри бьет горьковатый зеленый ветер.

Сверху пустыня похожа на взволнованное море, которое почему-то внезапно застыло, как в остановленном кинокадре. Неподвижная серо-желтая равнина. Неподвижные гряды песчаных валов.

Наш самолет летит над Узбекистаном. На север. На Москву. Далеко внизу можно разглядеть геометрически правильные очертания хлопковых плантаций, разветвленные линии дорог, защищенные молодой порослью саксаула нити газопроводов.

Среди этой серо-желтой одноликости спрятаны миллионы гектаров пригодной для орошения земли. Но мы знаем, как отыскать их. Недра пустыни богаты рудами драгоценных металлов, газом, бокситами, мрамором, алунитами, известняком. Месторождения Ферганской долины дают нефть, под красными кызылкумскими песками спит подземное море пресной воды, способное напоить миллионы гектаров пастбищ. Бьется сердце пустыни, оно не умерло под песками. Разбуженная самоотверженным трудом советских людей, пустыня готова очнуться от тысячелетнего оцепенения.

ДРЕВНИЙ ПУТЬ

Каргопольские были и предания

Каргополь — «град на востоке моря-окияна» — стоит у истоков реки Онеги. До беломорского устья ее — четыреста верст, но бег под парусом, весельный стук и бечевный ход — роздых и веселье после тяжкого пути по диким дебрям и болотам от Волги до Вологды, далее к Вожеозеру по рекам Вожге и Свиди в Лаче. Город у небольшого северного озерка издавна слышит поморским.

Символ русской щедрости — каравай хлеба, увенчанный солонкой. Чтобы посыпать солью Поморья хлеб срединной и южной Руси, подпоясывались рыбаки и пахари в дальний путь. Двигались по реке Онеге бесчисленные ушки, струги, челны, карбасы, лады, шитики, барки. Под рогожами круглились мешки с хлебом-солью; поблескивала железная поковка; грудились овощи, фрукты, пряности; таились кисеты и мешочки с диковинными восточными монетами и дорогим северным жемчугом. Густой дух шел от «харавин» — тяжелых кож морского зверя. Там, далеко на юге, в Волжском Булгаре, а то и на Каспии, в Дербенте, перед русскими купцами со свистом развернутся под горячим солнцем рулоны многоцветного — в глазах зарыбит! — шелка.

А на другом конце великого торгового пути ходят по небу сиянья сполохов и цветных зарев, дивятся гости богатству Севера! В устье Онеги заходят в мерёжи минога и

семга, богатый улов несут камбалы, уды и поплавы; на рыбацких становищах дерут низкое серое небо моржовые клыки — копьем и пулей добыты морские чудища.

В Каргополе встречались торговые гости Юга и Севера. Городом на перевале называл Каргопольский посад небезызвестный Генрих фон Штаден — опричник царя Ивана Грозного (и одновременно шпион прусского короля).

Я шел берегом Онеги, тихой, ласковой реки. Я уставал от июльской жары и протяженности пути. Пахло мокрыми бревнами. Певучее серебро онежского стряжня пролетало сквозь легкое кружево лиственных лесов и с веселой отвагой, напрягаясь, стремительно разрезало синим лезвием меловые холмы, шумело и буянило в порогах низовий.

Я не торопился вдогонку за рекой. Река бежит к Белому морю, и ей надо преодолеть 400 верст. Я преодолеваю пласты народной памяти: многое помнится, обо многом сказывается поныне — все, от происхождения забытой и «укрупненной» теперь деревушки до событий государственной истории. А язык какой здесь, у истоков Онеги, на берегах озера Лача!

Имя этого неприметного северного озера напомнит нам скомороший говорок Даниила Заточника, что семьсот лет тому назад «вострубил яко во златокованные трубы в разум ума своего», «плача у озера Лача». Среди богословского красноречия и скоморошских каламбуров в этом ярком памятнике древнерусской литературы вдруг мелькнет не только имя северного озера, но и сугубо местный оборот: «Дивья за буяном коней паствити». Тут вспомнятся мифологические представления древних о связи божества солнца, которому ставили храмы на холмах, с образом коня (кое-где до недавнего времени больных коней водили вокруг холма, надеясь, что это принесет им исцеление); вспомнится предание, только что записанное нами¹ в Каргополье: княжеских коней герой пасет на шихане — холме. Сказитель, каргопольский старожил, и теперь почти дословно повторяет пословицу, бытовавшую во времена Даниила Заточника (XII—XIII вв.): «Дивья пришаливать — на холме коней пасти (попробуй-ко в ляге зыбучей)».

Долго служила Онега одним из важнейших путей Русского Севера. Но вот уже более 200 лет по земле Каргополья ее сопровождает почтовый тракт — прямая, как по плотнику шнуру отбитая, пыльная дорога из столицы на Север, в Архангельск. Скакали по дороге курьеры. Купцы поглядывали на придорожные кусты, опасаясь лихих людей. Брели в Питер и Архангельск офени, коробейники, сезонные рабочие-«бурлаки», рекруты, бодро шагали домой отставные солдаты. Вот в среде этого пешего бывалого люда и бытовали народные рассказы,

¹ В экспедиции, кроме автора, участвовала фольклорист, кандидат филологических наук Неонила Криничная.

предания о прошлом древнего пути, бойкого, густонаселенного края — Каргополья. Нынешние старики отлично помнят, в какой обстановке слышали они эпическую народную прозу. Вот как рассказывал об этом семидесятилетний Леонид Иванович Григорьев.

«...А темень такая, что хоть глаз коли, потому что сидим у костра, а дальше-то ничего не видно! И знаешь, что в эту сторону на десять верст, а в другую — на двадцать нет ни души, только вот этот лесной шалаш стоит да мужички в нем сидят, коротают вечер — долгий, темный вечер! — и рассказывают друг другу были и небылицы. И вот — мальчонкой был — гляну в сторону, так оторопь возьмет, понимаете, потому что тьма и тайна кругом, и лес шумит, и ты — член этой артели; каждое слово особенно впитываешь, ловишь слово и плохое, и хорошее, жуткое и веселое, и ложится оно в память на года, и помнится...»

У нынешних сказителей Каргополья были талантливые учителя. Говорит Л. И. Григорьев:

«Много я слышал от Ивана Васильевича...

Когда я, мальчонкой еще, с ним познакомился, было Ивану Васильевичу около 80 лет. Высокий старик с клочковатой бородой, седая с проседью шевелюра, — гребень не бывал в ней; кудри на голове скатались, лезли на околыш картуза, и глаза разбойно смеялись. Фамилии его не помню, звали попросту — Осмон. Есть у нас в Каргополье словцо такое — «осмонать» — значит отделать кого-то, осмеять; осмон — это озорник, вот! Был и Иван Васильевич такой осмон, но добрый, незлобивый пересмешник, хотя и обид не прощал... Был он вольный, лесной человек — охотник и рыболов; правда, как всякий рыбак, он, как говорится, «закладывал за воротник» порядочно, а как охотник любил, беседуя, приукрасить, а то и прихвастнуть... во-от!

Понедельник в Каргополе — базарный день — уж обязательно Осмон придет с отцом порассуждать; я ходил к Ивану Васильевичу в его избенку у околицы деревни Кузнецово; и летом, и зимой, на охоте и на рыбалке мы бывали вместе.

Старше я стал, работал на ремонте телеграфных линий, а улучу момент, возьму отпуск на две недели и это время провожу с Осмоном... Иван Васильевич — вот и теперь вспомнишь его, — какой это был замечательный человек, настоящий северянин. И речь-то его была плавная, как вот наша река, без разбегов, — лилась гладко, плавно; слова он брал те, которые знал, и людей видел насквозь, и Каргополье до кустышка ему знакомо. Говорил он поэтому доходчиво, понятно: что сказал, то и в памяти на всю жизнь осталось, застряло накрепко. Я и сейчас с вами говорю, а его слово слышу, слышу, как он фразу выговаривает ту или иную — складны они у него, неторопливы. Стану сказывать — услышите вы выражение Осмона, объясне-

ние его — потому что я буду говорить языком старого каргопольского охотника Ивана Васильевича по прозвищу Осмон».

Взявшись за перо, чтобы пересказать на бумаге древние памятки северян-каргополов, сохраняемые ими изустно, поставив и я сохранить музыку народной речи. Единственная условность этого немудреного повествования — сведение десятков слышанных в Каргополье вариантов преданий, целых текстов и их фрагментов (в тех случаях, когда предание не сохранилось полностью) в несколько типических сюжетов и создание на их основе рассказов. Язык их — подлинный, бытующий поныне язык крестьян Каргополя.

КАРБАС, ГОЛЬ, ПОЛЕ

Белый парус, черна лодья — бежал карбас в подсиверную. Правильсь новгородские молодцы — головы удалы, бороды шелковы — волоками до Вологды, по Воже-озеру до Вожги-реки. Плыли Свидью; тут великую воду увидели: озеро роскинулось. Их ветром ронило; золота казна на дно ушла; сами воды нахлебались! Они молоды, удалы; знай пошучивают:

— Ништо; непьяно налакался! Ах-ха-ха!

— Быть озеру — Лача!

Ну ладно. Пошли по бережку; пришли на поле. Встали розжились: тын — остры бревна стоймя — поставили. Где сейчас церкви, были болотины-ляги непроходимые; завалили гати песком-чуруном. С Южной горы песок брали; от сиверика, по реке возили белую плиту для белокаменных церквей. Стало на жилье похоже.

— Раздивья, ребята! Ведь мы город построили!

Купцы на стружках, лодьях, карбасах к Белому морю плывут, а то на Волгу. Они парусок приспустят, кричат:

— Здорово живете, молодцы! Кто тут опреселился?

— Здорово бежать на все четыре ветра! У нас карбас пропал, стали голь, сели на поле!

А по реке разносится: «Кар-го-поль!»

Прознали про наш город и в Великом Новгороде, и в Нижнем, и в Архангельске, и в самой матушке Москве. Купцы на Волге, на Онеге, на Белом море встретятся.

— Вы куда, добры молодцы?

— В Каргополь, на ярмарку! А вы откуда?

— С Каргополя, с товарами!

ШИХАН-ГОРА

«Осенью и весной в наших местах, над рекой Онегой, летит множество лебедей. Все собираются в конце озера, там, где впадает в Лачу Свидь; она течет из Чар-озера. Стоит здесь гомон

с утра до утра, не затихает ни ночью, ни днем! Подъезжаешь и не знаешь, снег ли там, река ли: белым-бело у берегов. Это стаи лебедей — тысячи голов — сбились в косяки, кормятся: выдерживают тину, берут сладкие орешки с крахмалом на корешках водяных. Малолетки сголуба-серые, старики, конечно, как снег. А если в эту белую пену да брошено несколько темных пятен уток!..

И в народе здесь существует легенда — мне говорил Иван Васильевич Осмон, — лебедь с Севера летит на Юг, — и опять на Север торопится: это он счастье человеческое делит, между людьми разных земель хочет поровну разделить.

Да не знаю я, как в других местах, а у нас этого счастья все не было... мимо пронесли его пролётны птицы, лебеди. Больше про горе слышано. Вот про Шиху мне говорил Осмон — и в душу запало, а когда было?! Давно...»

(Из рассказа Леонида Ивановича Григорьева,
коренного каргопола)

...Вот поедешь в озеро наше Лаче, ты, парень, смотри: по берегу против Каргополя темное краснолесье: ель, строевые боры; а есть места, где будто и расти ничего не может! Ну, разве ольха, ива: все переплелось. У нас такое дикое место чапорыжником называют: вот пустошь, брошено место. И над этой чапорыжной пустошью, поросшей шиханником бросовым, в небо дыбятся Шихан-гора, крутой холм, темной; на него и солнце не светит! А ведь и там человек жил, Шиха... Он не шихворосте воровская, не шушваль; был и он когда-то сильным, молодым, саблю носил; и жена была... Воевода велел ее, красавицу, на свой двор притащить — не посмел Шиха-воин княжьим холопам противиться. Уж наградил воевода верного слугу! Конюшим своим сделал: раздвывая на буяне коней пасти! Тут на Шихан-горе, где гуляли на выпасе воеводские лошади, Шиха и состарился. Молодой был — полесовничал, бил зверя и птицу; теперь старой; когда за грибами ходит, за ягодами, а так всё больше рыбку ловил; у него под началом конюхи молодые, бойкие, дело свое знали. Почернел Шиха, поник, вот как ива, когда с нее кору обдерут.

Было: сидит Шиха на бережку с удой, рыбачит; видит: паруса белеют, красноубранные струги летят, впереди — княжеский стружок. Князь распояской на берег соскочил, стрельцам знак подал; тащат к Шихе молодуху простоволосу. Осенне время; ветер прохватистый, свежий — а она в летнике коротком, алом, золоты да серебряны травы — шитье искусное — поприжухли, накапки — вот, рукава летника длинные, до земли... Клонится, шатается на ветру, бедная... Шиха на молодку не глянул; князю кланяется до земли молча.

Князь-воевода Шихе одногодок, а щеки горят, а глаза сме-

ются, в ухе серьга золотая качается, в седых кудрях мелькает. Князь Шихе говорит — будто в рог трубит:

— За труды и верность награждаю тебя! Что брал — возвращаю с лихвой, благодари! Та — не умри она — теперь старуха была бы, а эта глянь только! Опять же не порозная! Береги, я весной наеду, погляжу...

Гребцы регочут, князь всех громче. Крепкий был даже до удивления! Ведь уж тоже старик, в походах изранен, а поди ж ты!

Попишко пьяненькой вывернулся, петухом прокричал, да и говорит:

— Обвенчать, обвенчать их, хи-хи!

Князь-воевода острый меч из ножен тянет.

— Вот и крест святой! — в землю меч вогнал.

Поп два раза Шиху с молодой вокруг «креста» обвел, да по воде вослед княжому стругу-то и кинулся, уцепился за челн, пал на корму. Молодуха Шихе в ноги повалилась.

...Настей она назвалась и замолчала. Вот молчит, все молчит. Слова от нее Шиха не слыхивал. Мальчонко вскорости родился. Шиха его как сына обихаживал, рстил; чернота и дума с лица сошла.

Полтоввала зима — надоела, седатая! — да и прошла. Весна-красна стала золоты солнечны нити прясть, заткала белый свет теплыми узорами.

Сидит это Шиха у окошка на лавочке, из полена конька узорного ладит; вдоль лавочки мальчонко, сынок названной, ножонками перебирает. Видит Шиха, из-под крыжика молодец идет, Семен-строитель.

Смолоду Семен за хрымом монахом мастером складной ступец носил, так и к делу приобвык. Знал он весь плотницкой обряд — дело: как место выбрать, как укрепить его под храм или хоромы; где камнем выровнять, где сваи вбить. Бывало, строил и там, где допрежь охотники голубец рвали — трясиную, болотную травку, которой медведь боится: зыбуном гибельным пахнет! Про Семена не скажешь: «Пошел молодец на охоту, засосало в болото!» Ему и болото откроет ворота... А што стены городовые мог ладить! И «в тарасы», и «городнями», и на всякий манер. На Валушках весь деревянный город он строил — и со стенами, и с башнями многими... Хорошой, хорошой паренек, ничего не скажешь!..

Семен-то — уж вот он; через порог ступил, глядит из-за черной грядки¹.

— Здорово, Шиха!

— Здорово живешь, Семен! Какой тебя святой послал?

Семен рукавицы, шапку на воронец поклат, на красный угол помолился, на лавку сел.

¹ «Глядит из-за черной грядки» — смотрит выше воронца, висячей полки в избе. Так сказители обозначают необыкновенно высокий рост героя.

— Да какой! Все наш плотницкий, Никола! Да и ты Флору и Лавру усердный молитвенник — дородны у тебя лошадки прогуливаются, гладеньки!

— Бога гневить нече. Сейгод травы хороши, волки унялись, дак и...

— Стало, безбоязно в лес можно съездить? Слышь, саженой пятнадцать бревна нужны, не мене! Свейский немец в поморских городах пошаливает, не дошло бы до рати — а у Моховой башни стену камнем выперло, вот рухнет! В Матвеев бор бы съездить.

— Вона! В Матвеевом бору лес малтежной; рудовый тут лес потребен; в Семенковский слетай!

— Далеко! Да я и дороги не знаю!

— Кони привезут. Вместе поедем.

Ну, обыкновенно эдак поговорили... Семен-то хитрой, хоть молодой, — сговорил-таки и коней взять у Шихи, и самого в дальний Семенковский лес подрядил...

— Шиха, я чего хочу спросить: откуда у те парнечок-то?

— Поди, сынок, скажи мамке, чтобы полдневать чего собрала, — Шиха младеню говорит, шуткует, на Семена поглядывает.

— Взаправди сынок? Дак ты, я вижу, и Параскеве молишься... А я и дела не знал с острожным строением умаявшись, будь оно неладно! — смеется Семен, да вдруг и побелел весь. Оглянулся Шиха: Настя вошла в избу, в руках вина корчага.

— Ты за Шихой?! А я тебя, как увидел в Челме...

— Воевода сюда привез. Забудь меня, Семен!

Все понял зодчий. Горячий был — вот вспыхнет.

— А бывает здесь князь?

— Сулился...

— Вот што! Наедет — ты мне знак подай! Вот — белое на сосне вывесь!

...Мало времени прошло, и вправди вечером воеводский струг к берегу плывет. Воевода соколом на кряж летит — только кудрями по ветру машет! Он в Шихину избу вошел, он белой плат из-за пазухи тянет, золотом шитой. Он на плечи ей плат кладет, в глаза глядит, седатой бородой щекотит; сам Шихе кулачищем грозит: «Уходи!» Настя — и с платком — на улицу. Гроза собиралась; черная туча зависла, давит тьмой. Солнце плещет горячим золотом — так и горит дарёный воеводой платок, на ветру хлопает, издалечка виден!

На Лач-озере камыши шуршат, на Лаче весла говорят...

Воевода-боярин широким шагом по горенке похаживает, он зеленым сапогом по половиченкам постукивает. Дебел, но стает воевода; в одночасье потемнел, как корьё сухое, скрючился старый Шиха — молитву ли, грозное ли слово шепчет?

А по озеру уже — вот, под берегом, скрытно! — узкие челоны плывут, не лихие на них люди, не подорожники — масте-

ровыс-плотники едут. Не атаман их ведет — молодой зодчий Семен. Уж под горой плотники княжьих гребцов вяжут — а воевода и дела не знает; в сенях стрелец сидит-дремлет.

Раскрылась дверь; воевода улыбнулся, белы зубы показал:

— Што тебе, городской мастер, надобно?

— Да што, воевода, ведь у Моховой башни, гляди, стена надежна! А время ратное; жди горя с моря, беды от воды.

— Велено — подруби!

— То-то: подруби! А как лес-от покрали хитники посадски весь до бревнушка.

— Ка-ак покрали?! У меня, у воеводы, покрали?! Да я... Ты куда смотрел?!

— Ты ж потратил мое! Настя в твои хоромы не своей волей пошла, да и теперь, Шихе отдавши, позорить наехал?

Распалился Семен — нож из-за пояса тянет. Да воевода — он старой воин — все к печке пятится, пока Семен за ним раскорекою, согнувшись идет — вот прыгнет! А прыгнул, когда воеводу успел к жаратку печному руку протянуть. Семен-то на воеводу с ножом, а боярин ему горсть золы в глаза, да с угольем горячим, вот што, парень! Пока Семен глаза прочищал, слезы от жженья горячей золы лил, воевода скорой рукой уж ухват схватил крепкий, с еловой ручкой. Он ухватом Семена-то вот как за шею к стене прижал, — все улыбается.

— Того только не гублю тебя ноне, что мастер ты хороший! Бывает, и помилую, коли башню соградишь нову, с засыпкою. А пока суда да дело — не взыщи: на цепи в яме посидишь.

Свистнул воевода; стрелец, что в сенях дремал, в избу вскочил. Связали Семена; заплакал зодчий от бездоля. Воевода пал на лавку; запыхался, однако. Шихе говорит:

— А Настю я уведу у тебя... провишилась! Али не она Семена-то на меня навела? Видел я в окошко, как она платком-то помахивала, — судьбу свою хотел спытать... А не сегодня еще умирать стану!

Тучи обложили небо; стемнело; молния просверкнула. И увидел воевода — в руках у Шихи давешний боевой меч блеснул, вокруг которого венчали Шиху с Настей.

— Да ты што, смирной раб! Али в разбой пошел на старости лет? — ворохнулся воевода, но уж близко Шиха! Перехватил рукой старый воин крыж меча, да куда — не отвести! Медленно, медленно входило лезвие в боярскую грудь, и позвать некого: стрелец Семена к стругу увел, да там и запропал. Громко захохотал тогда воевода: «Вот не думал я, не гадал скорой гибели: свейского ярла своей рукой задушил в морском бою, из Туретчины с клеймом султанским ушел, татарский аркан зубами перегрыз... Не писана мне смерть в бою на чужбине, писана гибель дома от смерда! — вот смеется — да и сник, и меч отпустил: клинок сердца достиг.

...Черны головни на Шихан-горе и сейчас лежат. Ушел Шиха дале в леса — и мальчонку с собой увел, и Настю.

А Семен недолго в яме сидел — время ратное, надо крепость укреплять, город рубить. В той крепости наши деды и от поляков отсиделись. Не взяли Каргополя пань, хоть три раза на приступ ходили!

А которы сказывают: и Христорожественский собор¹ Семен ставил! И крепко построил: теперь стоит. Там наверху, в барабане, глянь, рука есть, из целого бревна вырубленная — так и знают ее: Шихина! Она смиренно церковное паникадило держит — а грозит! вот грозит: не накликай беды, сильной! Не испытывай терпения слабых! Начальство от веку, сказывают, изничтожить руку хотело, сверзить, да ведь не допрыгнешь до нее, и топор ее не возьмет: закаменела рука! Уж в отчаянность бывые воеводы пришли; сколько раз на веку Каргополь горел — все выстояла церковь, только растрескалась, на костылях подпирается, стоит — а грозной кулак крепок.

Студенты все к нам ездят, любят, рисуют. Старой, старой собор... Да и рассказ этот не нынешний.

ПРО ИВАНА БОЛОТНИКОВА

Слышано в Каргополе от старых стариков

Да ведь я местный, местный я, каргопол. Мой прадед здесь определился, когда еще Каргополь-от помене был, когда еще здесь лес шумел. Дак в лесу. Чего не у реки? Да бог с ней, и с рекой! Колодец выкопали, вода есть... Ведь у нас здесь Болотников берег!

...Был Болотников Иван — крестьянский сын. Роста высокого, плечи широкие, взгляд дальний и пристальный. Сильный такой паренек, за народ шел, за бедное население. Скликнул себе в рать молодых молодцов: «Будем царю грозить!» Он, слышь ты, до Москвы дошел; на колокольню заскочил, — деревянна колоколенка была, деревенска — на каменны царски палаты, на Кремль глядит! А там царищце на каменну колокольню Ивана Великого ввалился, растопырился там, выпучился. Болотников так глянул, што царенко-то с колокольни — да обзель! Недолго и пожил... У нас один с воза сена пал, и то отдышаться не мог, а то на-ко!

Да ведь остервенели царевы слуги, схватили крестьянского сына! Руки скрутили, ноги сковали, глаза завязали накрепко — все едино царь дверей не отчиняет, боится: «Увезите Ивана куда подале! В Студеном море утопите...» Не довезли его; как довезешь; глаза развязывались...

¹ Каргопольский Христорожественский собор построен в 1565 году. Памятник архитектуры союзного значения.

Его в Каргополь привезли — ночью. Его из тюрьмы взяли — ночью. На Онеге-реке к проруби привели — ночью. Столкнули... Что он сделать мог?

Их, может, целая рота была, солдатов.

— Пускай-ко своим ходом в Студеное море плывет, по верному царскому слову!

Только и тут Иван впоперек царю встал. Старики знают: здесь он, Иван Болотников, в Онеге, напротив Каргополя!

Улица наша от веку Потаниха, а теперь названа: улица Ивана Болотникова... и доска привешена: «Был он заступник простого народа».

ЛУТОШКИН ЗАПОЛОХ

По восточному берегу озера Лача этот мыс — Колокольный. А колокола нет, и давно уж.

А поставили здесь колокольню в предбывши времена — упреждать город от воровского прихода. Туман падет на Лач-озере — купцам спасительный колокольный голос дорогу кажет. Лихие люди на караван нападут — купцы «караул» заревут, а караул, уж вот он: колокольные сторожа, городская стрелецкая застава. Ну а если большая сила придет — частый колокольный бой город упредит. «Главное дело — не заспать!» — воевода накрепко стрелецкому десятнику наказывал.

Десятской начальник у стрельцов Лутошка бывал; он и вправду лутошлив: проворной, беспокойной; у него не заспишь.

В старину колокола церковные все были с именами: Лебедь, а то Бурлило, Гуд. Этому, сторожевому, тоже прозвище было — Лутошкин Заполох. В городе которой парень ворочается еле-еле, ленной, как налим под корягой, того страшат: «Тебя бы Лутошке при Заполоче служить отдать, он бы тебя выучил». Лутоха — десятник, командер стрелецкой, веденей.

Оно, конечно... Лутошка с самым ленным совладеет: он стрельца на карауле к билу колокольному привяжет, а место вокруг велит кольями острыми утыкать. Которой караульщик и лихой на спячку, на колье повалится — скоро выстанет!

Вот хорошо. Лутошке-командеру не натъ каждую ночь дозором ходить от караульщика к караульщику; он на грех и сам заспал. Домишко это у него неподалеку. Тут и лето пришло, хорошая пора, вот сенокос, ночи теплые. Караульщик кафтан скинул, на спицёе острое положил, присел, костерок шевелит, а там и на бок повалился... Тут, парень, и подобралась паны! ¹

Они от Москвы шли; сильно их побили, дак злы. Они караульщика-то саблей, — сникла голова, как скатная жемчужина с нитки скатилась. Кинулись паны к колодцу — сымать. Топить

¹ Польско-литовские интервенты действительно вели осаду Каргополя; случилось это в 1612 году, но вопреки преданию — зимой, в декабре.

ладят, чтобы город застава упредить не могла. В колокол серебра и золота насыпали доверху: «В Каргополе-де еще добудем». И в Лачу пустили. А Лутошка из окна — видел.

...Панов которых в Каргополе побили, которые убежали, к Архангельску утянулись. Многи веки прошли. Колокол из-под воды, старики скажут, иной раз видно — посвечивает. Вот в темную ночь на зорьку в Лачу поспешаешь — так-то всполохнется что-то! вот засветится; рыбаки уж знают: сейчас бухнет что-то, плеснет; скажут: «Лутошка плещет, колокол ищет». Нет ему, служивому, покою и роздыху...

ВЕЛИКИЙ ПЕТР И ПОП КАЛИНКА

...А вот что было, на веку происходило: ехал по реке Онеге Великий Петр! (Этот царь был первой работник. У него молодым уйдено на заработки в Англию — Россию надо было поднимать, как ты думаешь?! — Петр там корабли рубил. Рабочие нет-нет да и скажут: «Ну-ка, Петька, помоги бревешко стронуть!» — А уж он поможет дак поможет!)

У нас тут от Каргополя до Конева Онега не гладка: пороги! Тут пльиви и поглядывай. Ну, ежели Мертвую Голову прошел, — самый страшный камень у Надпорожья, — благодари бога... А забудешь, дак с берега-то зыкнет, ревнет поп Калинка (в старину жил!):

— Походи на молебен!

Калина — даром что в рясе — разбойник чистой! Стружок у него, дьячок да дьякон за гребцов — он и догонит, ежели што!

— Язычник окаянный — поворачивай! Сейчас спружу!

Ну, едет это, говорю, Петр по Онеге! Калинка, конечное дело, выбегает, орет: «Кидай конец!» Кинули ему веревку — струг царской попищо на береговы камня выдернул. Бояра, у которых с Петром прийдено, повалилися. Петр стоит, руки в боки, на Калинку глядит, радуется:

— Люблю молодца за обычай! А теперь што будет?

— А теперь молебен станем служить. А то, гляди, потопнешь кряду! — и ну страшать порогом. — Эвон каменище какое окаянное — чисто голова! Уж и избы оскалены! Кабы не я, сгнуть тебе, грешному!

А камень там, в Надпорожье, и вправду страшной! Так вода кругом и кипит!

— А ежели жив человек на Мертву Голову взойдет? — Петр интересуется (многобытной¹ бывал).

¹ Многобытной — любопытный (местн.).

— Пропадет ни за понюшку!

Великий Петр лодчугу берет, к камню правится. Брызги до неба, в брызгах цветные радуги стоят, у камня грома гремят. Петр шестом отпехивается, к камню плывет. На камень встал, фляжку от пояса отвязал, из-за пазухи горбушку вынул, краюшку отрезал... Обеденно время! Петр Калинку фляжкой дразнит!

— Походи сюда!

— Пропадешь ужо! — Калинка орет.

Бояра говорит:

— Сам пропадешь! Ведь это нынешний царь! Петрой зовут...

Поел это Петр, крошки собрал — в рот кинул, побегал для прохладения по Камню (молодой был!) — обратно приезжает. А нож да флягу на камне оставил.

— Гораздо ты басовитый, поп Калина, да и телом здоров! Тебе здесь не место, не местешо! — Петр говорит. — Походи в солдаты — в гвардию впишу!

Калина-великанище, царю Петру вровень, дак царь и любил.

— А фляжку-то на Камени оставил, эх, царь-государь! — Калина обижается. — И нож...

— Сыщется которой — возьмет, меня вспомянет.

Калина-то уж белым стариком домой вернулся. Бравый из него ундер получился, бил он шведа, бил турка. На Мертву Голову — вот на камень-то на этот — пригребся — нету уж, конечно, ни фляжки, ни ножа царева! Избыли страх каргополы, восходили на Камень не единожды после царя! Говорят, недавно еще ножик да флягу видели в деревнях, да утянули, конечно, увезли туристы! Выпросили. Они стариной интересуются. А на Мертву Голову, ежели смелой да ловкой, взойди; на камне Калина тесаком выдолбил и фляжку и нож! На память. В Надпорожье будешь — спроси там: «Где Камень этот у вас?» «Мертвая Голова» редко его знают, скажут больше: «Стол Великого Петра».

У МОКШИ

Если у вас такой дар и такой удел, что ваши поездки напоминают попытку каждый раз начать жизнь заново, жизнь ваша, пусть на краткий миг, способна красочно вспыхнуть там, где целый народ и река, впадающая в Оку, названы единым именем — Мокша.

Только не поддавайтесь первому впечатлению.

Что вы слышали об этом маленьком народе?! Надежды ваши смутны и зыбки, почерпнуты из старых случайных книг. А мечты... Разве не жаждет горожанин увидеть потонувшие, захлебнувшие под волнами зелени избы, прижатые к тенистой, заиленной, глубокой и таинственной реке, где проплывают рыбины, быть может, с хорошее бревно?

Но увы! Он перешагивает, не замочив ботинок, через приток реки Мокши — Сивинь, глядя на широкое ложе, заполняемое лишь по весне, и в нем — на узенький ручеек. Вместо ветел берег украшен лопухами, загнутые листья которых так белеют под солнцем, что их легко принять за стадо гусей. Оглянешься окрест — взору не за что зацепиться, негде остановиться и замереть, взгляд скользит по плоской шири полей, по плавным покатосям косогоров.

И это все?! Отдельное дерево на дальнем взгорье. Голову печет такой беззвучный полдень, что слышится собственное дыхание. В ноздри бьет знойный запах ко-

нопляных зарослей. Как в лесу, человек скрывается в конопле с головой и выходит на пойменный луг.

Вот вам и село Старая Теризморга, до которого подать рукою. Вразной, подобно женским платкам в толпе, виднеются матовый шифер крыш, морковная черепица, пыльная чернеющая солома, крашеное железо. Далеко отстоят друг от друга неподвижные потоки улиц, разделенных огородами, отчего кажется, что рядом протянулось несколько деревень. Долго, километра четыре, лепится село вдоль Сивини. И опять, как и окрест, мало зелени: не сады здесь, а садики, взглядам и ветрам открытые избы. Все же крепитеесь, не падайте духом, утешайте себя, говоря: «Ну что ж! Нет здесь лесных сокровищ — есть богатство полей. Это за них так уцепилось село».

Утешаясь, старайтесь, однако, не глядеть на свои ботинки с налипшим слоем скудного суглинка, ибо в глазах ваших еще стоит черноземный богатырь — маленькая столица Саранск с густой и вязкой после дождя, как паюсная икра, почвой аэродрома, с буйной густотой крон городского парка, с толстостенными, будто откормленными, крепышами зданиями, невысокими, кирпичными, взирающими на улицы небольшими, чуть сонливыми окнами...

По дороге вам попадетса вереница детишек — все братья и сестры — с тачками и ивовыми корзинами, наполненными травой, а позади всех оглянется на вас девчущечка лет пяти, уронит на землю большой связанный веревкою сноп и тотчас опять, задирая подол платица, взвалит его себе на спину. И вот тут держитесь, ибо вы, живущие, по вашему разумению, достойной и плодотворной жизнью, едко почувствуете себя праздношатающимся на Земле — ощущение постылое, неуютное, совсем не располагающее к поэтическому восприятию бытия.

Однако всякое чувство должно должно сгуститься, обрести законченность, стать кристаллом, чтобы, к нашему счастью, спасительно преобразиться, может быть, в противоположное и отрадное. И пусть уж на берегах Сивини под крышей какой-нибудь приютившей вас мордовской избы достанется вам в довершение всего отужинать не вычитанными в книге пельменями с зайчиной, запиваемыми божественным целебным напитком «пуре», не яичницей с рыбой и даже не тыквенной кашей с медом — пусть уж вас угостят тем, что есть под рукой, — какой-нибудь горячей картофельной жижей с плавающими в ней кусками сала... Заешьте суп малосольным огурцом и запейте стаканом холодного, из погреба, молока. Вот теперь, после сей не для городского желудка смеси — точно после последней капли испытания — мир медленно и тихо будет поворачиваться к вам лучшей своей стороной.

Уже вошли в окна сумерки, включена лампа, уже старая бабка раньше всех ложится почивать в задней избе, да и сами хозяева поглядывают на полог своей кровати, и для вас постель

тоже перестелена хозяйкой... И тут старшая дочь хозяина Катти (так звучит по-мордовски имя Катя) предлагает вам пойти в клуб.

По мановению Катти отодвинутый постельный час заменяется гущающей тьмой улицы, мелким влажным бисером щекощущего дождика, мягким, как по траве, звуком шагов рядом с вами и дыханием девушки, а также прикосновением ее маленькой твердой руки, когда вам грозит свалиться возле изб в вырытый для домашней птицы прудик или попасть в колдобину.

Катти, подобно ее младшей сестре и маленькому брату, за столом с родителями не сидела и на глаза вам почти не показывалась — не от смущения, а соблюдая какой-то домашний этикет. Вы ее толком не разглядели, однако заметили, что она мала для мокшанки ростом и в старину о ней бы сказали: «Невысокая невеста — для бедного жениха». Выглядела она крепкой и очень ладной, как будто природа, поскупившись сначала, устыдилась своей скардености, прониклась симпатией к новорожденной и восполнила свой огрех любовной тщательностью отделки. Все линии, все округлости ее лица, ее плеч и колен, всего ее тела были плавными и гладкими для взгляда, будто она была птицей быстрого полета, у которой каждое перышко плотно и шелковисто прилегает к груди и крыльям. Скромной своей прелестью она напоминала синичку. Вместе с тем в ее юных чертах таилась человеческая история. О ее лице можно было много гадать. В подъеме ее бровей, в разрезе глаз, в ее щеках и улыбке и даже в самой фигуре чудилось слияние трех народов — русского, татарского и мордвы с победой своей, мокшанской крови. Чудилось: она могла бы рассказать что-то свое, пережитое, о Куликовской битве или о временах Ивана Грозного, Степана Разина, Пугачева. Но оттого, что в юной Катти было явственно прошлое, ее рука не переставала быть теплой, глаза светлели даже в кромешной тьме, а голос звучал приглушенно, будто в большом отдалении от вас или, наоборот, совсем близко, мягкими губами в щеку.

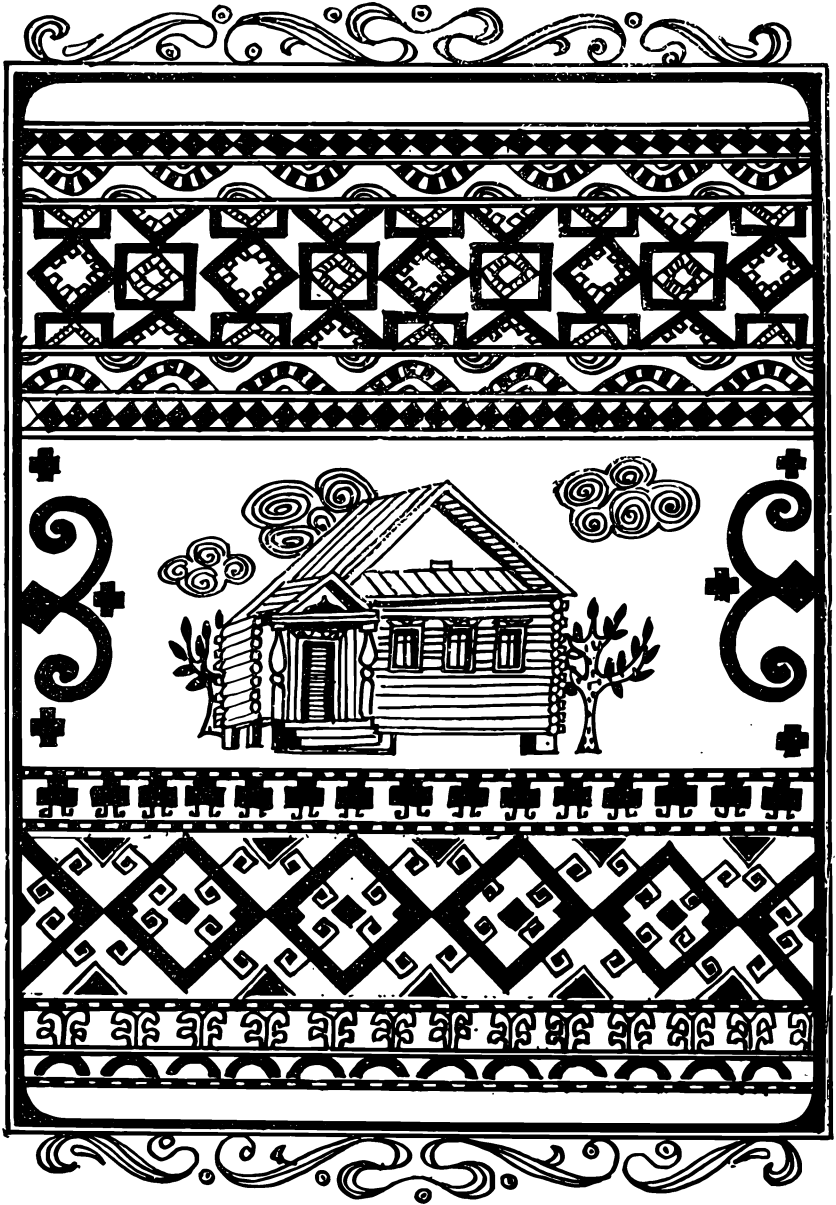
Как может меняться тьма, если в ней поблизости замер хотя бы одуванчик или пошевеливается сонная пичуга на чердаке, где вы спите! А если ребенок? Близкая женщина?.. Как наполняется ночь ароматом невидимых приятно-черных бархатистых цветов, если в ней скрыта молодая жизнь, несущая рядом с вами свое затаенное лицо и тело! Тьма делается живой, осязаемой, заполняется ею, становится тесной, как объятие. Во всем мире, будто в начале сказочного мироздания, остаются на какой-то миг двое...

А в клубе, который встречает вас белыми колоннами, аккордеоном в фойе и серо-желтым электрическим светом, кончается уже вторая серия арабского фильма, но сие, пожалуй, и неважно.

В сапожках и плащах, еще пахнущих дождевой влагой, перед дверьми кинозала вальсируют под музыку девушки, и тени их с острыми уголками косынок летают по темному дощатому полу. Часть народа толпится у окон фойе, они поют, и, кажется, никто друг другу не мешает: кому кино, кому танцы, кому песни, а вам не возбраняется созерцать, знакомиться с подругами Катти, напрягая слух и выкрикивая свое имя-отчество. Вы пожимаете руку парням, один из которых, Витти, сразу нравится вам породистой крупной лепкой носа и губ, выпуклой грудью и сильным голосом сельского певца, приятно плывущим над шумом. Девушки взглядывают на вас и как будто больше не замечают, а вы не отводите взора: перед вами бывшие лесные, а теперь степные девы, облик которых вам надо понять, полюбить и, любя, занести на бумагу, ибо на свете всякое мастерство ничто без любви. Вглядитесь в семнадцатилетнюю мокшанку Тоню. Она темнолика, черноглаза, кудрява — цыганенок! Глаза озорно усмеваются, лукавят. Она поет, и глаза ее поют вместе с нею: раскрываются, возгораются от слов и мелодии. С ней рядом — Люба. О, Люба рождена улыбаться! Ни у кого нет таких круглых щек. Кому еще так идет быть веселой?! Люба это знает, она не стоит на месте, и все в ней ходит, все в ней живет, пока она поет с подругами и подталкивает неохотно веселящуюся богатыршу Валентину — богатыршу немного вялую, с приоткрытыми полными губами и алым огнем щек. Все они держатся прямо, почти по-мужски сильны и крепки, но прелестны редчайшей женственностью лиц, в которых нет ничего резкого, грубого, сдвинутого. Их лица — на мощном стебле нежные цветы.

Кончается фильм, валит на улицу народ, клуб погружается во тьму. Вы снова чувствуете, что Катти идет рядом. Вы чутки к каждому ее движению, будто к шорохам незнакомого леса в неведомом краю. Вы объемлете всеми понежневшими приподнятыми чувствами эту первую свою ночь на селе, ощущая в безлунном слоистом мраке бесплотность и легкость изб по сторонам, призрачность деревьев и то, что вместо людей вокруг двигаются как бы тени, а голоса их живут отдельно, живут реальнее, чем их тела, — они красноречивее самого красноречивого взгляда. Вместе с расчистившимся небом, вместе с ярчайшими, как на юге, промытыми звездами каждый голос обретает волшебство проникновенности, какую-то вселенскую, космическую значимость, и вы вместе со всеми теряете тяжесть плоти и крови. Как они поют! Откуда их столько? Певучая река течет из одного конца села в другой. Она поднимает вас над ветлами, крышами; восторг возвращает вас к каким-то давним годам, может быть, к самым юным. И в той вышине юного озноба вас укутывают русские слова песни. Вы привыкаете. Вы сами начинаете подпевать.

Скакал казак через долину...

Ах, чей это запел голос?! Сам голос, как женщину, хочется полюбить, обласкать, обнять, нежить. А вот кто-то подхватил с таким замедленным, медовым, низким полетом звука. Витти! А остальные сливаются, сливаются, переплелись — не узнать...

Скакал казак через долину,
Через маньчжурские края,
Скакал он садиком зеленым,
Кольцо блеснуло на руке.

О, что это за жизнь — скакать на коне через долины, через сады! Какая зоркость песни: кому-то блеснуло твое кольцо, кому-то близка, небезразлична твоя судьба на твоей руке!.. И, уже не зная как, скачете и вы сквозь эту песню, сквозь эту ночь.

Кольцо казачка подарила,
Когда казак пошел в поход,
Она дарила, говорила,
Что через год буду твоя.

Брызнула под копытами мелкая вода Сивини, струйка песка прошумела по сапогам, покатился с глаз долой темным комком заяц, сидевший, зная, на краю поля. Чернеют в ночи холмы. Они так черны, что уже не видать села. Свое, чужое? Ни огня! Но песня своя, родная:

Вот год прошел, казак стрелю
В село родное поскакал...

И скачет казак, спешит — и конь выносит его на взгорок, когда поднимается песня, и спускает вниз, несет ложиной, когда притихают голоса. Но вот громче топот копыт: тревогу в песню вносят вступающие подголоски, да и звезда над селом, к которому направлен бег коня, светит сумрачней, как за дымом пожара. Тяжелый клубок тьмы проносится околицей. И вот уже содроганья земли отдаются эхом от бревенчатых стен спящих изб... Рука рванула поводья. Захрапел конь, вздыбленный жестокой мукой.

...Он снял с плеча свою винтовку
И жизнь покончил навсегда.

...Голоса-красавицы затихают ненадолго. Новая песня — теперь на языке мокши — поднимается взмахами крыльев медлительной птицы, и полет ее заканчивается долгим пареньем. Еще миг — и птица со светящимися глазами и звучащими крыльями скрылась за ночным облаком: тьма, тишина. А там выплывает опять — опять взмахи, снова паренье...

Медленно рядом с неясно светлеющей во тьме Катти идете вы вдоль села. Больше не поют, прощаются, говорят, наверно, о завтрашних заботах. Тень за тенью отделяется от толпы.

— Вага минь кудонькс. Пришли. Аряда¹, — говорит Катти, и вы сворачиваете вслепую к дому.

Уже в хозяйской избе в полночный час, когда Катти предлагает вам выпить перед сном кружку молока, вы кладете перед собой на стол тетрадку, похожую на антикварную книгу своим добротным переплетом. Затем вы окидываете взглядом заднюю избу с беленой печью, посудным буфетом, чугунками и ведрами воды на лавке, оглядываетесь на топчан, где без одеяла ничком спит старуха в белой и толстой конопляной рубахе и в таких же плотных белых подштанниках, смотрите на образа в красном углу избы, украшенные серебряной фольгой окладов, на темное, как старая икона, окно, на весь этот хозяйственный устойчивый мир спящей старой женщины. Крепок спокойствием, пропитан, насыщен им обжитой человеческий угол, будто стоять ему века.

Понизив голос, вы начинаете читать вслух:

— «...никто здесь не говорит по-мордовски. Женщины и девушки не знают даже, как поются мордовские песни...»

Катти, которая собирается идти в амбар, где у нее ночлег, останавливается.

— Это о нас? Что это? — спрашивает она и садится рядом, приблизив к вам приятно-спокойное малоподвижное лицо свое.

— Выписки из «Известий Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете». Конец века... Не о вас, то есть не о вашем селе, но, главное, уже тогда можно было попасть к мордве и ничего не увидеть.

— О чем вы вспомнили!.. Говорим и поем, сами слышали, и пишем, хотя раньше не было письменности. Из нашего села вышел известный мордовский поэт Илья Девин, сейчас он в Саранске председатель Союза писателей... Я свою дипломную буду писать на мокшанском. И преподавать потом буду наш язык...

Катти склоняет голову, чтобы заглянуть в вашу тетрадь.

— Еще написано, — замечает она, — что мордва ходит только в русской одежде...

С немим вопросом вы выглядываете на открытые колени, на короткое, не русское и не мордовское, городского покроя платье Катти.

Девушка скрывается в передней избе, освещаемой открытой дверью. Слышны храп ее отца, шумное, могучее дыхание спящей матери. Слышно, как скрипят петли шкафа. Каттины нежные — босой ногой по ковру — шаги. Охалка женских верхних рубах — панар — бухается на стол.

Вы ошеломлены. Ваши пальцы осторожно прикасаются к одной из них. Вот где праздник для глаз, если вы любите орнамент, яркость убранства, женскую фантазию вышивки!.. Но как

¹ Вот наша изба... (мокш.).

изяснить прелесть вышивок, чудо их и волшебство? Так же невозможно, как пересказать прелесть поющих голосов. Пльвя в голосах цветов, вы только ограничиваетесь междометиями. На всех рубахах громче всего маков цвет, но ни одна из них не повторяет чужое звучание. Вот бабушкина работа, вот матери...

И тут вы замечаете, что раньше голоса подолов были скуднее и тише и совсем немотны рукава и плечи, а в наше время, у Каттиной матери, вышивка подолов, плеч и рукавов — это уже целый хор, это поющее село! Она расцвела, стала ярче, праздничней и многообразнее...

— Катти, где же ваша работа?

— А я другим увлекаюсь. Пою. Мы с девочками в Москве выступали, во Дворце съездов. Голова кружится, как вспомнишь! Дипломы у нас, в журналах о нашем хоре писали, фотографировали. Я много пою мордовских песен, но меня и всех наших девочек больше, конечно, привлекают уже новые, современные, общие. Вот вчера я включила телевизор и записала слова песни, которую пела Ненашева... Сейчас спела бы вам, да все спят.

Вы благодарно целуете Катти и говорите ей:

— Рад я, что у вас такие интересные люди! Издали ваше село не заманивает: любую золотую крупницу должно было выдуть отсюда простым ветром — со скудной земли, где человеку трудно закрепиться корнями, выдуть и перебросить через холмы, развеять по свету...

Вы продолжаете говорить, а Катти внимать. Наверно, странно ей слушать то, что вы говорите. Ваши восторги обращены, в сущности, к ней, к ее жизни. Для вас она нераскрытый мир, для себя же самой она понятна, привычна и проста. Почему же не смешно ей? Почему она так серьезна? Отчего так легко говорить с девушкой? Кажется, вам труднее было бы с дочерью. Но Катти верит вашим словам и примет вас, как берет в свою жизнь, наверно, всю ее новизну — с житейской серьезностью, без насмешек, стеснительности и жеманства... Насколько она вас моложе?! Но вы позабыли об этом под ее взглядом. Не просто девочка сидит перед вами — целый народ, о котором вы так мало знаете. Древняя юная девочка, открытая всему доброму, смотрит на вас...

Восторги восторгами. Но как все же быть с тем едким чувством, которое так крепко стиснуло вас при виде пятилетней девчушки, когда она взвалила себе на спину травяной сноп?

И не праздно шатаетесь вы по Земле, а все же...

Дом хозяина встает рано: «Ранняя птица клюв утирает, а поздняя — так порхает». Не просыпайтесь позже всех!.. Часа в два ночи поднимается жена хозяина, чтобы ехать в дальнюю деревню на скирдование. Вы только открываете глаза и закры-

ваете снова. После петушиного крика поднимает голову Каттина бабушка. Восьмидесятилетняя «бабай» не делает ни одного быстрого движения, но одетой оказывается скорее, чем солдат по тревоге. Вот она уже в черном платье, в теплых носках и тапочках. Платок на голове повязан тюрбаном. Вы спите и не слышите, как она доит корову в хлеву, а затем, поругивая ее шайтаном, гонит к пастуху на улицу. И не видите вы, как, отодвинув заслонку, старуха ставит в закопченную пещеру печи ржаное тесто в хлебных жестяных формах и чугунок с супом. Потом в деревянном ящике рубит она короткой лопатой свекольную ботву для поросенка и смешивает ее с вареным картофелем, а вы все спите. Жаль, так вы проспите полжизни! Видели вы, как сбивают масло в высокой деревянной ступе, сидя перед ней на табурете и погружая в нее здоровый деревянный пестик, которым можно убить волка? А как толкут конопляную кудель, чтобы была мягкой? Как выглядит прялка? И как женщины ткут полотно?.. Незаметно, чтобы у старухи были другие радости, кроме самого труда. Нет даже старческой радости хорошей еды: она всегда ест стоя, мимоходом. Многое она сможет показать, когда к вам привыкнет, приглядится и когда при ее глухоте вы возьмете себе переводчицей ее младшую внучку Иру, которая чаще, чем Катти, бывает дома. Удовольствие — послушать Ирин голос, когда он пробивается сквозь бабушкину глухоту: такой округлый и звонкий, как покотившийся хрустальный шарик. Благозвучна, приятна и музыкальна в ее устах мокшанская речь. Но увы, если вы проспите, школьница Ира, прихватив сажень, убежит к своей бригаде на прополку свеклы, а после, склоняя свое гладкое личико в передней или задней избе над столешницей, будет подсчитывать выращенную ботву, трудодни и зарплату, шурша бумагой.

Уйдет в колхозную контору хозяин, уедет куда-то с вилами Катти, исчезнет Ира, скроется под ветками яблони девятилетний Петти, сооружая со своим дружком какое-то строение из земли и щепок, — и останетесь вы в избе один со старухой, слушая, как она ходит из избы во двор и обратно, и с интересом о ней задумываясь.

Ростом она еще меньше Катти, но очень крепка, и пальцы ее гибки, как у молодой. Необъяснимо странное чувство возникает при взгляде на нее. Трудно отвести глаза. Так бывает, когда смотришь на древнюю, но еще не разрушенную крепость или на каменные изваяния богов. Не только неутомимое, но что-то вечное, как в луне и солнце, почудится вам в этой женщине. Молчание ее и глухота заставят пристальнее всматриваться в лицо. Как у старой деревянной скульптуры, оно темно и неподвижно, но не сердито. Когда она замирает и глядит из-под прищуренных тяжелых век куда-то в истомленное солнцем небо, она оборачивается для вас полубогом-праматерью народа мокша.

Проснитесь же наконец! Жизнь так коротка! За запрудой

Сивини есть глубокие и чистые воды. Сбегайте, взбодритесь, пофыркайте да пробегитесь вдоль берега, вспугнув, может быть, ондатру и массу лягушек, да постоит немного на высоком, самом крутом обрыве. Пусть обожжет здесь ваши босые ступни от одной мысли, что стоите вы, оказывается, на самом древнем сельском кладбище. Гладка и травяниста земля под ногой, но из грозно отвесной неровной стены берега на границе чернозема и глины торчат, как дула из крепостных амбразур, берцовые кости, белеют ребра. Каждую весну подмывает Сивинь этот вечный покой и обрушивает все новые могилы. Спуститесь вниз на узкую полосу между крутояром и стоячей зацветшей водой, и в кучках осыпи вы найдете какую-нибудь окисленную металлическую пластину с ракушками на проволоках. Возьмите горсть земли в руку... Она была человеческой плотью, телом женщины. Когда-то, когда эта горсть земли надевала украшения, самый приятный миг жизни наступал для нее, а веселые, хмельные мысли делали невесомой ее стать, и двумя пожарами вспыхивали щеки... От всего остался лишь чернозем, просыпаемый между пальцами.

Подумайте так — и вы на следующее утро подниметесь раньше хозяйского петуха и будете ловить каждый шаг зари широко раскрытыми глазами, слушать каждый вздох и каждый звук просыпающегося человеческого поселения, жажда поскорей окунуться, как в молодящую воду, в этот большой сельский чугунок с густым закипающим ранним варевом жизни, а после восхитительного утреннего супа и малосольных огурцов вы уже будете подпрыгивать вместе с Катти и целой кучей народа в кузове грузовика, который, завивая пыль столбом смерча, покатит вас по гладким просторам и плавным отлогостям Мордовии... И вы возьмете в руки чьи-то вилы, словно свои, и канете в поля, как в травяное небо.

Насиделись вы в каменной печи города, ослабли! Но горячо здоровое объятие сельского лета. И волнуется кровь, и мышцы обретают забытую крепость с каждым взмахом рук. Лишен равнодушия к вам, но спокоен взгляд Катти. Вам было легко говорить с ней. А теперь так легко работать. Еще, еще и еще, идя друг против друга, переворачиваете вы единым с Катти движением валки сена. Растет и движется сенная подушка, куча, овсяный бугор со стручками вики. Прихлопнуть его сверху, чтобы не взьерошило ветром, — и дальше. Копна за копной, как стожок за стожком, остаются позади вас. Сенной узор вышиваете вы по полю. А солнце печет — прикройте голову. А с солнцем борется набегающая волной прохлада, так сладостно освежая тело, как, бывает, пьют родниковую воду воспаленные губы. Со свежей волною острее, пьянее и прянее ароматы сухой травы, нагретой одежды и кожи. Сытым овсяным духом веет от дальних скирд, похожих на буханки хлеба, и от бесчисленных копен, подобных булкам. Пахнут тени от скирд, тени маленькой

рощи на краю поля. Сено несет от белейших стогов проплывающих облаков. Хочется засмеяться от радости, вдыхать этот земной запах, падая в краткие минуты перерыва в травяную постель и грызя стебли, зерна, стручки.

Узкие бархатистые стручки вики покрыты белесым пушком, серебрищимся на солнце, и такой же пушок вы с каким-то особым, родственным вниманием и удовольствием открываете и незаметно разглядываете на щеках, подбородке и даже коленях Катти. Листья и стебли, плоды, иногда цветы бывают опушены так! Выцветшее короткое платье Катти и закатанные выше колен брюки обсыпаны мелкой трухой сена. Смуглые плечи ее сделались темно-красными от солнечного жара и припухли, но лицо, наоборот, успело слегка похудеть, даже высохло. Заметив ваш взгляд и не понимая его, она пристально глядит на вас и голосом, каким говорят «люблю», спрашивает: «Устали?» Это вас, возбужденного первыми часами первого дня работы!

Есть невозможные вещи. Невозможно погладить ее по голове, нельзя приласкать. Вы понимаете: она меряет по себе и изо всех душевных сил сочувствует вам. Вы радуетесь за нее, когда наступает обеденная передышка. Нет, вам еще далеко до усталости. Да, Катти, Каттенесь, Катюша, во всяком случае, не сегодня придет усталость. Зато совсем по-иному станет дня через три-четыре и не в поле, где так дивно свежа набегающая струя ветерка, а в самом селе, в палящий, будто огромное увеличительное стекло, полдень на утопанной твердой площади четырехугольника из высокого забора и хлебных амбаров, где вы деревянной лопатой будете гнать волны ржи или пшеницы на конвейер зернопогрузчика, поднимая облачка мякинной пыли, томясь жаждой и сухостью в горле, воображая себя в пустынях Средней Азии, чувствуя в то же время соль на губах, как в море. Вот когда вы будете с облегчением втыкать лопату в мелкоузорчатый пшеничный холм с красными точками божьих коровок и падать на него, выдавливая для себя удобное ложе, погружая в зерно разгоряченные руки. Там, в глубине, зерно еще влажно; его прохлада отрадней, чем прохлада степных ветров, и руки ваши, как в воду, как в речку, погружаются по самые плечи...

Теперь же вслед за маленькой усталой Катти вы бодро шагаете туда, где кудрявятся дубки, толпятся орешник с орехами, черемушник со спелыми ягодами и вся эта кучка спускается узкою полосой в ложбину, забывшую уж, наверно, жurchанье высухшего давно ключа. Постойте! Не слишком спешите развалиться на траве и схватиться за ложку. Ловите, не упустите ничего из примет быстротекущего человеческого бытия. Здесь, у начала рощи, открывается взгляду кучка могил. Не древний, не позабытый еще погост. Правда, лежат здесь почему-то одни долгожители, и вы видите лишь несколько серых деревянных крестов, по-стариковски уединенных под березками, пятнистых

от тени листвы и ярких солнечных бликов. Но какие кресты! Посмотрите на это узорное чудо плотницкого искусства! Деревянный цветок, лишенный внешней скорби и уныния, торжественно предстает вашему взору. Рядом с ним другой — стройный и строгий, несущий на своей вершинке и на концах верхней перекладины три березовых крестика, как три прикрепленных свечи. И тут же третий, похожий на выражение некоего отзвука, не страшного теперь крика — похожий оттого, что высоко вознесся он над этими двумя и над всеми остальными, вымахнул ввысь огромным длинным столбом, может быть для того, чтоб глядеть поверх рощицы на родную мокшанскую деревню. Вы смотрите и видите не три креста, а три сооружения, три храма. И они не мертвые. Кажется, тайные соки струятся в их сухом дереве. Без тяжкой зависти к тому, что вы живы, они добро, серьезно и задушевно смотрят на вас, способные думать вместе с вами о прожитых годах, о красоте лета, о сладости жизни...

Но вас торопит кипящий день, его радости. В нижнем конце ложбины, за распряженной пасущейся лошадей, за телегой, уткнувшей в землю оглобли, дымит костер. Вы подходите и слышите, как в большом котле аппетитно бурлит похлебка. Рядом с ним по-братски притулился чугунок с вареным мясом. И котел и чугунок согласно пускают в купол неба завитки пара. Кажется, что они делают это с воодушевлением, полные сознания своей значимости для притомившихся людей, которые пестрыми, яркими, цветными группами стекаются сюда со всего поля. У котла и чугунок торжественный вид, будто у колоколов, которым место в звоннице. Рядом хлопочет повариха в белом, со свежими пятнами сажки халате, и ей помогает мальчишка, должно быть сын, и оба серьезны от заботы накормить разгоряченную, опьяненную работой рать. Незримый благовест котла и чугунок собрал уже многих в ложбине, подходят последние. Мальчишки, прискакав от дальних скирд на лошадях, распрягли свою конницу и расположились вольным темно-серым кружком в стороне от цветастой кучи баб и девок.

Пока вы смотрите по сторонам, жизнь готовит вам самое яркое приношение дня, иллюзию, необычайное преобразование чувств и времени, которое очарует вас, но которое вам никогда не передать истинными словами.

Смотрите — ваша Катти осторожно идет от поварихи с алюминиевой миской в руке, боясь расплескать налитый до краев густой прозаический суп с лапшой. Ржаные гладкие волосы девушки, золотистые на концах, спадают со лба на ее неулыбчивые щеки, играющие мягким, ласковым блеском; легкая обтягивающая ткань платья, как бы единая с телом, отдает взгляду линии и тени созревшей для материнства груди; загорелые колени отливают солнечным жаром, играют при каждом шаге бликами раскаленного лета. Вы бросаете куртку на траву, раз-

глаживаєте ладонью, и Катти садится на один ее край, вы — на другой...

Теперь взгляните на окружающих: о чем-то галдят мальчишки, оглядываясь на вас (вот когда хорошо не знать по-мокшански!); медлительно и внешне бесстрастно проходят по вашим лицам взгляды много поживших, много переживавших зрелых женщин; быстры взгляды подруг, как огни водяных всплесков, когда девушки весело брызгаются в реке... И потом благодарно взгляните на Катти: что за прелесть этот характер! Вы для нее все еще гость ее избы, и она гостеприимна каждым своим движением, она добра и спокойна даже под взглядами всей ложбины, и рука ее не дрогнет в движении, и ни одна капля не слетит с ложки на ее платье.

С этой минуты вы все дальше и дальше уходите от единственной вашей жизни, данной вам на один-единственный век. Теперь вам уже начинает чудиться, что когда-то, в каком-то тумане, в каком-то небытии все это было, было с вами. Когда-то был в вашей жизни и крестьянский обед на траве с миской похлебки, а затем с куском вареного мяса, и была у вас крестьянка-жена, молодая, совсем молодая женщина, и вы только еще начинали строить с ней свой золотой дом, и это было ваше с ней первое лето в поле.

Отдыхают девчата под сенью орешника, но вам не ложится и не сидится... Все поднялись, всех разбудил однорукий бригадир ваш — но вы или не вы берете вилы?.. Все, все повторяется. Разве не было этого мальчишки в отцовской кепке, который запрягает лошадь в волокушу, сколоченную для сена из тонких древесных стволов? Был он. Была и та темнолицая Тоня-цыганенок, которую вы впервые увидели в колхозном клубе. Ах, Тоня! Она вам запомнится тоже, когда вскочит на лошадь, где-то оставив вилы. Черные волосы закурчавятся на ветру. Она запоет, сидя то как амазонка, то по-мужски, запоет низким голосом песни Ольги Воронец, а затем какую-нибудь мокшанскую. «Якань, — запоет девушка, — якань, ялганякай, пиже лугава...»¹ Опираясь руками на спину лошади, перевернется она задом наперед, чтобы следить за погрузкой, спрыгнет с лошадиного крупа на волокушу, на самую вершину ее стога, чтобы умять сено, а оттуда перелетит снова на лошадь, как из одного седла в другое.

Стекаются одна за другой волокуши к скирде — к огромному сенному зданию, у которого недостает еще только травяной крыши. Скирда — зримый итог дня, догорающего теперь за ложбиной и рощей. Круты, высоки бока сennого здания — хороша работа! Нарядны и хороши две женщины на самой ее вершине в пшеничном свете заката. Одна — как безбородый Илья Муромец с важным сильным сорокалетним женским лицом, а

¹ Я гуляла, гуляла, подруженька, по зеленому лугу... (мокш.).

другая помоложе, стройней и выше, — и обе в красных платках, в малиновых платях, называемых нула, скромно расшитых узкими цветными лентами, в пестрых фартуках, а та, что помоложе, еще и с бусами. Вечерняя заря, повсюду рождая тени, захватывает своих избранниц спокойным нежарким пламенем из поднимающейся, как туман, синева.

Последние движения женщин. Их спуск по воткнутым в скирду вилам, как по ступеням... Окончен еще один колхозный день. Их ждут домашние хлопоты, ждут ребятишки. Женский взгляд ловит свет дальних фар: не за ними ли мчит вдаль грузовик? Бродит меж женщин однорукый бригадир. Он щедушный, с беглой улыбкой, зоркий и остроглазый. Он чем-то не угодил женскому воинству, которое нехотя его поругивает, — особенно же не угодил девушкам, и те вдруг взрываются, бурно набрасываются на него с криками.

— Стирнят, — отвечает им бригадир, хитро щурясь. И что-то быстро произносит.

— Ой! — с шутливым испугом вскрикивают девчата и, посмеявшись, начинают петь песни.

— Как же он их утихомирил? — спрашиваете вы Катти, которая стоит рядом с вами в стороне от девушек.

Катти смешно:

— Он сказал: «Девки, сильно не кричите — в невестах не похвалим!»

Машина запаздывает. В сумерках вы ведете неторопливый разговор с Катти. Далеко уходит ваша беседа от этого поля, бригадира, колхозниц. Город, Саранский университет, его профессора, студенческая жизнь, «Песни села Старая Теризморга» — тема Каттиной дипломной.

— Девчата запели... — прерывает свой рассказ Катти и сама начинает подпевать. — Мы ведь в агитбригаде, — говорит она снова. — Сегодня еще предстоит выступить в соседнем колхозе. Усталые будем, сонные. Ну ничего! Эта песня «Минь странаньке» — «Наша страна». А сейчас запели «Урожай»... Тоже войдут в мою работу. И современные, и старинные — трудовые, обрядовые, семейные...

— А исторические?

— Мы мордва-мокша, у нас исторических немного, по крайней мере меньше, чем у мордвы-эрзи. У эрзи есть и о Степане Разине, и о Пугачеве, есть даже об Иване Грозном: там мордовская девушка Саманя оказывается умнее, находчивее царя. У мокши такой песни нет. Нам читали, что войска Грозного шли на Казань только по землям эрзи.

— Ну, не совсем так, я кое-что смотрел. В последнем, например, походе 1552 года его Большой полк переходил Мокшу. Правда, сама царская дружина шла другим путем. Но царь при

его непоседливости, резких сменах желаний и внезапных отлучках мог исколесить всю Мордовию и не раз. Говорят, на реке Мокше жива легенда, как один мордвин показывал царю брод через реку.

— А вы уже были на Мокше? — перебивает меня Катти, вспомнив о чем-то своем. — Нет? Послушайте! — восклицает она. — Если поедете, побывайте там, где Сивинь сливается с Мокшей. Взглянуть бы самой... Я знаю от бабай, что оттуда родом была какая-то древняя наша бабка. Жила она бог знает когда, может, лет четыреста назад, и как жила — неизвестно. Я вспоминаю о ней, когда встречаю мордовские песни о взрослых девушках, выданных замуж за малолетних мальчиков, — таков был обычай. Однако не за это же ее так долго помнили, из рода в род передавали ее имя. Бабай в детстве что-то слышала о ней необычайное, да забыла. Звали ту женщину Утяша.

Услышав столь необычное имя, вы загораетесь:

— Катти, едемте вместе раскрывать тайну Утяши! Обойдемся без легенд: человеку даны воображение, интуиция. Вот кончу здесь свои дела — и махнем. Вы согласны?

Но что же она?! Хотя у нее и блестят глаза, все же она молчит. Кажется, вы так увлеклись, что забыли о реальностях жизни.

И кто вам Катти?!

Обычный день, лишенный внешних событий. Купание курицы в кадке.

Курицу купает бабай. Вселенная оглушена последней летней жарою, и вода в кадке тепла и затхла. Наседка покорно поквохтывает при погружении, испуганно тараша свои пуговицы, а древний мордовский бог Шкай в дымчатом от пекла небе шурит свой единственный глаз, вспоминая счастливое время жертвоприношений. Теперь старухи не те. Бабай не до Шкая. Помянув шайтана, бабай отпускает курицу. Кому нужны цыплята осенью?! А мокрая курица не станет сидеть на яйцах.

От бога Шкая не скрыть всегда добрый, но теперь нахмуренный лик старухи. Что еще делать ей, чем жить, если возвратилась домой после долгого отсутствия Антонина Степановна, сноха, которая гораздо ее моложе? Вам-то кажется, что нет здесь событий, а бабай тоскует, бормочет. «Э! — машет рукой и бормочет старуха. — Хозяин в юбке приехал, без хозяина товар сирота, хэ!» Одевшись похуже, бабай безучастно сидит на крыльце, а хозяйка моет полы, вытрясает половики, надраивает умывальник. Она слышала, что бабай из-за нее помянула шайтана, но всегда возражает, если женщины в поле говорят ей: «Живешь со свекровью? Как же так?! Отделись». — «Нет, не могу, — отвечает Антонина Степановна. — Мне мать завещала: «Свекровь не обижай!» Говорила: «Сын со мной не стал

жить из-за невестки, обидно. Отделил меня. Избу поставил мне, обидно. Не обижай свекровь!»

Хлопочет Антонина Степановна в избе, вспоминая свою мать, единственные, оставшиеся от ее существа слова, огромные своею единственностью. Сидит на крыльце старуха. От топота хозяйки трясется изба.

Слушайте топот ее ног, смотрите во все глаза на Антонину Степановну. Стать ее необыкновенна. Она так сильна и тяжела, что кажется — ей не согнуться. Но вот она наклонилась и тотчас выпрямилась опять. Птица не чертит с такой быстротой и гибкостью воздух... Уж если взялись смотреть, глядите, не опасаясь, что помешаете ей. Она показывает себя с тем достоинством мокшанки, когда женщина убеждена, что все в ней от природы, как надо, и некого ей стыдиться и не с чего прятаться от мужских глаз. Ее крепкое прямоносое и прямоугольное лицо смягчено полнотою глянцевого-яблочных щек, сочной прозрачностью серых глаз; ее бордовая нула тенями свекольного цвета лепит ее тело; широкие руки ее не светлей и не легче обожженного кирпича. И когда она озорно хлопает мужа по спине: «Бумажный человек, у, моя бухгалтерия!», ее мужик, высокий и плотный, вздрагивает и молча косит на нее взглядом. Его белолобое и румяное лицо с полным, тяжелым подбородком непроницаемо. Он как бы нехотя приглаживает свои белые, не седые, а только с седым отливом волосы и неожиданно для вас тихо, но внятно и чисто выпевает концовку казачьей песни, будто ставя между собой и могучей своей половиной прозрачную перегородку дрогнувшего певучего стекла:

...Пускай казачка вспоминает
Его, донского казака.

Потом он отодвигает от себя пустую, влажную еще от горячего супа тарелку с голубою каймой и запекает другую песню, о некой чудо-девушке, затворнице, которая жила «в одной знакомой улице», — и уж эти слова подхватывает входящая в избу старшая его дочь.

Вы даже привстаете от внезапного появления девушки. О, Катти! Она как мягкое дуновение степного, травяного воздуха... Где же вы были, Катти? Записывали что-нибудь у старух? О нет, Катти — с сева озимых. Лицо ее в маске пыли, но все равно милое, будто запыленная при дороге ромашка. Мать смотрит на нее, смотрит на отца, снова хлопает его меж лопаток и ставит хват в печь.

— Торопиться надо, за сеном ехать, а он поет! — говорит Антонина Степановна, доставая из печи чугунок с картошкой. — Напоешься еще в праздник. Скоро напоешься. — И уже обращается к вам: — Дать огурчиков малосольных?

Вы слушаете ее как сквозь воду. Вы заняты мыслью: какой может быть праздник в эту пору? Но вам уже неспокойно.

— Так какой же? — спрашиваете вы, догадываясь, что в этой избе уже готовится великая перемена.

— А вот спросите у Катти, у торопыги. — Хозяйка оборачивается к дочери и вдруг притоптывает, подмигивает вам, играя глазами, приговаривая частоговоркой:

Мой миленочек ученый,
Но и я училась,
Оттого любовь меж нами
Быстро получилась!

И, еще раз топнув так, что заходила печь в передней избе, и уже вздохнув, как вздыхают перед разлукой среди веселой минуты, повторила:

— Спросите у нее, какой скоро праздник.

Что же тут спрашивать? Щеки Катти стали как солнце в пыльную бурю. Она скрылась в передней избе, и мать что-то крикнула ей по-мокшански вслед.

Вот и нет у вас «возлюбленной»... Отчего-то вдруг хочется вам, чтобы Катти была просто вольная птица. Но увы! Недаром Катти бегала недавно весь день с каким-то почтовым конвертом; неспроста стала стесняться ходить с вами по улице и на речку, неспроста, когда был выходной в клубе, забыла пригласить вас на «ульце» — сельскую посиделку. Быть может, сама она еще и не заметила, как надвигающиеся события смущают и сбивают ее, и стоит она теперь в растерянности посреди мира, не зная, что нового говорить ей отныне и что нового совершать, и как быть с отцом, матерью, с подругами, с чужими мужчинами.

Только Катти недолго стоит посреди мира. Спокойно проходит она мимо вас, мимо родителей, нарочно замедленно берет ведро воды, берет таз и мыло и покидает избу.

Хозяйка подталкивает вас плечом, смотрит в глаза. Взгляд у нее такой блестящий, смеющийся, что вы невольно отклоняетесь.

— Хотите, — говорит она, — найдем вам в селе невесту? У нас на какую ни посмотри, хорошая жена будет. Обвенчаем вас — вот вам и праздник.

Какую-то минуту вы все трое молчите. Слышно, как за дверью гремит тазом Катти, зазвучали в палисаднике голоса младшей хозяйской дочери и сына. А хозяин опять запевает.

Вы как-то забыли, что он и раньше пел неустанно, пел, как сегодня, между супом и картошкой, пел перед сном, поет, вероятно, над бухгалтерскими отчетами. У него скромный, самозабвенный, с переливами голос. Внезапно вы улыбаетесь: кого же напомнил вам своей напевностью хозяин? Не сверчка ли — этого мелодиста, неунвайку и соловья мордовской избы?! С улыбкою выходите вы на крыльцо, где недавно так безучастно сидела и бормотала бабай. Где же старуха? Только Катти в юбке и майке склонилась над тазом, погрузив в воду отяже-

левшие ржаные волосы... Оглянитесь, ибо старуха за калиткой. Бабай снова в трудах — и потому конец ее тоске и печалю! Прошла минута уныния. Все в силах переломить старая женщина, и, может быть, только ночью, во сне она позволит себе вздохнуть, выказать свою старость, недуги.

Бабай идет с пустыря с корзиною за плечами, полной травы для коровы.

Не так преобразается полумесяц, когда он становится луною, не так нежнеет земля, переходя от льдистой зимы к весне, не так преобразится почка, когда выкинет пышное пламя цветка, и роскошь цветов не так переменит вид луга, как меняет стать и лицо молодой свежей мокшанки ее праздничный наряд, ее головной убор, каждая бусинка, легшая на ее крепкую грудь и шею.

О, не пропустите такого зрелища! Напроситесь взглянуть, как наряжаются девчата. Вам не откажут, вас позовут, когда наденут подружки белые вышитые панары и яркие, будто ягодные поляны, фартуки. Глядите!

Смотрите, как опоясывает одна другую поясом с колокольцами, как расставляются покрепче ноги, когда длинная рубаха с пришитой к подолу полосой «красоты» подтягивается до колен и лишек ее непонятною вам подушкой ложится на девичий живот. Но когда кушак обнимает и стягивает ее, как осу, что-то и в вас стягивается. И когда концы полушалка обвивают девичью голову, украшенную венком из дутых бронзовых рябин, вы жаждете, чтобы взглянула на вас мокшанская дева, чтоб поняла, как она хороша и как волшебюно перекликаются рой блеска в ее глазах и золотистое сияние маленьких круглых щитов из бусин, прикрывающих ее уши. А колокольцы! Их звон сладостен и возбуждающ. А стать, подчеркнутая подвесками пояса, звучанием колокольцев при легком шаге и орнаментом на спине! А бисерный узорный ремешок — крвавакс, — охватывающий, целующий ее шею! И перламутровые блестики в узоре вышивок на рубахе. И само спокойствие девы, ее достоинство, и праздничные голоса говора, приподнятая суета, и праздник для глаз! Рядом с девушками тускла, неприметна влетевшая в окно крапивница. Даже на белой стене печи она кажется неживой и засохшей, снятой с булавки. Наслаждение видеть, как хорошеют те, кого наряжают. Хорошеют и те, кто наряжает, — но очередь, но триумф их потом. А жар лиц!.. И девушки прикладывают ладони к щекам...

Зритель стоял будто в поле, и вот перед ним ушла в дальнюю бездну земля. Он замер на обрыве, но замер без ужаса, в упоении, очаровании и хмеле.

Мокшанский праздник — время влюбляться!

Веткой черемухи, овейной сладким звоном колокольцев,

словно звоном пчел и шмелей, девушки всей гурьбою выносят себя на улицу, постукивая сапожками. Улица присоединяет к ним все новые и новые лица. Она смотрит на них каждым окошком изб, гладит их каждой тенью от дома, забора и дерева, слепит каждым блеском стекла, поит запахом красных и янтарных яблок из садов, сопровождает кудахтаньем бегущих прочь кур и лаем добродушных собачонок. Весь небосвод залит солнцем, очищен от облаков, чтобы любое украшение молодого наряда играло, искрилось, сливалось с другими. И вот пошла, пошла будоражить девчат гармонь, и уже несется впереди гостевого шествия частушка.

Очарованный созерцатель, влечетесь вы вослед чужому веселью, не сразу замечая выбегающую откуда-то сбоку, перескочившую через невысокий плетень девушку, которая внезапно оказывается перед вами. Кто это — Катти, невеста? Но почему без нарядных бус, без венчальной фаты, в каком-то матерчатом колпаке, будто для шутки, вся в тумане от солнечного дыма в глаза? Вы видите близко от своего лица ее щеки и лоб, ее глянцевитые губы... И тотчас вскрикивая исполошенные девчата: это ряженный под девку мужик, похожий чем-то на Катти, проскочив мимо вас, кидается в их белую птичью гущу. А Катти... настоящая Катти, вы знаете, еще только подъезжает, наверно, к селу. Она несется на колхозном «газике» из мордовской столицы, ощущая пушком своих щек близкое табачное дыхание жениха-студента...

Хохочут девчата, пританцовывая и запевая частушки перед ряженым. Все глядят на его раздутый от натолканных тряпич фартук, на волосатые ноги в полуботинках и веселятся. Подбегают и женщины помоложе — одетые как девушки, но большинство в красных и малиновых нарядах, подобных нуле, только с открытой спиной, на которую с шеи свешивается длинная коса украшений.

Дальше идут с песней в непрерывном, как мелькание ног табуна, танце. Чуть согнутые колени. Притоптывают сапожки и сапоги. Строен и прям стан девушек, женщин, старух.

О-о-ох ты, Настька... —

голосисто начинает пожилая женщина, одетая ярко и бело девичьи. Голос ее властен, он как бы охватывает всех и объединяет. Чуть-чуть отвела она от себя опущенные локти, подобно птице, размышляющей, полететь или нет. И тут же, подняв голос, раскидывает руки:

...ты Настька-а!

И рядом метнулись в воздух дружные голоса, забирая выше избяных крыш, верхушек деревьев, летящих ласточек:

Э-е-е-ех ти-и, На-астька д
Настька, гулять хочется-а-а-а...

Колышутся, прихлопывают в ладоши руки над головами, мелькают украшенные вязаными получулками колени: чем выше песня, тем крепче и чаще взбивают подошвы пыль, топчут гусиную траву улицы. Тянется, до звона в ушах, до последнего дыхания тянется заключительное «а-а-а», и как бы слабеют силы, падают руки, перестают стучать сапожки. Переходят на простой шаг. Но тут же вновь оживает, взвинчивается песня:

Посылай-ка меня, мать,
Во чистом поле гулять,
Мелку травоньку полоть...

Миновал уже несколько изб, две волны — сначала юная, свежая и белая, а за ней красная, мощная и страстная, — накатывают на палисадник, на калитку свадебной избы. Сколько ж гостей! Кажется, вкатись они все вместе в дом — и негде им будет встать, и вслучатся стены, и разлетятся по бревнышку на соседние крыши и огороды.

Но смолкло все. Зеленым клубком катит по улице «газик», полоща по ветру лентами, соря лепестками цветов... Он дергается, замирает, показывается нога, и выходит на свет в мокшанском наряде, но с фатой вместо полушалка преображенная, неузнаваемая, сказочная Катти... Нет, вовсе не Катти, ибо невесту на свадьбе уже никто не назовет так. Назовут ее Павай, или Вежей, или Мазай — и пахнет от этих звуков забытым язычеством, от которого остался лишь аромат необъяснимых теперь причуд, и выплывает память о старине, когда боги уносили невест в жены громам и молниям, и надо было от всех прятать девушек под новыми именами... Никого не видит на свету наша Павай, захлестнутая взглядами, — идет как плывет рядом с одетым в черный костюм светловолосым и голубоглазым эрзей.

А что с вами? Сердитые на свой дар и судьбу, вы отступаете за стену гостей, поминая, как бабай, шайтана, и пропускаете момент благословения родителей, удар дружки по сковороде с хмелем и душистый листопад хмеля со склоненных голов невесты и жениха...

Мимо вас проходит и улыбается вам женщина в белом, и вы вспоминаете сразу первый вечер в клубе и беглое знакомство, и имя Люба, и эти круглые щеки, и свою странную мысль, что красавица Люба рождена улыбаться. Улыбаясь, она поднимает руки, как два крыла, и весь ее стан волчком идет в танце... Она скрылась, а на крыльцо выходит Антонина Степановна и подбочивается:

— Почему вы на улице? Нехорошо! Что с вами? — и, будто схватив вас крепкой рукой, командует: — Хотите не хотите, а... — тут она выбрасывает руки вверх, — гу-ляй-те-е, весели-

тесь! «Стаканочки, рю-мочки доведут до су-моч-ки!» Аряда, аряда куда¹, гость дорогой, хороший! — и уже в сенях добавляет: — Дайте я вас поцелую!

В избе... Впрочем, есть ли изба?! Избы нет. Разве можно назвать избой стены из человеческих лиц и тел, потолок из поднятых рук? Все, что только может мешать веселью, вынесено из жилья — диван, кровати, шкафы, комод, тумбочки, телевизор. Вы и сами приложили здесь руку. Вот только печь зимнего отопления из передней избы не могли вынести — и она еще себя покажет!

В той передней избе пламенеют нулы, табачным дымом окутываются мужики в белых, серых, клетчатых рубашках, в расстегнутых пиджаках, скромнехонько сияют молодые. Одни лишь столы и лавки стоят там. Чья-то богатырская и непритязательная рука украсила здесь застолье, живописно метнув на один стол ведро браги, на другой — великую бутылку с прозрачным, чуть мутноватым, как березовый сок, зельем. Яства — только нарезанные помидоры, огурцы, вареная свекла, немного сыру, немного колбасы, яблоки — и довольно. Не для того здесь собрались, чтобы уписывать баранью ногу или зажаренного теленка. Собрались прежде всего, чтобы спеть молодым — и поют им бабы и мужики по-мокшански, поют, вскакивая с лавок, чтобы станцевать в лад песне, а живенькая старушка с приветливым лицом и елочными украшениями на голове, пританцовывая с бутылкой в руке, на ходу наполняет стакан и по очереди подносит каждому гостю, а тот говорит «здравствуйте» и выпивает. Еще собрались для того, чтобы руки помнили не только шоферские баранки, штурвалы, косы, грабли, вилы и лопаты, а ноздри вдыхали б не один запах колосьев, смешанный с полевой пылью, а ноги шагали б не только с работы и на работу, а чувствам помнилась бы не только вчерашняя тревога из-за сломанной сеялки или сегодняшняя утренняя перебранка у колодца... С годами, чем старше, все сильнее забывается упоение юным объятием, но зато расцветает в памяти первый шепот любви, чище светятся слова, и пожилая мокшанка, сестра бабай, пристукнув каблуком сапога, взглядывает на стену, где висят фотокарточки и где снята она с мужем, сожженным в войну фрицевским огнеметом, и сама себе говорит: «Он сейчас видит, как я танцую. Пусть смотрит. Хорошо мы прожили наши двенадцать лет!» И кричит она молодым: «Горько!»

И пошло-поехало столпотворение! Чем не «ходи, хата, ходи, печь»? Танцует печка, качаясь из стороны в сторону, сыплет штукатуркой, дергается ее железная труба, продетая в заднюю избу. Все гости поют, но слышно, однако, не всех — зато голос свадебного дружки, голос парня, который понравился вам еще тогда в клубе, голос Витти умеет подняться и поднимается и

¹ Идемте, идемте в дом (мокш.).

плывает над шумом. Витти поет рядом с хозяином дома. Поет и хозяин. О чудо! — негромкий его голос не пропадает даром: живет как песня жаворонка под трубой журавля.

Якань, якань, ялганякай,
Пиже лугава,
Эх, пиже лугава..

Но растут женские голоса, перекрывают и топят их. Павай не выдержала и тоже запела, кончив целоваться с женихом. Поет, ничего не слыша, и ее бабай, сидит прямая, торжественная...

А в задней избе... в задней, где сыплются частушки-коротушки, не протолкнуться. Здесь тесно так, что это уже напоминает вам битком набитый трамвай, который несется со сверхдозволенной скоростью, гремит, подскакивает и шатается. Но как здесь хорошо от девичьих глаз и танцующих в ушах сережек под золотистыми маленькими солнцами и от лиц, поднятых вверх, ибо нельзяпеть прямо, не уткнувшись в чей-нибудь полушалок. Как хорошо, что кто-то вам улыбается. Ах, это Люба, Любушка! Она протянула к вам губы, подержала так, походила всем станом вправо-влево:

Цёра сявомак рьвакс.
Тязо уле панемо —
Указовак инголи,
Кода мяльце ваномо!

О, вы ее поняли! Вы слышали эту частушку однажды и знаете от Катти, то есть Павай, смысл ее. «Парень, возьми меня в жены...»

Пойте! И вы отвечаете, даже если:

Песни петь — хромают ноги,
Плясать — голос не дает.

Хочет Люба, подхватывает вас под руку. Смех ее пробивается, как сквозь гул реактивного... Но вот уже нет Любы. Хмельна голова. Чьи это глаза цыганенка? Тоня! Всадница! Нежные смеющиеся глаза. Тоже поет...

Теперь глотнуть воздуха! Ох, как хорошо вылететь на крыльцо! Бражный дух из дверей — как пена из пивной бочки. А вы как вылетевшая пробка! Вы стоите и дышите. Сладок мир неба, сладок мир душистого воздуха, мир пронизанного вечерующим солнцем дерева, и золотисто освещенной поленицы дров, и мычащего за селом стада, сладко веселье, рвущееся сквозь стены, приманивающее ребятню к окнам... Ах вот где Люба — веселые щеки: сидит на сваленных бревнах и кормит грудью младенца...

И опять изба... Хлебнули вы. Загляделись в лица девчат. Об-

нялись с Витти. В сбнимку пошли в пляс.. Но где Витти? Уже Антонина Степановна перед вами:

Пляши, мати,
Не жалей лапти,
Я ходил на базар,
Новы лапти заказал.

Нет, Витти здесь!.. Витти не назовешь журавлем: не худ, не вытянут, наоборот — крепок, широк, крупный нос, крупные губы. И все-таки он похож на танцующего журавля, когда тот отводит от себя концы крыльев и опускает их вниз; похож не весь — похожи руки. Он держит их кистями вниз, как поникшие перья, поднимает плечи и слегка наклоняет в танце голову... И опять Витти заслонен сразу несколькими головами пляшущих, а перед вами бабай. Да, да! Слегка отрывая от пола башмаки, бабай поет, приблизив к вам лицо, чтоб было слышно...

Полночь. Молодые исчезли в соседнем, отведенном для них доме...

Последний взрыв первого дня свадьбы — воскресная мощь голосов, жаркая живописность нарядов, истинное веселье без вспышек пьяного надрыва и раздражения, доброта голосов и лиц, царственная скудность стола, первобытная силаща праздника — все это входит в вас как лучший, может быть, день вдохновения за всю вашу жизнь.

Если у вас такой дар, если ваш удел перевоплощаться в иные судьбы, в вас много из года в год скапливается любви, но много и грусти...

Третьи сутки бурлит свадьба, перекатываясь от избы к избе, перемахивая из одного края села в другой, от одних родственников к другим. Проходят по улицам гости, пританцовывая, запевая, раскрывая объятия... Уже исподволь тревожат людей накопленные дела, хлопоты. Разъехались студенты. Уехал Витти. Опередив вас с вашим замыслом, уехали на Мокшу молодые: маленькое свадебное путешествие. Но свадьба, как свет потухшей звезды, еще продолжается и без них.

Когда молодые уезжали, был час подарков гостям. Живенькая старушка с елочными стекляшками на голове спряталась за банкою в огороде. Пожилая женщина, одетая по-девичьи, залезла на сеновал. Однорукий бригадир упал в траву и прикинулся спящим, не желая подниматься, пока его не окатили водой из ведра. А Люба — веселые щеки забралась на крышу избы и выбивала там дробью по железу.

Помощницы невесты стащили ее с крыши, Павай набросила на ее шею платок, повела в избу и одарила кружевной накидкой. Таков обычай: гостям убегать от подарков, невесте отыскивать беглецов... А вы? Вы не убегали и не прятались, вы не ве-

дали ни о каких подарках, отошли от веселья, миновав избы, огороды, телят на выпасе, проследили полет уток вдоль Сивини и сели на траву откоса, глядя, как бегают по песку противоположного берега куличок.

Здесь и нашла вас Павай...

В лице и глазах Павай был отсвет нежных бурь, задевших ее зрачки, ее припухлые веки. Было новое обаяние — обаяние отдаленно просыпающейся матери, матушки. А кожа ее губ казалась такой чуткой, что могла, наверно, вздрогнуть от ветра.

Стоит перед вами Катти, как стояла в том дивном поле, над которым плыли пропахшие сеном девственные облака. Говорит с вами. Только теперь не черенок вил в ее налитых женской страстностью руках, а белый свиток расшитой ею праздничной панары.

— Женщине, с которой вы будете в любви, — говорит она. — Конечно же, еще полюбите. Правда. В вас... что-то крепкое... и она вас полюбит тоже. Все будет как надо, а старое все пройдет. Понемножку все сложится в очень большое. Помните, мы из стожков складывали скирду?..

Не договорив, Катти наклоняет покрытую фатой голову, глядя на вас чуть снизу не только глазами — кончиком носа, бровями, бликами лба...

Вы когда-нибудь замечали, как становится виден невидимый воздух, если он дрожит и струится возле нагретых стен? Вспомните в холодную пору упоительное жаркое лето и травинку, листок, видимые сквозь расплавленное, текущее в небе стекло. Подобно прогретому прозрачному воздуху, ощутимо и зримо струится меж вами и Катти чудный, упоительный разлив сил молодости, дыхания, жизни. Что-то могучее, как притяжение земли, идет от вас к ней и возвращается от нее к вам.

На подарок невесты отвечают отдарком. Чем вы могли ей ответить? Разве только маленьким янтарным китом — сказкой, выточенной самим морем, которую с некоторых невеселых пор вы всегда брали с собой в дальние и недалгие странствия...

Уже без Катти свадьба переправилась через Сивинь в соседний поселок.

В жажде все знать и чувствовать, вы всюду тянетесь за людьми, и вы, конечно, лезете по пояс в холодную воду, переходя Сивинь вброд вслед за женщинами, поднявшими подола, и одноруким бригадиром, оставшимся ради приличия в подштанниках... Прекрасно после такого купания согреться чаркой. Прекрасно после чарки повеселиться... если есть еще в вас запал. Свадьба — тяжелая работа, и молодежь почувствовала это раньше всех: потух яркий белый свет праздника, остался только жар догорающих углей — красный цвет замужних женщин и старух. В этом жару как-то не видно и не слышно мужиков. Сидят они тих пькие, не нарядные, и словно им скучно.

Одни только женщины вдруг вспоминают про волынку, давно исчезнувшую из их обихода, и какая-нибудь старуха начинает выводить голосом: «Ти-и, ти-ли-ти, ти-ли, ти-ти...» — и взрывается бабий топот в избе, и берут друг друга за руку, и кружатся, а когда выдыхается «волынка», кричат: «Гармонист устал!» И наслаждение для вас смотреть на топающих старух, на комично сонных добродушных мужиков.

— Мокша — племя женское! — шутите вы, говоря комплимент Антонине Степановне, и кружитесь под руку с ней на прощанье.

Поклон этой избе, поклон рассыпанным за рекой избам Старой Теризморги! Не будничное «до свидания», не небрежное «пока», не шутовское «оревуар». Поклон... Вы прощаетесь, вы уезжаете, и райкомовский «газик» из райцентра Старое Шайгово ожидает вас у крыльца, чтобы везти в другой район, к главной мокшанской реке.

— Вот и пора мне, — говорите вы Каттиной матери.

Антонина Степановна медлит. Внезапным рывком она садится на лавку, и лавка трещит, дымится, прогибается, будто опустилось на нее разом несколько баб. Она проводит рукой по грустному лицу.

— Я не буду находить себе места, — говорит она со спокойным достоинством и силой. — Все буду чего-то искать, вроде чего потеряла, так привыкла. И когда?! А? — Она ласково толкает вас в грудь, и вы чуть не отлетаете от нее. — И куда вы спешите? Едете догонять молодых? Не догоните!

Этот самый крупный в Советском Союзе народ из финно-угорской языковой семьи (по данным переписи 1970 года — 1263 тыс. человек) — делится на две группы: мордву-эрзю и мордву-мокшу, каждая из них до настоящего времени сохраняет свое самоназвание (эрзя и мокша), особенности языка, материальной культуры, народного творчества.

Первоначальная историческая область, где проходило формирование древних мордовских племен, в том числе эрзи и мокши, охватывала правобережье среднего и нижнего течения реки Оки, районы Цны и Мокши. Археологическое изучение древних мордовских поселений и могильников позволило исследователям утверждать, что корни культуры этого народа восходят еще к бронзовому веку племен Среднего Поволжья, а это значит, что мордовские племена (некоторые археологи в более позднее время отмечают существование нескольких групп мордовских племен) и являются автохтонными (коренными) в крае. Особенно заметна связь мордвы с культурой местных городецких племен (VII в. до н. э.) проступающая в типах традиционного жилища, в технике изготовления гончарной посуды, орудиях труда. Племена городецкой культуры, жившие на правобережье Среднего Поволжья, занимались скотоводством, земледелием, охотой на пушного зверя. На севере и востоке (в частности, на левобережье Волги, которую эрзя называли Равляй, то есть «река Рав») проживали родственные им по куль-

туре и языку племени пьяноборской культуры¹ — предки современных удмуртов и марийцев, с которыми предки мордвы находились в тесных культурных сношениях. На юге племени городецкой культуры граничили со степью и лесостепью, с обширным миром кочевых и полукочевых ираноязычных племен, в частности с сарматами Поволжья.

Видимо, к этому периоду экономических, культурных и военных контактов с ираноязычными кочевниками² и восходит имя городецких племен — «мордва» (как и имена соседних северных народов: меря, мурома, мари, удмуртов, коми и др.).

Мокша и эрзя — эти две равноценные и близкородственные части древнего мордовского народа (эрзянский и мокшанский языки, отмечают филологи, «так же близки между собой, как, например, языки русский, украинский и белорусский») — с давних пор осознают себя как один народ, чему еще в древности способствовали торговые связи между ними, общее происхождение, общий тип хозяйства, родственные языки, духовная культура, территориальная близость. Однако нашествия кочевников (особенно монголо-татарское нашествие) и последующие территориальные расчленения и переселения, уход на новые земли из-под власти золотоордынских ханов, русских феодалов, царских помещиков-крепостников — все это долгое время мешало закономерному историческому процессу слияния эрзи и мокши в единый народ, хотя обе эти группы уже в дореволюционный период одинаково причисляли себя к мордве. Лишь после Великой Октябрьской социалистической революции началось национальное строительство и становление мордовской государственности, которое прошло через несколько этапов.

Так, на первом этапе в стране были созданы национальные административно-территориальные единицы в бывших губерниях и волостях, где проживали эрзя и мокша. Затем был создан в 1928 году Мордовский национальный округ, вошедший в состав Средневолжского края, — в округ были включены районы с мордовским населением из бывших Пензенской, Ульяновской и Тамбовской губерний. Как свидетельствуют документы, в этот период наблюдается укрепление национального самосознания мордовского народа, его активность в экономической, политической и культурной жизни страны. 10 января 1930 года Мордовский округ был преобразован в Мордовскую автономную область, и наконец 22 декабря 1934 года была образована Мордовская Автономная Советская Социалистическая Республика в составе РСФСР с центром в городе Саранске. Это еще больше способствовало развитию экономики и культуры мордовского народа, развитию его двух литературных языков, созданных на базе эрзянского и мокшанского диалектов, восходящих к единому мордовскому языку-основе. Если до ре-

¹ Подлинные имена (самоназвания) всех этих племен неизвестны ученым, поэтому они вошли в науку под условными наименованиями, данными им археологами по месту обнаружения первого памятника той или иной археологической культуры. Так, городецкая культура была названа по имени Городецкого городища, первого изученного памятника предков мордовского и других народов Поволжья. Пьяноборская — по первому могильнику, открытому у села Пьяный Бор Елабужского района Татарской АССР.

² Как свидетельствуют археологические раскопки, сарматы находились во враждебных отношениях со своими северными соседями и не раз вторгались в их землю.

волюции мордовский народ не имел своей письменности, своей национальной литературы¹ (за исключением напечатанных русскими буквами переводов на мордовский язык нескольких книг — библии, евангелия, апостольских деяний), то теперь мокшанский и эрзянский языки являются литературными языками и на них издаются книги, газеты, журналы, ведется обучение в национальных школах. Уже к концу 1939 года Мордовия, в прошлом неграмотная (накануне революции в Мордовии насчитывалось всего лишь 3—4 процента умеющих читать и писать), стала республикой сплошной грамотности.

До Великой Октябрьской социалистической революции на территории Мордовки не было ни одного высшего и среднего специального учебного заведения, все имеющиеся в республике училища, техникумы и институты были созданы в годы Советской власти, а первое высшее учебное заведение было открыто еще в 1931 году — Мордовский государственный педагогический институт, подготовивший первые национальные кадры педагогов республики. В 1957 году он стал основой Мордовского государственного университета, при этом было открыто пять факультетов: сельскохозяйственный, физико-математический, химико-биологический, инженерно-технический и историко-филологический (с отделением мордовского языка и литературы); затем в 1962 году открылись еще два факультета — зоотехнический, инженеров промышленного и гражданского строительства. В то же время в Саранске был открыт новый Мордовский государственный педагогический институт. В республике продолжает исследования созданный еще в 1932 году Научно-исследовательский институт мордовской культуры, сейчас это Институт языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Мордовской АССР. В республике имеются и другие научно-исследовательские центры: сельскохозяйственная опытная станция, институт источников света и др. Развитие древнего и талантливого мордовского народа продолжается...

*Кандидат исторических наук
Г. Еремин*

¹ Правда, из учебной литературы были изданы «Первоначальный учебник русского языка для мордвы-мокши» (Казань, 1894) и подобный же для мордвы-эрзи (1897). В 1866 году на территории Пензенской губернии было всего лишь шесть мордовских школ, единственных в стране; преподавание в них вели священники на русском языке.

БЕЗРАССУДНАЯ ЗАТЕЯ ПРОФЕССОРА ЛЭНГЛИ

Жителям американской столицы хорошо знакомо это расположенное близ бульвара Молл темно-красное здание, напоминающее своими башнями, нишами и решетчатыми окнами не то готический собор, не то старинный норманский замок. Это центральное здание Смитсонианского института. Построенное в 1846 году, оно постепенно обросло все новыми и новыми корпусами и стало со временем центром огромного комплекса музеев, принадлежащих этому старейшему и знаменитейшему научному учреждению Америки.

Разнообразны и несопоставимы те 50 миллионов экспонатов, которые хранятся в залах и запасниках этих музеев. Здесь и стол, на котором Томас Джефферсон написал Декларацию независимости, и богатейшие коллекции растений и животных, которые изучал сам Дарвин, работая над эволюционной теорией. Здесь и высокий цилиндр, в котором президент Линкольн отправился в театр навстречу своему убийце, и гигантский макет голубого кита в натуральную величину. Здесь и шедевры мастеров мировой живописи, и бесценные реликвии американской техники: электромагниты Генри, телефон Белла, фонограф Эдисона. Здесь и уникальное одиннадцатитонное чучело слона, и навечно застывшие на бетонных постаментах старинные паровозы и первые автомобили Америки.

Но истинной жемчужиной смитсониан-

ских коллекций по праву считается отдел американской авиации и его два самых ценных экспоната — первый аэроплан братьев Райт и последний «аэродром» профессора Лэнгли. Теперь, спустя десятилетия, они висят по соседству: летательный аппарат, принесший мировую славу неизвестным велосипедным механикам, и машина, погубившая мировую репутацию одного из самых выдающихся ученых Америки...

ЛУЧШИЙ ИЗОБРЕТАТЕЛЬ СРЕДИ УЧЕНЫХ

Каждый согласится, что не такое уж большое достоинство быть, к примеру, лучшим музыкантом среди медиков и лучшим медиком среди музыкантов. Но иногда человек бывает наделен такими способностями и овладевает такими профессиями, что в применении к нему это правило утрачивает обидный оттенок и начинает звучать настоящим комплиментом. Яркий тому пример — Сэмюэль Пирпонт Лэнгли — лучший изобретатель среди ученых и лучший ученый среди изобретателей. Именно своему изобретательскому дару обязан он самыми блестящими научными открытиями. Но и многие его выдающиеся изобретения было бы невозможно сделать без основательной научной подготовки. Хитроумнейшие, тончайшие приборы, изобретенные и изготовленные им самим, принесли ему признание и репутацию выдающегося астронома. Осторожность, последовательность и скрупулезность настоящего ученого составили славу Лэнгли в области практической авиации. Лэнгли-ученый неотделим от Лэнгли-изобретателя, но в конечном итоге ученый в нем всегда брал верх.

Это преобладание впервые проявилось в 1864 году, когда тридцатилетний преуспевающий архитектор и инженер-строитель из Чикаго вдруг оставил процветающий бизнес и предпочел ему скромные доходы профессионального астронома. Проведя год в лучших обсерваториях и научных центрах Европы, он возвращается домой и получает место ассистента в Гарвардской обсерватории. Спустя два года он профессор Военно-морской академии в Аннаполисе, а еще через год — профессор Питтсбургского университета и директор обсерватории в Эллегени.

Именно здесь окончательно складываются научные интересы Лэнгли. Его мало волнует традиционная астрономия, изучающая движения Солнца, планет и звезд на небосклоне. Его удручает работа по составлению небывало точных таблиц движения небесных тел, которой его коллега знаменитый Ньюком занимается в течение нескольких десятилетий. Лэнгли интересуется не столько древней астрономией, сколько рождающейся на его глазах астрофизикой — наукой, изучающей строение и состав небесных тел. Правда, обсерваторию Питтсбургского университета никто не решился бы назвать подходящим местом для та-

ких исследований: Кроме старого телескопа, здесь не было ничего: ни оборудования, ни материалов, ни приборов. А главное, не было денег...

Вот когда впервые Лэнгли-ученому понадобились таланты Лэнгли-изобретателя и деловая хватка Лэнгли-предпринимателя. Он первый понял, что главная причина опозданий поездов и бесчисленных недоразумений на железных дорогах, разбегающихся из Питтсбурга во все стороны, — это неточность хода часов на разных станциях. Поэтому он быстро разработал систему автоматической проверки времени и тут же заключил с Пенсильванской железной дорогой контракт, по которому обсерватория дважды в сутки давала сигнал точного времени на все станции. Так, ухитрившись впервые найти патентабельное применение звездному небу, Лэнгли-изобретатель дал возможность Лэнгли-ученому проводить свои исследования.

К этому времени окончательно сложились привычки, научные приемы и методы работы Лэнгли. Закоренелый холостяк, он с головой ушел в исследования, скрывая за широкой улыбкой, добродушием и остроумием застенчивость, вспыльчивость и нетерпимость напряженно работающего человека. Американской публике тех лет была хорошо знакома его крупная плотная фигура, белый полотняный костюм и шляпа-канотье. А его скрупулезность в работе и точность наблюдений вошли в поговорку у коллег: «Если можно ожидать потерю булавки во время затмения, наблюдатель должен репетировать замену утерянной булавки»

С тех пор как древние астрономы обнаружили темные пятна на поверхности Солнца, это явление неизменно привлекало к себе внимание все новых исследователей. К тому времени, когда Лэнгли решил заняться этой проблемой, в числе своих предшественников он мог найти прежде всего великого Галилея, установившего, что пятна изменяются в размерах и стремительно перемещаются по поверхности Солнца. Галилей даже зарисовал их, но не смог дать никакого объяснения. Каких только догадок не строили на этот счет последователи Галилея! Некоторые считали пятна твердыми непрозрачными телами, вращающимися вокруг Солнца вблизи его поверхности. Другие видели в них гигантские клубы дыма, выбрасываемые солнечными вулканами. Третьи утверждали, что это облака солнечной атмосферы. Даже такой крупный астроном, как Гершель, верил, что пятна — участки холодного, непрозрачного солнца, проглядывающего сквозь разрывы в раскаленной солнечной атмосфере.

Исследования Лэнгли показали, что поверхность Солнца зерниста. Она состоит из блестящих зернышек, как будто рассыпанных по менее яркой поверхности. Эти зернышки, по словам ученого, «производят такое же впечатление, как снежинки, беспорядочно разбросанные по сероватой ткани». Эти «сне-

жинки» были видны особенно хорошо на краях солнечных пятен, изучая которые Лэнгли установил, что сами зернышки состоят из еще более мелких светящихся точек. По оценке ученого, эти точки составляют не более одной пятой всей поверхности Солнца, но зато на их долю приходится более трех четвертей излучаемой энергии. Решив уточнить эти цифры, Лэнгли от изучения солнечных пятен перешел к исследованию распределения тепла в спектре солнечного излучения.

Если раньше главным препятствием, мешавшим Лэнгли начать изучение солнечных пятен, было отсутствие денег, то теперь главным препятствием стало отсутствие надежного измерительного прибора. И снова на помощь Лэнгли-ученому приходит Лэнгли-изобретатель. В 1878 году, занявшись поисками «чего-нибудь более чувствительного, чем термопара», он изобрел свой знаменитый болометр — прибор, позволивший измерять перепады температуры в одну миллионную долю градуса! Коллеги были особенно поражены, когда Лэнгли с помощью болометра обнаруживал тепловое излучение коровы, пасущейся в полукилометре от обсерватории.

Имея в своем распоряжении такой прибор, Лэнгли мог приступить к осуществлению великой программы. «Если измерение количества тепла, посылаемых Солнцем на Землю, одна из самых трудных задач астрономической физики, то она также по праву может считаться фундаментальной проблемой метеорологии». Профессор мечтал о точной системе предсказания погоды и видел главную причину всех атмосферных явлений в тепловом излучении Солнца. Болометр должен был помочь ему установить количество тепла и состав излучения. Затем он намеревался выяснить, как влияет на прохождение лучей состав атмосферы, какая часть достигает почвы, как перераспределяет атмосфера температуру на поверхности планеты, как переизлучается и снова уходит в атмосферу Земли солнечное тепло.

Как раз в разгар этих исследований Лэнгли застало предложение возглавить Смитсоновский институт...

ТРЕТИЙ СЕКРЕТАРЬ СМИТСОНИАНСКОГО ИНСТИТУТА

«Я, Джеймс Смитсон, завещаю все свое имущество Соединенным Штатам Америки с тем, чтобы на эти средства в городе Вашингтоне под названием Смитсоновского института было основано учреждение, призванное расширять и распространять знания среди людей».

Никто не знает, что побудило английского аристократа пожертвовать свое полумиллионное состояние Америке — стране, которой он никогда не видел и которая поначалу просто не знала, что делать с этим щедрым даром. Десять лет вокруг лаконичного завещания кипели ожесточенные споры, пока наконец

выведенный из терпения конгресс не учредил института, который должен был вести собственные научные исследования, снаряжать научные экспедиции, собирать научные коллекции и книги и информировать всех желающих о состоянии той или иной отрасли науки и техники.

Первым секретарем вновь созданного института попечительский совет назначил Джозефа Генри, быть может самого крупного американского физика и электротехника первой половины прошлого века. После смерти Генри, возглавлявшего институт в течение 32 лет, его пост занял зоолог Бэрд. Третьим секретарем суждено было стать Сэмюэлю Пирпунту Лэнгли. Каждый секретарь привносил частицу собственных увлечений в направление деятельности Смитсоновского института. Генри придавал ей электротехническую окраску, Бэрд — зоологическую. Судя по всему, Лэнгли должен был дать толчок в сторону астрономии. И хотя он действительно принял самое деятельное участие в создании астрономической обсерватории, наибольшую славу Смитсоновскому институту и наиболее тяжкие удары репутации самого Лэнгли принесла совершенно иная область исследований.

Когда в 1886 году на очередном заседании «Американской ассоциации поощрения наук» в Буффало внимание Лэнгли привлек доклад о полете птиц, он едва ли мог догадываться, что этот внезапно пробудившийся интерес впоследствии станет главной причиной его личной трагедии и ускорит его смерть. Доклад воскресил в его памяти далекое детство, когда он, лежа на земле, подолгу следил, как, почти неподвижно распластав крылья, часами парили в небе ястребы. «Как может плавать в атмосфере птица, сотни раз более тяжелая, чем воздух? — размышлял он. — Почему только при взлете она машет крыльями? Наконец, что за таинственная сила не дает ей камнем рухнуть на землю?» По мере того как поезд уносил Лэнгли все дальше и дальше от Буффало, в его голове начала складываться обширная программа экспериментов, которые должны были ответить на эти вопросы.

Конечно, Лэнгли не первый заинтересовался полетом птиц. Роджер Бэкон, Леонардо да Винчи, Чарльз Дарвин — вот лишь самые знаменитые из его многочисленных предшественников. Но в отличие от них Лэнгли был истинным сыном XIX века, устами лорда Кельвина провозгласившего свой девиз: «Если вы можете измерить то, о чем говорите, и выразить результат в цифрах, вы понимаете предмет». А в 1886 году не так уж много цифр можно было найти в трудах о полете птиц.

Вскоре после возвращения Лэнгли из Буффало перед обсерваторией Питтсбургского университета в Эллегени появилась необычная карусель. Состоящая из нескольких выдвинных десятиметровых брусьев, она приводилась в действие мощной паровой машиной. И когда брусья выдвигались на полную длину,

небольшая бронзовая пластина мчалась в трех метрах от поверхности земли со скоростью 110 километров в час! Автоматический самописец регистрировал сопротивление, подъемную силу и другие аэродинамические характеристики. И уже первые опыты показали Лэнгли, как много плодов ленивой доверчивости содержалось в тогдашних учебниках.

Едва ли не каждый эксперимент приносил новые, неожиданные закономерности. В ряде случаев, вопреки мнению Ньютона, оказалось, например, что чем быстрее движется пластинка, тем меньшая мощность нужна для поддержания ее в воздухе — зависимость, получившая позднее название «закона Лэнгли». Не считаясь с утверждениями авторов учебников, в опытах Лэнгли изогнутые пластинки дали большую подъемную силу, чем плоские. А воздушные потоки оказались не равномерно движущимися массами воздуха, а сериями следующих друг за другом вихрей разной интенсивности и амплитуды.

Переезд в Вашингтон в Смитсонианский институт прервал эти опыты. Но аэродинамика уже властно захватила все внимание Лэнгли. «В прошлом механический полет изучался методами, столь далекими от научных, что длинный ряд неудач считался отличным практическим подтверждением несбыточности подобных надежд и что ни один человек, получивший научное образование, не решался поддержать эту идею», — с изумлением писал он в 1891 году. С изумлением, ибо его собственные — и, в сущности, не очень сложные — эксперименты неизменно приводили к противоположному выводу: «Можно построить двигатели, которые сообщат наклонным поверхностям такую скорость, что они смогут оторваться от земли, двигаться в воздухе с большой скоростью и нести не только собственный вес, но и дополнительный груз».

Сейчас этот вывод кажется нам самоочевидным. Но надо представить себе, перед каким искушением стоял тогда Лэнгли, получивший неопровержимое доказательство того, что в те времена большинству казалось неосуществимым в принципе. И это большинство отнюдь не состояло сплошь из невежественных людей. Во главе его мы видим патриарха британской науки Лорда Кельвина: «Я не имею ни малейшей веры в возможность полетов в воздухе, кроме полетов на воздушных шарах, конечно, и не ожидаю успеха от попыток, о которых мы время от времени слышим». А друг и коллега Лэнгли астроном Ньюком шел еще дальше: «Никакие вероятные сочетания известных типов машин и известных форм энергии не могут быть воплощены в аппарате, практически пригодном для длительного полета человека в воздухе».

Располагая достоверными научными данными, убедительно опровергающими пессимистические высказывания его прославленных коллег, Лэнгли не удержался от соблазна показать им, что они не правы. Изобретатель взял в нем верх над ученым,

и он принялся за постройку летающих моделей. Это решение вовлекло его в работу конструктора, работу изнурительную и кропотливую, но зато доставляющую человеку высшую радость творческого успеха...

В полдень 6 мая 1896 года сильный резкий ветер, с утра дующий над Потомаком, вдруг стих. А ровно в 1 час 10 минут пополудни на крыше дебаркадера, заякоренного в заливчике близ Квонтико, резко лязгнули пружины, и громоздкая, необычной формы машина метнулась в воздух. Все произошло мгновенно. Зацепившись за что-то проволочной расчалкой, она резко клюнула носом и беспорядочно рухнула в рыжие воды Потомака. Пока ее вылавливали и вытаскивали на дебаркадер, на катапульту установили второй аппарат.

В 3 часа 50 минут снова ахнула катапульта, и аппарат, выстреленный в воздух, слегка просел, сойдя с направляющей планки, а потом, подхваченный легким порывом ветра, начал плавно набирать высоту, постепенно разворачиваясь вправо. Шурша двумя пропеллерами, он сделал одну широкую петлю, потом вторую, непрерывно поднимаясь вверх. В конце второй петли пропеллеры остановились, причудливая гигантская стрелка с высоты 30 метров скользнула вниз и, не завершив третью петлю, плавно вошла в воду.

Осанистый, высокий, седой человек, во время полета впившийся в громоздкий фотоаппарат на треноге, распрямился и, радостно улыбаясь, захлопал в ладоши. И эти одинокие аплодисменты Александра Белла, знаменитого изобретателя телефона, для профессора Лэнгли прозвучали победными фанфарами.

В этот день, 6 мая 1896 года, десятилетние труды профессора были вознаграждены полутораминутным полетом его знаменитого «аэродрома № 5», полетом, блестяще подтвердившим теории Лэнгли. (Лэнгли называл свои летательные аппараты «аэродромами» — воздухоходами, показав себя более тонким знатоком греческого языка, чем те, кто называл аэродромом летное поле.) 1896 год можно считать годом высшего взлета славы Лэнгли и возглавляемого им Смитсоnianского института. Вся мировая пресса опубликовала отчеты об этой 11-килограммовой модели с паровым двигателем в 1,5 лошадиной силы, которая пролетала километр со скоростью 35—40 километров в час. У всех на устах была фраза из телеграммы Александра Белла президенту Французской академии наук: «Все без исключения свидетели полетов машины Лэнгли прониклись убеждением, что возможность полетов в воздухе с помощью чисто механических средств, без подъемных газов, доказана теперь бесповоротно».

Сам Лэнгли считал свою миссию выполненной. Ведь он не ставил себе целью построить аппарат, способный поднять в воздух человека. Нет, он хотел ограничиться ролью ученого, стремящегося не построить, но понять. «Я довел до конца ту часть работы, которая как будто специально для меня предназ-

началась, — показал осуществимость механического полета. Чтобы сделать следующий шаг — практически и коммерчески разработать эту идею, — человечеству следует искать других людей...» Но яд успеха уже проник в его кровь. Попытка остановиться на полпути не удалась. Он дал уговорить себя и сам устремился навстречу катастрофе.

«МОЯ УВЕРЕННОСТЬ В УСПЕХЕ БУДУЩИХ ИСПЫТАНИИ НЕ ПОКОЛЕБЛЕНА»

Когда осенью 1901 года один молодой журналист приехал в Беддек к знаменитому изобретателю телефона А. Беллу, ему был оказан необычный прием. Хозяин дома стоял на портале над входной дверью. Вот он быстро разжимает пальцы, и кошка, которую он держал за лапы вниз головой, стремительно переворачивается и падает на все четыре ноги. Тут журналист увидел второго не менее пожилого и солидного джентльмена, который сразу же подхватил зверька и, снова подавая его наверх Беллу, произнес: «Попробуем еще раз». И только тогда озадаченный было журналист понял, что присутствует на эксперименте, проводимом Беллом и Лэнгли.

Позднее за обедом Белл объяснял журналисту, что опыты с кошкой, как и его опыты с воздушными змеями, должны приблизить эру авиации, что воздухоплавание — воздушные шары и дирижабли — бесперспективно, что единственная надежда — это аппараты тяжелее воздуха. Потом, повернувшись к молчавшему Лэнгли, но продолжая глядеть на журналиста, он произнес: «Ни вы, ни я, профессор, не доживем до того времени, когда летательные аппараты смогут перевозить по воздуху тысячи фунтов груза. Но этот молодой человек увидит такие аппараты своими глазами».

По странной иронии судьбы журналисту, не сделавшему для авиации ничего, довелось увидеть гораздо больше, чем мог себе представить Белл. Сам Белл, сделавший для авиации кое-что, дожил до 1922 года и увидел осуществленными многие свои пророчества. Лэнгли, сделавший тогда для авиации больше, чем кто-либо, не увидел практически ничего: до катастрофического провала всех его надежд оставалось всего два года. Впрочем, он едва ли догадывался об этом. Работа над «аэродромом», способным поднять в воздух человека, шла полным ходом. Она началась в 1898 году, когда к голосам друзей, убеждавших Лэнгли самому взяться за постройку настоящего самолета, присоединился мощный голос военного министерства. Морские и армейские офицеры чуяли, что не сегодня-завтра разразится война с Испанией, и были обеспокоены этой перспективой. «Испанские крепостные стены, может быть, и разваливаются, но для наших крепостей еще даже не добыты камни», —

заметил один из них. Вот почему военное министерство с радостью ухватилось за эксперименты Лэнгли и тут же заказало ему самолет для воздушной разведки, выделив на эту работу 50 тысяч долларов. Еще 20 тысяч дал Смитсоннианский институт. И Лэнгли не устоял.

Он сразу же начал проектировать аппарат для одного человека, стараясь не думать о том, где он достанет двигатель для него. Он знал, что мотор должен развивать не меньше 1 лошадиной силы на 4,5 килограмма веса. Но лучшие фирмы Америки заявили, что они не могут выполнить такой заказ. Тогда Лэнгли срочно отправил своего помощника — профессора Корнельского университета Чарльза Мэнли в Европу к крупнейшему специалисту по бензиновым моторам французу Де Диону. Тот принял Мэнли весьма любезно и снисходительно объяснил, что мотор в 12 лошадиных сил и весом в 45 килограммов создать невозможно. Почему? Да потому, что если кто-нибудь может построить такой двигатель, то его может построить и Де Дион. А поскольку Де Дион его построить не может, значит, его не может построить никто. После этого Мэнли не оставалось ничего другого, как вернуться домой и построить этот мотор самому...

Место и значение Чарльза Мэнли в истории авиации до сих пор не оценено по достоинству. И это тем более удивительно, что он не только спроектировал двигатель в 52 лошадиные силы и весом 57 килограммов, но и собственными руками изготовил все его детали, включая свечи, систему зажигания и карбюратор. Поставленный в 1902 году на испытание, этот двигатель без всяких неполадок отработал на полной мощности 10 часов.

Одновременно Лэнгли и Мэнли строили модель нового аппарата, на которой решено было получить данные для балансировки натурной машины. Испытания этой модели 8 августа 1903 года оказались последним триумфом в жизни Лэнгли. «Перед нами стремительно, плавно, без трепета крыльев и без всякого усилия пронесся новый странный обитатель воздушной стихии. Похожий на огромного белого мотылька, он выглядел как порождение иного мира, будучи исполнен странной непривычной красоты. По мере того как он приближался к нам, он все больше и больше походил на живое существо. Был момент, когда мы думали, что он врежется в борт буксира. Но он как будто заметил опасность, быстро, но не резко, словно у него был мозг и способность к самоуправлению, убавил скорость и плавно отвернул в сторону. У самой поверхности воды он попытался прибавить скорость и взлететь вверх, но волны уже захлестнули его крылья и пропеллеры, и вот бедное, поруганное творение скрылось под водой. Но воспоминание о его красоте, мощи, кажущейся разумности и одушевленности навсегда сохранится в памяти тех, кто видел этот полет...»

Через два месяца над дебаркадером возвышался «аэрод-

ром», пилотируемый человеком. Его огромные 15-метровые крылья распластались на высоте около 6 метров над водами Потомака. 7 октября 1903 года пробил час решительного испытания. Настоящим героем этих драматических полетов оказался не столько Лэнгли, сколько Мэнли, любезно предложивший себя на роль летчика-испытателя. В 12 часов 20 минут он запустил на полную мощность двигатель, придирчиво осмотрел в последний раз аппарат, занял пилотское место и дал сигнал освободить курки катапульты.

С быстротой молнии машина метнулась вперед, за три секунды набрала скорость в 10 километров в секунду и достигла края 20-метровой катапульты. Затем последовал чудовищный удар, и Мэнли почувствовал, что машина, выброшенная в воздух, стремительно заваливается носом вниз. Он судорожно рванул управление, стараясь опустить хвост машины и выровнять ее. Но, не успев еще осознать, что аппарат не слушается управления, он ощутил оглушительный удар о воду. Мэнли увидел, как смялись от этого удара передние крылья, и почувствовал, что вместе с аппаратом уходит под воду. Ухватившись за расчалки над головой, он выдрал свое тело из тесного пилотского пространства и, освободившись от машины, рванулся на поверхность. Вынырнув, он увидел выступающий из-под воды корпус «аэродрома» и, взобравшись на него, дождался спасательной лодки.

Атаковавшим его журналистам он сначала отказался отвечать, но, когда они пригрозили ему, что опубликуют свои собственные соображения о причинах неудачи, он сделал короткое заявление: «Моя уверенность в успехе будущих испытаний не поколеблена».

Лэнгли не присутствовал на этом испытании. Обсудив с Мэнли обстоятельства аварии, он пришел к выводу, что главная причина — неисправность катапульты. Именно это объяснение он привел в своем заявлении для прессы, которое заканчивалось словами: «Неизвестно еще, можно ли будет продолжить дальнейшие эксперименты в нынешнем году». Однако положение компаньонов было критическим. Давно кончилась испано-американская война, давно кончились деньги военного ведомства, подходили к концу деньги, отпущенные Смитсоновским институтом. Решительный успех был нужен, как воздух. И Лэнгли совершил последний шаг навстречу катастрофе: он принял решение рискнуть. Рискнуть, несмотря на разрушения, причиненные аппарату последним испытанием, несмотря на зимнюю непогоду, на льдины, плывущие по Потомаку...

«В полдень 8 декабря 1903 года стало ясно, что решающий момент близок... Мистер Мэнли в легких брюках, парусиновых туфлях и пробковом поясе, с автомобильными очками на лбу втиснулся в место для пилота. Два буксира с бригадами Смитсоновского института остановились в некотором отдалении от дебаркадера. Мэнли запустил двигатель. Потом он кивнул по-

мощнику, и тот выпустил ракету, чтобы фотографии на вирджинском берегу были наготове.

В нескольких ярдах от дебаркадера расположились лодки с репортерами, которые около трех месяцев дожидались этого часа в Вайдвотере. Газетчики замахали руками. Мэнли глянул вниз и улыбнулся. Затем лицо его посуровело, он приготовился к полету, который таил для него славу или смерть. Пропеллеры вращались со скоростью 1000 оборотов в минуту. Помощник выпустил еще две ракеты. В ответ донеслись гудки с буксиров. Механик наклонился и перерезал трос, удерживающий катапульту. Раздался резкий, звенящий рев, самолет Лэнгли мелькнул над краем платформы и исчез в реке. Он просто плюхнулся в воду, как пестик от ступки...»

Никто так и не понял толком, что произошло. Мэнли услышал удар и тут же ощутил, что нос машины резко задирается вверх. Докрутив маховик до упора, он понял, что управление не работает, и почувствовал: машина стала вертикально и начала заваливаться на спину. Вывернувшись на руках, он повис на расчалках, и, когда опрокинувшаяся машина рухнула в воду, он погрузился ногами вниз. Мэнли сделал попытку вынырнуть и с ужасом обнаружил, что пробковый пояс за что-то зацепился. Отчаянным усилием он разорвал его надвое, поднырнул под каркас самолета и устремился вверх. Но его злоключения еще не кончились. Он ударился головой о льдину, и ему пришлось снова плыть под водой, прежде чем он смог вынырнуть на поверхность.

На этот раз «аэродром» пострадал основательно. Хвост оторвался, задние крылья превратились в хаотическое нагромождение парусины, проволоки, деревянных реек.

Ни Лэнгли, ни Мэнли не сомневались: все кончено...

«ОПУБЛИКУИТЕ ЭТО!»

Америка не дала своему кумиру ни секунды передышки. Первой откликнулась на катастрофу газета «Вашингтон пост»: «Эксперимент завершился полной и безусловной неудачей. Хитроумная конструкция крыльев смялась, как только они восприняли вес аппарата. Оказалось, что летающая машина, над которой субсидируемые государством ученые трудились десять лет, не может летать так же, как и пол танцевального зала. Некогда изящный, выглядевший как произведение искусства аппарат теперь не более чем груда обломков, красная цена которой — один доллар. Перед лицом столь очевидного краха создатели машины не в состоянии дать сколь-нибудь связного объяснения. Они могут лишь всплескивать руками».

В ответ на первые нападки Лэнгли имел неосторожность заметить, что публику нельзя считать компетентным судьей в

этом деле. Разве не публика в свое время осмеяла паром и паровоз? Разве не публика противилась распространению газового и электрического освещения? И кто знает, не придется ли ей потом краснеть за свои насмешки над первым летательным аппаратом? «Я убежден, что причина аварии не в самой машине, а в несовершенстве катапульты, хотя и не могу указать, чем именно вызвано разрушение аппарата».

Эти заявления лишь подлили масла в огонь. Ярость прессы обрушилась на Лэнгли. Имя человека, менее, чем кто-либо, подходившего на роль посмешища, замелькало в газетных фельетонах, в юмористических обзорах, в водевилях. Пожалуй, никогда ни одна нация не выражала столь бурно, как американцы 1904 года, своего глубокого удовлетворения тем, что дерзкая попытка взлететь не удалась, что человечеству вообще не дано летать и что оно навсегда приковано к поверхности земли.

«Если даже когда-нибудь появится надежная катапульта, придется испытывать сам летательный аппарат, практичность которого нуждается в проверке. Здесь появляется еще одна, быть может, более важная и трудная проблема, чем взлет. Одно дело взлететь с крыши строения, поддерживать полет аппарата в воздухе и добиться его плавного снижения, и совершенно иное — суметь без удара посадить его на землю. Один каменщик-ирландец утверждал, что его ребра сломались не тогда, когда он сорвался с лесов, а тогда, когда он упал на землю», — писала «Вашингтон стар».

Ей вторила «Вашингтон пост»: «Не будет преувеличением утверждать, что летательный аппарат Лэнгли блестяще подтвердил то, что говорили его критики. Он пролетел ровно столько, на сколько хватило сообразного ему при старте импульса, и ни на волос дальше. Когда же импульс иссяк, он рухнул в воду так же стремительно, как и кусок кирпича. Любой пятнадцатилетний мальчишка забрасывает снежок гораздо дальше, не требуя для этого ни многомесячных дорогих приготовлений, ни антуража в виде паромов, обслуживающего персонала и свиты».

Газета «Бостон глоб» решила, не тратя попусту слов, убить Лэнгли иронией: «Вероятно, если бы аппарат профессора Лэнгли запускали сверху ногами, то он как раз и взлетел бы в воздух, вместо того чтобы рухнуть в воду». Наконец, внес свою лепту в травлю Лэнгли и Мэнли Амброс Борс, один из классиков американской литературы: «Я не знаю, насколько аппарат профессора Лэнгли больше, чем его летающая модель. Думаю, он достаточно велик, чтобы летать в атмосфере, более плотной, нежели мозг одного ученого, и не менее плотной, чем мозг двух».

Ажиотаж в прессе не мог пройти бесследно. И Лэнгли не был особенно удивлен выступлением сенатора от Индианы Ро-

бертсона 24 января 1904 года. С высокой трибуны конгресса сенатор произнес гневную речь: «Здесь сто тысяч долларов народных денег выбрасывают на химерические идеи воздушного летания только потому, что некоторые люди — к примеру, профессор, одержимый своими бреднями, — ухитряются поразить воображение военных и убедить, что их идеи могут найти практическое применение». После этого военное министерство поспешило закрыть финансирование всех работ, и Лэнгли остался в одиночестве.

Как ученый он ни на секунду не усомнился в том, что аппараты тяжелее воздуха смогут и будут летать. Но как человек он был уязвлен, унижен, оплеван. Холодная сдержанность, самообладание и гордость позволили Лэнгли скрыть охватившее его отчаяние. Он нашел в себе силы спокойно перенести бурю нападков и достойно вернуться к своим исследованиям по солнечной радиации. И лишь за несколько часов до смерти выяснилось, какую глубокую незаживающую рану нанесли его душе события 1903 года.

Паралич разбил 72-летнего Лэнгли в январе 1906 года, и представители аэроклуба Америки застали его уже в тяжелом состоянии. Медленно и громко они читали ему привезенный документ: «Аэроклуб Америки, высоко ценя вклад доктора Лэнгли в науку о механическом полете, выражает искреннейшее восхищение работами, которые сделали его пионером в этой важной и сложной области знания...»

Заметив, что умирающий хочет что-то сказать, посланники аэроклуба склонились над ним и с трудом разобрали последние невнятные слова, произнесенные третьим секретарем Смитсоновского института: «Опубликуйте это!»

Решение аэроклуба завершило ряд тех немногочисленных отрядных событий, которые скрасили последние годы жизни Лэнгли. Первое такое событие произошло через девять дней, девять коротких декабрьских дней после драматической катастрофы на Потомаке. Правда, для человека иного склада ума и иного характера, чем у Лэнгли, оно оказалось бы не радостью, а последним убийственным ударом. 17 декабря 1903 года на пустынном песчаном берегу Атлантического океана, в самом ветреном месте Америки — в Китти-Хоук, оторвался от земли и совершил первый устойчивый полет аэроплан братьев Райт, людей, которые во всем отличались от Лэнгли.

Если Лэнгли был известен всему миру как знаменитый ученый, то Вильбура и Орвелла Райтов — двух механиков-практиков в маленьком городке Дайтоне — знали очень немногие. Если за Лэнгли стоял авторитет знаменитого Смитсоновского института, то за Райтами не было ничего, кроме их крохотной велосипедной мастерской. Если за работами Лэнгли следила вся мировая пресса и наука, то об экспериментах Райтов знало едва ли около сотни людей, включая помощников и заказ-

чиков их мастерской. Если об испытаниях «аэродрома» Лэнгли немедленно узнавал весь мир, то на испытаниях братьев Райт в Китти-Хоук, одном из самых труднодоступных тогда мест Америки, не было ни одного корреспондента, а «толпа» восхищенных зрителей состояла лишь из нескольких угрюмых представителей береговой стражи.

Тем не менее именно практики братья Райт добились успеха там, где потерпел неудачу теоретик Лэнгли. И надо отдать должное мужеству и объективности профессора, который первым поздравил с успехом своих соперников. В его сердце не было горечи, его собственная неудача отошла на задний план перед фактом, который значил для него больше всего на свете: человек может летать на аппаратах тяжелее воздуха.

Впрочем, и братья Райт оказались благородными соперниками. В 1906 году, когда их слава начала греметь по всему миру, они нашли в себе мужество заявить: «Мысль о том, что глава самого прославленного научного учреждения Америки уверен в возможности полета человека на аппаратах тяжелее воздуха, поддерживала нас в самое тяжелое время — в период кропотливых начальных изысканий, предваривших нашу работу непосредственно над аппаратом. Он рекомендовал нам книги, которые сформировали наши основные идеи. Его рука поддерживала нас в критические минуты, и мы всегда будем благодарны ему за это».

К сожалению, горячие приверженцы Лэнгли не оказались наделенными хладнокровием, добросовестностью и объективностью последнего. Они были убеждены, что только несовершенство катапульты помешало полету, что именно Лэнгли принадлежит честь постройки первого аппарата, способного летать с человеком на борту. В 1914 году администрация Смитсо尼анского института произвела эксперимент, ставший сенсацией года и глубоко уязвивший Орвелла Райта. Желая выяснить, могли действительно летать «аэродром» Лэнгли, доктор Уолкотт, тогдашний секретарь Смитсо尼анского института, предложил известному авиатору Гленну Кертиссу провести решающее испытание. Отремонтировав «аэродром», поставив его на поплавки, внося кое-какие конструкционные изменения и усовершенствовав двигатель, Кертисс 28 мая 1914 года совершил несколько коротких полетов над озером Кеука.

Газеты, одиннадцать лет назад измывавшиеся над Лэнгли, теперь переменяли свое мнение. Именно Лэнгли, а не братьев Райт они провозгласили создателем самолета. Но то, что можно было простить прессе, нельзя было простить администраторам Смитсо尼анского института, которые установили в музее реставрированную Кертиссом машину, снабдив ее табличкой: «Первый в истории управляемый человеком аэроплан, способный к устойчивому свободному полету».

Это действие, похвальное как проявление уважения к по-

койному коллеге, трудно признать достойным подражания с точки зрения истории. Ведь тогда рядом с машинами, которые были первыми, пришлось бы выставлять в музеях машины, *которые могли быть первыми*. И рядом с портретом Колумба пришлось бы вывешивать портреты людей, которые *«могли бы открыть Америку»*. Неудивительно, что Орвелл Райт почувствовал себя уязвленным. В 1928 году, не желая уступить Смитсоновианскому институту аппарат, который он впервые поднял в воздух, он предпочел отдать его в один из британских музеев.

Первым попытался восстановить справедливость ближайший помощник Лэнгли астроном Эббот. В 1928 году, возглавляя Смитсоновианский институт, он приказал сменить табличку рядом с аппаратом Лэнгли. Новая, более корректная надпись гласила: «Аэродром Лэнгли. Подлинный летательный аппарат Сэмуэля П. Лэнгли постройки 1903 года — реставрация».

Но Орвелл был неумолим. Он требовал восстановления исторической справедливости, и наконец в 1942 году после кропотливого разбора дела Смитсоновианский институт опубликовал заявление: «Вильбур и Орвелл Райты совершили первые устойчивые полеты на аппарате тяжелее воздуха в 1903 году. Полеты же на перестроенной и измененной машине Лэнгли, проведенные в 1914 году, не доказывают, что она могла летать в 1903 году, раньше, чем аппарат братьев Райт». Затем доктор Эббот принес «искреннейшие извинения Орвеллу Райту за вводящие в заблуждение заявления прежних руководителей Смитсоновианского института». Лишь после этого в 1948 году аппарат братьев Райт был возвращен на родину и установлен как центральный экспонат в одном из залов Смитсоновианского института. Не раз, иронически улыбаясь, Лэнгли говорил: «На протяжении нескольких лет исследователю приходится видеть, как резко меняются взгляды окружающих на сделанные им открытия. Сначала говорят, что его тщательно выверенные наблюдения ошибочны; потом он слышит, что они правильны, но совершенно бесполезны; и, наконец, все уверяют его, что он абсолютно прав, но все это уже давным-давным известно». Огромное множество людей, радостно хохотавших над неудачей Лэнгли и ставших потом свидетелями бурного расцвета авиации, не составили исключения из этого правила. И лишь немногие поступили так, как сенатор от Индианы Роберстон, чья гневная речь в конгрессе в 1903 году стала причиной прекращения финансирования «безрассудной затеи» профессора Лэнгли. Спустя 23 года престарелый сенатор нашел в себе мужество публично заявить: «Теперь, когда я живу рядом с авиационным заводом «Дуглас», я существенно изменил свое первоначальное мнение...»

**В. ЛЕВИН,
А. ХАЗАНОВ**

НАРОД, КОТОРЫЙ ОТКАЗЫВАЕТСЯ ГОВОРИТЬ

Она умерла около двух тысяч лет назад. Семьдесят дней жрецы им одним ведомыми способами пропитывали тело особыми солями и пахучими смолами — тело, которое незримо для людей покинула птица с человеческим лицом — душа уснувшей навсегда. Умершая была знатного и старинного рода, и считалось даже, что предки ее жили в Италии задолго до того, как волчица с Капитолийского холма вскормила своим молоком Ромула и Рема. И поэтому на полосы, которыми надо было обернуть тело женщины, разорвали полотняные листы древней книги с письменами ее предков. Даже жрецы не знали, что было написано в книге, ибо на этом языке уже давно никто не говорил в землях, завоеванных народом Ромула и Рема, и не было никого, кто сказал бы, как появились на земле Италии люди, оставившие эти письма.

...Так дошла до нас книга этрусков — единственная уцелевшая книга народа, который уже тысячелетия отказывается говорить, кто он и откуда...

СПОР НАЧИНАЕТ ГЕРОДОТ

Все читали или знают о Риме, о римской культуре, римской цивилизации. Как-никак римскую историю учат даже в школе. И очень мало кто знает, сколь многим

обязаны римляне этрускам, как много того, что мы с детства привыкли считать исконно римским, родилось не на холмах Лация, а на равнинах Этрурии. Сама римская история многи-ми своими корнями уходит в этрусскую почву.

Основание городов в Лации — области, где возник Рим, — происходило по этрусскому обряду, и древние римские цари из рода Тарквиниев имели этрусское происхождение. Древний храм на Капитолии и целый ряд других святилищ в Риме и остальном Лации были выстроены этрусскими мастерами. Даже многие латинские имена подражают этрусским, и, возможно, через посредство последних был заимствован римлянами и другими латинянами греческий алфавит.

Символы царской власти — связки прутьев с вложенными в них топорами, которые несли слуги, шедшие впереди царя, тога, отороченная пурпурной каймой, и курульное кресло достались римлянам в наследство от этрусков, а с ними и обычай триумфа после победы над врагом, древнейшие государственные установления, законы, должности.

Цирковые игры, театральные зрелища, бои гладиаторов, даже многие из богов — все это пришло к римлянам от этрусков, все носит на себе неизгладимый отпечаток их предшественников, чуждых им по языку и духу, но волею истории оказавшихся учителями своих будущих победителей. «Утверждают, — писал один древний писатель, — что триумфальные и консульские украшения и вообще украшения должностных лиц были перенесены в Рим из Тарквиний¹, так же как фасции, топоры, трубы, священные обряды, искусство гадания и музыка...

И даже само слово «Рим», которое впоследствии сотни лет миллионы людей, и этруски в их числе, будут произносить со страхом и ненавистью, даже это слово, которое, казалось бы, должно быть самым римским из всего римского, по мнению многих ученых, имеет этрусское происхождение.

Но кто такие этруски и откуда они? В спорах об их происхождении ломали научные копья даже их ученики, современники и победители-римляне. Над этим вопросом ломали голову даже «отцы истории» — и все три гипотезы, которые они выдвинули, дожили до наших дней и по-прежнему находят себе сторонников.

Великий Геродот утверждал, что они прибыли в Италию морем из Малой Азии под водительством царя Тиррена. И многие с ним соглашались, например знаменитый географ Страбон.

Другой историк древности, Дионисий Галикарнасский, считал этрусков исконными жителями Италии, автохтонами, потому что, писал он, ни в древности, ни в настоящее время ни

¹ Тарквинии — один из самых знаменитых этрусских городов.

у одного народа не было и нет языка и обычаев, похожих на этрусские.

Третий историк, Тит Ливий, усматривал сходство этрусков в языке, физическом облике и быту с альпийским племенем ретов и поэтому считал, что этруски некогда спустились в Италию с Альп. «Они вышли из тех мест и сохраняли с древнейших времен, хотя и в измененном виде, звуки местного языка».

Более двух тысяч лет отделяют нас от древних историков. И в сотни раз увеличилось знание науки о прошлом. Археология и сравнительное языкознание помогли прочесть такие страницы истории, которые были давно забыты уже в древности, о которых не подозревали ни Геродот, ни Дионисий, ни Тит Ливий. Но по-прежнему ученые не могут предложить ничего нового по вопросу о происхождении этрусков, кроме различных сочетаний трех древних гипотез. И это не случайно.

История словно разложила на равные части памятники этрусков: одни из них явно свидетельствуют об их пришлое происхождении, другие — не менее убедительные — о том, что этруски от века жили в Италии.

Поэтому большинство ученых считает, что этрусский народ произошел от слияния пришлых и местных групп, что его предками были и выходцы из Малой Азии, и местные итальянские жители. Но когда и как слились они в один народ, когда родился тот удивительный и цельный сплав, который называется этрусской культурой, этрусской цивилизацией, остается только гадать. Другие народы древности предстают перед глазами историка как бы медленно выступающими из тьмы веков и так же медленно и постепенно в нее погружающимися. Не так народ, который римляне звали этрусками или тусками, греки — тирренами или тирсенами и который сам себя, кажется, называл «расна» или «расены», — даже этого мы не знаем наверняка.

Сразу, каким-то рывком, в шуме битв и блеске вновь родившейся цивилизации вступают они на мировую арену, чтобы через несколько веков почти так же сразу вновь погрузиться в небытие, предоставив потомкам ломать голову над своими тайнами и загадками.

XIII век до нашей эры. Племена, которые называют общим именем «народы моря», нападают на Египет и чуть было не приводят его к гибели. Среди них известно воинственное племя турша, в котором многие, главным образом из-за сходства названия, хотят видеть одного из предков этрусков. Так ли это на самом деле, неизвестно.

XI век до нашей эры. К тому времени древняя традиция относит поселение этрусков в Италии. И опять неизвестно, правда она или нет.

Далее следует перерыв в несколько веков. Об этрусках ничего не известно. Но вот наступает VIII век до нашей эры.

ᲛᲗ ᲙᲗ ᲙᲗ ᲙᲗ
ᲗᲗ ᲗᲗ ᲗᲗ
ᲗᲗ ᲗᲗ ᲗᲗ

ᲗᲗ ᲗᲗ ᲗᲗ ᲗᲗ ᲗᲗ ᲗᲗ ᲗᲗ
ᲗᲗ ᲗᲗ ᲗᲗ ᲗᲗ ᲗᲗ ᲗᲗ ᲗᲗ

И вдруг оказывается, что этруски в это время занимают уже значительную территорию в Италии, что их памятники легко определит любой специалист, что это народ с развитым земледелием и цветущими ремеслами, что этрусские города и поселения ведут обширную заморскую торговлю, что в обмен на товары других народов этруски вывозят металл, вино, керамику, обувь и т. д.

Этрусская знать — лукумоны — строит сильно укрепленные крепости — замки и ищет богатства и славы в непрерывных набегах, походах и сраженьях. Грозная слава этрусских пиратов разносится по всему Средиземному морю — греки боятся плавать в Тирренском море.

Два народа борются в это время за господство на море — греки и финикийцы, карфагеняне. Этруски включаются в борьбу на стороне последних.

VII—VI вв. до н. э. — время строительства в Этрурии городов. Вейи, Цере, Тарквинии, Клузий, Арреций, Популония и другие занимают довольно большую территорию, обнесены мощными каменными стенами. Вокруг городов возникают обширные и богатые кладбища, известные значительно лучше, чем сами города. Этрусское влияние распространяется от Альп до Кампании. На севере они основывают Мантую и Фельзины (ныне Болонья), в Кампанье — двенадцать других городов. В Риме утвердилась этруская династия Тарквиниев (если бы этруски знали, чем это для них кончится!). Этрусский город Адрия на северо-востоке Апеннинского полуострова дал название Адриатическому морю.

В VI веке до нашей эры этруски контролировали территорию в 70 тысяч квадратных километров и насчитывали около 2 миллионов человек. Но единого государства они так и не создали. Возникла только федерация отдельных городов, каждый из которых пользовался самоуправлением. Собиравшиеся в святилище богини Вольтумны главы городов поочередно выбирали из своей среды главу всего союза и первосвященника. Однако этрусские города далеко не всегда и не во всем действовали единодушно, хотя уже древние понимали, что только единство могло обеспечить им успех. «Там, где они действовали согласованно, — писал географ Страбон, — они не только могли защищать себя от нападения противников, но и в свою очередь нападать и даже совершать дальние походы».

...И В ШУМЕ БИТВ ПОГИБШИЕ

В этом отношении этруски походили на древних греков. Для них понятие родина ограничивалось городскими стенами, дальше уже лежал внешний мир, чаще враждебный, иногда даже дружественный, но все равно на него уже их патриотизм

не распространялся. Зато по эту сторону стен был родной город, бывший одновременно самостоятельным государством, — была родина. И как в Греции потребовалась внешняя сила в лице македонских завоевателей, чтобы сломить извечный сепаратизм этих городов-государств, так и в Этрурии только Рим смог объединить их в одно прочное целое.

Выбрать место для основания нового города было не так просто, потому что многое тут зависело от воли богов, которую стремились узнать по полету птиц. А ведь еще библейский мудрец Соломон говорил, что нет ничего более таинственного, чем путь рыбы в море, дороги мужчины к сердцу женщины и следа птицы в небе. Основатель города обходил вокруг выбранного места с плугом, следя за тем, чтобы вспаханный пласт ложился внутрь круга, иначе в будущий город не будет течь богатство. Проведенная борозда должна была на первых порах охранять город от внешних врагов в качестве символической стены, но обычно и настоящие стены не заставляли себя долго ждать.

Ранние этрусские города были застроены довольно хаотично, но около VI—V вв. до н. э. градостроительные принципы резко изменились. Как и греки, этруски стали применять строгую планировку с системой взаимно перпендикулярных улиц и жилых кварталов.

Некоторые этрусские города имели акрополь — возвышающуюся над жилыми кварталами укрепленную часть с дворцами и храмами. В отношении благоустройства они намного превосходили города Передней Азии. Улицы были мощеными, и многие из них имели тротуары. Город имел свою канализационную сеть и крытые резервуары, из которых вода поступала в город.

В 535 году до нашей эры, в знаменитой битве при Алалии, городе на Корсике, объединенный карфагенско-этрuscoкий флот нанес сокрушительное поражение грекам. Корсика перешла во владение этрусков. Их сила и влияние достигают своего зенита.

Но уже в конце этого века этруски начинают терпеть поражения на суше в борьбе с греками и покоренными италийскими племенами. Приблизительно в это время освобождается от этрусского господства и Рим.

В V веке до нашей эры следуют новые поражения, территория Этрурии сокращается, связь между городами, и без того непрочная, ослабевает. Десять лет зывали жители города Вейи, осажденного римлянами, о помощи, но безрезультатно.

Опытнейшие земледельцы, великолепные инженеры, первыми построившие подземные каналы, искусные металлурги, хитроумные изобретатели морского якоря и корабельного тарана, бесстрашные воины окажутся бессильными перед молодым Римом. Бессильными, ибо не смогут объединиться. И падение

Вейи явилось началом конца. В результате римляне подчинили себе всю Этрурию, но продолжали воспитываться на этрусской культуре. Еще в конце IV века до нашей эры знатные римские юноши изучали этрусский язык, как впоследствии греческий.

И все же в то время как, подкрепленная всей мощью Рима, расцветала римская цивилизация, этрусская увядала. К середине I века до нашей эры этруски и в культуре потеряли всякое значение, а вскоре был окончательно забыт и этрусский язык.

Только отдельные любители древности знали еще и изучали этрусский язык. Одним из них был римский император Клавдий, которого даже в собственной семье считали, мягко выражаясь, чудачком. Клавдий даже написал этрусскую историю в двадцати книгах и распорядился, чтобы из года в год по установленным дням специальные чтецы публично читали ее с начала до конца в специально построенном для этих целей здании. Увы, эта история до нас не дошла. В противном случае, может быть, и не было бы надобности вести здесь рассказ об этрусках как о народе загадочном. Хотя, собственно говоря, и Клавдий знал, наверно, немногим более ученых мужей, предшествующих ему.

...Пройдут столетия, и листами последней этрусской книги завернут тело женщины, которая, может быть, была последним представителем древнего этрусского рода, давно забывшего своих предков...

БОГИ, ЖЕНЩИНЫ И МЕБЕЛЬ

И самое парадоксальное — образ жизни этрусков, народа, о загадки которого обломано столько высоконаучных копий, нам известен до мельчайших подробностей. Какая у них была мебель? Пожалуйста. Мебель в этрусских домах была довольно простой. Для сна и для трапез служили лежанки — этруски ели лежа, опираясь на один локоть. Кроме них, в доме были еще столики, и кресла, и сундуки для одежды, потому что шкафами этруски не пользовались. Значительно больше, чем мебель, ценилась богатая бронзовая утварь: подсвечники, треножники, жаровни, богато украшенные, нередко настоящие произведения искусства.

Какие одежды носили этрусские модницы? И на это можно ответить.

Этрусские мужчины одевались сравнительно скромно, зато женщины были большими модницами, и, как и в наше время, мода менялась довольно часто. Дольше всего держалась мода на свободно ниспадающие льняные туники, с рукавами или без рукавов, скальывавшиеся на плече. Сверху на тунику накидывался белый плащ, отороченный разноцветной каймой. Бога-

тые женщины носили множество драгоценностей, которые свидетельствуют не только об их тщеславии, но и об изысканном вкусе и о роскоши, в которой буквально купалась этрусская знать. Этруски были замечательными ювелирами, и многие из женских драгоценностей являются подлинными шедеврами искусства. Можно еще добавить, что этруски-мужчины относились к своим женщинам с великим почтением. Правда, здесь возможно другое толкование — просто этрусские женщины довольно прочно прибрали к рукам своих воинственных мужей.

Известно даже, что поведение этрусских женщин казалось многим соседним народам довольно странным, если даже не неприличным. Затворничество гречанок и подчиненное положение римлянок, которые до замужества во всем повиновались отцу, а после замужества — мужу, их не прельщало. Они пользовались довольно большим авторитетом в обществе и занимались общественными делами. Все это настолько поражало и шокировало и греков и римлян, глубоко убежденных в том, что единственный удел женщины и предел ее кругозора — это занятие домом и семьей, что они не скупилась на нелестные эпитеты этрусским женщинам, обвиняя их в распущенности, — увы, весьма распространённое обвинение всему непривычному. Сам великий Аристотель унизились до обывательских сплетен, когда обвинял этрусских женщин в том, что они — о ужас! — пируют вместе с мужчинами, да еще возлежат, укрывшись одним плащом, на одной пиршественной скамье.

Иногда кажется, что свободолюбивый и независимый характер этрусских женщин сказывался и много веков спустя, когда мужчины, склонившиеся перед Римом, давно забыли о былой независимости. В истории позднего Рима, женский идеал которого уместался в три определения: женщина должна быть целомудренной, домоседкой и уметь ткать (женский идеал немецкого бюргера включает в себя уже четыре предписания — «дети, кухня, церковь, одежда», — как тут не поверить, что в истории есть прогресс), встречаются удивительные женщины, не подходящие под общепринятые стандарты.

Одна из них, Ургулания, вела себя настолько независимо, что против нее была бессильна всемогущая римская бюрократия. Вызванная по какому-то поводу в сенат, она отказалась явиться, и сенат проглотил оскорбление, послал к ней чиновника на дом. Когда в царствование императора Тиберия внук Ургулании совершил преступление и сам император собирался сурово наказать его, решительная бабушка послала своему беспутному внуку кинжал, чтобы тот покончил с собой и избежал позорного судебного разбирательства.

Необычное поведение Ургулании так заинтересовало одного ученого, что он решил выяснить, чем оно объясняется. И пришел к выводу, что сама она этрусского происхождения и в семье ее берегли этрусскую кровь.

При некотором воображении можно даже представить, как гадали этрусские жрецы. И уж во всяком случае, известны все их боги и за что каждый бог нес персональную ответственность.

В 409 году нашей эры, когда этрусская цивилизация была давно мертва, а язык этрусков забыт, когда сам вечный Рим дышал на ладан и тщетно искал спасенья от варваров, опустошавших Италию, несколько жителей города Нарния, которому, как и Риму, угрожали готы, предложили оригинальный метод борьбы. Они брались возродить древнее искусство фульгуриаторов — заклинателей молний — и с помощью молний прогнать врагов.

В жилах нарнийцев текла этрусская кровь, а этруски были известными специалистами по молниям. Молнии различались по цвету, направлению, силе удара, и каждый из девяти богов — хозяев молний мог сообщить людям через их посредство свое решение, предупреждение, благоволение или, наоборот, неудовольствие. Видимо, в грозный час в умах энтузиастов вновь всплыло полузабытое искусство далеких языческих времен, а заодно и вера в его могущество. Но так как они были верующими христианами, то, прежде чем обратить молнии против готов, пожелали заручиться благословением папы Иннокентия и получили отказ. В последний раз вдруг всплыли на поверхность верования умершего народа, чтобы вновь кануть в небытие.

Этруски были религиозным народом, пожалуй, в значительно большей степени, чем греки и римляне. В отличие от мажорного звучания греческой религии, которая подчас неотделима от мифа, религия этрусков окрашена в мрачные тона, насквозь пропитана идеей жертвенности. И это несмотря на то, что в области религии этруски испытали сильное греческое влияние и даже позаимствовали у греков некоторых богов!

Наибольшим почитанием пользовалась троица богов: Тиния — верховный бог неба, Уни и Менрва (впоследствии она превратится в римскую троицу: Юпитер, Юнона и Минерва). Но самих богов было множество. Небо было разделено на 16 областей, и в каждой из них обитало свое божество. А еще были боги моря и преисподней, боги природных стихий и боги рек, ручьев и источников, боги растений и боги ворот и дверей, и обожествленные предки, и демоны различного рода. И все они требовали жертв и умилоствления, мрачные и обидчивые существа, которые за недостаток внимания к своей персоне могли наказать и засухой, и градом, и ударом молнии, и военным поражением — тут их изобретательность не знала предела. Где уж тут было до веселья!

Мысль о загробном мире, о страшном суде, ожидающем смертных, занимала этрусков гораздо больше, чем греков или римлян. А боги были злы и коварны. Они как бы специаль-

но провоцировали людей на непослушание, скрывая свои замыслы, чтобы потом сильнее наказать их за это. Из боязни неповиновения, желания постичь волю богов и предугадать будущее этруски разработали сложнейшую систему наблюдений над явлениями природы, гадания по полету птиц или по внутренностям животных, по ударам молний и т. д.

Римляне с их хваленым рационализмом, боясь отстать от этрусков, заимствовали у их гаруспиков (прорицателей) умение гадать по внутренностям животных. Но и здесь поспешили внести элемент упорядочения, кодифицировали приемы гадателей. Во II веке до нашей эры даже появился специальный трактат «Этруская дисциплина».

Жертвы богам приносились постоянно и повсеместно. И наивысшей жертвой, которую приносили в особо трудных случаях, была человеческая жизнь.

Конечно, предпочтительнее всего было принести в жертву врага или пленника. Вероятно, именно так родился обычай во время похорон заставлять пленников вести кровавый, нередко смертельный бой в честь знатного умершего. И этот обычай Рим поспешил впоследствии заимствовать, раздуть до масштабов, которые и не снились этрусским аристократам, превратить религиозный ритуал в зрелище (ведь римляне — рационалисты), в потеху и для знати и для черни, в знаменитые бои гладиаторов.

А в самые критические моменты этруски предпочитали жертвовать собственной жизнью. На одном из этрусских барельефов изображено, как два молодых этрусских аристократа готовятся принести себя в жертву. Самое волнующее и трагическое в этой сцене удивительно спокойные, даже безмятежные лица юношей. Ведь они уверены, что смерть их будет не напрасной, пойдет на пользу сородичам!

Трудно не согласиться с ученым, опубликовавшим этот барельеф, который писал: «Наши барельефы повествуют не о погребальном ритуале своего времени, а скорей о каких-то знаменитых событиях из этрусской мифологии, когда благородные этруски предлагали себя для жертвоприношения во имя спасения родины и тем обеспечивали себе славу и почет в памяти потомков».

Что ж, человеку свойственно заблуждаться. Мало кому удается подняться над своим временем. Но и в заблуждениях своих он может и должен остаться человеком, и тогда достижения его в глазах потомков будут значимее ошибок.

Правда, значительно меньше мы знаем об этрусской науке, но и того немногого, что известно, достаточно, чтобы отнестись к ним с большим уважением.

Этрусское искусство врачевания вызывало преклонение у окружающих народов. Почти тысячу лет спустя римский исто-

рик писал про «Этрурию, прославленную открытием лекарств».

С абсолютной точностью можно сказать, что этруски-врачи отлично представляли себе анатомию человека и даже знали расположение многих внутренних органов, их форму и окраску — отлично, разумеется, для своего времени. В данном случае им пошло на пользу искусство гаруспиков, пытавшихся узнать волю богов по внутренностям животных.

Но, пожалуй, самых больших успехов этрусские врачи добились как... дантисты. В некоторых погребениях находят зубные протезы. Здоровые зубы обтянуты золотыми кольцами, на которых держались приклепанные искусственные. Многие протезы сделаны так искусно, что не ломались до самой смерти владельца. Известно было этрускам и укрепление шатающихся зубов, зубные мосты и коронки.

Можно долго еще перечислять мелочи быта этрусков, известные современным ученым так досконально, будто они подсматривали в замочную скважину этрусских домов... Но все эти «мелочи жизни» ничто по сравнению с тем, что пока неизвестно.

О светской литературе этрусков, оказавшей влияние на древнейшую литературу Рима, — о ее существовании сохранились лишь смутные намеки, идущие из древности. И о том, что этрусские жрецы были хранителями не только суеверий, но и положительных знаний и что эти знания вместе с правилами гаданий хранились римлянами все в той же «этрусской дисциплине». Об этрусской геометрии и об их немалых познаниях в истории, которые хранились в священных религиозных книгах (ученые Рима конца республиканской эпохи были еще знакомы с ними).

ГОРОД, ПОЙМАННЫЙ СЕТЯМИ

Подробности жизни этрусков известны нам главным образом по свидетельствам древних авторов и раскопкам этрусских могил.

Древние авторы были точны в описании виденного, а этруски, сооружая гробницы своим близким, в точности повторяли обстановку своих жилищ. И фрески, которыми были покрыты эти гробницы, как бы описывали сцены этрусской жизни. Но города, которые дали бы нам точные и полные свидетельства жизни этрусского общества, науке почти неизвестны. Города с их храмами и базарами, общественными зданиями и жилыми постройками, школами, банями, театрами. Города, где, может быть, до сих пор скрываются произведения этрусских историков, писателей, ученых...

И самое парадоксальное — этрусские города расположены в самом центре Италии, той самой Италии, где раскопки ведутся уже сотни лет.

И одна из причин этого — плодородие густозаселенной Тосканы — древней Этрурии. На месте многих этрусских городов и сейчас расположены города или поселения, на месте других находятся поля, которые, прежде чем начать раскопки, надо выкупить у владельца. Значительно дешевле и легче было раскопывать этрусские погребения, в которых к тому же часто встречаются произведения искусства, драгоценные украшения и тому подобные предметы.

Положение стало меняться только в последние годы...

Судя по сохранившимся письменным источникам, в V веке до нашей эры самым крупным этрусским портом на Адриатическом море была Спина. Особенно после того, как сиракузцы разгромили этрусский флот и закрыли им доступ в Тирренское море. Из Греции в город везли керамические изделия, с далекого севера доставлялся янтарь, а в обмен из порта выходили корабли, нагруженные зерном, выращенным в долине реки По, и изделия знаменитых этрусских художественных мастерских.

Археологи искали Спину более сорока лет. Но хотя неоднократно предпринимались пробные раскопки, хотя было обнаружено множество захоронений, свидетельствующих о том, что город находится где-то поблизости, хотя еще греческий географ Страбон описал место, где он располагался, найти его долго не удавалось. И как это часто бывает, на помощь археологам пришел Его Величество Случай. Спину нашли... в 1956 году рыбаки, поставляющие в Венецию угрей из заболоченных озер, лежащих к югу от славного города.

Все началось с того, что сети одного рыбака вытащили вместо извивающегося угря... горшок странной формы. К счастью, рыбак в сердцах не выбросил свой несъедобный улов, а показал его людям сведущим и, к своему удивлению, получил за него много больше, чем за самого жирного и нежного угря, когда-либо выловленного им... А через несколько дней в газетах разразилась настоящая буря:

— Этруски! Снова этруски! Ключ к тайне лежит на дне болот! Этруски! Снова этруски!..

Стоит ли говорить, что с того дня рыбаки моментально переквалифицировались — и с весьма большой выгодой для себя — в «археологов», ибо вновь вспыхнувшая «этрускомания» развязала кошельки бесчисленных туристов, охочих до всякого рода древностей, особенно «модных», а ученые обратили на эти болота самое пристальное внимание. И аэрофотосъемка

подтвердила, что под толщей вязкой трясины и на дне многочисленных болотистых озер лежит древний город.

С неба увидели то, чего не могли увидеть на земле. На фотографиях запечатлелся древний канал длиной в 3 километра и шириной в 30 метров, который некогда соединял древний город с морем, и другие каналы поменьше, параллельные или перпендикулярные главному. Выяснилось, что у Венеции была своя предшественница. Дома в древней Спине строились на сваях и жители передвигались по городу по воде.

Спина была городом многонациональным. Здесь, кроме этрусков, жили и торговали выходцы из различных стран. Особенно много было греков. Поэтому ученые считают, что дальнейшие раскопки могут пролить свет на загадки этрусской истории. Ведь именно здесь, в греко-этрuscoй среде, имеется больше шансов найти вожаделенный ключ к расшифровке самой большой загадки этрусков — их письменности.

ВХОДЯЩИЙ, ОСТАВЬ САМОЛЮБИЕ

Как было бы просто, сколь далеко бы продвинулась наука в решении этрусской загадки, если бы был известен этрусский язык. И может быть, ее бы не было вообще, этой загадки. Но, увы, язык этрусков так же загадочен, как и сам народ.

Это кажется невероятным, немислимым, наконец, если хотите, просто несправедливым. Если бы еще речь шла о языке народа, жившего где-то за тридевять земель, в районах плохо изученных, откуда и выбраться нелегко, а добраться еще трудней. Так нет же! В самом сердце Европы находится нынешняя Тоскана — древняя Этрурия.

Все было бы понятно, если бы язык этрусков не имел письменности. Тут, как говорится, на нет и суда нет, попробуй определи бесписьменный язык мертвого народа, хотя, надо сказать, иногда ученым и это удается. Но к этрускам все это никакого отношения не имеет. Конечно же, такой цивилизованный народ умел и читать и писать.

Может быть, неизвестна этруская письменность? Это могло бы служить если не оправданием — в конце концов, и клинопись, и египетские иероглифы тоже сперва были неизвестны, — то по крайней мере объяснением. Так нет же, нет. Письменность известна так, что уж лучше некуда. В некоторых случаях ее каждый школьник знает. Ведь этруски заимствовали у древних греков их алфавит, разве что чуть приспособив его для передачи отличных от греческих звуков собственного языка. И поэтому любую надпись на этрусском языке, любой текст ученые прочтут, почти не запинаясь.

Вот только понять прочитанное никто не может.

Может, наконец, самих этрусских надписей и текстов слишком мало и не на что тут опереться дешифровщикам? Еще одно нет. Свыше 10 000 этрусских надписей дошло до нашего времени на саркофагах, урнах, надмогильных стелах, стенах погребений, статуэтках, зеркалах, сосудах и т. д. Правда, девять десятых из них очень кратки — содержат всего от одного до четырех слов. Но самая длинная надпись на пеленах мумии, хранящейся сейчас в Загребском музее, содержит как-никак полторы тысячи слов.

Правда, около 80 процентов надписей погребальные, то есть все на один сюжет, но все же имеется также довольно значительное количество надписей посвячительных, дарственных и владелельных.

И все они легкодоступны. Для того чтобы их увидеть, не надо пробираться в джунглях, карабкаться по горным кручам, висеть над пропастью. Достаточно посетить почти любой крупный музей в Европе, в том числе и в Советском Союзе. К тому же все эти надписи много раз издавались самым тщательным образом, существуют полные своды всех известных науке этрусских надписей, и по мере обнаружения новых печатаются дополнения и продолжения.

Почти пятьсот лет прошло с той поры, когда была предпринята первая попытка если не дешифровать этрусский язык, то хотя бы установить его происхождение.

Почти пятьсот лет бьются и серьезные ученые, и бесчисленные дилетанты над разгадкой тайны этрусского языка. Сколько жизней было целиком отдано этому делу! Сколько разбитых надежд и утраченных иллюзий, сколько разочарований, когда казалось, вот-вот, еще год-другой, и крепость падет, а она все не падала. А бывало и так, что победа казалась уже достигнутой, и ученый спешил поделиться своим «успехом» с коллегами, и падкие на сенсацию репортеры разносили весть об этом по всему свету. Но, увы, каждый раз проверка показывала, что успех мнимый и этрусская твердыня остается невзятой.

Может быть, памятуя о своих предшественниках, один современный ученый, которому также показалось, что он дешифровал этрусский язык, и который выпустил книгу о своей победе, кстати недавно переведенную на русский язык, не без горечи писал в ней:

«Вот уже четыре года, как я нахожусь в сердце этих этрусских джунглей, где самое разумное предвидение не стоит ни гроша, и у меня в качестве единственного оружия было лишь некое интуитивное чувство. Я хотел бы проложить себе хорошо намеченную прямую дорогу. Я бился так, как если бы это был для меня вопрос жизни и смерти. Но в этих зарослях моя дорога выписывала невероятные кренделя. То нужно было

обойти западню, то продвигаться ползком, то высоко подпрыгнуть, чтобы избежать разнообразных опасностей.

Если бы хоть результаты этой битвы были всегда ясными и убедительными! Но и этого нельзя утверждать. Возможно, я просто должен был внести лепту в и без того богатую коллекцию комических недоразумений, которыми, как мы увидим, усеяна вся дорога этрускологии».

Предчувствие не обмануло ученого. И его дешифровка оказалась ложной. Впрочем, разве не сам он сказал: «При входе во владения этрускологии следовало бы установить большую вывеску: «Оставь самолобие всяк сюда входящий».

Не было такого языка на свете, с которым не пытались сравнить этрусский. Были испробованы языки афразийские, американские, славянские, балтийские, угро-финские, кельтский, армянский, албанский, греческий и даже шумерский. Все напрасно. В 1940 году один ученый резюмировал это следующим образом: «Были тщетно испробованы почти все языки земного шара от финского до коптского и от баскского до японского».

Были испробованы все известные методы дешифровки, и о правомочности того или иного метода даже велись бурные дискуссии. Впрочем, как сказал другой ученый, «хорош тот метод, который приводит нас к цели», а в этрускологии пока все они не дали результата.

Нельзя, конечно, сказать, что пятьсот лет усилий не принесли абсолютно никакого результата. Известно, твердо установлено значение некоторых этрусских слов и несколько грамматических форм. Но по сравнению с тем, что еще предстоит сделать, для того чтобы дешифровать этрусский язык, это не более чем капля в море.

Вот только один пример. Известно шесть этрусских слов, про которые совершенно точно установлено, что они обозначают цифры от 1 до 6. Этруски были народом азартным, и игра в кости была у них весьма распространенным и популярным занятием. Даже тамаду на пирушках выбирали, бросая кости. А о том, что эта должность была не только почетной, но и весьма ответственной, видно из того, что тамаде принадлежали почти диктаторские права: именно он решал, сколько вина должно выпить каждый из участников пира.

Игральные кости в большом количестве найдены археологами, и, поскольку с древних времен и до наших дней они не претерпели никаких изменений, без труда установили, что надписи на них означают цифры: 1, 2, 3, 4, 5 и 6.

Но этим открытия и ограничились, потому что — какое слово означает единицу, а какое шестерку, точно не установлено до сих пор, хотя хмельные владельцы этих костей, сидя у придорожной таверны, и думать не могли, какую бурную полемику вызовут они, у своих отдаленных потомков. Наверное, не один

этрусколог с превеликой радостью согласился бы стать на всю жизнь пропойным этрусским забулдыгой только для того, чтобы узнать значение надписей на этих костях и передать эти знания своим коллегам в XX век.

Но этруски молчат. Молчит народ, унесший с собой тайну своего происхождения. Молчит язык, от которого происходят многочисленные слова, звучащие и поныне на многих языках (потому что установлено: такие слова, как «цистерна», «церемония», «таверна», «персона», «литера» и другие, проникшие в современные языки из латинского, были, в свою очередь, заимствованы римлянами у этрусков). Молчат этрусские надписи на медных зеркалах филигранной работы, на постаментах памятников, на гробницах.

В 1964 году на побережье Тирренского моря в 70 километрах от Рима ученые нашли три золотые пластинки с надписью: на двух — этрусским письмом, на третьей — финикийским. Пластинки лежали в одном месте. Финикийская надпись обращена к «повелительнице Астарте», богине, которую этруски называли Уни, а греки — Гера.

Эти же слова встречаются и на пластинках с этрусскими письменами.

Значение этой находки переоценить невозможно. Если найденные пластинки содержат один и тот же текст, то они могут дать ключ к разгадке, расшифровке языка этрусков.

Но пока этрусские пластинки молчат. И молчанию этому вот уже две тысячи лет.

**Г. ЕРЕМИН,
Г. ЕФАНОВ**

НА ОХОТНИЧЬИХ ТРОПАХ ПЛАНЕТЫ

У животного есть только лапы и инстинкт, но инстинкт ничего не может противопоставить разуму...

Р. Коннел, Самая опасная дичь

Пожалуй, без преувеличения можно сказать, что одним из самых древнейших занятий человечества на протяжении веков и тысячелетий была и остается охота. Охота на крупных животных, порой таких гигантов звериного царства, как вымерший древний «южный слон» и мамонт или ныне здравствующий тропический слон, охота на «среднего размера» животных и мелкую дичь — бегающую, прыгающую, лазающую, плавающую и летающую. Вечный антагонизм человека и зверя, охотника и добычи, при котором враждующие стороны часто менялись местами, пережил тысячелетия истории — от первых кусков свежего кровоточащего мяса в волосатых лапах нашего далекого пращура и первых костров синантропа с обугленными костями животных до изысканных гастрономических деликатесов в современных охотничьих ресторанах и «хижинах». Для подавляющей части населения земного шара охота в прошлом как средство существования целых охотничьих коллективов превратилась в настоящее время в увлекательный, хотя и небезопасный вид спорта, а порой и в развлечение для любителей «острых» ощущений.

Однако на нашей планете по-прежнему еще сохраняются такие уголки и реликто-

вые зоны, где охота, как и в далеком прошлом, продолжает оставаться важным (если не основным!) хозяйственным занятием населения, необходимым, но крайне ненадежным источником существования последних «охотничьих народов», подспорьем в хозяйстве рыболовов и земледельцев. Об охотниках различных климатических зон и широт планеты, об их способах охоты, порой уходящих в глубину веков, в сумрак палеолитических пещер или даже во тьму дочеловеческого периода истории, и пойдет речь.

ОХОТА СДЕЛАЛА НАС ЛЮДЬМИ...

Как свидетельствуют многочисленные археологические и этнографические материалы, охота и способы охоты имеют давнюю историческую традицию. Неискушенному жителю городов может показаться, что в охоте нет ничего необычного, что ее способы не отличаются особым многообразием: выследил зверя, и убивай его. Действительно, в принципе процесс охоты с глубокой древности и до наших дней, будь то глухая сибирская тайга или джунгли, песчаные безлюдные пустыни или горы, распадается на три основных элемента: поиск, выслеживание и умерщвление зверя с помощью определенного вида оружия или нехитрого охотничьего снаряда. Да и охотничье вооружение, за редким исключением, почти везде одинаково: это или ружье (сегодня), или копье, или лук со стрелами, или сеть, или же какой-нибудь охотничий снаряд-ловушка. Впрочем, за исключением ружья, появившегося совсем недавно, остальное охотничье снаряжение, как и сама охота, насчитывает солидный возраст. Многие виды охотничьего вооружения, как и способы охоты у многих отставших в своем развитии народов, сохранились неизменными с глубокой древности и до наших дней.

Если естественные ловушки — ямы, пропасти, каменные щели, трясины болот и т. п. — были подарены человеку природой так же, как из арсенала природы еще далекими предками человека были заимствованы камни, палки, дубины, то деревянное копье-рогатина с обугленным для прочности на огне наконечником было одним из первых охотничьих орудий, намеренно созданных для охоты предками человека. Со временем копье усовершенствовалось: стало ровнее, легче, изящнее, повысились его «аэродинамические показатели» и, что самое главное, за счет костяного или каменного наконечника увеличилась его эффективность, «убойная сила». Видимо, к более позднему времени восходит и родословная легких дротиков, прообраза будущих стрел, и метательных палиц, и бумерангов — ведь искусством метания палок и камней в животных владеют уже наши ближайшие родственники, человекообразные обезьяны.

Впрочем, биография охотничьего оружия — это большая и самостоятельная тема...

Интересно подчеркнуть другое: охотничье оружие столь же древнее, как и сама охота, и, кроме того, тот или иной вид его не характерен для одного какого-нибудь конкретного народа или даже страны, а распространен на огромных территориях, в пределах континента или даже нескольких континентов. Даже такое «уникальное» орудие охоты австралийских аборигенов, как знаменитый бумеранг — возвращающийся и невозвращающийся, — в древности был распространен практически на всех континентах: его изображения встречаются в палеолитических пещерах Европы и на фресках Тассили в центре Сахары; в Древнем Египте, как свидетельствуют росписи в храмах и пирамидах, были даже целые отряды воинов, вооруженных бумерангами (еще в конце XIX века, пишет известный знаток первобытной культуры Ю. Липс, в Индии и Египте бумеранг находился на вооружении армии); этот охотничий метательный снаряд обнаружен в памятниках палеолита и неолита Сибири, а некоторые древние палеоазиатские народы Сибири еще недавно, в конце XIX — начале XX века, владели искусством изготовления и метания бумерангов (так же, как и их коллеги-охотники у некоторых племен североамериканских индейцев). Еще большее распространение имело такое универсальное охотничье орудие, как копьё или лук со стрелами...

Интересно и другое: как происходит у того или иного «охотничьего народа» поиск добычи, выслеживание, преследование, кульминационный момент охоты — умерщвление зверя; какие особенности того или иного животного при этом учитываются охотниками и какие свойства психического склада характера человека — смелость, мужество, ловкость, смекалка, наблюдательность — при этом проявляются и развиваются. Вот здесь-то и заключается все многообразие способов охоты на разных континентах, в разных широтах и различных географических условиях. При этом, как отмечают исследователи, чем ниже ступень социального и культурного развития народа, чем примитивнее его средства охоты, тем сильнее поражает удивительное знание природы и повадок зверя охотниками, тем большее восхищение у цивилизованных наблюдателей вызывает их охотничье мастерство, давно уже основательно забытое. Выходит, что охота не такое уж простое занятие, как это может показаться неосведомленному читателю, незнакомому со специальной литературой и редко покидающему каменные джунгли современных городов.

Охота состоит не только из трех ее основных, «примитивных» элементов, она окружена еще в среде самых отсталых народов планеты (а порой и в среде развитых) массой различных правил, запретов и суеверий. Право на охотничью территорию у того или иного племени (сегодня это сохраняется у ци-

вильзованных народов в виде определенного запрета охотиться в заповедниках или же в «частных лесах»), различные конфликтные ситуации, проистекающие из этого права (в древности и по сей день — межплеменные столкновения из-за нарушения охотничьих границ, охоты на «чужой» территории; у цивилизованных народов — борьба с браконьерами или нарушителями границ частновладельческих лесов). Магические обряды, «обеспечивавшие» успех, различные суеверия и запреты по отношению к убитому зверю. (Отзвуками таких давно исчезнувших охотничьих верований у высокоцивилизованных народов Европы остаются знаменитые охотничьи парады и фестивали, обычай укреплять на шляпе охотника маленькую веточку, обоченную в крови убитого животного, запрет поздравлять охотника с удачным выстрелом, радоваться на глазах смертельно раненного зверя и многое другое.) Раздел добычи между охотниками или членами племени и даже специальный ритуал обработки туши животного, членение ее и распределение между охотниками, между мужчинами и женщинами, между старшими и младшими и даже между духами, покровителями охоты... Вот здесь-то и таится то «вторичное» многообразие, которое оказывает порой довольно большое влияние на и без того разнообразные и разнообразные способы охоты у народов мира.

А все же, когда зародилась охота: в палеолите — древнекаменном веке или и того ранее? Ответить на этот вопрос довольно трудно и даже невозможно. Ведь человекообразные обезьяны, эти ближайшие родственники человека, и те питают склонности к охоте, обладают врожденными охотничьими «задатками». Многочисленные факты из жизни обезьян, наблюдения над ними ученых-приматологов помогли исследователям выдвинуть тезис, что охота возникла где-то в «дочеловеческий период» истории и послужила одним из важнейших факторов антропогенеза, то есть становления вида *Homo sapiens*. Так, молодой английский зоолог Джейн Гудолл, изучавшая в Танзании жизнь диких шимпанзе, писала, что, «взволнованные или расстроенные, шимпанзе очень часто проявляют воинственность. Они носятся и таскают за собой палки или сломанные ветки, бросают камни и сучья...». Шимпанзе яростно набрасываются на своего главного врага, леопарда, используя при этом тяжелые сучья и ветки, каждое из которых, по мнению исследователей, снимавших фильм о жизни диких шимпанзе (он демонстрировался по телевидению в «Клубе кинопутешествий» в январе 1974 года), «могли бы причинить серьезные травмы зверю и даже убить его».

Кроме археологических и палеозоологических материалов, говорящих об очень раннем употреблении предками человека мясной пищи (Ф. Энгельс подчеркивал важность мясного питания для формирования мозга и улучшения состава крови первобытного человека), существуют и прямые указания на

существование облавной охоты у павианов. Так, случается, что время от времени, видимо испытывая недостаток в животных белках, бабуины предпринимают облавную охоту на молодых антилоп и других некрупных травоядных животных или же всей стаей, как и шимпанзе, отбиваются от своего злейшего врага — леопарда. Облава на антилопу, по описанию наблюдателей, начинается под руководством старого, опытного вожака, который подает сигналы к окружению отбившейся от стада антилопы — как правило, больного, старого или слишком молодого и неопытного животного. По сигналу вожака стаи бабуины разом бросаются на антилопу, разрывают ее клыками и руками, а затем съедают. При этом вожак и остальные члены стадной иерархии отбирают себе наиболее крупные и лучшие куски мяса — кости при этом выбрасываются, но иногда служат орудиями защиты и нападения. Спасаясь от пятнистого хищника, павианы пускают в ход не только клыки и лапы, но и часто камни, палки, кости, швыряют песок и землю в пасть разъяренного зверя, стремясь ослепить его. Порой члены стаи (павианы, шимпанзе и др.) проявляют трогательную товарищескую взаимовыручку, так сильно развитую у многих первобытных «охотничьих народов», отбивая своего раненого товарища у хищника, отвлекая внимание зверя целой серией обманных движений, криками, нападениями, бросанием камней и палок. Зверь разъярен, внимание его рассеивается, он бросает добычу и устремляется то за одной, то за другой обезьяной...

Так что уже в животном, но близком нам «обезьяньем мире» мы находим элементы чисто «человеческой охоты»: «производственный коллектив» (стая), план операции (охват кольцом отбившегося животного), руководство охотой со стороны опытного предводителя (вожака стаи), орудия охотничьего промысла (зубы, лапы, палки, камни), звуковые сигналы — руководство к действию — управление охотой, своеобразный «иерархический» принцип дележа добычи, основанный на «праве сильного», и даже товарищескую взаимовыручку. Разумеется, не всегда по такому полному и объемному варианту проходит охота у обезьян (кстати, способы загонной охоты у многих хищных стадных животных — диких собак, волков и др. — тоже на первый взгляд отличаются определенной «разумностью»), это еще не сложившаяся и ставшая традиционной схема охоты, но в отдельных ее элементах, как мы видим, уже много «предчеловеческого».

Теперь, когда граница антропогенеза усилиями целого ряда палеонтологов, антропологов, археологов и этнографов передвинута на два с половиной миллиона лет в глубь времен, когда рядом с костными останками целого сонма предков и боковых ветвей «человека разумного» — рамапитека, мегантропа, питекантропа, родезийского человека, африкантропа, ат-

лантропа, телантропа, знаменитых зинджантропа и презинджантропа и других «антропов» — в различных частях света найдены грубые каменные орудия и расщепленные кости животных, стало возможным утверждать, что многие из них (если не все!) могли охотиться и делали это весьма успешно, устраивая настоящие коллективные облавные охоты на животных, как это практикуется сегодня в «обезьяньем царстве». Как пишет известный советский исследователь, специалист в области первобытной техники и материальной культуры С. А. Семенов, древние обезьянолюды, конечно же, уступали в скорости своим хвостатым и бесхвостым «родственникам», однако по уровню своего нервно-психического развития и по организации стадных отношений, физическим особенностям они стояли неизмеримо выше обезьян. Вертикальное положение тела давало им возможность развивать зрительные восприятия и различные ассоциации уже не на малых, чисто «обезьяньих» дистанциях, а на больших расстояниях. Это позволяло хорошо видеть «поле боя», а значит, и лучше планировать охоту. Прямохождение дополнялось свободой рук, уже вооруженных палками и камнями, и это также давало свои преимущества, увеличивало силу мышц, силу удара. Но самое главное — интеллектуальное превосходство древних обезьянолюдей (австралопитеков): оно позволяло им производить облавные операции и преследование животных с использованием различных тактических приемов — отбивать от стада слабых, окружать отдельных животных или их небольшие группы, загонять животных в овраги, случайные ямы и болота, сбрасывать их с обрывов и горных круч.

Уже в слоях самого раннего палеолита, в неандертальское время (ок. 800 тысяч лет назад), на стоянке Торральба в Испании были найдены останки нескольких десятков древних слонов — предков или родственников будущего мамонта. Между ребрами одного из них застрял обугленный на огне конец копыя-рогатины из тисового дерева, длиной 215 сантиметров, тонкий конец которого был намеренно заострен и обожжен на огне. Это древнейшее орудие охоты сохранилось потому, что попало в яму с известковой водой, где был растворен мергель. Видимо, тяжело раненный слон, на которого охотились далекие предки человека, ушел от преследующих его охотников и умер вблизи воды — по крайней мере, так делают современные потомки тех древних слонов в настоящее время. Деревянные охотничьи копыя, наконечники которых для прочности были обожжены на огне¹, были уже сильными и надежными охотничьими орудиями труда, и человек в этот ранний период обеспечивал себя мясом.

Более того, роль охоты в далекое «доисторическое время»

¹ Слой бурого угля, пишет С. А. Семенов, образующийся при обжиге, придает дереву не только крепость, но и сопротивляемость гниению.

заклучалась не только в том, чтобы добыть то или иное количество мяса для охотничьего коллектива, но и в развитии и становлении самого человека, его умственных и физических особенностей. Охота, как самый ранний вид трудовой деятельности, создавала самого человека. Ведь первобытная коллективная охота приобрела характер человеческой деятельности прежде всего потому, что первобытные охотники использовали изготовленные ими орудия труда — колья, палицы, каменные топоры, ножи и т. п. — в процессе добычи жизненных благ и в процессе трудовой деятельности, связанной с охотой: разделка туши животных, обработка шкур и костей животных, изготовление новых орудий труда. Можно, таким образом, говорить, что охота, в которой наиболее всего проступала «созидающая триада» — борьба за существование, коллективный образ жизни и трудовая деятельность, — создавала самого человека, делая его несоизмеримо выше и интеллектуальнее любого самого «умного» зверя, отныне и навсегда становившегося добычей «человека разумного». Вооруженному коллективу охотников теперь не был страшен как самый крупный зверь — древний слон и мамонт, — так и самый сильный и опасный хищник того времени — саблезубый тигр или пещерный лев. Русский ученый-этнограф и путешественник А. М. Ядринцев писал в конце XIX века, что ранний период человеческой истории «создал особые свойства в природе человека, влияя на его физическое строение, и изощрил его многие способности: дальность зрения, меткость глаза, осторожность, наблюдательность... В этот период в высшей степени развилась физическая сила человека. До сих пор охотник есть превосходный ходок (хождение на лыжах особенно замечательно); ратоборство с животными развило его мускулы... Человек явился победителем самых свирепых животных. Он олицетворяется победителем мифического дракона, но еще важнее — он победил действительно мамонта, льва, тигра и медведя».

САМЫЕ ЛОВКИЕ, СМЕЛЫЕ И ВЫНОСЛИВЫЕ...

Действительно, история древней охоты, как образно сказал о ней С. А. Семенов, представляла собой состязание человека со зверем в силе, ловкости, выносливости и хитрости на протяжении многих сотен тысячелетий, причем не с одним каким-либо видом, а со всем животным царством. Именно в охоте выразилась самая ранняя и острая форма борьбы человека с природой, завершившаяся победой человека.

Шли века и тысячелетия, одна историческая эпоха сменяла другую, исчезали одни животные, появлялись и размножались другие... Накапливался опыт охотничьих приемов и уловок, тренировались и закреплялись выдержка, терпение, ловкость, вы-

носливость, усваивалось знание повадок и психологии животных, условий места и времени охоты. Охота все более активизировала деятельность человека, вырабатывала смелость, физическую стойкость, выносливость, пониженную чувствительность к травмам и болевым ощущениям, развивала повышенную наблюдательность и опыт следопыта, практическое знание окружающей природы. Хранителями охотничьего опыта человечества до сих пор остаются многие «охотничьи народы» тропических стран, для которых охота продолжает оставаться основным источником существования. Изучение их способов охоты не только праздное любопытство; для исследователей древнейшего периода человеческой истории это своеобразный историко-этнографический справочник, к которому они постоянно обращаются при реконструкции древнейших форм охоты. Пожалуй, нет ни одной работы по истории первобытного общества, по истории хозяйства и техники каменного века, в которых исследователи не обращались бы за аналогиями, например, к пигмеям и бушменам Африки, темнокожим аборигенам Австралии. По мнению Ю. Липса, хозяйственный уклад африканских пигмеев, бушменов, австралийских аборигенов и некоторых других отставших в своем развитии «охотничьих народов» планеты «в точности соответствует экономике людей, живших в ледниковый период».

Особенно поражают исследователей охотничьи навыки самых низкорослых жителей планеты — африканских пигмеев. Вооруженные лишь «игрушечными» копьями, ножами и маленькими, почти детскими луками, эти люди с успехом охотятся на самого крупного из сухопутных млекопитающих планеты — африканского слона, бесстрашно вступают в схватку с «пятнистой молнией» джунглей — леопардом, не останавливаются и перед тропическим буйволом (если их стадо забредет из саванны в джунгли), одним из самых опасных и страшных в своей ярости животных Африки. Перед тропическим буйволом нередко пасуют белые охотники, вооруженные тяжелыми многозарядными охотничьими карабинами. Кстати, о слонах, на которых охотятся африканские пигмеи. В прошлом веке в Англии, пишет немецкий писатель-популяризатор Ганс Бауэр, автор интересной «Книги о слонах», были проанализированы статистические данные о продолжительности жизни белых охотников за слонами. Оказалось, что она равна рекордному минимуму в... два года. Пигмеи же, эти самые одаренные и опытные из охотников Африканского континента, умудрялись прожить целую жизнь, регулярно занимаясь охотой на слонов. В этом им помогал вековой опыт предков, восходящий к незапамятным временам палеолита.

...На слоновью охоту пигмеи выходят группой до четырех человек, иногда же отправляются и в одиночку. Истинные «дети леса», как их называли первые путешественники, они сколь-

зят по нему словно тени, с поразительной ловкостью пробираются через густейшие кустарники, с быстротой ветра мчатся сквозь непроходимую чащу леса. Еще до встречи со слонем, буквально по его следам, охотник по одному ему известным приметам — отпечаткам ног, сломанной ветке, следам грязи на дереве, манере двигаться и т. п. — узнает «биографию» своей будущей добычи, возраст слона, пол, размеры, нрав. Порой охотники следуют за слонем по несколько дней, питаюсь лишь тем, что дает им Великий Лес. Немецкий путешественник П. Зейверт, наблюдавший охоту на слонов у камерунских пигмеев-багиелли, писал: «Встретив на пути слоновий помет, они намазывают все свое тело свежим слоновьим пометом с ног до головы, чтобы отбить назойливый человеческий запах, чтобы животное чувствовало только свой собственный запах, когда охотники осторожно к нему приближаются. Ползя на животе, если не представляется иной возможности, они медленно подкрадываются к ничего не подозревающему животному, пока не оказываются под ним, и внезапно со всей силой втыкают отравленное копьё в мягкую часть живота, после чего животное быстро сваливается. Затем они немедленно отрубают слону острыми ножами хобот, чтобы он истек кровью».

В других случаях охотники терпеливо выжидают, когда слон заснет, — сонному, ему перерезают сухожилия на одной из задних ног, лишая животное возможности двигаться, а если слон угрожает кому-нибудь из охотников, другие смело нападают на него с противоположной стороны, нанося все новые и новые раны в наиболее чувствительные и уязвимые места. У слона очень немного мест, попадание в которые дает немедленные результаты, кроме того, по своей площади эти места едва ли превышают размер ладони, но именно их прекрасно знают маленькие охотники на больших слонов. Известный путешественник Экли, бывший одновременно охотником, исследователем и коллекционером, писал, что он и его жена, сопровождавшая мужа в экспедициях, однажды должны были выстрелить двадцать шесть раз, прежде чем слон рухнул. В другой раз, сообщал он, пришлось, хорошо прицелившись, всадить с близкого расстояния в голову слона три пули, которые, однако, не причинили ему никакого вреда. Впечатление было такое, будто Экли стрелял в кучу песка. Слон скрылся в зарослях...

Очень часто пигмеи, пишут очевидцы, предпочитают традиционному охотничьему удару в брюхо слона один-единственный меткий удар в область ниже слоновьего уха, где расположены, как и у многих животных, важные артерии, питающие головной мозг. Анализируя подобные охотничьи приемы пигмеев, С. А. Семенов отмечает, что при нападении на слона опыт и интеллектуальное превосходство позволяли охотникам, подкрадываясь к животному и нанеся ему смертельный удар, ускользать от разъяренного зверя, рассыпаясь в стороны и за-

ставляя его гоняться то за одним, то за другим охотником. Тактика была рискованной, но, разбегаясь под прямым углом от направления, взятого слоном, они ставили его в затруднительное положение перед выбором нового объекта атаки. Растерянность слона возрастала, если никто из охотников не привлекал особого внимания животного каким-либо отличием в одежде, — естественно, для этой цели охотники, учитывая психологию животного, одевались соответствующим образом, чтобы не отличаться один от другого. Видимо, большую роль при этом играла и маскировочная окраска тела, покрытого грязью или слоновым пометом. Помимо того, что помет и грязь отбивали запахи человеческого тела, остро ощущаемый животными, обмазка тела делала охотников неотличимыми друг от друга. Как пишет Г. Бауэр, чтобы в какой-то степени реабилитировать этих «негигиеничных» охотников, слоновий навоз скорее похож на торф и не вызывает сильного отвращения: «В старых источниках, например... в книге Эндерссона, можно прочесть, что экскременты слонов имеют еще одно особое применение: они употребляются готтентотами взамен табака. На основании собственного опыта Эндерссон установил, что такой «табак» вполне приемлем на вкус. Он объясняет этот примечательный факт тем, что пища слонов состоит из многих ароматных частей: благовонных растений, трав, клубней и корешков». По поводу пигмейских способов охоты на африканских слонов Ю. Липс делает любопытный вывод, говоря, что эти архаичные способы коллективной охоты «позволяют сделать представляющие интерес соображения относительно охоты на мамонта в ледниковый период».

Покинем тропические леса Центральной Африки и спустимся на юг Африканского континента, где в песках пустынь Калахари и Намиб проживают последние группки бушменов, не менее искусных охотников, чем пигмеи. По многочисленным сообщениям путешественников, в разное время побывавших у бушменов Калахари, бывшие хозяева края великолепно знают свои охотничьи угодья, все тропы наперечет, все ущелья и проходы, по которым продвигаются стада животных в «зеленый сезон». Во время «сухого сезона» бушмены остаются непревзойденными мастерами в поисках воды и сохранении драгоценных капель живительной влаги, они не раз спасали жизнь белым охотникам и путешественникам, заблудившимся в «сухом безмолвии» Калахари. По едва лишь заметным признакам они определяют то место, где влага подходит к поверхности земли, делают углубление в песке, вставляют туда пустотелый ствол травянистого растения и «выкачивают» ртом остатки влаги. Если же воды им все же не удастся обнаружить, а запасы влаги, бережно хранимые в скорлупе страусовых яиц, кончились, бушмены приступают к поискам дикорастущих тыкв, сок тыкв заменяет им в засушливое время года отсут-

ствующую воду. Иногда же бушменам приходится довольствоваться кровью убитого ими животного... Даже провожая своего умершего сородича в последний путь, бушмены кладут ему в могилу скорлупу страусиного яйца, наполненную водой, лук, стрелу и копье. Кроме того, у ног умершего раскладывают маленький костер из сухих веток — ведь идти охотнику далеко-далеко, на небо, где он разожжет свой новый охотничий костер-звезду и будет охотиться вновь, испытывая и там вполне земную жажду...

Как и многие первобытные народы планеты, чья жизнь основана на охоте и собирании плодов, бушмены неутомимые ходоки и бегуны, способные побить многие сегодняшние спортивные рекорды. Особенно отличаются они при охоте способом «гона», когда животное преследуется до тех пор, пока наконец от усталости, голода, жажды или ранений не падает в изнеможении и становится добычей терпеливых и выносливых бегунов. Гон животного, например антилопы, — это не просто безостановочный бег по пустыне под палящими лучами солнца, он имеет и свою определенную тактику — бег с остановками, основанный на знании особенностей животного. Например, когда бушмены преследовали антилопу и останавливались передохнуть, загнанное животное тоже ложилось на землю. Ее разгоряченное тело срывало, мускулы слабели, и в это время бегуны стремительно срывались с места — антилопа, не успевшая вскочить на ноги, становилась добычей охотников. Как мы видим, в способе охоты «гоном» бушмены умело сочетают тактику бега на длинные дистанции со стремительными бросками коротких дистанций, то есть спринтерский и стайерский бег. Вся же охота в целом проводилась бушменами в быстром и стремительном темпе: за час-полтора маленькие желтокожие охотники были способны преодолеть расстояние в 40—60 километров, ничуть не устав при этом. Вся жизнь бушменов, как пишет о них И. Бьерре, проходит в бегах, в марш-бросках по пустынной, пересеченной местности...

Охота способом «гона», загона животного, в силу своей простоты и ординарности также относится к незапамятным временам доисторического периода и встречается повсеместно в охотничьих обществах. У австралийцев она также хорошо известна — Г. Дамм пишет, что среди австралийцев племени курнаи живет предание о человеке, который во время дождей, когда земля размокала, ловил кенгуру во время бега руками, а ведь кенгуру бежит с постоянной средней скоростью 30 километров в час, но может временами делать и по 50 километров в час.

Практиковалась охота «гоном» и у многих северных народов Сибири и Америки. Так, эскимосы и североамериканские индейцы могли по нескольку дней гнать дикого северного оленя, пока он не становился добычей охотников. Ненцы, эвенки, юкагиры, кеты и другие «охотничьи народы» Сибири также охотились «го-

ном» на лосей и диких оленей. Охота проводилась в конце зимы, ранней весной, по ломкому насту, который резал ноги животных и не давал им возможности далеко уйти от охотников. Ловец гнался за зверем на лыжах-голицах, то есть не подбитых мехом, до тех пор, пока не «загонял» добычу.

У кетов Сибири при коллективном «гоне» лося или оленя — он проводился осенью по мелкому снегу — принимало участие не менее 4—5 охотников. Среди них был один «ведущий», наиболее сильный и опытный «гонщик», которого перед охотой освобождали от всех тяжелых работ, кормили лучшей пищей, «чтобы ноги были крепче». Преследование лося продолжалось несколько суток с ночевками в снежных ямах на открытом воздухе. Первым налегке бежал «ведущий», остальные поспевали за ним, неся оружие и продукты. Кроме того, они собирали одежду, сброшенную во время преследования животного «ведущим», снимали шкуру с убитого им лося или оленя и наскоро, пока она не замерзла, разделявали тушу. «Ведущий» же в это время продолжал преследование остальных животных. При долгих погонях передовыми бежали все участники группы поочередно, однако на заключительных этапах охоты вперед вновь выступал «ведущий». По глубокому снегу этот предводителю охотничьей группы также, как правило, шел впереди и прокладывал лыжню для своих товарищей. На отдельных участках они заменяли его, давая отдохнуть и собраться с силами...

Правда, подобный способ охоты, несмотря на его трудоемкость, когда преследовали и убивали порой только одно животное, был непродуктивным и со временем вырождался, сохраняя только свой спортивно-магический характер. Охоту «гоном» устраивали лишь в дни каких-либо племенных торжеств и охотничье-промысловых праздников. О том, что подобный спортивно-охотничий ритуал, имевший определенное магическое значение, был известен в Сибири и в Северной Америке, сообщают многие исследователи. Так, у одного из индейских племен тихоокеанского побережья Америки проводились состязания в беге и выносливости, при этом нужно было догнать и захватить оленя. Последнему этапу состязания придавалось значение символа, обеспечивающего процветание природы и успех в предстоящих охотах на весь следующий год.

Американский этнограф и художник, оставивший красочные описания жизни и быта североамериканских индейцев (в том числе описание и рисунки маскировочной охоты индейцев на бизонов), Г. Кэтлин рассказывал о ловкости и поразительной выносливости американских индейцев в ловле и укрощении одичавших лошадей-мустангов, которых индейцы преследовали бегом от восхода до захода солнца, пока лошади не уставали и не сдавались человеку. Видимо, в подобных охотничьих поединках с животными развили свое удивительное искусство бега самые лучшие, сильные и выносливые бегуны во всем мире — мекси-

канские индейцы тараумара, получившие свое название от соседей: «рарамури» — «те, кто быстро бегают» (по другой версии — «летащие ноги»). Как сообщают ацтекские и испанские хроники, тараумара служили гонцами-скороходами в империи ацтеков накануне завоевания ее испанцами. Достижения в беге у этих прирожденных бегунов просто феноменальны: как сообщал несколько лет назад штутгартский «Шпорт-бюллетень», индеец-тараумара по имени Хуан Масейра пробежал без остановки дистанцию в 265 километров. А лучшее время, показанное тараумара в своем национальном виде состязаний — каррере, возникшем еще в глубокой «охотничьей» древности беге по пересеченной горной (на высоте 3000 м) местности на дистанцию 270 км — равняется... 27 часам бега без сна и отдыха.

Впрочем, и это далеко не рекорд для феноменальных бегунов. Рассказывают, что один из «королей каррере» за 5 дней пробежал... 960 километров, но, правда, с короткими остановками для сна и еды. А раньше, говорят индейские предания, тараумара могли бежать неделями, останавливаясь лишь затем, чтобы поспать и поесть.

Шведский журнал «Фиб-Акпоэльт» писал, что, когда лучшие спринтеры мира бегут стометровку с рекордными результатами, их скорость достигает 42 километров в час. Правда, эти «лучшие спринтеры» не относятся к членам «традиционных обществ», то есть оставших в своем развитии «охотничьих народов», таких, как бушмены, австралийцы, индейцы и др. Так вот, если бы «цивилизованным» мировым рекордсменам пришлось бы состязаться в беге с... носорогом, они едва-едва бы догнали его — прямо со старта тот берет скорость до 40 километров в час. Что же произошло, писал журнал, если бы на соревнованиях всемирного масштаба вместе с людьми выступали и представители животного мира? Вот правда без прикрас: ни одной медали, даже ни одного очка люди не получили бы во многих классических видах спорта. Звери выиграли бы все забеги, от стометровки до марафона. Гепард, это красивое и самое быстрое в мире животное, с которым охотились на тонконогих газелей иранские шахи, африканские и кавказские владетели и даже русские цари, пробежал расстояние в 650 метров за 20 секунд: значит, средняя скорость его была 110 километров в час, уже в первые секунды после старта гепард, «пардус рыкающий», как его именовали наши предки, набирает скорость до 75 километров в час. Такого ускорения еще не бывало ни у одного гоночного автомобиля!

И другие животные, на которых издревле охотился человек, превосходят его в скорости. Даже гигант животного царства, на вид медлительный и неповоротливый слон в ярости пробегает стометровку за 10 секунд. Однажды хронометр засек льва, который несся к добыче со скоростью 65 километров в час. Одним словом, в беге на 200 метров лидерами, пишет журнал, стали

бы гепард и антилопа, затем к финишу бы явились кенгуру, заяц и лошадь (с жокеем); человек пришел бы последним... Однако бушмены, умело используя спринтерский и стайерский бег, настигают и побеждают антилопу, австралийские аборигены догоняют кенгуру (зайца «гоном» не ловят — слишком мал, и это его спасает), индейцы американских прерий загоняли еще в прошлом веке диких мустангов. Так кто же «царь природы», самый ловкий, сильный и выносливый?..

Знаменитый Ж. Ламарк в свое время сформулировал известный «закон упражнения», не потерявший своей истинности и по сей день: «...постоянное пользование каким-нибудь органом содействует его развитию, укрепляет его и даже увеличивает; неупотребление же, переходя в привычку, препятствует его развитию, портит его, постепенно уменьшает и наконец приводит к его исчезновению...» В охоте же на животных, особенно в таком важном и непереносимом ее элементе, как бег и преследование добычи, в течение сотен тысячелетий принимал участие не какой-либо отдельный орган или группа мышц, но все тело человека, весь его организм, происходило совершенствование физических и психических свойств человека. Поистине охота сделала нас людьми!

ВОЛК И ТРИ ПОРОСЕНКА

И взрослые и дети знают популярную английскую сказку о злом волке и трех поросятах, о том, как волк, собравшись съесть всех их, рядится в овечью шкуру, чтобы не быть узнанным поросятами. А ведь в этой сказке использован один из древнейших охотничьих мотивов, восходящий к далеким временам палеолита, — охотничья маскировка, ряжение под животное, имитация его походки, повадок, его «голоса». Безмолвные силуэты ряженных в зверя охотников глядят на нас из сумрака палеолитических пещер Испании и Франции, под жарким солнцем Сахары крадутся на фресках Тассили маленькие фигурки охотников в наброшенных на спину звериных шкурах с рогами, в наскальных росписях Калахари по-птичьи вышагивают люди-страусы с маленькими бушменскими луками в руках...

Действительно, еще в глубокой древности от ловкости и мастерства охотников зависели результаты самой охоты, а иногда и жизнь самого охотника. Поэтому «охотничьи народы» очень тщательно изучали повадки зверя, его характер, привычки, особенности, поведение в том или ином случае, отношение к своим собратьям по стаду или стае. Со временем все это легло в основу многих рациональных приемов охотничьей маскировки, получившей широкое распространение среди охотников всех континентов.

Охотясь на газелей, охотники-бушмены водружали на голову шапку из шкуры газели, снятой вместе с рогами и ушами. Скры-

ваясь в траве, они подползали к животным на расстояние полета стрелы и убивали их отравленными стрелами. Один из популярных персонажей бушменского фольклора, насекомое Богомол, идя на битву с бабуинами, «собирает все свои стрелы, складывает их в колчан, набрасывает на себя шкуру антилопы и несется во всю прыть на поле битвы», неузнанным приближаясь к бабуинам. Действительно, антилопы, зебры и страусы, на которых охотятся бушмены, — наиболее быстрые и пугливые животные: при охоте на них необходимо соблюдать максимум выдержки, мастерства и осторожности. Для охоты на страуса, этого центрального героя бушменских легенд, у которого все хорошо: и мясо, и перья, и яйца, и даже скорлупа яиц, — буквально требовалось артистическое перевоплощение охотников. Бушмены накидывали на голову и плечи попону из плетеной травы и страусовых перьев, изображающих тело страуса, укрепляли на голове палку, напоминающую шею и голову птицы, а ноги обмазывали белой глиной. Подражая движениям клюющей птицы, переступающей с ноги на ногу, щиплющей траву, встряхивающейся, осторожно осматривающейся, они подбирались к страусиному выводку на расстояние полета стрелы и поражали их из лука. Кроме того, в страусином наряде охотники усыпляли даже бдительность антилоп и зебр. Порой же к страусам они подкрадывались, «переодевшись» антилопой.

Австралийские аборигены из района залива Шарлотты, «создавая» образ страуса эму, надевали его шкуру с головой на себя. При этом в шею чучела они втыкали вместо позвонков палку. В Новом Южном Уэльсе, наоборот, из шкуры и перьев эму делался манекен — манипулируя им из ямы или из-за холма, охотник подражал движениям птицы, привлекая живых эму. В приемах охоты австралийцы учитывали даже повадки и особенности животного, в частности крайнее любопытство эму. Зная, что птицу привлекает все яркое, окрашенное, блестящее и необычное, охотники использовали это как приманку в то время, когда другая группа охотников незаметно заходила в тыл к любопытным птицам. Порой описываются прямо-таки анекдотические случаи с эму. Так, зная, что за кочующими людьми иногда исподтишка наблюдают эму, идущие следом на каком-то расстоянии от людей, охотники пользовались следующей уловкой: один из них ложился на спину и начинал шевелить в воздухе ногами, привлекая внимание эму и разжигая их любопытство, в то время как другие охотники подкрадывались к птицам сзади. Подобного рода «диверсионные» охотничьи уловки были рассчитаны на отвлечение внимания любопытной птицы и строились на прекрасном знании ее психологии и поведения.

Иногда охотники устраивали засаду на эму в кустарнике или на дереве: спрятавшийся в листве ловец показывал ему копы или палку с привязанным к ним ярким пучком перьев какаду и начинал «подзывать» птицу прямо на копы...

Американские индейцы при охоте на бизонов и овцебыков выпускали на них своих волкоподобных собак, сами оставаясь в засаде до поры до времени. Животные принимали собак за волков и применяли против них свой излюбленный прием защиты, в течение веков развившийся у них при столкновении с волками, — животные становились кругом, тесным кольцом, выставив головы с мощными рогами навстречу противнику. При этом в центр рогатого каре оттеснялась молодежь и ослабевшие или старые животные. Этого-то как раз и добивались охотники, начинавшие пускать стрелы в такую отличную мишень. Если животные догадывались о появлении охотников и пытались бежать, на них вновь выпускали собак: срабатывал «защитный рефлекс», и животные вновь замыкались в кольцо, оставаясь на месте, вместо того чтобы искать спасения в бегстве. Здесь уже инстинктивная тактика обороны, ложно спровоцированная охотниками, имела прямо противоположный эффект — не спасала животных, а приводила их к гибели. В настоящем же противоборстве с волками она всегда выручала животных, делая их рогатое каре неуязвимым для волчьей стаи...

Интересно, что рука об руку с визуальной и двигательной маскировкой, рассчитанной на «зрение» зверя (а также с осязательной маскировкой — стремление отбить запах человека и «взять» запах зверя), развивалась и акустическая маскировка, рассчитанная на слух зверя. Человек старался по возможности глубже и полнее походить на зверя во всем, чтобы усыпить его бдительность. Если бы было можно, охотник сделался бы настоящим оборотнем на время охоты — не с этих ли далеких охотничьих времен дожили до наших дней легенды, сказки и предания в фольклоре многих народов мира об оборотнях, способных принимать облик любого животного, становиться по желанию зверем или человеком? И те потрясающие по исполнению, глубине и реализму рисунки человекозверей, монстров, как знаменитый «Колдун» из грота Трех Братьев во Франции? На какие только уловки не шел человек, чтобы добыть пропитание себе и своим близким, используя не только слабость, но и силу животного!

Исследователи сообщают, что даже феноменальное обоняние кенгуру было обращено охотниками против самих животных. Если копые, смазанное потом человека, со свистом пролетало над головой животного и врезалось в землю позади него, кенгуру, почуяв страшный запах, бросалось бежать в противоположную сторону и... попадало на засаду охотников (Квинсленд). Помимо приемов маскировки, имитации походки и поведения животного или птицы, использования чучел и маскировочных экранов, австралийцы успешно применяли настоящие «акустические атаки», рассчитанные на подавление психики животного. Приемы «охотничьих провокаций», наподобие описанного

выше, были знакомы всем без исключения охотникам Австралии. Так, на юге континента для охоты на уаллаби — мелких сумчатых типа кроликов или крыс — австралийцы симулировали атаку на уаллаби ястреба, их заклётого врага. Для этого, привязав пучок перьев ястреба к палке, охотник с криком бросался в траву, где паслись эти безобидные зверьки. Инстинкт подсказывал животным, как и тысячи раз до этого, не бросаться в стороны сломя голову, от ястреба все равно не убежишь, а сливаться с землей и переждать воздушную атаку хищника. Этим-то и пользовались охотники — они подходили и брали сумчатых, что называется, тепленькими...

Мы уже говорили о чрезмерном любопытстве страуса эму, черте характера, не дающей эму никакого интеллектуального превосходства над своими пернатыми собратьями. Более того, эта несчастная черта приносит эму одни только беды и часто стоит ему головы, которая потом водружается на палку-приманку для других столь же любознательных «скороходов пустыни».

Аборигены Квинсленда, по сообщению одного из путешественников, использовали в охоте на эму прием «акустической провокации». Для подманивания страуса они изготовляли своего рода «музыкальное полено» — кусок дерева с выжженной сердцевинной, резонатор звука. В земле выкапывалась небольшая ямка, над ней держали полено и дули в него — возникал глухой рев наподобие мычания коровы, походивший на голоса эму. На пение фальшивого эму сбегались птицы со всей округи, и новому «эмудову» оставалось только завлечь обманутых птиц в умело расставленные треугольником сети. Здесь их ожидали, лениво переговариваясь, трое-четверо помощников «музыканта». Иногда таким способом искусное «музыкальное трио» или «квартет» охотников брал в полон целую стаю эму...

Можно было бы еще рассказать об истории возникновения «маскировочных щитков» и «экранов», надежно маскирующих охотников различных континентов (особенно у охотников Севера), о способах охоты с ними. Интересны и способы охоты с помощью различных «манков» — свистков, труб, пищалок, «поющих» и «шлепающих» стрел. Любопытны древние способы лова водоплавающей птицы с помощью корзин и тыква-скафандров у народов Северной Америки, Европы, Африки, Азии, Австралии. (Одно из самых древнейших изображений подобного охотничьего снаряда можно видеть на фресках Тассили в фигурах так называемых «марсиан».) Ясно одно, что древнейший мотив переодевания волка в овечью шкуру и подражания бляению овцы восходит еще к незапамятным временам первобытной охоты.

ПЕРВЫЕ ДРУЗЬЯ И ПЕРВЫЕ ПОМОЩНИКИ

Во многих произведениях писателей-фантастов рисуется один из вариантов развития цивилизации, либо на Земле в далеком прошлом — на мифических, исчезнувших континентах Гондване и Лемурии, — либо в иных звездных мирах, активно использующих мускульную силу животных и их способности, с которыми разумные существа вступают в своеобразный симбиоз, порой стремятся поднять или приблизить животных до уровня своего развития. Истоки подобных вымышленных «биоцивилизаций», противопоставляемых «техногенным цивилизациям», вполне реальны, и их корни уходят в глубь «земной» истории, когда человек впервые на заре своей деятельности обратил внимание на богатый животный мир своей планеты не только как на источник пищи, а впервые позавидовал высоте и способности полета птицы, скорости бега антилопы и лошади, необыкновенной мощи и силе слона, ловкости и быстроте реакции хищников. Легенды и мифы народов мира полны этой доброй зависти к бегающим, прыгающим, летающим и плавающим собратьям по «земному общежитию». Герои древних мифов, особенно у «охотничьих народов», в сложных жизненных ситуациях обладают волшебной способностью обращаться в животных, птиц или рыб и спасаться от преследователей или же сами настигают добычу, карают зло, совершают различные подвиги. Даже в старинных русских былинах герои «волком рыщут» по степи, обращаются в горностаев и, проскользнув незамеченными во вражеский стан, перегрызают тетивы у вражеских луков...

Отсюда из желания быть более быстрым, сильным, ловким, обладать способностями, которыми природа обделила человека, из сравнения качеств животного и человека родилась идея стихийно подражать животному, делать «как он», которая затем приняла вполне разумную «человеческую форму» — использовать животное в целях человека. Но эта древняя мечта заставить животных служить человеку приобрела живую реальность лишь тогда, когда человек перешел к более длительной, а затем и постоянной оседлости, когда у него появился досуг, свободное время для приручения животных, их одомашнивания, когда появились излишки и запасы пищи. Таким образом человек избавлялся от необходимости съедать каждое пойманное и даже уже прирученное животное, живущее при доме. Богатый охотничий опыт, наблюдение над миром животных, знание их особенностей, характера и привычек еще в охотничьей древности заложили основы «мирных» контактов человека с животным миром, использования их не только как объектов охоты, но и как помощников человека в его повседневной хозяйственной деятельности.

Первой стадией установления таких «мирных контактов» следует считать приручение охотниками диких животных — пойманных, раненных или вынутых из гнезда. И здесь охота сыграв

ла огромную роль, фактически без охоты не произошло бы приручение животных, их одомашнивание и в конечном счете не зародилось бы животноводство и земледелие, человек не перешел бы к следующей, более высокой стадии социального и культурного развития. Как свидетельствуют многочисленные этнографические материалы, приручение, выращивание и содержание в неволе различных животных, птиц, змей и т. п. происходило у охотников всех континентов, даже там, где, как, например, в Америке, вообще было одомашнено очень мало видов животных.

Путешественники и исследователи сообщают, что у многих индейских племен Южной Америки в селениях можно встретить самых разнообразных обезьян, включая ревунов и капуцинов; прирученными были здесь и многие насекомоядные, грызуны, попугаи, тулканы, ястребы, совы, утки, олени, тапиры, ягуары, оцелоты и даже ящерицы (агамы, гекконы, игуаны). В другом районе земного шара, в странах Юго-Восточной Азии, во многих деревнях каждый род или деревня считали определенным обычаем выкормить своего «покровителя» — какое-либо животное, с которым они состояли якобы в близком «родстве» (вера человека в родство с животными получила в этнографии наименование «тотемизма»), — ящерицу, леопарда, змею, обезьяну и др. В Австралии, где единственным одомашненным животным была дикая собака динго, тоже порой для забавы малышам содержали различных животных и даже змей, предварительно обезвредив их — удалив им ядовитые зубы. Айны острова Хоккайдо выращивали в клетках при домах диких лис, енотов, филинов, орлов, ястребов и даже медведей (как и у многих сибирских народов, у айнов тоже в старину существовал «культ медведя» с обязательным «медвежьим праздником»). Обские угры, селькупы, кеты и другие народы Сибири воспитывали в неволе лосей, лисиц, песцов, уток, гусей, лебедей, орлов, причем птицы настолько привыкали к дому, что, улетая на волю, всегда возвращались назад... И число таких примеров можно приводить до бесконечности.

Тратилось немало труда и терпения, чтобы приручить животных к человеку, приучить их к дому, к человеческому жилью. В этом охотникам и рыболовам помогало прекрасное знание привычек, повадок и характера животных, знание условий их жизни и многих других тонкостей, которых порой не знают даже зоологи. При этом приручались даже взрослые особи, у которых инстинкт самосохранения брал верх над всем остальным — страхом перед человеком, врожденной неприязнью к нему. С. А. Семенов пишет, что «сопротивление взрослых животных ломалось решительно». Их сажали в сосуды и ящики, закапывали по шею в землю, не давали пищи и питья, кормили соленым или проперченным, окуривали дымом костра, пока животные не сдавались и не привыкали повиноваться, откликаться на

зов, различать людей по запаху, позволять брать себя на руки, привыкали жить вместе с людьми в одном жилище, есть из их рук пищу, возвращаться из лесу домой. В конце концов из некоторых животных вырастали преданной помощники и защитники человека; несмотря на «варварские методы» их приручения, они по-настоящему привязывались к человеку. Прирученные питоны ловили мышей, охраняли дом в отсутствие человека, нянчили детей, вползали на деревья и сбрасывали вниз плоды; страусы становились «почтальонами», «пастухами» овечьих стад; ящериц агама у южноамериканских индейцев брали на охоту, чтобы получить сигналы о приближении ягуаров; птицы-секретари и кукушки-змееловы очищали фермерские участки от ядовитых змей; петухи своим пением возвещали о наступлении нового дня и развлекали людей петушиными боями. Да разве перечислишь «профессии» всех прирученных животных, птиц и даже рыб человеком!

Как мы видим, охота, считают исследователи, явилась важнейшей предпосылкой для зарождения животноводства, одомашнивания животных. Однако на первых порах выращивание в неволе пойманных зверей имело основной целью не одомашнивание животных, а создание живых мясных «консервов», запасов мясной пищи на трудное время года, когда охота по тем или иным причинам становилась малорезультативной. К глубокой древности восходят первые опыты по содержанию в неволе даже крупных животных, таких, как, например, гигантский ленивец-мегатерий, живший на обоих американских континентах еще в конце ледникового периода. Более странного животного, чем вымерший ныне мегатерий, пишет американский палеонтолог Р. Эндрюз, трудно себе представить: неуклюжие и медлительные гиганты-мегатерии превышали в длину шесть метров, а высотой превосходили слона. Что самое странное, человек охотился на этих гигантов животного мира и, по-видимому, ловил этих зверей живьем. В пещере Ласт-Хоуп в Патагонии (Аргентина), во всяком случае, ленивцы содержались в неволе, находились в «стойле», как домашние животные. «Я немало дал бы, — пишет Эндрюз, — чтобы узнать, как первобытные люди сумели загнать в пещеру огромного, гигантского ленивца. Возможно, тут действовала целая группа охотников. А может быть, подобно медведям, эти животные селились в пещерах? В таком случае охотники, обнаружив ленивцев в их логовище, могли заградить выходы из пещеры стеной, сложенной из камней. Разумеется, нужно было приносить им также и воду. Возможно, что ленивцев предназначали на убой». Вероятно, с таким же успехом древние охотники могли какое-то время откармливать и попавшего в ловчую яму мамонта или его детеныша, на что прозрачно намекают некоторые древние сказания северных народов Сибири и Америки. Уже в IV—III тысячелетиях до нашей эры на печатях и амулетах Мохенджо-Даро и Хараппы и других

древнеиндийских городов мы встречаем индийского слона, спокойно стоящего перед кормушкой с пищей, поставленной перед ним человеком...

В дальнейшем выращивание животных в охотничьих коллективах в периоды более длительной оседлости становилось своего рода развлечением, времяпрепровождением, отдыхом от повседневных работ, забавой для детей, имевших «живые игрушки», предметом забот женщин, особенно бездетных. Существует мнение, что главную роль в приручении пойманных животных сыграла женщина, больше всего привязанная к дому, к стойбищу, к домашнему хозяйству, к детям, чем постоянно занятые охотой мужчины. Не случайно греческая богиня охоты Артемида всегда изображалась древними греками в сопровождении ручной лани — священного животного Дианы-охотницы.

В сказках и мифах разных народов мира сплошь и рядом встречается древний мотив вскармливания животных (птиц, собак, оленя, коня, орла), что говорит о давности подобной традиции. При этом в древнейших мифах «дрессировщиком» животных, как правило, выступает женщина. Видимо, не случайно у пигмеев-аэта, жителей труднодоступных горных районов Филиппинских островов, сохраняется своеобразное табу, связанное с дикими животными. По их поверьям, в хижину нельзя вносить мелких животных (обезьян, диких котов и др.) до тех пор, пока их не коснется рука женщины. Нарушение этого правила вызовет грозу, которая может разрушить дом аэта, не выполнившего необходимого предписания...

Материалы по этнографии некоторых народов мира, кажется, подтверждают эту точку зрения о роли женщины в приручении диких животных. У отдельных племен папуасов Новой Гвинеи и в соседних районах женщины, особенно потерявшие ребенка, всю свою нерастраченную материнскую ласку переносят на щенков (кстати говоря, это характерно и для женщин в «цивилизованных обществах»), маленьких поросят и других животных, порой даже вскармливают их грудью, избавляясь от «перегоревшего молока». Может быть, отсюда берет начало вера человека в родство с тем или иным животным, ибо хорошо известна роль женщины-матери, магическая сила материнского молока, примиряющая даже кровных врагов (ибо простое прикосновение губами к груди женщины являлось священным актом «усыновления» у многих народов планеты).

Обычай вскармливания животных грудью известен из этнографии многих народов мира — в Азии, Африке, Южной Америке, Австралии. Встречался он в прошлом и у некоторых народов Сибири, например вскармливание грудью маленьких медвежат. Как правило, рассказ о подобном обычае начинался с того, что охотники убивали медведицу, у которой оставались медвежата «грудного возраста». Они «плакали», «просили есть», и какая-

нибудь из сердобольных женщин племени, у которой были грудные дети, кормила своим молоком медвежат. Обычно на это соглашалась женщина, у которой только что умер ребенок грудного возраста. Медвежонок или медвежата вырастали и, естественно, в силу инстинкта привязывались к своей приемной матери, привыкали к людям, становились совсем ручными. При этом племя или род, откуда была женщина, всячески поощряло подобный обычай, всерьез полагая (магическая сила магеринского молока), что оно «породнилось» с грозным властелином лесов — медведем, со всем медвежьим племенем. Подросших зверей чаще всего торжественно после 3—5 лет отправляли в лес после ритуального прощания с «братьями по крови», с «молочными братьями», говоря при этом, что «мы твоя родня, твои братья и сестры, иди в лес и скажи своим сородичам, чтобы они не трогали нас на охоте». Такого «молочного брата» метили специальной метой — браслетом, кольцом вокруг шеи, даже голубой лентой (голубой цвет считался «оберегом», рассчитанным на предохранение детей от «нечистой силы», от «злого глаза» и т. п.). Уже в дальнейшем род или племя не охотилось на медведей, считая их своими родственниками, и даже мстило «кровной мезтью» охотникам из чужих родов, убивавшим «лесного сородича», особенно если он трогал «меченого» медведя.

В старину, по многочисленным рассказам селькупов, кетов, амурских народов, у них отлавливались, откармливались и приручались медвежата грудного возраста, которых охотники специально натаскивали для охоты на своих диких собратьев (когда стала забываться традиция «родства по крови» с хозяином леса). Такого медведя, например, селькупы держали в чуме и даже по-прежнему называли его «ман иямы» — «мой сын» (иначе «он сердился и плохо приручался»). Выращенных при доме медведей, по рассказам селькупов, брали на охоту на диких медведей. При встрече с диким сородичем «ман иямы» вступал с ним в драку, а подоспевший охотник легко убивал дикого медведя, внимание которого было переключено на своего противника. У енисейских кетов тоже существовал подобный обычай вскармливания ручного медвежонка и использование его, когда он подрастал, на охоте: своим ворчанием «охотничий медведь» предупреждал охотников о приближении дикого медведя и при нужде вступал с ним в поединок.

Отсюда, можно сказать, начинается второй этап установления «контактов» с миром животных — использование их на охоте в роли охотничьих животных, помощников человека. Здесь мы находим массу примеров любопытных и удивительных, поражающих своей необычностью, свидетельствующих о древности контактов человека и животного, об исключительной наблюдательности человека, прекрасном знании характера, привычек и особенностей животных, используемых человеком на охоте.

«Королями дрессировки», как пишут путешественники, по праву можно назвать полинезийцев, приручивших практически всех живых существ, населяющих их островной мир. Так, например, жители острова Науру (сейчас независимое государство Науру), как писал еще Ю. Липс, владеют искусством приручения почти всех многочисленных видов птиц, населяющих острова, и в первую очередь красавцев фрегатов (священной птицы у жителей многих островов Полинезии). Обученные фрегаты помогают жителям Науру приманивать и отлавливать своих диких собратьев. Среди разного рода развлечений на острове наиболее популярны петушиные, свиные и рыбы бои. Кроме того, дрессированные рыбки-маньки, рыбки-провокаторы увлекают в сети островитян косяки океанских рыб. Даже дети островитян приручают стрекоз (кажется, не слишком частый случай приручения из мира насекомых, не считая пчел, которых, однако, вряд ли можно считать по-настоящему «ручными»). Мальчишки здесь держат ручных стрекоз на деревьях, поблизости от дома, откуда ручные стрекозы, к великой радости их владельцев, нападают из засады на пролетающих мимо стрекоз и устраивают с ними настоящие воздушные бои...

Наверное, одним из древнейших «документов», явно засвидетельствовавшим охоту на животных с помощью животных, следует считать сахарские фрески Тассили. На одной из них, относимой исследователями к Скотоводческому периоду истории Сахары (ок. 5 тысяч лет назад), изображена охота на гиппопотамов: три тростниковые пироги окружили семейство бегемотов в каком-то болотистом водоеме и выгоняют животных на берег, где их ждет человек, стоящий с луком в руке на спине прирученного быка. Возможно, на фреске показана охота с помощью лодок с загонщиками и с дрессированным быком или буйволом, как это широко применяется у многих южных тропических народов — в Индии, на Цейлоне, в странах Юго-Восточной Азии — и у якутов в Сибири. При этом бык или буйвол служит своеобразным «живым экраном», скрадывающим охотника от дичи...

На другой фреске, тоже относимой к Скотоводческому периоду, изображена известная «Битва жираф». Между ногами у дерущихся животных на втором плане, в глубине рисунка, показаны три пасущиеся антилопы: одна из них щиплет траву, двое других настороженно подняли головы, к чему-то прислушиваясь. А прямо перед зрителем, на фоне дерущихся жираф, бегущего страуса и пасущихся антилоп нарисована еще одна антилопа, наклонившая голову к траве. Однако, судя по рисунку, это заставил ее сделать охотник, натянувший поводок. Сама же стройная фигурка человека с изящным гибким луком в руках целиком спряталась за туловищем антилопы-маньки, антилопы-экрана. Еще несколько шагов — и он приблизится к животным и выпустит тонкую свистящую стрелу, и раненное животное за-

бьется в агонии или же умчится вперед, вздымая легкую пыль саванны...

Какие только животные не побывали помощниками у охотников планеты! Многочисленные и разнообразные породы собак, самых древних «друзей человека», следы одомашнивания которых восходят еще к позднему палеолиту; охотничий олень-манчик и «экранный», с которым охотятся жители севера Сибири; уже упомянутые нами «охотничьи» буйволы и быки, причем в Индии можно встретить настоящих «боевых буйволов», обученных находить тигра и вступать с ним в поединок; участники хорошо известной в Индии, странах Юго-Восточной Азии и на Цейлоне «кхедды» (отлов диких слонов) — ручные слоны-охотники, обученные охоте на слонов; дрессированные, натасканные на зайцев и диких кроликов. ручные хорьки, с которыми охотятся во Франции и в Швеции (остров Готланд); среди ловчих птиц — соколы-сапсаны, беркуты, коршуны, орлы, фрегаты и ловцы рыбы — бакланы (страны Европы, Азии, Полинезия); среди рыб — дрессированные рыбки-провокаторы и «живые удочки», реморы, присасывающиеся к добыче (с ее помощью ловят рыбу жители Индокитая, Торресова пролива, Занзибара и Кубы), и многие-многие другие охотничьи животные, рассказ о которых занял бы большую книгу. Вот она, вчерашняя и даже сегодняшняя «биоцивилизация» нашей планеты, предыстория приручения и одомашнивания животных человеком, активный симбиоз животного и человека, со временем ставшего мудрым хозяином планеты. Поистине охота сделала нас Людьюми!

В МЕРТВОМ ГИТЕ, ИЛИ ТРОЕ В АНГЛИИ, НЕ СЧИТАЯ ЛОШАДЕЙ

Если к финишу пришли в мертвом гите, начинать сначала запрещается.

Правила жокей-клуба

— Нет, друзья мои, вы и понять не способны, куда мы попали! — говорил это Катомский Всеволод Александрович, старший из двух наших наездников, говорил Грише Гришашвили, второму наезднику, и мне, посланному третьим за ассистента и переводчика.

Мы — в Англии, на ипподроме. Показать беговых рысаков в призах и поставить их на продажу — такова наша миссия. Мы живем в последнем повороте. При выходе на прямую, у самой изгороди, окружающей призовую дорожку, поставлен наш «караван», фургон — дом на колесах. Здесь, когда бега, начинается среди наездников крик, поднимаются хлысты, и лошади, прижимая уши, идут на бросок к финишу. По утрам тихо. Видно, а не слышно море. На горизонте корабли держат курс в Ливерпуль. Мимо по шоссе проносятся автобусы в соседний приморский городок — Страну чудес: там были написаны «Приключения Алисы». Это там, прогуливаясь по берегу, Морж с Плотником выясняли, «почему песок сыплется, а вода — мокрая», — и мы бы не прочь походить по этим местам. Но с лошадьми известно: прежде чем ездить, надо повозить их на себе. Призовой тренинг, или, как еще говорят, призо-

вая выдержка, — это две минуты соревнований плюс кругло-суточное священнодействие вокруг коня. А тут, в Англии, каждый из нас еще и за конюха, и за наездника, и даже за ночного сторожа. Поить, кормить, потом вдруг у них колики, потом — попоны, компрессы, горчичники, втирания, водить в руках часами, наконец, слава богу, езда, и опять водить и снова поить-кормить. Поэтому утешать себя остается тем, что от конюшни до Страны чудес песок все тот же самый, сыпучий, а вода... Что же тут непонятного?

Правда, не все было так ясно с самого начала. А именно, что едем в Англию — и на бега.

Веками англичане признавали исключительно скачки. Разница — верхом или в экипаже, но дело, конечно, не в технических тонкостях, а в традициях. «Привычки тори и скачек», — даже Герцен так отзывался об английском консерватизме. И вдруг у англичан рысаки вместо извечных скакунов! Не ошибся ли кто? Ехали мы поездом, плыли пароходом, всю Англию пересекли от Лондона до Уэльских гор и все время сомневались: туда ли едем? В пути, конечно, каждый был нам рад. Лошади! Просили и посмотреть и погладить, спрашивали, кто самый лучший.

— Спросите, кто самый ленивый, — толковал Катомский, — я вам сразу скажу: Тайфун. Кто хитрый? Померанец. А избалован кто больше всех? Эх Откровенный Разговор. Замолчи, с-скотина! — тут же кричал он страшным голосом, потому что Эх Откровенный Разговор, для краткости — Родион, — желая, видимо, подтвердить данную ему аттестацию, начинал капризно бить копытом.

В дороге были мы как дома. Лошади для англичан — это даже не спорт, а ритуальное действие. Достаточно копыт, хвоста, и, увидев их, какая бы ни была там кровь, рысистая или скаковая, всякий заговаривал с нами по-свойски. Один инженер из Манчестера увлекся беседой настолько, что опоздал к поезду и, когда мы стали ему сочувствовать, только рукой махнул: «Бросьте! Это просто приятно, позабыть обо всем на свете за разговором о лошадях». Но вот таможенник, человек бывалый, внимательно прочел документы, спросил нас: «На скачки?» — и, услышав: «Н-нет, на бега», — взглянул так, будто обнаружил у нас контрабанду. А мы и сами не вполне понимали, как это в Англию и на бега: все равно что среди католиков проповедовать ислам.

Но сомнения наши в конце концов рассеялись, хотя и в самый последний момент, уже у ворот ипподрома, когда мы прочли афишу: «Новое в Англии! Бега по пятницам и субботам». Потом стояло: «Британская ассоциация рысистого спорта», а еще ниже — «Признана в США». Это было тоже удивительно: англичанам, нации конников, для учреждения у себя бегов

потребовалась американская апробация. Мы вздохнули с облегчением: прибыли все-таки по адресу!

Дальше все уже казалось нам понятным и привычным. Проводки, прикидки, компрессы, горчичники... Только вот чайки мешали нам и зайцы. К чайкам наши лошади, впрочем, скоро привыкли. Они видели их, эти белые комочки, взлетающие с дорожки прямо из-под копыт, видели и перестали бояться. С зайцами было сложнее: таят в траве у самой бровки. Проминаешь лошадь и, летя на полном ходу, вдруг точно там, где печатает копыто, замечаешь остекленевший глазок. А если он вздумает прыгнуть? Что тогда делается с живой машиной, которая, кипя пеной и нервами, дрожит на приводе вожжей? Но Гриша договорился с одним любителем из публики травить зайцев. Тот прибыл пораньше утром в грузовике, набитом собаками, борзыми — поменьше наших и все больше дымчатые. И началась травля. Взять они ни одного зайца так и не взяли, места для разгона не было, но, по крайней мере, прогнали. Сквозь щели в заборе зайцы перебрались по соседству на поле для игры в крикет. Мы после этого слышали иногда из-за забора: «Послушай, Джим, откуда вдруг развелось здесь столько зайцев? Играть же невозможно. Бьешь в лузу, попадаешь в зайца». Зато мы резвили рысаков спокойно. И вообще все у нас устроилось вроде бы по-домашнему. Но вдруг Всеволод Александрович заявил:

— Нет, ничего вы не понимаете!

Он, разумеется, корифей. У него есть право следить за тем, чтобы наш профессиональный взгляд на вещи держался известного уровня. Когда показали нам ферму, где разводятся пони, и мы с Гришей, глядя на этих лилипутов, хотели умилиться — все как у лошадей, производитель, хотя и с собаку величиной, но свирепо бьет копытом о землю, миниатюрные кобылки с микроскопическими жеребятами — хотели мы умилиться, но Всеволод Александрович пристыдил нас.

— А что? — не уступал Гриша. — Хорошие пони!

— Да что вообще может быть хорошего в пони?

Катомский, конечно, не просто Катомский, он — Катомский Четвертый или даже Пятый, наследник целой тренерской династии. Красное с белым — с каких пор блистают на беговой дорожке эти наездничьи «цвета»? У самого Всеволода Александровича белый камзол, красный картуз, у отца его, Катомского Третьего, все было белое и только лента красная через плечо, а дед, пра-Катомский, ездил с красными рукавами. И так далее в том же духе почти век, с тех пор, как существует в современном виде рысистый спорт. История бегов — история семьи Катомских. «Для меня в моем деле не осталось тайн», — говорит наш маэстро со вздохом, будто ему и жить уже больше фактически незачем, коль скоро в лошадях он все постиг и все призы, какие по жребью ему было положено, выиграл. Поэтому

мы прислушались, когда эта истина в последней инстанции и в белом камзоле с красным картузом изрекла: «Куда вам!» Хорошо, но в чем дело?

— Ну как же! Вы и не видите, а вот Яков Петрович — вылитый Яков Петрович!

И указывает на нашего местного знакомого, конского барышника Дика Дайса.

— Подумать только, как две капли воды покойник Яков Петрович!

Легендарный Яков Петрович — это, я слышал, тот самый, что когда-то перекрашивал лошадей, подделывал племенные аттестаты, и, кажется, это он разыграл историю, описанную Куприным в «Изумруде». А Дик Дайс... Спрашиваю его:

— Чем вы занимаетесь?

— Ничем.

— Как же так?

— Торговал автомобилями, но продал дело и сейчас думаю, чем бы заняться. Как по-вашему, лошади — это солидно?

— А живете вы где?

— Нигде. Продал дом, — объяснил Дик Дайс, — и теперь думаю, где бы поселиться. А пока арендую «караван».

Отец трех взрослых сыновей, Дик Дайс помещался, оказывается, в караване со всем семейством. И все это ради того, чтобы с утра до вечера пропадать на ипподроме и с лошадьми. У него имелась и своя лошадь — в особом «караване», конском, прицепленном к жилому. Между прочим, жена Дика Дайса держалась с непостижимым спокойствием, так, будто живет не в коробке на колесах, а по меньшей мере во дворце с привратниками в ливреях у ворот: прямая, почтенная и величественная. Когда Том, ее старший, не мог справиться с лошастью, дурная Бай-Бай его понесла и в публике раздался женский визг, я невольно обернулся и увидел, что это не миссис Дайс. Госпожа Дайс сидела все столь же монументальная и невозмутимая, с сигаретой, как обычно, в самых кончиках пальцев. Тома вместе с Бай-Бай ловили веревками, он поднялся к ней потом побледневший в трибуны, и она потрепала его ладонью по запыленной щеке. Самого Дика Дайса, его шляпу на затылке, постоянную суету и вообще его жизнь она, кажется, вовсе не замечала. Лишь однажды, после того, как он с наездниками исчез куда-то на неделю, она держала его весь вечер при себе. Дик Дайс был смирен, но на лице у него было написано: «Ничего, ничего, завтра все пойдет по-старому». Но куда ему до Якова Петровича, если, конечно, верить легендам про Якова Петровича!

— Нет, нет, — твердил Катомский, — смотри: он самый!

«Воскресил» Всеволод Александрович и еще одну легендарную личность.

— Этот, как его, Хью, — сказал он, — это же просто покойник Кашеев, вылитый Гришка Кашеев!

Хью Бертон на «покойника», какого бы то ни было, вовсе не походил, но был он представителем профессии вымирающей. Боксер без перчаток, кулачный боец и к тому же боец-чемпион был этот Хью. Разумеется, вне закона. Но в Англии не во всех графствах действуют спортивные законы, и вот там, где сила законов кончалась, скажем в Йоркшире, он проводил жуткие бои. Когда мы поинтересовались, есть ли у них все-таки правила, он только рассмеялся. А в ответ на вопрос, дерутся ли только руками, он закатал штанину до колена с трудом. Штанину закатать было трудно потому, что она узка была для бугристого образования величиной с детскую голову на месте икры. А как часто приходится драться? Хью сказал: «Когда получи достойный вызов». В ожидании вызова Хью держал при себе бесформенно-огромное чучело человека, величиной с хороший шкаф, которого тузил по утрам до второго завтрака, а после второго завтрака и до вечера он, как Дик Дайс, пропадал на ипподроме.

— Покойник Кашеев! Покойник Кашеев! — не мог на него наглядеться Катомский.

— Нет, ты пойми правильно, — рассуждал маэстро, — дело не в сходстве. Сходства никакого! Он своим взглядом на лошадь, да и на меня самого, напоминает мне Кашеева. Как тот на отца моего взглядом газели глядел и просил: «Александр Всеволодович, позвольте взойти и лошадок ваших взглянуть. Я их и дыханьем своим не беспокою». Был этот взгляд на лошадь, брат ты мой, был! Музыка, туш! Земля дрожит. Публика трепещет. Сам Поддубный подумывает, не уклониться ли ему от схватки с Кашеевым, а этот всеобщий кумир у порога конюшни прощения просит. И какие, брат ты мой, люди за честь считали не то что поглядеть, а так только, рядом постоять и посмотреть. Каждый из нас имена этих людей произносит с благоговением, а они — «Разрешите только взглянуть!». Ты это и в «Анне Карениной» найдешь: «Всех с конюшни вон! Нечего лошадь перед призом нервировать!» А теперь, ты сам убедился, так и лезут, так и лезут без всякого трепета с расспросами да с ласками. А вот откуда у этого британского костоправа такая деликатность взялась во взгляде на лошадь, кто знает, но я, когда встречаю его, молодость вспоминаю, и видится мне через него и Кашеев, и сам Лев Николаевич, и на душе становится тепло.

Хью пригласил нас на рыбную ловлю, узнав, что Катомский, кроме того, еще и рыболов, хотя и не потомственный. С трудом найдя подмену — за лошадьми смотреть, мы поехали, но в действительности рыба — это был только предлог. Прежде всего мы приехали в какое-то хозяйство, где Хью держал пару лошадей, и ему хотелось, чтобы мастер осмотрел их.

— Сейчас, — говорил кулачный боец, необычайно воодушевленнаясь, — покажу вам кобылу. Она третий раз подряд жеребит двойню.

— А вот, — продолжал нелегальный боксер, — мой мерин. Может бежать и рысью и иноходью. Его испытывали и в экипаже, и под седлом.

Мерин рыжий, с лысиной, представлявший собой в некотором роде лошадиный универсал, потянулся к нам обвисшими губами. На вид ему было лет пятнадцать, что по человеческим меркам будет все шестьдесят. Мерин, видно, хотел бы сахара. Хозяин, однако, ничего ему не дал, а только отвел его морду рукой с почтительной осторожностью, как и требовали того исключительные дарования ветерана.

— Еще я вам покажу, — не унимался боксер, — осла. Настоящий марокканский осел!

Катомский, еще недавно поносивший нас с Гришей за взгляд, один только взгляд, брошенный на пони, теперь осматривал осла, будто это была идеальной форм призовая лошадь:

— Ну, как осел? — обратился к Всеволоду Александровичу Гриша. — Хорош по виду?

Наконец мы сели в машину. Хозяин отвлекся к приемнику, и раздалось:

Хвалю тебя
за то,
что ты
побли-и-изости!

Кулачный боец, нелегальный чемпион, крутил рулем. Мы повернули там, где проезд был закрыт, и, значительно превышая дозволенную скорость, подлетели к запертым воротам с внушительными буквами:

«Частные угодия. Частный водоем.

Посторонним ловить рыбу строго запрещено.

Нарушители будут наказаны по закону».

Хью полез через забор.

— Впрочем, — добавил он уже по ту сторону забора, — если меня схватят, я скажу, что не читаю по-английски.

Хью быстро поймал порядочную рыбу, причем прямо руками.

— Хорошая рыба! — сказали мы все трое в один голос и уже без всякой задней мысли.

На обратном пути мы заглянули в «Шхуна-Бар», находившийся прямо по соседству с ипподромом. Вообще-то бар был приморским, но его поглотила пучина ипподромных страстей, и, кроме названия и рулевого колеса, прибитого у входа, близость к морю здесь ни в чем не сказывалась. С порога было слышно, что говорят о лошадях, о лошадях, о лошадях.

Без Дика Дайса здесь не обошлось. По принципу «все мое при мне» он находился здесь вместе со всем семейством и, если уж говорить о нем на языке, достойном Якова Петровича, так сказать, гулял.

— Не трогай хлыст! — велел он своему младшему сыну и, отняв хлыст, стал с ним делать то же, что и мальчишка.

— Не шуми! — прикрикнул Дик на среднего, а сам продолжал шуметь больше всех.

Чинно было только в одном углу. Там букмекер, глава местных букмекеров, развернул свою деятельность. Но кто такой букмекер?

До начала бегов по конюшням, выясняя шансы лошадей, шныряют «жучки». Добытые сведения они предлагают игрокам, тототшникам, а те, естественно, загораясь надеждой на несметный выигрыш, делают ставки букмекеру. А букмекер — это в своем роде персонаж экзистенциальный, тот, на чьем знамени прибиты слова: «Держись до последнего!» Наездник выигрывает, когда он выигрывает, приходит к финишу первым; игрок выигрывает, если он угадал победителя. А когда остается в выигрыше букмекер? Он играет один против всех. Победа фаворита ему невыгодна: получается один к одному, деньги приходят и уходят. Если же выиграет лошадка «темная», на которую никто не ставил, деньги останутся у него, но бить будут. А главное, кроме ущерба физического, фирма понесет еще и моральный урон, верить в этого букмекера перестанут. Тоже невыгодно. И букмекер гадает, непрерывно гадает, какую бы предложить пропорцию ставок — один к трем или к двадцати — так, чтобы это выглядело правдоподобно и достаточно выгодно для игроков, но чтобы, в сущности, самому не остаться внакладе. Для такого дела нужен компьютер, а не просто голова! Но местный букмекер, как всякий мастер ручного труда, ненавидел технический прогресс и говорил: «Технический грабеж», — разумея государственный тотализатор (за последние годы он стал электронным). Однако нельзя сказать, чтобы он сам, букмекер, был вовсе в стороне от веяний времени. У него был налажен портативный телевизор, и он смотрел по нему скачки. Как раз в это время они проходили где-то под Лондоном, и у голубого экрана расположились в ожидании бегов наиболее азартные из жучков и просто тототшников, играя одновременно и на скачках, и в карты. Букмекер одной рукой принимал ставки на лошадей, другой держал банк, посматривая и в телевизор, и в карты. А третьей рукой он подгробал к себе деньги. У него, несомненно, была третья рука, или же бумажки и монеты оказывались возле него сами собой.

— Пики козыри! — объявлял он. Тут же: — Утренняя Заря под Пиготом идет в шансах один к четырем! — И сразу: — Банк, джентльмены!

— Старт! — вздохнули у него за спиной.

Букмекер кинул взгляд на экран и продолжал метать карты.

— Покойник Кирюшка, просто покойник Кирюшка! — произнес, глядя на его работу, Катомский.

Это царство теней, вызванное в свет воображением Всеволода Александровича, поддавалось, что называется, рациональному объяснению. Мы очутились в провинции, совершенной провинции, в пропорции один к пяти, если сравнивать с Эпсомом или Кентукки, центрами современной скаковой жизни. Бега для англичан — дело новое, и пока только здесь, в глухой стороне, возле Страны чудес, в краю Моржей и Плотников, сумели рысачники силами своей новоявленной ассоциации занять небольшой плацдарм. Хотя на воротах ипподрома рядом с «Признана в США» и значилось: «Эпсомское дерби ничто по сравнению с нашим Большим призом!!!» — но это, знаете, как в гоголевских губернских городах не бывало из вин простого сотерна, а исключительно Го-Сотерн, Наивысший Сотерн. У нас в приморском городке из двух улиц тоже не имелось ничего простого, обычного, не особенного. К местному перрону подходил экспресс, влекомый паровозом и называвшийся «Чудо Дракон». К «Шхуна-Бар» пристроен был «Суперотель», иначе говоря, «Сверхотель», а рядом, приглашая по вторникам есть грибы, сияло «Королевское Лидо». И мы бросали вызов скачкам в Эпсومه! Пусть в пропорции один к пяти, а может быть, и к пятнадцати, но кипела своя жизнь. В этом затерянном мирке, куда не дошли еще законы жокей-клуба и где пока не действовал кинопатруль, фиксирующий малейшее колебание хлыста, в этом мирке, будто на таинственном плато у берегов Амазонки, держался климат, где как дома чувствовали себя жучки и прочие жители из призового быта вековой давности. Нет, призовой мир-модерн, снабженный электронными табло, на которых контролируется каждая очередная ставка, тоже не безгрешен. Но воскресни сейчас сам Яков Петрович, он вскоре запросился бы обратно на тот свет, со своими перекрашенными лошадьми, иначе бы рентген, анализ крови у лошади на допинг и вообще наука с электронной быстротой лишили бы его лицензии владельца и наездника. Никто и смотреть бы не стал на его мастерски подделанные аттестаты! Конечно, там, в Эпсومه или Кентукки, уже возникли по закону исторического круговорота обновленные Яковы Петровичи и Кирюшки, однако не живая ловкость рук служит им залогом удачи.

Оказавшись в «старом добром времени», где если тебя и обыграют, то *по-человечески*, решили и мы попытать счастья у «покойника Кирюшки», он же Боб. Но прежде, как водится, прибегли к информации из уст лошади. Устами лошади, по английскому выражению, глаголет истина, ибо кто же лучше лошади способен учесть все призовые шансы? Но лошадь сама свою тайну, понятно, не выдаст, у нее оракулом служит наезд-

ник, конюх и вообще конюшенный штат. Уж если они фаворита подскажут, то это все равно что «устаи лошади», это верняк, сведения надежнейшие.

— Эй, Джек, кто выиграет в первом заезде?

Джек-наездник, морща лоб, посмотрел в программу предстоящих бегов.

— Здесь выиграю я.

Гриша тут же поставил у Боба полфунта, потому что у букмекера ставить можно заранее, хоть за месяц, как только приз объявлен. Игра на Джека, который поедет на жеребце по кличке Айрон-Винд, что означает Стальной Вихрь, была подозрительно выгодна — один к десяти. Но по неписаному закону призовой конюшни своим наездник сообщает все как есть, вернее, как будет, и если уж Джек сказал «я»... Что ж, получим пять с половиной фунтов.

В пятницу вечером старт. Джек всю дистанцию едет последним и приезжает последним.

— Что же ты, Джек?

Он отвечает все так же:

— Был уверен в победе.

В субботу:

— Джон, кого сыграть?

И Джон говорит:

— Я выиграю.

На этот раз рискуем только пятью шиллингами. Но шиллинги разделяют судьбу фунта. Джон, правда, машет усердно хлыстом, однако приезжает к финишу где-то в общей куче, без места, и по всему ясно, что на лучшее он не мог и рассчитывать.

— Что случилось, Джон?

— Думал, на прямой я их всех объеду.

Тогда мы обратились с апелляцией прямо по адресу.

— Это что же делается, Всеволод Александрович? Кругом «покойники», свои люди, а результат каков?

— Да, друзья, — согласился маэстро, — это что-то новое. Видимо, чисто английское.

И действительно, никто сознательно нас не обманывал, а просто как у Гамлета: если уж безумие, то последовательное. Или как Кот говорит в Стране чудес: «А мы тут все такие». Выходит, каждый старается говорить не только устами лошади, но и саморекламы. Оказывается, здесь так принято: если спрашивают, кто выиграет, отвечаешь: «Я».

Кулачный боец сообщил:

— Я хотел вызвать чемпиона Англии по нормальному боксу, в перчатках. Я уложил бы его в первом раунде.

Мы уже продали лошадей и вернулись домой, когда от Джека пришло письмо: «Все в порядке. Ваши лошади поступили ко

мне в ездy. Правда, в этом сезоне не я признан лучшим, но я уверен, что в следующем году побью всех».

И подпись — Стальной Вихрь.

Нам понадобился кузнец. У Тайфуна *задà* сносились, а Померанец сломал подкову. И вообще перед призами требовалось осмотреть ноги лошадям. Кузнец нам нужен был во что бы то ни стало. Мы поехали за ним в имение лорда Лэнгфильда. Он являлся президентом Рысистой ассоциации, и к тому же, как выразился Гриша, надо поближе посмотреть, что за лорды.

— Но знаете, — говорил в пути наш местный босс, — дела лорда Лэнгфильда незавидны. У него осталось одно имя, а все имущество пошло в пользу похоронных почестей. Умер старый лорд Лэнгфильд, и нашему президенту приходится платить так называемые почести. Он вынужден был продать замок. О, похоронные почести просто разорение!

Вот, — указал босс на скалу слева, взорванную и развороченную, — это единственный доход лорда. Отсюда берут камень на общественные постройки, а государство платит хорошо.

Гриша принял несчастья лорда близко к сердцу, а Катомский, как ни странно, отнесся к аристократическому оскудению без всякого сочувствия. «Видали мы это!» — только и сказал он, спросив вместе с тем у босса очень строго, предупредил ли он кузнеца и будет ли тот на месте. Босс отвечал, что в этом не было необходимости — старый Аллардайс всегда на месте.

— Он несколько пожилой, однако не беспокойтесь, очень опытный, — добавил босс, — ему можно доверить призовых лошадей.

— Он говорит, что кузнец старый, — сообщил я Катомскому. Тот пожал плечами.

Мы свернули в ворота и попали по меньшей мере в восемнадцатый век. Увитые плющом стены, желтые собаки, гончие, которые при виде незнакомцев поднялись и подбежали нас рассмотреть, лужайка, дом и цветник — всю эту бутафорию дополнил управляющий, он явился в бриджах, в сапогах с отворотами и с хлыстом. Оставалось услышать звук рога, чтобы там, за воротами, рванулась по полям, через ограды, лавина собак и всадников.

— Что Аллардайс? — спросил наш хозяин управляющего.

— Должен быть у себя.

Мы последовали за ним через двор мимо служб, конюшен к небольшой двери в стене.

— Вам будет интересно посмотреть нашу кузницу, — говорил управляющий. — Очень древняя и до сих пор действует. Еще интереснее было бы вам побывать в прежнем замке лорда Лэнгфильда, но...

Он сделал рукой «фьють!».

— Похоронные почести!

Мы понимающе покачали головами.

— Дешевле жить, чем умереть, — усмехнулся управляющий. — Вот мы и пришли. Эй, Аллардайс!

Никто не явился на зов. И не последовало ответа.

— Старина!

Управляющий взялся за кольцо окованной двери, но мы заметили надпись: «Ушел за гвоздями». Нет кузнеца, хотя веками он находился всякий раз на месте, — все это, видно, оказалось выше сил управляющего и нашего патрона. Они стояли совершенно растерянные. Катомский потемнел. Они не решались взглянуть в его сторону. Гриша их успокаивал, говоря, что ничего особенного, человек отлучился и сейчас придет, это называется: «Пошел на базу».

— Тогда я вам, — приободрился несколько управляющий, — покажу еще что-нибудь. Скажем, погреб тринадцатого века. Это совсем рядом.

Мы вышли на поляну, где стояли дубы и паслись коровы. Поляну пересекал узкий ров, и через него был мостик.

— Тоже в своем роде редкость, — объяснил управляющий про узкий ров. — Мы называем это х́аха от ха-хà, иначе говоря, один смех, пустяк, только видимость. Ров заменяет забор, коровы не могут перейти через него, между тем со стороны х́аха незаметна, и таким образом создается иллюзия сплошного зеленого покрова, большого поля. Одного из тех наших зеленых полей, о которых вспоминал перед смертью шекспировский Фальстаф.

— Но, — с чувством махнул управляющий рукой, потому что надпись на дверях кузницы, вероятно, вконец расстроила его, — мостики портят все дело. Они все-таки видны, и иллюзия пропадает!

Тут из-за дома на поляне возникла небольшая фигурка и стала стремительно к нам приближаться. Человек был седорыж, он перепрыгнул через х́аха и очутился возле нас.

— Вот и коваль! — воскликнул Гриша.

— Лорд Лэнгфильд! — в один голос произнесли управляющий и наш босс.

Прежде чем ответить на приветствие его светлости, я заметил, как на лице Гриши, смотревшего во все глаза, явилось выражение недоумения и даже обиды. Он с растерянностью встретил рукопожатие человека, который прыгал через ров, а между тем звался «лорд Лэнгфильд».

— Как я рад, черт возьми, что вы нашли время заглянуть ко мне, — с азартом говорил лорд Лэнгфильд. — Хозяин ваш молодец, что привез вас. А вы молодцы, что приехали с рысакми к нам в Англию. Нам надо, надо подымать у себя рысистый спорт. А Россия классическая страна бегового дела. Граф Ор-

лов покупал для своего завода лошадей герцога Камберлендского. Долг платежом красен!

И тут же тень набежала на лицо лорда Лэнгфильда. Листва прошелестела над нами. Лорд Лэнгфильд взмахнул руками. Весь двор стал театром. Под деревом зеленым был произнесен монолог.

— Ах, слишком много нашей же породной крови утекло за океан!

Вывоз племенных английских жеребцов в Америку принял размеры бедствия. «Коня, коня! Полцарства за коня», — теперь это надо понимать буквально. Англичане пробуют вернуть утраченное, пытаются купить потомков тех знаменитостей, которых сами же легковерно выпустили из рук. Не тут-то было! В самом деле, не меньше королевства стоит каждая из таких лошадей. Цены взвинчиваются до миллионов.

— А ведь это все наше, наше! Семнадцать ведем на дышло! — заключил президент Рысистой ассоциации свою речь, а семнадцать ведем и одно дышло — это, как пояснил нам позднее управляющий, ругательство старинное, чуть ли не пятнадцатого века.

— Мне очень жаль, что я почти ничего не могу вам показать в имени, — с еще большим азартом продолжал Лэнгфильд, — эти похоронные почести, будь они прокляты.

Он сделал рукой «фьють!».

— Дешевле жить, чем умереть!

— Но у вас, сэр, здесь мы и так видели много интересного. У вас как в «Томе Джонсе»...

— Что? «Том Джонс»? Ха-ха-ха, черт возьми, семнадцать ведем! — и лорд Лэнгфильд чуть было не покатился по земле, как это делал Гриша, если только удавалось его рассмешить.

Но Гриша сурово смотрел на Лэнгфильда.

— Тоже мне лорд, — сказал он уже в машине, когда мы уехали, так и не дождавшись ушедшего за гвоздями кузнеца, — никакой в нем породы не чувствуется...

В день приза мы старались делать все как можно обычнее, чтобы не тревожить лошадей. Но они, с утра еще ничего не подозревавшие и послушно хрустевшие овсом, ко второй кормежке уже угадали призывную езду. Угадали даже, кому бежать — по малым порциям. И Тайфун вовсе отказался от спартанской подачи, а Эх Откровенный Разговор, напротив, капризно стал долбить в стену, требуя полного рациона. Навоз у них сделался жидким и вонючим.

Перед лошадьми расхаживал Катомский.

— Старый и больной, — говорил он, — я вообще могу отказать от езды. С какой стати! Все постиг, все выиграл, левая рука у меня почти не действует, вожжи держать трудно.

Я говорю тебе совершенно серьезно, — не унимался Всеволод Александрович, — что готов отказаться от сегодняшней езды. Пусть едет кто угодно. Ты садись.

Он плюнул.

Тут же стоял приехавший к нам кузнец, готовый выполнить указания мастера, готовый всякий раз вставить «Да, сэр», «Слушаю, сэр»... Но прежде чем ковать, нужно было проверить вес подков. Родион что-то не ладил ходом: задние ноги ему, кажется, только мешали, в особенности на старте и в поворотах.

Катомский, разрядившись несколько на мой счет и напевая: «Алло, алло, милорд», что значило «Все вы, вместе взятые, виноваты в моем скверном настроении», достал аптекарские весы и сосредоточился над ними. Кузнец стоял словно в карауле над гробом. Где же оно, последнее слово судьбы?

— Скажи ему, — решил наконец Катомский, — пусть зацепы не трогают.

Чувствуя важность минуты, я открыл рот и — забыл по-английски «зацепы». Грозовая атмосфера призовой конюшни сделалась электрической.

— ...И на лошади ты сидишь, — заканчивал Катомский обличительную речь, — как кот на заборе!

Попутно он намылил мне голову еще и за то, что я пренебрег старинным беговым правилом не выносить из конюшни в день приза ничего, даже мусора.

Конюшенный двор между тем становился табором: различные повозки, фургоны, всевозможные «караваны» привозили лошадей поодиночке, парами, а иногда целыми конюшнями прямо к старту. Еще утром претендент разгуливал где-то на ферме по зеленому загону и вот, пожалуйста, под попоной и в сопровождении тренера спускается по трапу на беговое ристалище. Наши лошади в этом отношении были гандикапированы¹. Ипподром, все тот же ипподром для них изо дня в день, одни нервы и жесткая дорожка. За несколько дней до приза Тайфун после резвых прикидок откровенно жаловался на плечи. «Видишь!» — указал мне Гриша на симптом. Жеребец сгреб соломенную подстилку кучей, будто подушку сделал, и встал на нее передними ногами. Все-таки помягче! Катомский тут пустил в ход свои «семнадцать ведьм» — таинственные рецепты втираний и всяких мазей. На конюшне запахло йодом, скипидаром, а мы с Гришей, закатав по локоть рукава, растирали конские крупы и плечи этими пахучими составами. Но, в конце концов, гастроли есть гастроли, а дома и стены помогают.

¹ Гандикап, или фора, которую одна лошадь дает другой на старте — по расстоянию, весу наездника и всяким другим условиям.

Пестрота повозок, наездничьих «цветов», конских попон и мастей на конюшенном дворе увенчивалась форменным фраком и цилиндром верхового, чья обязанность церемониалом выводить лошадей на старт. Маршал (так называется эта должность) имел вид духовника, исповедующего жертву последним. К нам он подскочил легким галопом и, приподняв над лысиной цилиндр, предупредил, что среди десяти участников Гриша на Тайфуне принимает третьим в первой шеренге, а Катомский на Эх Откровенном Разговоре седьмым — во второй.

Подошел босс и произнес одними губами:

— Вы должны понять... Хотя и в лучших традициях нашего национального спорта, но против вас поедут все сообща. Мой долг...

— А я, — огрызнулся Катомский, — знаю такие штучки, что все содрогнутся!

Путаясь в рукавах, словно впервые в жизни, он натягивал камзол. До трех раз подымал ногу, все не решаясь сесть на беговую качалку. Наконец, стариковски кряхтя, уселся и медленно, с ноги на ногу, двинулся в сторону гудящих трибун. Смотрел он не на лошадь, а все больше назад, на колеса, будто опасаясь, что они отвалятся. Солнце, по мере того как Катомский панорамно пересекал двор, скользило по блестящей шерсти Родиона и по атласному камзолу наездника. Кончик хлыста, перекинутого через плечо, подрагивал за спиной. Хлыст колебался редко и медленно. Катомский, кажется, в любую минуту был готов остановиться.

И вдруг, к ужасу своему, я увидел, что мастер, уже выехав перед публикой на дорожку, зовет меня к себе. Я побежал.

— Передай судьям, что у жеребца ослабла подкова.

И все так же, с ноги на ногу, ничуть не спеша, он вернулся к стойлам.

Пока стучал молоток кузнеца, пока Катомский все с теми же ужимками брал вожжи и забирался на качалку, против него настроились не только соперники, метавшиеся в мыле на старте, но даже мы с Гришей были против него эти лишние пятнадцать минут: «Уж это не спортменство!» Однако Всеволод Александрович, судя по всему, и не думал принимать в расчет всех нас вместе взятых. С ноги на ногу двигался он к старту, солнечный луч скользил по атласному плечу, указывая, почему, собственно, наши претензии наезднику безразличны. Он общается прямо с солнцем, вращаясь вместе со всем беговым кругом и несущимися лошадьми на самой оси мироздания.

Лишь перед стартом Катомский заметил, где и зачем находится. Он сделал перед жужжащей публикой несколько эффектных бросков, чтобы у лошади открылось дыхание. Тут же забили в колокол часто и прерывисто: «На ста-арт!» С видом

палача человек с рупором направился к открытой стартмашине, у которой сзади устроена подвижная загородка: прямо за ней и принимается старт.

Прошелестели шины. Наездник-англичанин, ехавший у самого края дорожки, шипел на лошадь:

— Все бы ты кособочила, пр-роклятая!

— Номер седьмой! — надрывался букмекер, ловя секунды и разжигая публику. — Номер седьмой идет в шансах один к десяти! Делайте игру, джентльмены!

Одной рукой он писал мелом на черной доске все подымавшиеся ставки, другой с помощью азбуки немых передавал сигналы своим подручным, работавшим в дальнем конце трибун, третьей рукой получал деньги, четвертой... Не сосчитать, сколько же рук в последние мгновения перед стартом возникло вдруг у «покойника Кирюшки».

— Ну, есть надежда? — сказал возле меня голос.

Это был конюх с соседней конюшни. Каждое утро просили мы у него то метлу, то тачку. Но что сказать ему?

— Тренер нервничает, — ответил я конюху.

— Один к десяти, — взывал букмекер, — номер седьмой!

— Озолотеть можно! — простонал парень и исчез.

Колокол наконец прозвучал. Пустили сразу и ровно. Гриша на Тайфуне, как и было условлено, бросился по бровке вперед. Он должен был вести бег как можно резвее, изматывая силы соперников. Однако приместный Сквер-Дил, что значит Дело Прочно, не дал ему этого сделать и сам взял голову бега. Но Гриша не уступал, понуждая его ехать всюю. Когда они пронеслись в первый раз мимо публики, Гриша на Тайфуне несся сразу следом за Дело Прочно, и даже через множество копыт слышалось, как он визжит.

Но резвый прием сказался. Сил у Тайфуна хватило на полтора круга, на половину дистанции. Последнее, что сумел сделать Гриша, — это, отставая, взять в поле и пропустить по бровке кратчайшим путем Эх Откровенного Разговора. Катомский остался один. Пошли последний круг.

«Однажды в Англии, на берегу Ирландского моря, я заметил у своей лошади в седелке что-то интересное...» Вот так примерно вел себя в эту минуту Катомский, занимаясь каким-то совершенно своим особым делом, разглядывая что-то у Родиона на спине. У меня даже мелькнула сумасшедшая мысль. Вдруг он сейчас остановится и заявит: «Скажи судье, что лопнул ремешок». А между тем последний поворот. Теперь было ясно, кинется Ровер, фаворит.

Ровер, крупный гнедой мерин, и правда тотчас оказался первым, будто вообще бежал он один, а все прочие стояли на месте. Зубы скрипнули возле меня, я покосился: игрок, зажавший в одной руке букмекерский билет, а в другой секундомер,

смотрел за стрелкой. Она, кажется, не попевала за лошадьми. Резвость!

— Ровер, как вихрь, — чеканил диктор, убыстряя речь вместе с приближением финиша, — вырывается на первое место. Последняя прямая. Впереди Ровер! Паллада пытается захватить его. Но Ровер складывает бег как он хочет. Ровер финиширует!

Крик в публике не был отчаянным: выигрывал фаворит. На устах было: «Ровер! Ровер!» Принялись уже хлопать.

Тут Катомский сделал свой посыл.

«Все, все возьмите. Пусть молодость ушла. Старый и больной. Иронизируйте, гандикапируйте, берите сколько угодно у меня форы. Мне по дистанции не нужно ничего. Но эти несколько метров до последнего столба — мои! Отдай!» — это выражал в ту минуту всем существом своим мастер.

Спустив ногу, выставив крючковатый хлыст, маэстро рывком захватил Ровера, которого наездник бил наотмашь, будто кнутом, а не хлыстом, и надо хотя бы немного держать в руках вожжи, чтобы представить, сколько воли, умения и выдержки должно хватить, чтобы сделать с Родионом то, что сделал Катомский, заставив жеребца высунуть голову к столбу на нос впереди несущегося Ровера.

— В мертвом гите! В мертвом гите! — пронесся по трибунам стон.

Значит, голова в голову, рядом. И только после совещания судьи решили, что все-таки полголовы за нами, чуть больше носа.

Катомский въехал победителем в паддок и стянул с головы красный картуз. Ипподром встал.

Призовой день клонился к закату. Воздух остывал от страстей. Публика рассеивалась. Разъезжались фургоны с лошадьми. Конюх вел через круг захромавшую лошадь. Эх Откровенный Разговор, уже освежившийся после бега, хрустел сеном. Катомский убирал в наследственный сундук таинственные бутылочки и прочие приспособления.

— Всеволод Александрович, а зачем вы все это устроили? Ведь подкова была на месте.

— Я оторвал ее перед самым выездом.

— Оторвали?!

— У них, — поднялся над сундуком Катомский, — многие бежали под допингом. Нужно было протянуть лишние полча-са, пока основное действие укола пройдет.

— Но... как же вы это заметили?

Не оборачиваясь, укладывая в сундук чуть дрожащими руками австралийский, китового уса, хлыст, маэстро буркнул:

— Дедушка мне с того света шепнул.

И вот бега позади. Товар наш в деле показан, вокруг лошадей наших поднялся шум, заговорила реклама, объявленные первоначально цены пошли вверх. Теперь лошади отправлялись на аукцион, а мы — домой.

— Что, — обратился к Катомскому Гриша, — играет сердце «Прощание славянки»?

Да, мы никогда не думали, что такой сентиментальной будет разлука с нашими лошадьми, которые своими болезнями и капризами успели нам остро- и даже одвести-, как выражался, Катомский, чертеть.

В последний раз прошелся Всеволод Александрович перед денниками, откуда, как по команде, уставились на него все три морды.

— Что, что, соколики? Остаются! Скоро, скоро вам идти с молотка...

Что ж, дадут за них по результатам призов, и в особенности после лихого броска Родиона в руках Катомского, неплохо, но взгляд наездника на лошадь однозначен — хороша, когда именно он едет на этой лошади.

— Ну! — Гриша зашел к Тайфуну и, ткнув его в бок, крикнул преувеличенно грубо.

С лошадьми вообще манера обращения гиперболизированная. Однако на этот раз была необычная нарочитость. Тайфун будто понимал это. Он не обратил к Грише морды с выражением, какое всегда у него в таких случаях появлялось: «В чем дело? Кажется, я не стучу и не дергаю!» Тайфун вздохнул и отвернулся.

Когда мы пошли не оборачиваясь, Эх Откровенный Разговор принялся вдруг отчаянно стучать.

Была в начале нашего века выдрессирована одним немцем лошадь, которая даже по телефону умела разговаривать, отбивая сигналы копытами. Эх Откровенный Разговор не знал этого. Он просто стучал и стучал, но в его настойчивости и тревоге ясно было выражено: «Куда? Куда же вы? Разве так поступают!»

ЯПОНЦЫ И МОРЕ

ВМЕСТО ВСТУПЛЕНИЯ

Советский теплоход «Орджоникидзе» подходил к Иокогаме. Мы, члены советской делегации — двое специалистов по рыболовству и переводчик, автор этих строк, стояли на палубе рядом с японским журналистом и продолжали беседу, начало которой было положено еще во время знакомства в баре в первый вечер после выхода из Находки. Последней темой нашей бесконечной дискуссии был вопрос о причинах экономического подъема Японии. Когда были высказаны различные соображения, наш собеседник, показывая рукой то ли в сторону океанских лайнеров, вокруг которых сновали катера и буксиры, то ли еще дальше — на огромные резервуары нефтехранилищ, сказал:

— Я думаю, что одна из основных причин наших достижений — это море.

Я спросил его, не имеет ли он в виду трепангов, которых нам сегодня подавали во время обеда. Дело в том, что, как объяснили нам японцы — соседи по столу, во многих странах Дальнего Востока трепангов называют «морским женьшенем».

Японский журналист рассмеялся:

— Я затрудняюсь сказать вам, что придает нам жизненную энергию—трепанги, морская капуста или... постоянная борьба за выживание, но бесспорно, что ни один народ мира не испытывает такого влияния

моря на весь свой жизненный уклад, как мы, японцы. Моря, окружающие Японские острова, — это продолжение наших полей... Разве мы могли бы выжить без рыбы и других даров моря? Но не это главное. Все промышленные центры Японии расположены вблизи моря. Вот перед нами Иокогама, которая вместе с Токио представляет собой единый индустриальный комплекс. Многие крупные предприятия этого города имеют свои собственные причалы. Танкеры и сухогрузные корабли подвозят прямо к этим причалам нефть, руду, металлолом. Нам не приходится использовать рабочую силу на таких трудоемких работах, как добыча полезных ископаемых.

С другой стороны, с этих же причалов на другие корабли грузят готовую продукцию: трубы, металлические листы, автомашины, телевизоры, то есть те товары, стоимость которых намного дороже, чем сырья. На железных дорогах Японии вы почти не увидите длинных товарных составов... Сколько вагонов, паровозов, топлива экономит нам море!

...Кстати говоря, когда будете путешествовать по Японии, не забудьте, что самые очаровательные места нашей страны тоже связаны с морем. Мы, японцы, считаем море одним из творцов прекрасного в нашем мире...

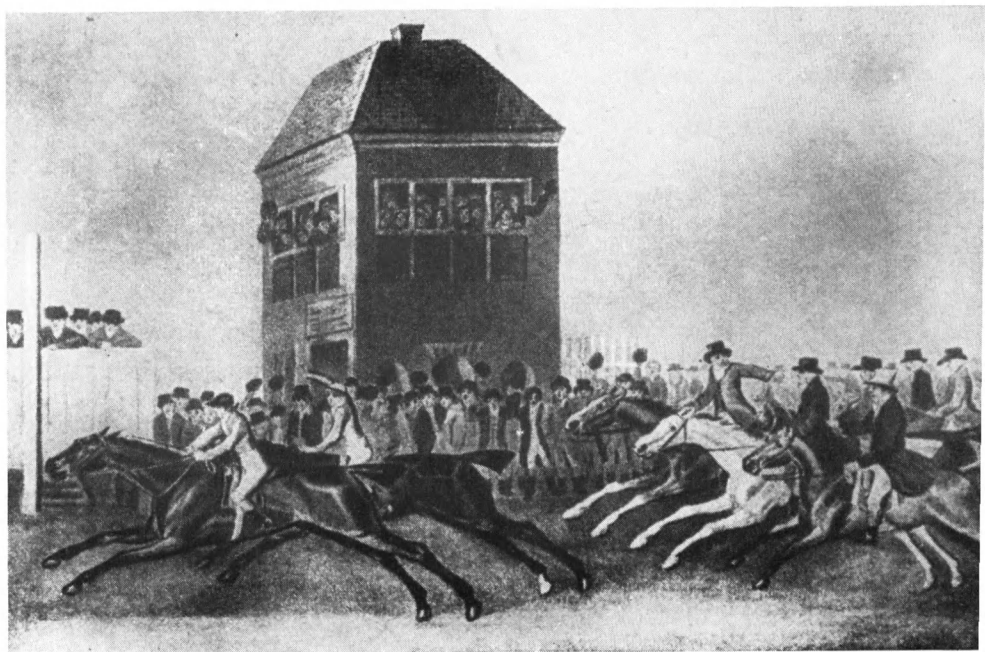
Такой панегирик морю, по-видимому, где-то крепко отпечатался в моем сознании и во время нашей поездки подогревал интерес к этой, быть может, самой древней, а быть может, самой молодой проблеме: море и человек.

СУСИ. ТЕМПУРА И «НИТИРО»

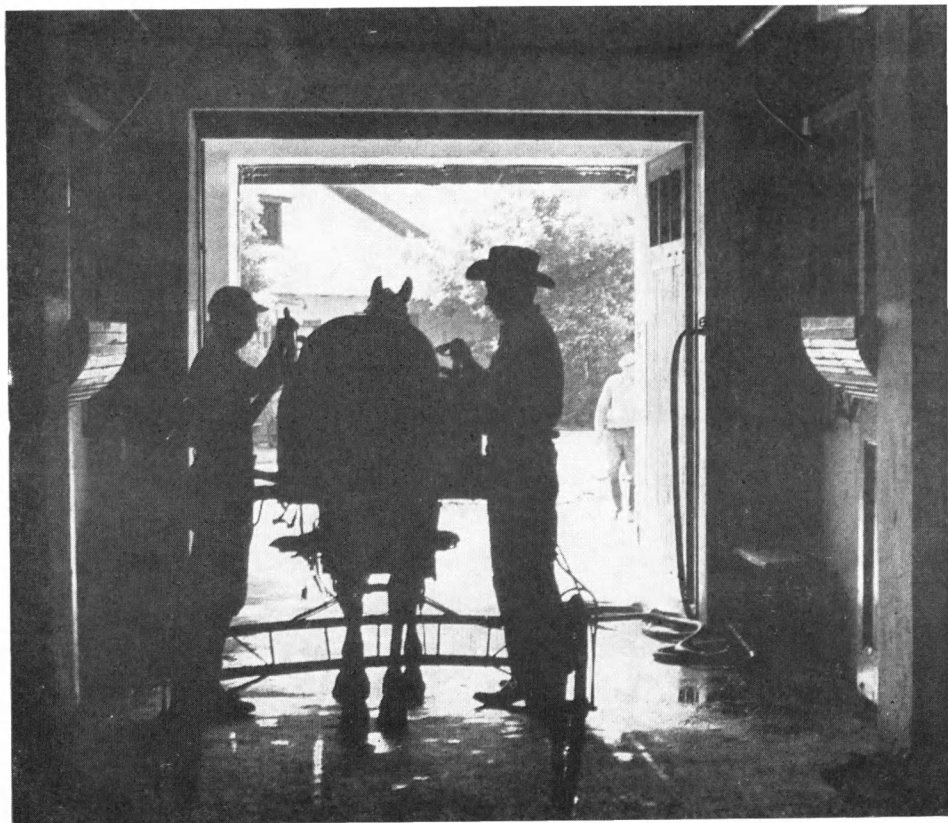
Знакомство с рыболовной Японией мы начали в Токио. Руководители Ассоциации рыбопромышленников пригласили нас в ресторан отведать национальные рыбные блюда. Мы сидели за круглой стойкой, внутри которой ловко орудовали повара, одетые в кимоно. На наших глазах они нарезали маленькие ломтики тунца, морского окуня, камбалы, осьминога. Оказывается, закуска из сырой рыбы, называется она «сасими», чрезвычайно популярна в Японии.

Сасими вполне съедобно, особенно после того, как его обмакнешь в соевый соус, куда добавлено немного зеленого хрена и мелко нарезанной редьки. К следующему блюду из рыбы, которое тоже любят японцы, мы уже отнеслись без всякого предубеждения. Это было «суси». Маленькие ломтики сырой рыбы или моллюска, на которые положен небольшой пирожок из сваренного на пару риса. Фирменным блюдом этого ресторанчика была «темпура» — кусочки рыбы, посыпанные тонким слоем муки и обжаренные в кипящем масле. Пожилой повар, ловко манипулируя палочками, подбрасывал на наши тарелки все новые порции темпуры после того, как они покрыва-

Дм. Урнов. В МЕРТВОМ ГИТЕ, ИЛИ ТРОЕ В АНГЛИИ, НЕ СЧИТАЯ ЛОШАДЕЙ.

Скачки в Ньюмаркете. 1799 г.

Перед призом.

В последнем повороте.

С. Вербицкий. ЯПОНЦЫ И МОРЕ.

В портовом городе. Лавка сувениров.

На промысловом корабле в Тихом океане.

Скоро перекур!

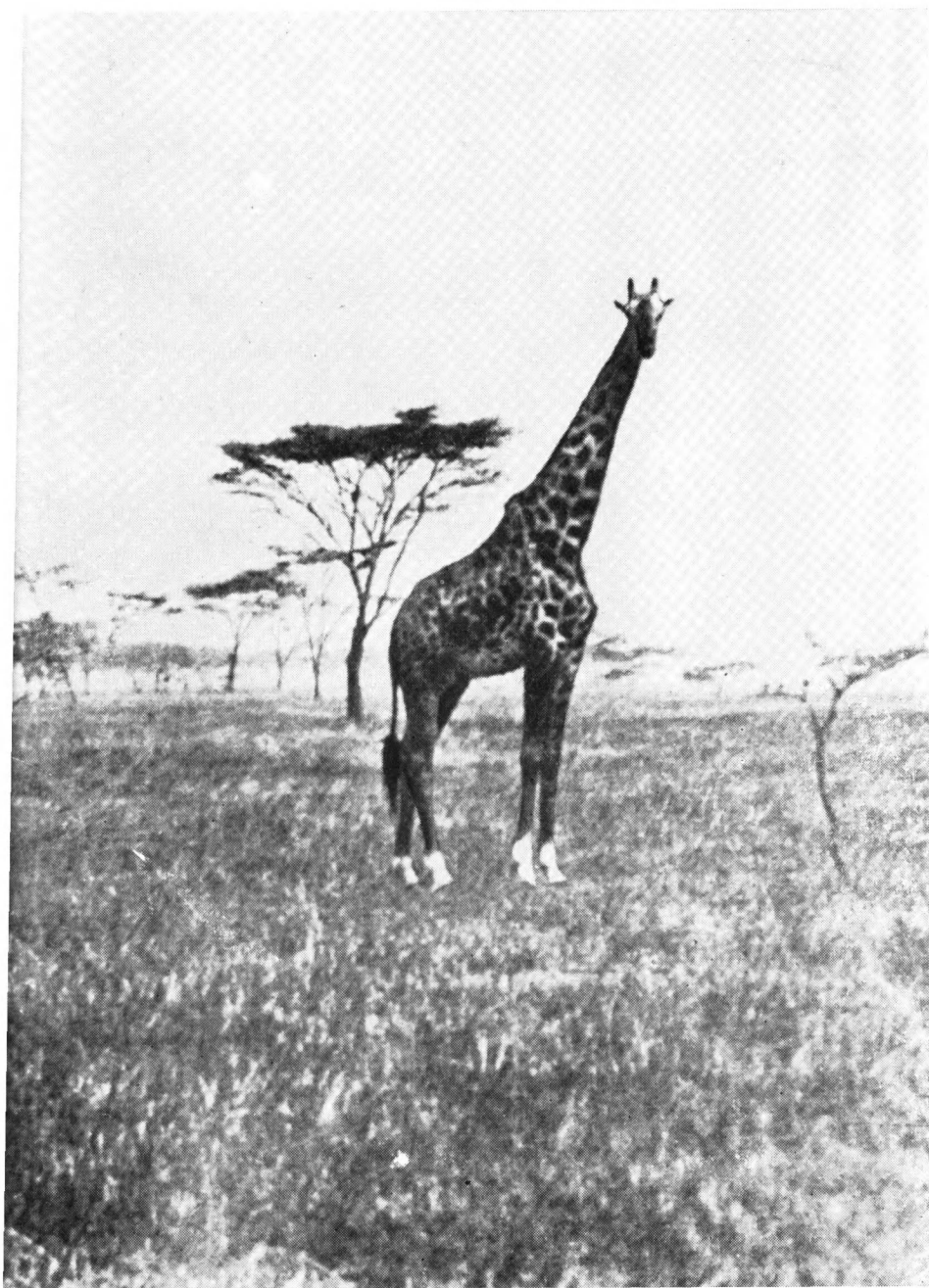

На рыбном рынке.

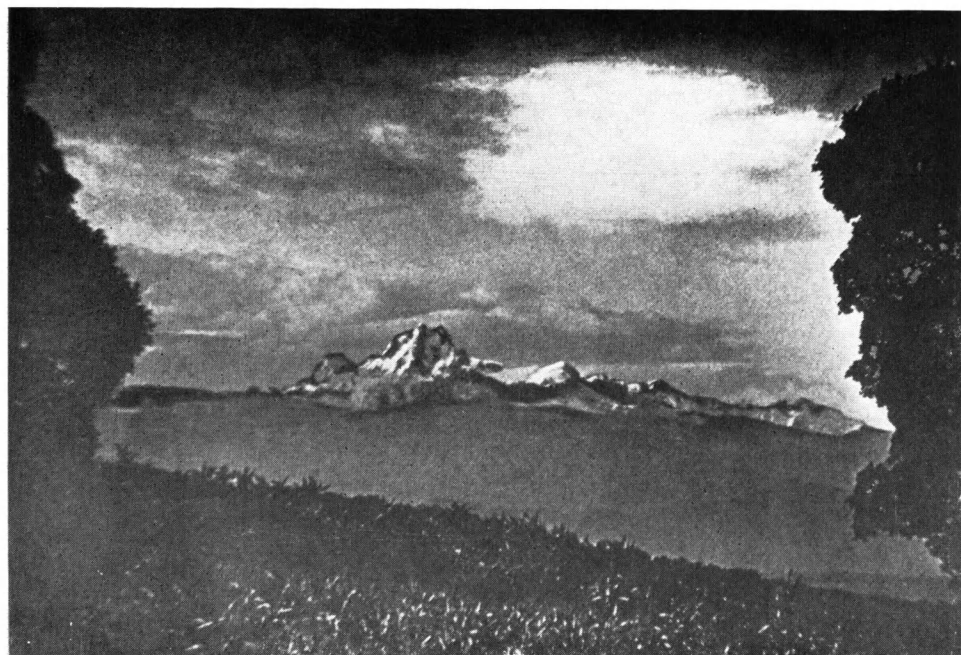
Карл Экли. УИМБИА ГИКУНГУ — МОЙ ВЕРНЫЙ ДРУГ.

Лагерь Карла Экли у подножия потухших вулканов: Микено и Кариссимби, где обитали гориллы. По инициативе Экли и при его горячем участии был организован заповедник для горилл в Конго.

Африканская саванна.

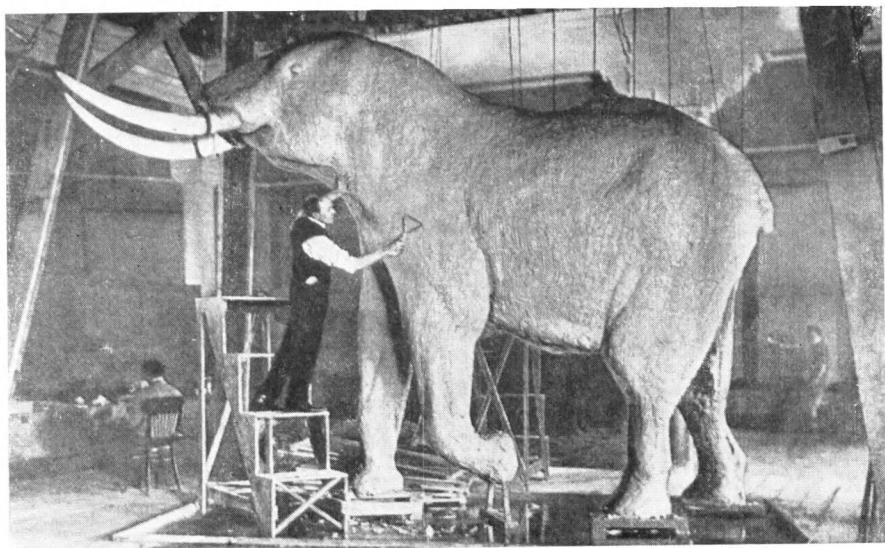
Уганда. Гора Кения со снежной вершиной.
У подножия этой горы родился и рос Уимбиа
Гикунгу.

Уимбиа Гикунгу, следопыт и оруженосец Карла
Экли, его верный друг

Вождь Эндагуа, охотник на слонов.

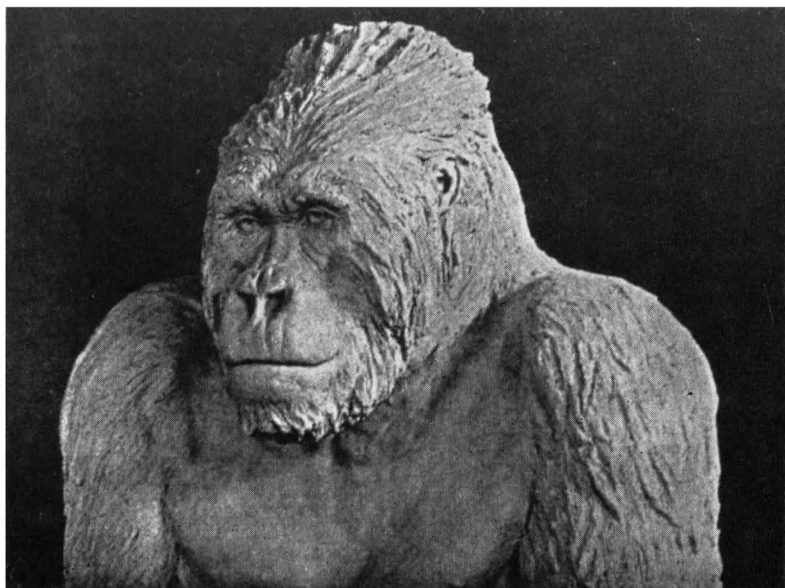
Карл Экли работает над скульптурой слона для биологической группы «Тревога».

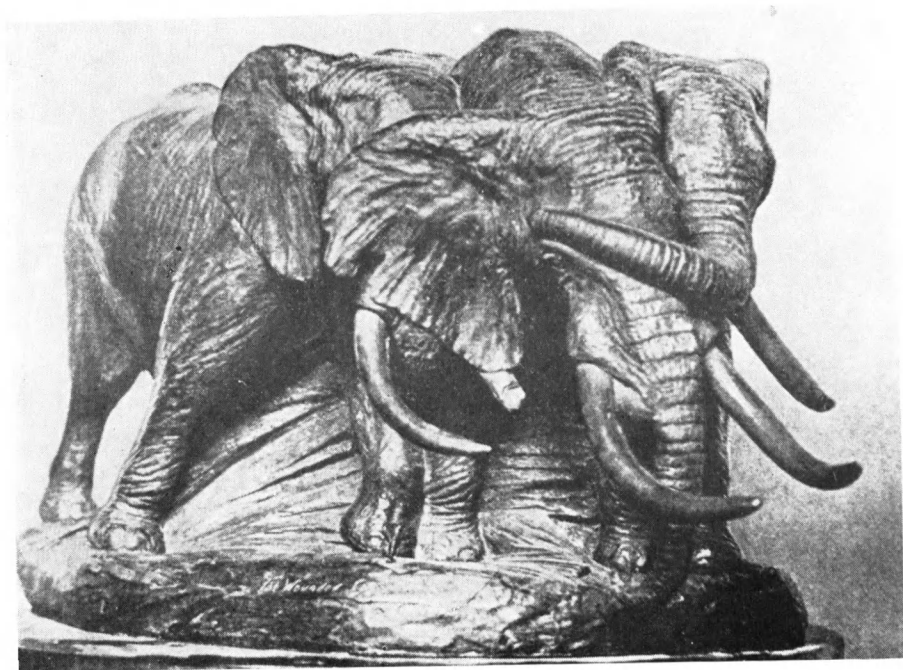
Карл Экли с маской гориллы.

Стадо слонов в африканских джунглях. Уганда. Никто из диких животных Африки не казался Экли таким храбрым, таким умным и близким человеку, как слон. Ученый всегда радовался, когда ему удавалось открыть что-то новое в поведении «тем бо» — слона.

Горилла. Скульптура Карла Экли.
Во время своих исследований в Конго Экли открыл, что несколько сот горилл нашли себе убежище на склоне трех потухших вулканов в районе озера Киву.

«Раненый товарищ» — бронзовая скульптура Карла Экли, которая принесла ему славу.

лись едва заметной розовой корочкой. Именно в этой тонкой корочке и заключается секрет темпур, который передается в японских семьях из поколения в поколение. Различные виды рыбы требуют различного соуса. Так, например, к темпуре из креветок, у которой наиболее нежный вкус, подается лимонный соус...

На противоположной стене зала висела поясная фотография европейца с усиками, одетого в юката — домашнее кимоно. Я безуспешно пытался вспомнить, где и когда в последний раз видел этого человека. По-видимому, уловив мой недоумевающий взгляд, наш хозяин — президент Ассоциации рыбопромышленников Такасаки, улыбаясь, произнес:

— Вас сбивает с толку, вероятно, кимоно. Ведь это Чарли Чаплин. Во время своего турне по Японии он тоже ел здесь темпур...

Тецуноске Такасаки был колоритной фигурой в правящем лагере Японии. До последних дней своей жизни (умер он в возрасте примерно восьмидесяти лет). Такасаки занимал видные государственные посты, и, надо сказать, был довольно дальновидным политиком. Он выступал в течение многих лет за улучшение японо-советских отношений.

После окончания института Такасаки работал в рыболовной компании «Тайе» и первым в Японии организовал производство рыбных консервов. Правда, попытка продать их в США (это было после русско-японской войны) не увенчалась успехом. То ли американцам не понравились этикетки с изображением адмирала Того и броненосца «Микаса», которые были наклеены на банках, то ли им пришлось не по вкусу масло, на котором японцы изготавливали консервы. Во всяком случае, первые шаги Такасаки на торговом поприще были не совсем удачны, и он отправился искать счастья за океан.

Он учил американцев готовить темпур и сам учился у них производству консервов поточным методом. Вернувшись в Японию, он основал компанию по производству консервов и довольно скоро стал монополистом в этой области.

— Теперь, — смеется Такасаки, — я наконец взял реванш за свои неудачи в торговле с американцами в молодости. Они покупают у меня консервы из рыбьего фарша для... кошек.

Непосредственно контроль и руководство за рыбным промыслом осуществляет департамент рыболовства министерства земли и леса. Он имеет своих инспекторов во всех рыбных портах и на всех рыбных рынках страны, а также устанавливает правила и сроки лова; его отделения в префектурах выдают разрешения на лов рыбы владельцам небольших судов.

Среди работников департамента немало высокообразованных, хорошо знающих свое дело специалистов. Но они только исполнители. Во время одного из заседаний начальник департамента, ставший впоследствии заместителем министра, сидел,

свободно развалившись, в широком кресле. Он небрежно выслушивал советы своих помощников и медленно ронял слова. Но вот из соседней комнаты вышел маленький человек с гладко прилизанными волосами, и начальник департамента склонился в глубоком поклоне. Маленький японец оказался президентом рыболовной компании «Нитиро».

В послевоенные годы рыболовство все больше начинают прибирать к рукам крупные компании. Их хорошо оснащенные промысловые суда можно встретить в любых морях и океанах земного шара, на их долю приходится значительная часть всего улова страны. А Япония, как известно, стоит на одном из первых мест в мире по добыче продуктов моря.

Более подробные сведения о японском рыболовстве мы получили на следующий день. Сотрудники департамента и специально приглашенные для встречи с нами ученые значительно дополнили наши знания об этой самой древней отрасли японского хозяйства.

ЛЕКЦИЯ О ЯПОНСКОМ РЫБОЛОВСТВЕ

С незапамятных времен, когда люди впервые поселились на Японских островах, рыба и моллюски составляли основу их питания. «Ракушечные холмы» из рыбьих костей, панцирей моллюсков и черепков глиняной посуды, оставшиеся на местах стоянок древних японцев, — наглядное тому подтверждение. Рис пришел в страну намного позднее и отодвинул дары моря на второстепенную, но существенную роль дополнения к растительной пище.

Япония — гористая страна, да и климат мало благоприятствует животноводству, поэтому именно море стало «пастбищем», снабжающим японцев животным белком. По-видимому, определенное влияние на питание японцев оказал и буддизм, запрещающий, как известно, употребление мяса в пищу.

Взамен этого природа позаботилась о богатстве и разнообразии фауны в морях, омывающих Японию. У северных и восточных берегов острова Хонсю сталкиваются теплое течение Куро-Сиво и холодное течение Айя-Сиво. Вот поэтому рыбы, населяющие холодные и теплые моря, скапливаются у берегов Японии.

Хотя первое место по улову рыбы занимает Перу, а на втором находится Япония, первенство по добыче ценных пород рыбы, безусловно, принадлежит японцам, тогда как в Перу, например, до 98 процентов улова используется в качестве сельскохозяйственных удобрений, а также для изготовления муки на корм птицам.

В Японии имеется три вида рыболовства: речное, прибрежное

и глубоководное. Речное рыболовство в общем утратило свое промышленное значение и скорее приобрело характер спорта или зрелищного аттракциона. Большой популярностью пользуется «укай» — ночная ловля рыбы при свете факелов с помощью дрессированных бакланов.

Промысел рыбы у берегов Японии ведется с древнейших времен. Используя ставные и закидные невода, жаберные и подъемные сети, различные крючковые снасти, японские рыбаки веками собирали богатую жатву со своих прибрежных угодий. Они ловили сардины, сельдь, собирали моллюски и водоросли.

И только в двадцатые годы, значительно позже, чем во многих других странах, в Японии начинает развиваться лов рыбы в открытом море. В настоящее время рыболовство носит в основном морской характер. Промысловые корабли крупных компаний ловят в Беринговом море и заливе Аляска камбалу, морского окуня, минтая, сайру, кальмара, в северной части Тихого океана — лососей, в Индийском и Атлантическом океане — тунца, в Антарктике — китов.

Что касается перспектив в развитии этой самой древней отрасли хозяйства страны, то среди японских специалистов не было единодушия. С одной стороны, довольно радужные: по предварительным подсчетам, общий вылов рыбы и прочих продуктов моря в семидесятых годах достигнет 11 миллионов тонн. С другой стороны... Промышленные предприятия, особенно западного побережья Японии, где расположены крупные индустриальные центры, постоянно загрязняют прибрежные воды, рыба постепенно исчезает, а рыбаки покидают свои поселки и ищут счастья в городах.

При нынешней технической оснащенности промысловых кораблей, без достаточного научного учета ресурсов интенсивный лов может практически привести к полному истощению промысловых районов. Поэтому вводятся все новые международные ограничения на лов ценной рыбы. Все эти и многие другие сложные проблемы заставляют японских предпринимателей серьезно задумываться над вопросом: не пришло ли время уделять более серьезное внимание разведению рыбы и других обитателей морей и океанов. Тем более что в этой области японцы уже добились значительных результатов...

ЖЕМЧУГ И ПИТОМНИКИ ДЛЯ... ТУНЦОВ

Почти ни одно повествование о Японии не обходится без упоминания о предприимчивом изобретателе искусственного жемчуга Микимото и ныряльщиках «амма», добывающих драгоценные раковины со дна моря. И все же, рассказывая о японцах и море, нельзя обойти этот сюжет, повествующий о

невероятной предприимчивости, японцев, умении любой ценой добиваться поставленной перед собой цели.

Впервые я увидел искусственный жемчуг, или, вернее, раковины, где он должен был находиться, в большом тазу у мелкого торговца на крытом рынке в Асакусе, одном из районов Токио. Его окружала группа школьников и студентов в форменных курточках, несколько женщин с детишками за спиной. Причем их внимание, судя по улыбкам и смеху, привлекали не столько сами раковины, сколько импровизация торговца, рекламировавшего свой товар. Показывая то на одну, то на другую раковину, а иногда вынимая ее из таза и жонглируя ею в воздухе, он восклицал:

— Всего триста иен, и вы сможете стать обладателем жемчужины стоимостью в десять тысяч иен! Те, кто родился в год быка, могут не сомневаться в удаче! — И, несмотря на то, что всем было известно, что в этих раковинах находятся жемчужины низкого качества, еще не успевшие созреть, желание самому открыть ее и вытащить из розовато-коричневой мякоти жемчужину побуждало то одного, то другого бросать монеты на прилавок торговца. Эту неистребимую веру человека в удачу умело используют и солидные фирмы: они запаивают раковины с незрелыми жемчужинами в консервные банки, которые расходятся по всей Японии и даже экспортируются за границу.

На Гиндзе в шикарном магазине «Микимото» изящная, с неизменной улыбкой на лице продавщица предлагает покупателям «настоящий» товар. Раскладывая на черном бархате нити жемчуга, она поясняет:

— Это «одама», самые крупные жемчужины, с диаметром более 7,8 миллиметра. А это «тюдама», средние жемчужины, с диаметром не меньше 6 миллиметров. Жемчужин меньше этого размера в нашем магазине не бывает...

К концу шестидесятих годов компании, специализировавшиеся в этой области, производили полтора-два тысяч килограммов искусственного жемчуга в год, причем из этого количества три четверти идет на экспорт, а одна — продается на внутреннем рынке. Японцы давно уже стали монополистами в культивировании жемчуга. Но на пути к этому успеху им надо было пройти долгий и нелегкий путь, начало которому положил мелкий торговец овощами Какити Микимото.

История создания культивированного жемчуга свидетельствует о том, сколько трудностей, неожиданностей стоит на пути искусственного разведения обитателей морей и океанов. Но, по-видимому, японцы пришли к выводу, что именно на этом пути можно добиться успеха. Уже началось промышленное разведение креветок, устриц, крабов в прогретых солнцем искусственных рыбопитомниках. Не так давно в Японии был создан специальный институт по созданию подводных ферм. На первых порах он проводил исследования по изучению биологии океана

и влиянию искусственных сооружений на морские организмы и растения.

Проведены первые эксперименты по искусственному разведению тунца. Во время одного из них было собрано более миллиона икринок и выведено свыше десяти тысяч мальков. В другом — молодь тунца, выловленная в прибрежных водах, выращивалась в специальных водоемах. За полгода вес рыбы увеличился в 10 раз — с 300 граммов до 3 килограммов. Несмотря на первые успехи, создание морских питомников связано, по мнению специалистов, с немалыми трудностями. Нелегко установить количество рыбной молоди, которая может быть выловлена без ущерба для общего уровня ресурсов моря.

Чрезвычайно заманчива идея выращивания планктона с последующим «высевом» его в воды Мирового океана. Но с экономической точки зрения в обозримый период времени, по мнению японских ученых, она не сможет оправдать вложенных средств. Ведь для этого необходимо будет отгораживать целые участки океана и устраивать там своеобразные фермы для тунцов или... китов. Пока это чересчур дорогостоящее мероприятие. Но ведь было время, когда идея создания искусственного жемчуга воспринималась не более как чудачество торговца овощами...

РЫБНЫЙ РЫНОК

В многочисленных рекламных проспектах о Токио говорится, что одной из главных достопримечательностей столицы является оптовый рыбный рынок. С этим утверждением нельзя не согласиться. Рыбные рынки имеются и во многих других портовых городах страны, но там они специализируются в основном на продаже одного или нескольких сортов рыбы, а токийский рынок ошеломляет разнообразием представителей морской фауны, только здесь начинаешь понимать, какой поистине неиссякаемой кладовой съестных ресурсов являются моря и океаны.

Примерно к четырем-пяти часам утра к причалам оптового рынка пришвартовывается армада кораблей. Рыбаки выпрыгивают на пристань, и в воздухе начинают мелькать ящики, корзины с рыбой. Десятки тележек подхватывают, развозят переливающуюся под первыми лучами солнца рыбу в огромные залы, где рабочие начинают ее сортировать в зависимости от качества, размера, веса и каких-то других, не совсем понятных для постороннего человека признаков.

Примерно к шести часам утра помещение рынка напоминает встревоженный улей. Сотни перекупщиков, оживленно разговаривая друг с другом, осматривают ряды тунцов, ящики с камбалой, корзины с сайрой и что-то помечают в своих книжечках. Ровно в шесть раздается звонок, извещающий о начале

аукциона, с его выработанными многолетней практикой традициями, где важную роль играют специфический жаргон, мимика, которые понятны только посвященным. Гортанным, будто специально поставленным, голосом аукционер дает характеристику партии рыбы и, показывая то один, то другой палец вытянутой вверх руки, информирует таким образом покупателей о цене товара.

К восьми часам крупные партии рыбы проданы, их грузят на автокары, специальные машины и отправляют на холодильники и в крупные магазины. Жизнь рынка перемещается в длинные крытые ряды. Здесь продаются мелкие партии редких сортов рыбы, креветки, устрицы, морские ежи и другие экзотические обитатели моря.

На рынке множество маленьких закусовых, где можно отведать сасими и суси из только что доставленной рыбы. Время от времени здесь устраиваются в целях рекламы конкурсы. «Победители», как нам рассказали, съедают до 70 порций суси за один раз!

Ежедневно на оптовом рынке продается около двух тысяч тонн рыбы и других продуктов моря.

Значительная часть продуктов моря идет на рыбообрабатывающие предприятия, где из них готовят самые разнообразные изделия.

В течение двух недель я ел в гостинице по утрам яичницу с ветчиной. И можете представить себе мое удивление, когда я узнал, что ветчина была сделана не из мяса, а из рыбы. Во время посещения одного из рыбообрабатывающих предприятий вблизи Токио на наших глазах свежемороженное мясо тунцов и китов превращалось в сосиски, круги колбасы и ту самую ветчину, которую мне подавали во время завтрака в гостинице... Одна из компаний стала поставлять в магазины консервы, на этикетках которых красовалась корова и было написано: «Говядина». Однако вскоре выяснилось, что эти консервы изготовлены из... китового мяса. Начался один из обычных для Японии скандалов, которые время от времени выносят на свет ожесточенную конкурентную борьбу между крупными компаниями за потребителя. Они не брезгают ничем, вплоть до продажи недоброкачественных товаров. Правда, на этот раз дело приняло довольно неожиданный оборот. Представители компании потребовали проведения экспертизы, и специалисты дали заключение о том, что по калорийности, питательности и своим вкусовым качествам консервы из кита не отличаются от говядины...

Потом мы посетили фабрику, где готовят «цкудани» — это национальная закуска, которую готовят из различных сортов рыбы, морской капусты и овощей. Цкудани — деликатес, и некоторые из его сортов доступны только состоятельным людям.

В небольшом городке Одавара, затерянном в горах Хаконэ, нас познакомили с производством знаменитых рыбных хлебцев

«камобоко», их изготавливают из измельченного фарша рыбы и различных специй.

На всех предприятиях, где нам пришлось побывать, большинство процессов механизировано и наряду с традиционными методами обработки морских продуктов используются новейшие достижения химии. Тончайшие полиэтиленовые пленки, в которые завернута рыбная колбаса и сосиски (метод этот строго засекречен), позволяют в течение относительно долгого времени хранить эти продукты, даже не прибегая к услугам холодильника.

В Токио можно увидеть в живом, вареном, сушеном и прочих видах почти всех обитателей морей и океанов. И все же японцы считают свою столицу одним из самых «сухопутных» городов страны.

— Чтобы понять и почувствовать, что значит для Японии море, вам необходимо отправиться на юг, в города, расположенные на побережье Внутреннего Японского моря.

ВАКО — ЯПОНСКИЕ ФЛИБУСТЬЕРЫ

Согласно японской мифологии сотворение мира произошло тогда, когда бог, стоя на радуге, стал копьём перемешивать хаос, царящий внизу. Первая капля воды, скатившись с острия копья, упала туда, где сейчас расположено Сэто нанкай — Внутреннее Японское море; капля затвердела и превратилась в остров — первый кусочек земли во всей вселенной. Геологи предлагают несколько иную гипотезу появления этого моря. Когда-то острова Хонсю, Кюсю и Сикоку составляли единое целое, а в дальнейшем вулканическая деятельность способствовала возникновению котловины, которую заполнило море, неглубокое, закрытое со всех сторон, усыпанное бесчисленными островами, скалами и рифами. Местные жители называют это море «Сэтоути», что в дословном переводе означает «среди проливов».

Японцы относятся несколько сентиментально к своему единственному национальному морю. Это и не удивительно. На его побережье зарождалось Японское государство, здесь разыгрывались события, имевшие решающее значение для судеб нации.

В конце XI века у берегов Кюсю произошла знаменитая битва между военными кланами Тайра и Минамото.

Под белым флагом Минамото сосредоточилось более трех тысяч кораблей. А красный флаг Тайра развевался только на тысяче. На одном из кораблей клана Тайра находился семилетний император и все знатные представители рода. Битва, во всяком случае та, которую мне довелось видеть на экране цветного широкоэкранный фильма, была кровавой и безжалостной. Воины, одетые в блестящие латы, брали корабли на

абордаж и, разрубленные мечами, падали в волны. Когда стало ясно, что поражение в войне Тайра неминуемо, малолетний император, его мать и все придворные бросились в воду.

В течение нескольких столетий многие острова Внутреннего моря служили прибежищем для японских пиратов — вако, которых можно сравнить с европейскими флибустьерами и корсарами. Вако нападали на торговые суда, прибрежные селения и даже города. Флотилии вако насчитывали несколько десятков судов, а численность их отрядов превышала иногда 10 тысяч человек. Они заставляли работать в качестве гребцов пленных китайцев и корейцев, имевших богатый опыт в мореплавании, так как паруса многоярусных тяжелых кораблей не всегда могли обеспечить быстрый ход и необходимую маневренность.

В семидесятых и восьмидесятых годах XVI века японские пираты дважды подошли к острову Лусон и пытались даже захватить Манилу. Усилившаяся военная мощь вако испугала центральное правительство, и в конце того же XVI века был издан указ, запрещающий пиратство. Так закончилась еще одна яркая страница в истории Сэтоути.

Ныне этот внутренний бассейн объявлен Национальным парком. Десятки парашедов возят по морю туристов, они любят прихотливо изрезанной линией берегов, бесчисленными островками, на которых можно увидеть, если подплыть поближе, сосны самой фантастической формы.

МИЯДЗИМА

Остров Миядзима прославили не пираты, а японские зодчие. Дело в том, что в отличие от двух других «чудес Японии», которые были сотворены природой, своему «чуду» Миядзима обязана в первую очередь людям, которые создали в далекие времена замечательные памятники архитектуры.

Еще далеко в море хорошо видны знаменитые храмовые ворота высотой 16 метров, сделанные из камфорового дерева. Эти храмовые ворота, «О-тори», как их называют местные жители, являются символом острова Миядзима.

Мы прибыли на остров во время отлива. Сотни людей — это было в воскресный день — ходили по берегу моря и собирали маленьких черепашек. Прямо с причала в глубь острова ведет узкая улочка, зажатая с обеих сторон лавочками, торговыми сувенирами, закулочными, ресторанами. Многие японцы, особенно женщины, покупали в качестве местного сувенира, вырезанные из дерева большие плоские ложки для раздачи риса. Во время обеда хозяйка такой ложкой накладывает членам семьи гохан — сваренный на пару рис.

Когда мы последовали примеру местных туристов и тоже купили эти ложки, сопровождавший нас журналист из «Тюоку

симбун», улыбаясь, сказал нам, что, помимо основной функции, у этих ложек с Миядзимы есть еще и вторая, так сказать, чудодейственная: с их помощью женщины могут привораживать мужчин. Над женщинами они, к сожалению, никакой силы не имеют.

Но вот улица вывела нас к знаменитому храму Ицукусима. По преданиям, храм построен в VI веке нашей эры при императрице Суйко и посвящен трем дочерям синтоистского божества Сусано-о-но-Микото. В XII веке он был расширен и перестроен. Идем по бесконечной галерее, которая окружает храмовые здания, зрелищные площадки, где устраиваются ритуальные танцы и представления знаменитого театра масок «Но». Вдоль галереи выставлена различная утварь и священные сосуды, которые используются при богослужении в «зале утренней молитвы», маски и костюмы, в них выступают исполнители ритуальных танцев. Основной храм состоит из трех частей: первая — это святая святых, где пребывают синтоистские божества, вторая предназначена для священников, в третьей идет служба.

Во время прилива, если смотреть со стороны моря, создается впечатление, что весь этот огромный, величественный архитектурный комплекс, подобно фантастическому ковчегу, плывет по безбрежной морской глади.

И в этот, казалось бы, оторванный от сегодняшнего «суетного» времени мир врывается современная жизнь. На стенах одной из галерей развешаны рисунки детей, присланные на конкурс местной газеты. Здесь дома, горы, звери, автомашины, корабли — все то, что рисуют их сверстники во всех странах мира... На полянке перед главным храмом расторопный парень в джинсах фотографирует группу пожилых японцев — редакция газеты «Асахи» устроила для самых старых своих подписчиков экскурсию на остров Миядзима...

Миядзима считается своего рода «заповедным историческим памятником». В небольшой роще малыши играют с молодыми ланями, а в густых зарослях реликтового леса, покрывающего склоны горы Мисэн, можно встретить обезьян. Внимание, которое уделяют японцы памятникам национальной культуры, охране редких уцелевших уголков природы, достойно уважения.

ЕЩЕ ДВА ЧУДА ЯПОНИИ

Второе чудо Японии — Аманохасидатэ — находится оно в западной части Сетоути — я видел только на картинах знаменитого средневекового японского художника Сэсю. Он писал виды Аманохасидатэ, что значит «небесный мост», когда ему было далеко за восемьдесят. С этой пятикилометровой узкой косой, поросшей старыми соснами, у японцев связано много

легенд и преданий. Именно на ней стояли главные боги синтоистского пантеона Идзанами и Идзанаги, когда они сотворили Японию.

Третье чудо Японии — Мацусима — находится на севере Японии, вблизи города Сэндай, административного центра района Тохоку. Первые упоминания об этом городе относятся к началу XVI века, когда местный феодал Датэ Масамунэ построил замок Аоба, который ныне является одним из лучших в стране музеем традиционного японского искусства. Имя этого феодала имеет отношение к одному из первых далеких путешествий, проделанных японцами. Дело в том, что после того, как португальцы в конце XV века «открыли» Японию, туда хлынули католические миссионеры. Некоторые феодалы по различным причинам довольно благосклонно относились к насаждению в их владениях христианства. Датэ Масамунэ даже послал своего вассала Хасэкуру Цунагара в Рим.

Для того времени подобное путешествие было далеко не легким делом. Правда, японцы уже строили довольно крупные морские корабли-акинайбунэ — длиной от 15 до 30 метров, шириной в 7—9 метров и грузоподъемностью от 150 до 200 тонн. Они имели мачты с парусами из хлопчатобумажной ткани или циновок. Акинайбунэ бороздили прибрежные моря, японские купцы вели оживленную торговлю с Кореей, Китаем и странами Южных морей.

Однако лишь после того, как с помощью захваченного в плен английского капитана Адамса японцы построили первые корабли европейского типа, они решились на более далекие путешествия. Именно на таком корабле посольство Цунагара пересекло Тихий океан и в январе 1913 года прибыло в Мексику. После нескольких лет странствий японцы попали в Мадрид и отсюда в Рим, где были приняты папой Павлом V. По-видимому, Ватикан был чрезвычайно доволен пополнением своей паствы, так как Хасэкуре Цунэгаре было присвоено почетное звание гражданина Рима.

Примерно в двух десятках километров от Сэндая находится небольшой городок Сиогама. Его основными достопримечательностями являются рыбный рынок и буддийский храм. Оптовый рынок специализировался на продаже тунцов, примерно одна треть всего улова этой ценной морской рыбы продается здесь, и отсюда уже, большей частью в замороженном виде, ее развозят по другим городам Японии.

Вечером руководители местного рыболовецкого кооператива пригласили нас поужинать в одной из гостиниц, построенных в традиционном японском стиле. Сидели мы прямо на циновках, перед низенькими столиками, уставленными различными дарами моря и маленькими бутылочками подогретого сакэ. К нам вышла старая гейша с сямисеном в руках и запела популярную песню японских рыбаков «Соран». А глава местного союза ры-

бопромышленников и молодая гейша стали танцевать, имитируя все, о чем говорилось в этой песне: тяжелый труд рыбаков, возвращение с хорошим уловом и радость встречи с любимой. Все мы хлопали в такт песне в ладоши и подхватывали припев: «Соран! Соран! Соран!»

ОСТРОВ ХОККАЙДО

«Хоккайдо? Да разве это Япония?» — можно иногда услышать от иностранцев, впервые посетивших этот остров. Что же, какая-то доля истины в этих словах имеется. На Хоккайдо не часто увидишь типичные дома с конусообразными крышами, здесь меньше синтоистских и буддийских храмов и прочих реkvизитов старины.

Хоккайдо стал осваиваться японцами довольно поздно. Первые японские поселения появились здесь в XV—XVI веках, а массовое заселение этого острова началось во второй половине прошлого столетия. В начале нынешнего века на Хоккайдо жило около миллиона человек, а сейчас около шести. И все же для японцев, живущих в перенаселенных городах, Хоккайдо остается последней «пустошью», которой еще предстоит испытать на себе грозную силу экономического наступления. Уже теперь промышленный юг представляет наиболее активную часть экономики Хоккайдо.

А ведь совсем еще недавно ведущую роль в экономике острова занимало рыболовство. В южной части Хоккайдо есть рыбацкие деревни, население которых уменьшается еще быстрее, чем количество рыбы в морях. Мужчины, и особенно молодежь, без сожаления расстаются с тяжелым и опасным трудом рыбака и уходят на заводы и фабрики.

...Хакодате лежит на морских путях, связывающих Японию с портами западного побережья Америки — Ванкувером в Канаде и Сиэтлом в США, и находится на довольно близком расстоянии от Советского Союза.

В течение многих лет Хакодате считался самым процветающим рыбным портом Хоккайдо, но в последнее время, то ли потому, что стало меньше каракатиц и осьминогов, то ли потому, что на них уменьшился спрос, он начинает уступать свое место «рыбной столице» портовому городу на северо-западной оконечности острова — Куссиро.

На многие километры протянулись шесты с натянутыми веревками: на них сушатся каракатицы и осьминоги. Едят их японцы во всех видах: сушеными, вареными и сырыми.

Перерабатывают каракатиц на небольших предприятиях, где работают почти одни женщины. Тут же живет и хозяин с семьей. То и дело из задних комнат высовываются любопытные мордашки ребятишек.

Посетили мы в Хакодате фабрику, где делают рыболовные сети. Там тоже работают почти одни женщины. У входа нас попросили снять обувь и надеть тапочки. В одном цехе автоматы тянули нити из нейлона, перлона и куралона, в другом — выделывали из них сети. Во дворе сушились на солнце сотни сетей: голубых, черных, зеленых, желтых и даже модных грязноватых расцветок. Я поинтересовался: для чего красят сети, неужели рыба реагирует на цвет? Оказывается, что окраска облегчает работу рыбаков — им легче разобраться, для ловли какой рыбы предназначена та или иная сеть.

На фабричном дворе стоит памятник основателю компании. Нас сопровождал его внук, заведующий химической лабораторией. Он с большим подъемом рассказывал о том, какой переворот внесла химия синтетических материалов в технологию производства сетей, писал на доске сложные формулы, знакомил нас с приборами, испытывающими нить на прочность, устойчивость к воздействию морской воды. Он был в курсе всех технических новшеств, которыми можно оснастить производство.

Вечером мы отправились на машине на гору Хакодате. Спираль дороги вилась среди невысоких хвойных деревьев. Вдруг шофер резко затормозил и предложил всем выйти из машины. Перед нами была небольшая православная церковь, точно такая же, какие можно встретить в старых районах Москвы. На кресте сидела ворона, тоже точно такая же, как ее сестры в России. Оказывается, в этой церкви русский священник Николай Махов в конце прошлого века впервые проповедовал в Японии православную веру.

С вершины горы Хакодате открывается изумительный вид на город, освещенный множеством огней, на пролив, на корабли, стоящие у причала и на рейде.

ЧАЙ ИЗ МОРСКОЙ КАПУСТЫ

По пути в Куссиро мы посетили небольшие города, рыбацкие деревни на юге Хоккайдо и еще раз убедились, какое большое значение для местного населения имеет море.

Мэр города Отару рассказал нам, что многие рыбацкие деревни захирели после того, как лет двадцать назад пропала знаменитая тихоокеанская сардина — иваси. В течение двухсот лет с точностью наступления времен года огромные косяки ее проходили мимо западных берегов острова. Примерно сто лет тому назад здесь возник и разросся город Эсаси, центр промысла иваси. Каждую весну его порт был забит рыбацкими лодками и судами, владельцы которых прибывали со всех концов Японии для закупки сардины.

Ученые до сих пор выдвигают различные гипотезы, пытаются найти разгадку исчезновения этой рыбы. Некоторые ихтиологи

предполагают, что во время одного из похолоданий теплого течения Куро-Сиво изменились условия нереста и огромная масса икры и личинок иваси были вынесены в открытую часть океана, превратились здесь в мальков, но оказались в неблагоприятных условиях и большей частью погибли.

Быть может, исчезновение сардины объясняется и другими причинами, но, во всяком случае, для многих рыбацких семей на южном и западном побережье Хоккайдо это был непоправимый удар. Сейчас они занимаются в основном отловом сайры и кальмаров.

Потом разговор зашел о морской капусте и других видах водорослей, которые на этом острове собирают и обрабатывают в большом количестве.

Мэр сказал нам, что в прибрежных местах живут люди на несколько лет дольше, чем в отдаленных от моря районах. Почему? Да потому, объяснил он, что и бедняки и имущие едят раз в день суп из морской капусты, очень богатой йодом. На прощанье он попросил нас передать советским людям, чтобы они больше ели морской капусты, если хотят долго жить и не болеть склерозом.

Вспомнил я об этих благих наставлениях во время беседы с одним уловившим японцем, обладателем иссиня-черной копны волос. Уловив мой завистливый взгляд, он посоветовал мне пить чай из... морской капусты. Конечно, это не самый вкусный сорт чая, но на какие жертвы не пойдешь, чтобы не лишиться последних волос!

В рыбацком поселке Мохедзи, расположенном вблизи Ота-ру, я впервые увидел рифы, сделанные из бетона, на которых в море выращивали один из сортов морских водорослей, норри. Нелегко было рыбакам, рассказал нам староста деревни, воздвигнуть эти сооружения, пришлось залезть в долги, но вот теперь уже начали получать небольшой доход от продажи водорослей.

Хозяева не без гордости показали нам небольшую научно-исследовательскую станцию. Здесь разводят и изучают угрей. Угри, сказал нам молодой, увлеченный своим делом заведующий станцией, самая дорогая рыба в Японии. Она ценится примерно в пятьдесят раз дороже сайры. Угри невероятно прожорливые существа: не успевает рабочий опустить в бассейн связку сайры, как тут же вытаскивает обглоданные кости.

Мне приходилось встречаться с японскими научными работниками в исследовательских институтах, на опытных станциях. Обращает на себя внимание их очень добросовестное отношение к работе, тем более что обеспечиваются они материально более чем скромно. Занимаются они в основном повседневными практическими проблемами, волнующими рыбаков. Научно-исследовательская лаборатория в Хакодате изучает каракатиц и осьминогов, а на опытной станции вблизи Исиномаки исследу-

ют проблемы, связанные с искусственным разведением устриц. Летом 1968 года два японских ученых проделали интересный опыт, который, по их словам, открывает новые возможности для ловли рыбы. Они записали на магнитофонную пленку шум, производимый во время еды, а затем воспроизвели его в море. К этому месту со всех сторон устремились стаи рыб.

Староста и председатель кооператива пригласил нас отве-дать кушанья из «местной» рыбы. В самой большой комнате деревенской гостиницы на маленьких столиках были расставлены лакированные чашечки, палочки, бутылочки с соей и дру-гими приправами. Стены комнаты были исписаны крупными иероглифами. Оказывается, все почетные гости, когда-либо по-сетившие деревню, оставили здесь свои автографы, а один из-вестный борец дзю-до приложил даже свою ладонь.

Вначале мы отведали «намасу», свежую рыбу, перемешан-ную с овощами и политую уксусом. Потом на стол поставили «якимоно», поджаренную на железной решетке горбушу, и на-конец, по-видимому на закуску, подали жареных угрей. Подра-жая своим хозяевам, мы захватывали палочками кусочек рыбы, макали его в соевый соус или другие острые приправы и запивали рыбным супом, в котором плавали какие-то моллюски. Инте-ресно, что наваристых рыбных супов, наподобие нашей ухи, японцы не готовят.

Хозяева рассказали нам, что во время извержения вулкана Камагатакэ в 1929 году эта деревня была полностью погребена под лавой, потом отстроена заново.

Все рыбаки здесь объединены в сбытовой кооператив. Око-ло половины из них — владельцы небольших судов с двигате-лями, остальные работают в составе команд подсобными рабо-чими на берегу. Первые получают прибыль, вторые — неболь-шую зарплату, а в случае хорошего улова — премию.

Многие рыбаки выходят в море на лодках под парусом. Называют их в Японии «иппондзуру» — рыбаки, промыляю-щие одной удочкой. Мне приходилось видеть, как иппондзу-ру разбрасывают приманку — измельченную сардину, мелко нарезанные кусочки макрели. Макрель собирается на эту при-манку, и тут уж рыбаку только приходится забрасывать удоч-ку. Иногда он вылавливает до 400 килограммов рыбы. Но мак-рель — самая дешевая рыба в Японии. Неудивительно, что ип-пондзуру — самые бедные рыбаки. Многие из них нанимаются на суда крупных рыболовных компаний.

НА ЛОСОСЕВОЙ МАТКЕ

До лососевой базы «Кёхамуру» мы добирались трое суток на грузовом корабле.

Управляющий базой рассказал нам, что «Кёхамуру» нахо-

дится на промысле второй месяц, обслуживает ее тридцать промысловых судов. Промысловые суда принадлежат не компании, а частным владельцам или рыболовецким кооперативам.

Каждый день в течение всего промыслового сезона — а он продолжается здесь около двух месяцев — рыбаки ставят в полдень пятнадцать километров сетей, а поздно вечером поднимают их и вытаскивают из ячей трепещущую рыбу. И так изо дня в день, в любую погоду, а в этой части океана она не балует рыбаков. Нередко сети рвут запутавшиеся в них киты, акулы, нерпы, перерезают в туманную погоду встречные корабли.

Трудовой день начинается с рассветом. Куда ни бросишь взгляд — промысловые суда: они ждут своей очереди, чтобы сдать выловленную за вчерашний день рыбу. Наконец судно пришвартовывается к борту «Кёхамуру». Рыбаки наполняют огромную корзину горбушей, и через несколько минут, подцепленная стрелой крана, она опускается на весы.

Рыболовное судно загружают ящиками с рисом, с солью, и оно отчаливает, уступая свое место другому. Часам к девяти утра вся рыба уже сдана.

От наших и японских ихтиологов я узнал, что трудно найти другой род рыбы, который имел бы столь сложные пути следования, как дальневосточные лососи — кета, горбуша, красная, кижуч, чавыча, сима.

Вышедшие из икры мальки горбуши через несколько месяцев после рождения уплывают в море, но на следующий год идут в ту же реку, где родились. Дойдя до нерестилищ и отложив икру, горбуша погибает. Только один раз в жизни она идет на икрометание и за это платит своей жизнью. Такова судьба и прочих дальневосточных лососей. Разница лишь в том, что другие лососевые до того времени, как начинают метать икру, живут от трех до семи лет, а горбуша всего полтора года...

С весов, переливаясь под утренними лучами солнца всеми цветами радуги, рыба направляется в специальные желоба, где ее обдают мощной струей воды. Крупная рыба поступает в холодильники, а более мелкая — на консервный завод. Заведующий консервным заводом сказал нам, что большая часть консервов идет на экспорт.

Во время перерыва разговорились с рабочими. В Японии во все времена сезонники были самыми обездоленными людьми. Чаще всего их вербовали из младших сыновей крестьян, которым не досталось земли (земля по наследству переходила только старшему сыну). Получают они около 50 тысяч иен в месяц, для крестьянских семей это немалое подспорье, но тех, у кого это основной вид заработка, всегда беспокоит вопрос, подвернется ли потом работа? Один из рыбаков, судя по черной

бороте, парень из северных провинций Хонсю, спросил нас, имеют ли рабочие на советских рыболовных кораблях отпуск. Я ответил утвердительно и тут же поинтересовался, как обстоит дело у них. Раздался горький смех: когда нет рыбы, тогда и отдыхаем!

В первые дни к нам больше присматривались. Но постепенно лед был сломан, и к нам в каюту стали наведываться японцы. Дольше других у нас засиживался бой. Он не был похож на тех боев, которых мы встречали в гостиницах. Было ему далеко за двадцать. Окончил рыболовное училище, думает поступить в институт, а пока приходится чистить гальюны.

Иногда нас приглашали к себе в каюту радисты. Один, высокий, черноволосый, был из Осаки, другой, небольшого роста, лысый, с постоянной сигаретой в зубах, из Камакуры. Высокий угощал нас горячим молоком, а маленький — рисовой водкой. Высокий хвалил хозяев компании, а маленький, подмигивая нам, называл его раскольником и соглашателем. Потом они садились за большую доску, вынимали из коробочки белые и черные пластмассовые кружочки и для «укрепления единства рабочего класса Японии» начинали играть в «го», одну из популярнейших игр на Дальнем Востоке.

Часто по вечерам матросы пели старинные народные песни. Один из них начинал, а другие подтягивали и хлопали в такт песне в ладоши. Каждая провинция, каждый город Японии имеет свои песни, которые передаются из поколения в поколение.

НА КИТОБОЙЦЕ

В последних числах августа расцветенные флагами рыбацкие суда в последний раз сдавали свежую рыбу. «Кёхамуру» направлялась для сдачи рыбы в один из портов на западе Хонсю, а мы пересели на попутный китобоец, который шел в Хакодатэ. Нас посадили в корзину, затем ее подцепили краном и под прощальные возгласы матросов с одного корабля и приветственные с другого спустили на палубу китобойца рыболовной компании «Тайё».

Крупная японская рыболовная компания «Тайё» ведет промысел во всех морях и океанах: бьет китов в Антарктике, ловит тунцов в Атлантике, сайру — у берегов Африки, креветок — у Алеутских островов. В то же время этикетку с эмблемой «Тайё» я встречал на банках с консервированными соками, которые японцы потребляют в огромном количестве, и даже на обертках мыла. Оказывается, ловлей и обработкой рыбы занимается головная компания, а около ста дочерних контролируют многие предприятия тяжелой и легкой промышленности.

«Тайё» идет в ногу со временем. Она закупила одну из луч-

ших бейсбольных команд страны. Так как бейсбол пользуется большой популярностью, то сообщения в печати о победах и даже поражениях команды служат неплохой рекламой для компании...

ПЯТЬ БЕД...

На какие только темы не приходилось говорить, а подчас и спорить во время долгих вечеров в кают-компании! Особенно азартно спорил с нами старший механик корабля, своим круглым добродушным лицом напомилавший простака из японского фольклора.

Он родился в горной деревушке рисовой житницы Японии — провинции Ямагата. В конце второй мировой войны его забрали в армию, ему было тогда 16 лет. Служил на флоте, а после войны плавал на китобойцах. Несколько лет он работал кочегаром — тогда еще топили углем, — потом мотористом, и вот уже пятый год он старший механик.

Во время одной из наших бесед в кают-компанию зашел радист и подал капитану листок с очередным прогнозом погоды. Пробежав глазами столбцы иероглифов, капитан обратился к присутствующим:

— С юга надвигается тайфун, по-видимому, он пойдет до Сикоку и оттуда повернет на Окинаву.

Совершенно естественно, что после такого сообщения тема беседы изменилась и каждый из присутствующих считал своим долгом расширить наши познания о тайфунах.

Японцы говорят, что пять бед преследуют их от рождения до смерти: тайфуны, землетрясения, грозы, пожары, цунами... И все же из всех стихийных бедствий нет другого столь же опустошительного, как тайфун.

Ветер ураганной силы крушит и ломает все на своем пути. Морские волны достигают исполинских размеров, они переворачивают суда, обрушиваются на побережье, смывая все в морскую пучину. Тайфуны часто сопровождаются ливневыми дождями: потоки низвергающейся с неба воды вызывают сильнейшие наводнения. В горах начинаются оползни, а на равнинах гибнут посевы, и тысячи гектаров плодородной земли или чисто смываются, или покрываются толстым слоем бесплодных наносов.

Штурман вспомнил знаменитый тайфун «исэван», который пронесся над Японскими островами в 1959 году. Более полутора миллионов людей лишились крова и имущества, около шести тысяч человек погибло и пропало без вести.

Старший механик, который по всем вопросам имел свое собственное мнение, и на этот раз остался верен себе.

— Это еще большой вопрос, — попыхивая сигаретой, про-

изнес он, — чего от тайфунов больше: вреда или пользы. У нас в деревне в засушливые годы тайфуна ждут с нетерпением: после него обязательно пойдут дожди, и тогда уж наверняка можно ждать хороший урожай.

Пожилой кок, который внимательно прислушивался к беседе и время от времени подкладывал в наши чашки гохан, варенный на пару рис, неожиданно произнес:

— А камикадзе?

По-видимому, все присутствовавшие, кроме меня, сразу поняли, что наш кок имел в виду не тех молодых фанатиков, «живых торпед», которые во время войны таранили вражеские корабли во имя императора и божественной расы Ямато, а знаменитый «священный ветер» — камикадзе, спасший Японию от нашествия монголов.

Действительно, во второй половине XIII века Япония дважды подвергалась нашествию монголов, завоевавших к этому времени Китай и установивших там свою юаньскую династию. В 1274 году император из этой династии Хубилай во главе войска, состоявшего из монголов, китайцев и корейцев, занял Кюсю. Однако вскоре ему пришлось покинуть Японские острова. По-видимому, он опасался быть отрезанным от материка, потому что к тому времени многие его суда разбились во время бури.

Через шесть лет Хубилай вновь направил в Японию еще более многочисленный флот. Но и на этот раз экспедиция монголов кончилась неудачей. Страшный тайфун, свирепствовавший двое суток у берегов Кюсю, уничтожил почти все китайские корабли. Эта страница японской истории окружена особым ореолом.

К концу дня штурман сообщил, что тайфун изменил направление и идет прямо на нас. Он добавил, что мы успеем укрыться за прибрежными островами и под их защитой переждать ураган. Мы действительно успели обогнуть один из них. Но тайфун, получив довольно мирное название «кит», и на этот раз проявил свой строптивый нрав. Он остановился у противоположного берега острова, в какой-то сотне миль от нас, и здесь стал постепенно затихать.

По сообщению газет, сам по себе тайфун не причинил большого вреда прибрежным районам, но последовавший за ним страшный ливень и вызванные им оползни нанесли большой ущерб району Канто, где расположен крупнейший японский порт Иокогама. Погибло около шестидесяти человек, разрушено более ста тысяч домов, выведены из строя железнодорожные и шоссевые дороги.

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ: ПОДВОДНЫЕ РЕСТОРАНЫ И ЗОЛОТО ИЗ ВОДЫ

Перед отъездом на Родину мне попала на глаза заметка в одной из японских газет о том, что вблизи города Кагосима, расположенного на юге острова Кюсю, предполагается открыть первый в мире подводный ресторан. Из его зала, который будет находиться на глубине десяти метров под морской водой, посетители смогут любоваться подводным миром.

Эта маленькая информация перенесла меня в мир фантастики: подводных городов, людей-амфибий, пастбищ для китов... Быть может, не так далеко до осуществления тех фантастических проектов, о которых рассказывается в романах Беляева и Абэ Кобо?

И вполне вероятно, что наиболее важные открытия и начинания в этой области будут сделаны в Японии, в стране, где море является естественным продолжением суши.

Когда я поделился своими мыслями с моим знакомым, научным обозревателем одной из крупных радиовещательных компаний, он рассмеялся и замахал руками:

— Нет, нет, наши предприниматели не фантасты, они реалисты. И если большой бизнес стал в последнее время все больше приглядываться к возможностям использования ресурсов морей и океанов, то это связано с меркантильными экономическими соображениями. Дело в том, что земля в наших крупных городах не дешевле золота. Нет, это не гипербола, — добавил он, — один квадратный метр земли здесь, под нами, в центре Токио стоит три миллиона иен! Вот крупные компании и стали подумывать: не пришло ли время строить промышленные предприятия, аэродромы, а может быть, и жилые массивы в море? Как дамклов меч висит над Японией и угроза энергетического голода. И снова большой бизнес стал приглядываться, нельзя ли добывать сырье со дна морей и океанов.

Действительно, в японской печати в последнее время стало появляться все больше сообщений о различных проектах, исследованиях и первых практических шагах в этой новой, чрезвычайно заманчивой сфере деятельности человека.

Одна из ведущих металлургических компаний, «Син нихон сэйтэцу», подготавливает проект сооружения в море целого металлургического комбината, а машиностроительная фирма «Хитати дзосэн» участвует в проектировании строительства первой подводной атомной электростанции на морском дне.

Несколько компаний — производителей стального проката совместно разрабатывают проект строительства аэродрома на понтонах общей площадью в 4,3 миллиона квадратных метров с двумя взлетно-посадочными полосами.

В настоящее время найти площадку для аэродрома вблизи крупных городов практически невозможно. К тому же страш-

ный шум от реактивных самолетов создает дополнительные неудобства для жителей близлежащих к аэродрому районов.

Интересные проекты разрабатывают японские ученые по созданию установок для получения электроэнергии с использованием морских волн. Они произвели следующие подсчеты: квадратная миля поверхности моря имеет потенциальные возможности для выработки электроэнергии примерно в количестве 10 тысяч киловатт. Протяженность береговой линии Японии 6 тысяч километров. Таким образом, она располагает резервом электроэнергии в 150 миллионов киловатт. Японские конструкторы разработали технологию изготовления электрогенерирующих буев мощностью в 70—130 киловатт.

Большое внимание уделяется в Японии проблеме опреснения морской воды. В жаркие месяцы жители крупных городов страны стоят перед извечной проблемой: где взять пресную воду? Появились первые, относительно небольшие установки, дающие 20 тысяч кубометров пресной воды в сутки. А конструкторы уже подготовили проект мощного опреснителя, который позволит вырабатывать миллион кубометров питьевой воды в сутки, а в конструкторских бюро уже ведется проектирование опреснителей, производительность которых будет в сотни раз больше!

Ученые начинают задумываться: а нельзя ли будет использовать новую отрасль промышленности для получения разнообразного сырья и в первую очередь редких металлов? Как известно, морская вода является кладовой несметных сокровищ. В одной ее тонне находится 3 миллиграмма олова, два миллиграмма урана, 0,3 миллиграмма серебра и от 0,02 до 0,06 миллиграмма золота. Япония ежегодно расходует для промышленных целей 10 миллиардов тонн воды. Если всю эту воду удалось бы получать посредством опреснения морской воды, то можно было бы «добыть» несколько сот килограммов золота. Однако японские ученые считают, что рентабельная «эксплуатация» ресурсов морской воды, за исключением соли, вряд ли возможна в ближайшем будущем.

Более перспективным они считают разработку ресурсов континентального шельфа, извлечение полезных ископаемых из-под морского дна.

В последнее время в Японии все чаще можно услышать такие высказывания: «В течение многих веков мы брали у моря то, что лежит на его поверхности. Теперь мы приоткрыли кладовую с несметными сокровищами. И от нас зависит, воспользуемся ли мы ими на благо человека».

МЮНХЕН — СТОЛИЦА БАВАРИИ

По данным института общественного мнения Гэллапа, ФРГ является одной из трех наиболее посещаемых стран мира. В 1971 году, например, в ФРГ побывало более семи миллионов гостей-туристов, делегатов, политических деятелей. В начале 1972 года Немецкий центр туризма провел опрос среди журналистов на тему «Какая страна (город) представляет, в 1972 году лучшую туристскую цель?». Большинство из них в свои анкеты вписали Мюнхен. Такое редкое единодушие мировой прессы имело свои причины. Мюнхен в тот год становился столицей очередных, XX Олимпийских игр. Послевоенные Олимпиады показали, что ни одно другое событие в мире не вызывает такого огромного интереса, своеобразного туристского бума, как эти крупнейшие спортивные соревнования современности. XX Олимпийские игры привлекли в Мюнхен и его окрестности около четырех миллионов спортсменов, официальных лиц, туристов. Немецкий центр туризма, туристские фирмы и бюро широко использовали Олимпиаду для пополнения своих касс и банковских счетов. Проспекты, плакаты пестрели броскими аншлагами: «Каждый гость ФРГ — король», «Доброй ночи в немецкой кровати» и т. п. Они обещали, что Олимпийские игры в Мюнхене станут «самым веселым праздником в мире», «самыми домашними», «самыми коррект-

ными». Короче говоря, никто не скупился на обещания, анонсы, аншлаги, добрые пожелания, превосходные степени...

Взглянем на все эти обещания трезво: в них были добрые устремления прогрессивных сил ФРГ, но в них содержались и определенные политические цели, и откровенная реклама, в которой были заинтересованы владельцы гостиниц и пансионатов, туристские организации, развитая «туристская индустрия», нуждающаяся в новых импульсах. «Индустрия туризма» ФРГ располагает широкими возможностями принимать туристов с любыми вкусами, но особенно с толстыми кошельками. Заграничный гость может выбрать себе пристанище от роскошных апартаментов в гостиницах высшего разряда до дешевых постоянных дворов или небольших частных пансионатов. Гостиничное дело поставлено на широкую ногу. Свыше 60 крупных отелей входят в так называемую систему предварительного заказа номеров Международного объединения гостиниц, которое связано с компанией «Америкэн экспресс». В ряде городов ФРГ работают гостиницы, принадлежащие известным международным компаниям «Хилтон», «Интерконтиненталь».

Есть еще и система «суперотелей», где денежные люди могут пожить по-царски. Эти отели, как правило, располагаются в древних замках, дворцовых ансамблях и т. д. Сутки «царской жизни» стоят 160—200 марок.

Существует приблизительно 700 так называемых гостиниц для молодежи. Они размещены в бетонных коробках, имеют маленькие номера с двухъярусными кроватями и скромным сервисом, рассчитанным на людей скромного достатка. Любители автопутешествий пользуются системой кемпингов, насчитывающей свыше тысячи придорожных стоянок, оборудованных палатками или легкими строениями типа «бунгало» для ночлега, столовыми, магазинами. Широко рекламируется в ФРГ и пеший туризм. Туристские организации недавно оборудовали европейскую тропу № 1, которая позволяет туристам пешком пересечь всю страну от Фленбурга до Констанца на Баденском озере.

И вот мы в Мюнхене — туристской Мекке 1972 года. Едем по улицам города в туристском автобусе. Девять часов вечера — улицы пустыны, окна плотно занавешены. — здесь рано ложатся спать. Только на центральных улицах, ярко освещенных рекламой, толпы гуляющих. Едем и удивляемся, что-то не чувствуется, чтобы завтра здесь открывались Олимпийские игры.

Вспомнился олимпийский Мехико. Огромные, высотой в пять этажей рекламные щиты, посвященные Олимпиаде, многоцветье флагов стран-участниц, скульптурные фигуры спортсменов, олицетворяющие разные виды спорта, специальные, ярко раскрашенные киоски — справочные бюро, сувенирные базары, и люди, люди, искрящиеся весельем... Все это при-

давало городу прошлой Олимпиады какую-то приподнятость, ощущение всеобщего праздника.

Здесь иначе. Правда, это лишь первое впечатление. Впереди — три недели, за которые предстояло все разглядеть поближе, узнать, что представляет собой в действительности этот знаменитый город Европы.

Многочисленные проспекты, справочники, альбомы сообщали, что Мюнхен, столица Баварии, основан в XII веке, что в нем проживает 1,4 миллиона жителей, что он второй по промышленному потенциалу город ФРГ, что в нем работает старинный университет (по числу студентов он занимает первое место в стране), 22 государственных и частных театра и многое, многое другое.

Но как бы ни были хороши альбомы и проспекты, лучше все увидеть самому. Каждый день мы отправлялись бродить по городу.

Центр Мюнхена — площадь Мариенплац, посредине которой возвышается готическая башня городской ратуши. Это самое оживленное место в городе. С утра до глубокой ночи здесь толпятся люди. Есть на Мариенплац и свой час «пик». Тогда на площади невозможно протиснуться. На близлежащих улицах даже останавливается движение. Все стремятся посмотреть на работу оригинальных часов, расположенных в башне ратуши. Ежедневно в 10 часов 50 минут под мелодичный перезвон в проеме башни появляется фигура пляшущего солдата в яркой одежде, за ним следуют еще несколько пляшущих фигурок в баварских нарядах. Это «представление» заканчивается ровно в 11 часов громкоголосым пением петуха.

Мюнхенцы не без гордости заявляют, что их город, особенно его центральную часть, почти не затронули архитектурные новшества, как это, например, произошло с их недалеким соседом — Франкфуртом-на-Майне, да и многими другими городами страны. Центральные магистрали сохраняют архитектурный облик прошлого.

Правда, мюнхенцы правы лишь наполовину. Современные здания — коробки из алюминия и стекла все ближе и ближе стремятся к центру, не щадя старинной архитектуры. Не все и новые сооружения — простые коробки. Есть среди них интересные, оригинальные здания, созданные руками талантливых архитекторов и строителей. Здание автомобильной компании «Баварише моторс верке» (БМВ) внешне представляет собой четыре огромных бака, поставленных рядом. В них размещается администрация фирмы и многоэтажный гараж.

Сложившийся архитектурный облик города сильно изменили спортивные сооружения, построенные к XX Олимпийским играм. На одной из окраин города, в Обервизенфельде, возве-

ли совершенно новый архитектурный ансамбль, где разместились олимпийская деревня, пресс-центр и комплекс спортивных сооружений. Многочисленные и разнообразные сооружения Обервизенфельда были соединены паутиной дорог и дорожек, переходов и акведуков. С самого раннего утра до позднего вечера десятки тысяч людей, автобусов, автомобилей заполняли эти артерии и создавали в них непрерывное движение, чем-то напомилавшее огромный муравейник. Движение было интенсивным, многоголосым, ярким, оно создавало обстановку огромного карнавала. Здесь жили, соревновались, тренировались, встречались друг с другом, развлекались десятки тысяч людей. Это была живущая по своим законам и обычаям территория, своеобразная олимпийская резервация. В центре этого комплекса возвышался олимпийский стадион, вмещающий 80 тысяч зрителей. Его окружали несколько оригинальных сооружений: «Спортхалл» для соревнований по гимнастике и гандболу, баскетбольный зал, олимпийский трек, стадион для хоккея на траве и другие. Спортивный комплекс обошелся устроителям XX Олимпиады приблизительно в 2 миллиарда марок. Около 200 миллионов марок стоила акриловая крыша — архитектурная изюминка олимпийских сооружений. Эта «изюминка» была размером 175 тысяч квадратных метров и состояла из стальной сетки, заполненной акриловыми планками 3 × 3 метра. Длина стальной сетки 400 километров — это равно расстоянию между Мюнхеном и Франкфуртом-на-Майне. Она удерживалась на 58 стальных мачтах, самая высокая из которых достигала 84 метров. А эта крыша (кстати, она очень напоминала крылья летучей мыши, как бы взявшая под свою сень большинство сооружений олимпийского комплекса) вызывала большое количество самых разных мнений и оценок. Казалось, о ней спорят, рассуждают больше, чем о спортивных соревнованиях и выдающихся рекордах. Безусловно, главное ее назначение было не утилитарно-функциональное (хотя ее и называли коллективными защитными очками, ведь в какой-то мере она служила и этому), а пропагандистско-рекламное. Это была своеобразная демонстрация творческой изобретательности архитекторов и инженеров, таланта строителей. Крыша стала материальным символом XX Олимпиады. В ее некоторой иррациональности угадывались черты архитектуры будущего.

Листая проспекты, я насчитал в Мюнхене 26 музеев, картинных галерей и частных собраний, представляющих, судя по их названиям, все направления в живописи, графике и скульптуре: от шедевров Рубенса и Гойи до В. Кандинского и Сальватора Дали.

Осмотр музеев мы начали со «Старой пинокотеки», расположенной рядом с одной из самых крупных площадей города — Кенигсплатц. Эта галерея гордится самой большой в

Европе коллекцией картин Рубенса, здесь выставлены шедевры Тициана, Гойи, Брейгеля и других величайших живописцев. На площади находится и другой музей с великолепной экспозицией графики Дюрера.

Побывали мы и в Музее современного искусства. Здесь особый подбор работ: экспонируются только полотна старых и новых формалистов и абстракционистов. Многие из них выполнены руками известных художников.

Один из шедевров поп-арта выглядит так: посредине небольшого зала стоит обшарпанный «фольксваген» в натуральную величину, за ним выстроились в два ряда 26 саней типа северных нарт. «Произведение» называется «Стая». Не будь этой надписи, никто бы не смог и подумать, что все это нагромождение из автомобиля и саней — «произведение искусства». Следующий экспонат — кусок брезента с многочисленными резиновыми трубками белого цвета. Читаем надпись: «Мягкая ванна». Рядом еще один шедевр поп-арта: на стене висит кусок холста с куском фетра посредине. Называется «Одеяло».

Работы Василия Кандинского — западные искусствоведы называют его основателем школы абстрактного искусства — широко представлены в Доме-музее художника Ленбаха. Здесь экспонируется множество ранних живописных работ В. Кандинского, посвященных русской природе и выполненных в реалистическом духе. Поздние же его работы, начиная с 1911 года, написаны в откровенно формалистской, абстракционистской манере. Большая часть этих картин носит название «Импровизация» или «Композиция». В том же музее представлены работы других художников-абстракционистов из группы В. Кандинского.

В Мюнхене и сейчас много художников. Некоторые считают его даже в этом смысле конкурентом Парижа. Есть в городе и свой мюнхенский Монмартр — Швабинг — район художников, артистической, писательской богемы и самых разнообразных увеселительных заведений. Здесь 320 больших и малых ресторанов, кафе, баров. Яркая реклама «нахтклубов» зазывает посмотреть за сходную плату «на 16 самых красивых женщин мира».

Жизнь в Швабинге замирает только к утру. И днем и ночью прямо на тротуарах художники выставляют для продажи свои работы. Живопись, графика, скульптура, сувениры. Работы талантливые и серьезные, претенциозные и бездарные, поделки в стиле авангардистов и откровенная порнография.

Наверное, ни в одном городе мира нет такого количества пивных, как в Мюнхене. Это, пожалуй, одна из самых характерных особенностей облика мюнхенских улиц. Маленькие, на пять-шесть столов, и огромные пивные комбинаты с десятками залов, отличающихся друг от друга по обстановке, цвету пива,

кружкам, специальным закускам. Пивная пивных города — «Хофбройхауз», имеющая около 20 залов и вмещающая 500—700 посетителей.

Есть народные пивные рестораны на 300—500 человек, некоторые из них расположены в городских парках. Прямо под кронами деревьев, под легкими навесами сидят любители пива. Приходят компаниями, семьями. Взрослые потихоньку потягивают пиво, дети тут же рядом на лужайках играют в свои игры. Обстановка проста до предела. Полное самообслуживание. Посетитель берет пивную кружку, моет ее в большом цементном чане. В этой «общественной мойке» моются сотни кружек. Тут же рядом выстроились киоски, где наливают пиво и продают специальные закуски: сосиски, сладко-кислую капусту, сладкую горчицу. Кстати, баварцы — большие любители поесть. Баварская кухня славится на всю страну и отличается большим разнообразием. Фирменными блюдами считаются «белые колбаски», мясо «леберкэз», клецки-кнедли. Гурманы любят полакомиться сочным «хаксом» с квашеной капустой. «Хакс» — свиная ляжка, поджаренная на углях или гриле.

Во всех рекламных туристских проспектах о Баварии встречается фотография улыбающейся баварки в национальной одежде, которая держит в одной руке 12 пивных кружек по литру каждая. Этим непростым секретом владеют далеко не все официантки. Такие виртуозы работают в наиболее популярных пивных, создавая им своеобразную рекламу.

Пиво для мюнхенца — что-то вроде чайной церемонии в Японии, — культ, ежедневный ритуал, предмет гордости. За пивом здесь отдыхают, обсуждают проблемы, спорят, занимаются политикой.

Мюнхенцы любят шутить, что у истинных баварцев уже давно вместо крови течет пиво. В одном из уголков города, на площади Ленбахплац, есть красивый фонтан: огромная бурлящая струя льется в чашу. Горожане шутят по этому поводу: «Вода фонтана на Ленбахплац — единственная вода в Баварии, из которой не сделано пиво».

Когда открыли олимпийский гребной канал в Обершлейсхеме под Мюнхеном, то один досужий любитель пивной статистики подсчитал, что канал вместил бы столько пива, сколько выпивается на 125 традиционных осенних праздниках «Октоберферст». А на каждом из них поглощается 40 тысяч гектолитров.

Чтобы ежедневно наполнять пивом десятки тысяч кружек, существует «пивная индустрия», состоящая из сотен больших и малых пивоварен и пивоваренных заводов.

Владельцы крупных пивоварен имеют парадные выезды лошадей для доставки пива своим клиентам. Подобные выезды носят не столько транспортное, сколько рекламное назначение. Представьте себе такую сцену. Вдруг на плотно забитой автомобилями улице появляется «пивной выезд». Шесть откормлен-

ных лошадей, запряженных попарно в огромную телегу, уставленную в три ряда дубовыми бочками, торжественно цокая, движутся по асфальту. Автомобили расступаются, объезжают процессию. Лошади как на подбор, сбруя украшена позолотой, маленькими колокольчиками, лошадиные головы — плюмажами. Телега — целое сооружение высотой 3—4 метра, раскрашенное в разные цвета. Бочки с пивом в гирляндах из живых или искусственных цветов. На высоком облучке под многоцветным навесом восседает кучер и два-три грузчика, одетые в яркие жилеты, шляпы...

Однажды гуляя по городу, мы столкнулись с таким выездом и вступили в разговор с его живописной обслугой. Наши собеседники были веселы, приветливы.

— У всех пивоварен такие выезды? — спросили мы.

— Нет, только у больших, имеющих много богатых клиентов.

Один из грузчиков вежливо поинтересовался:

— А вы откуда?

— Из Москвы, приехали на Олимпиаду.

Наши собеседники удивленно переглянулись, затем стали еще более словоохотливыми и предложили нам забраться на облучок, сфотографироваться на фоне пивных бочек.

— Знаете ли вы об Олимпиаде и как относитесь к ней? — удалось нам задать еще один вопрос.

— Работы прибавилось — значит, это дело стоящее, людей понаехало, только поворачивайся, все хотят пива попробовать. Ну а соревнования можно и дома посмотреть, по телевизору. Есть у нас и свой праздник. «Окtoberферст» — праздник пива и песен, который проводится каждую осень. Словом, праздник настоящий. Сколько пива выпивается в это время, и подумать трудно. Люди пьют пиво, едят сосиски, танцуют, поют песни. Говорят, туристов приезжает не менее 3—4 миллионов со всего света, — с гордостью рассказывали грузчики и кучер.

Мы попрощались с нашими знакомыми, пожелали им успехов в их «пивном деле». «Окtoberфест» действительно грандиозное гулянье, собирающее до 2 миллионов гостей из ФРГ и других европейских стран. Это праздник урожая, любителей поест и выпить.

«Окtoberфест» — это и огромная ярмарка (здесь идет бойкая купля-продажа), это и дегустация пива, которое изготовляют сотни пивоварен, это и фестиваль профессиональных и самодеятельных народных музыкальных, песенных, танцевальных ансамблей; это и карнавал с фейерверком, масками, массовыми играми. «Окtoberфест» — не единственный массовый праздник Мюнхена. Интересно проходят здесь народные гулянья, посвященные масленице, традиционному фестивалю музыкального искусства.

Прошлое и настоящее Мюнхена противоречиво. Это город

славных пролетарских традиций. В 1901—1902 годах В. И. Ленин издавал в Мюнхене первую общерусскую нелегальную марксистскую газету «Искра». Здесь, на улице Кайзерштрассе в доме № 46, он жил с сентября 1900 года по апрель 1901 года.

В 1970 году, когда весь мир отмечал столетие со дня рождения Владимира Ильича, по инициативе немецких коммунистов на этом доме была установлена мемориальная доска. Михаил Бух, член Коммунистической партии Германии, рассказал мне историю, связанную с этим историческим фактом.

Неофашисты пытались всячески помешать установлению мемориальной доски. Они выступали с угрозами в печати, оказывали давление на владельца дома, служащих муниципалитета, оформлявших разрешение на установление доски. Но все их усилия оказались тщетными. Тогда они решили сорвать торжественное открытие мемориальной доски, в котором приняли участие работники посольства СССР и ФРГ, руководители Компартии Германии, многочисленные представители прогрессивных организаций, общества дружбы «ФРГ — СССР». Неофашисты не брезговали самыми грязными средствами, но благодаря усилиям коммунистов митинг состоялся и мемориальная доска была установлена.

Тогда неофашисты пошли на крайность. Декабрьской ночью 1970 года Кайзерштрассе содрогнулась от взрыва. Фашиствующие молодчики заложили динамит под мемориальную доску и взорвали ее. Удивительно, но до сих пор виновники этого преступления не обнаружены: полиции в эту ночь на улице не удалось. Восстановить мемориальную доску до сих пор не удалось.

Коммунисты относятся к дому № 46 как к святыне. Они устраивают здесь митинги. Во время Олимпийских игр около дома была организована выставка-продажа марксистской литературы. Кстати, коммунисты организовали продажу литературы и в десяти других районах Мюнхена. На стендах выставки — «Биография В. И. Ленина», «Шаг вперед, два шага назад», «Государство и революция», «Ленин о Троцком», избранные произведения В. И. Ленина, сборники «Ленин о религии», «Ленин как философ» и много другой литературы.

В 1918—1919 годах Мюнхен был центром баварского революционного движения. 13 апреля 1919 года здесь была провозглашена Баварская советская республика, подавленная через семнадцать дней контрреволюционными бандами Гофмана и Носке.

Мюнхену суждено было стать и колыбелью фашизма. До 1933 года в городе размещалась штаб-квартира национал-социалистической партии.

Нынешний Мюнхен — это город пытливых инженеров, талантливых архитекторов, рабочих, ремесленников, студентов, му-

зыканти и художников, жизнерадостных и приветливых людей.

Мюнхен — один из самых молодых городов ФРГ: 40 процентов его населения моложе 30 лет. Молодость городу придают студенты. По количеству студентов Мюнхен занимает первое место в стране.

В Мюнхене около 1400 промышленных предприятий. По объему производимых товаров он является после Гамбурга вторым городом ФРГ. Но это также и центр самой современной военной промышленности.

Столица Баварии — средоточие исторических архитектурных памятников культуры и искусства, здесь работают 26 музеев и картинных галерей, 22 театра, представляющих все виды театрального искусства.

Но в то же время Мюнхен и центр многочисленных реваншистских, экстремистских, антисоветских групп и организаций. Зловещее ведомство Генлейна, ярые антисоветские Народно-трудовой союз (НТС), Организация украинских националистов (ОУН) и т. д. Отсюда радиостанции «Свободная Европа» и «Европа» наполняют эфир потоками лживой клеветнической информации, направленной против народов СССР и других социалистических стран. К сожалению, власти ФРГ разводят руками — радиостанции по существующему договору пользуются правом экстерриториальности, то есть вольны делать все, что им заблагорассудится.

Неудивительно, что в дни Олимпиады мы каждый день вынимали из своих «журналистских боксов» целые вороха самой разнообразной антисоветской печатной стряпни. Чего тут только не было: и в фас и в профиль портреты пресловутого Степана Бандеры, изменника Родины и лидера украинских буржуазных националистов, визгливые и беспомощные по содержанию листовки «Национально-трудового союза» — антисоветской организации эмигрантского отребья, «Организации украинских националистов» (ОУН), «Антибольшевистского блока народа» (АБН)! Каких только глупостей не было в этой антисоветской стряпне. Например, такое: советская олимпийская команда якобы «насильственно составлена из представителей поработанных народов». Злоба и клевета, полнейшее отсутствие знаний о нашей стране, жизни ее народов, их истинном положении. Вся эта «пропаганда» была удивительно беспомощна. Она вызывала только брезгливую улыбку.

Да, Мюнхен — город противоречивой судьбы. В сентябрьские дни 1972 года этот город предоставил возможность молодежи нашей планеты протянуть друг другу руки и двинуться по дороге мира.

ЛЕГЕНДАРНЫЕ ОСТРОВА*

Я осознал это только позже, когда после многих месяцев, проведенных на Тихом океане, начал подводить общий итог впечатлениям от путешествия по Южным морям. Тогда-то я и понял, что каждый из этих островов запомнился мне в неразрывной связи с каким-нибудь определением. И не каким-нибудь сложным и вычурным, а самым простым, самым обычным.

Самоа был моим первым островом в Полинезии.

Я был счастлив оттого, что я здесь, и безотчетно прибавлял к названию этого острова то слово, которое потом приходило мне на память всякий раз при воспоминании об этой земле.

Самоа был *спокойный*.

Я уже говорил, что определения, приходившие мне в голову во время путешествия, не были вычурными и сложными. Они были самыми банальными и появлялись как бы без моего участия, оставаясь в памяти так же прочно, как слепни на шкуре старой рабочей лошади. И с этим я ничего не могу поделать.

Самоа был *спокойный*.

И я не спеша шел в одиночестве по острову. Я вышел за пределы городка и пошел через лес в сторону Ваилимы.

Вечерело, жара спала, с моря задул неожиданно свежий, легкий ветерок. И тогда

* Из книги Ф. Куиличи «На островах южных морей». Рим, 1968.

все дома вдруг раскрылись. Вместо стен были циновки, которые можно скатать и закрепить наверху, так что крыша опиралась только на толстые сваи и дома казались уже как бы и не домами, а верандами, или, вернее, частью окружающего леса. Я мог бы идти прямо сквозь эти жилища, и, может быть, люди, неподвижно расположившиеся внутри на подстилках из тапы, и не пошевелились бы, а просто приветствовали бы меня дружеским взглядом, так же, как и сейчас, когда я шел мимо их жилищ и впервые в жизни мог видеть так близко жизнь полинезийцев.

Тем временем я дошел до склонов горы Веа, возвышающейся над той частью острова, где расположена столица — Апия.

Медленно поднимаясь по крутому склону, я вспоминал слова, написанные 50 лет назад сыном великого писателя Роберта Льюиса Стивенсона, автора знаменитых романов и тех самых «Писем с Южных морей», которые стали первым крупным литературным свидетельством жизни островов Тихого океана.

Стивенсон в последние годы жизни поселился на Самоа и там умер. Его сын описал сцену смерти и то, как всадник из местных жителей понес через леса эту весть по всему острову, и какое это было для всех горе.

Продираясь через кустарник и медленно, с трудом поднимаясь вверх, я думал о вождах селений. Родственники писателя обратились к ним с просьбой проложить дорогу к недоступной до тех пор вершине горы, где Стивенсон всегда хотел быть похороненным.

Тысяча людей работали без отдыха, прокладывая дорогу тому, кто хотел покоиться на горе, возвышающейся над Самоа и океаном. И я представлял себе эти странные, почти праздничные похороны, людей в белых одеждах, по очереди несущих на плечах тело друга, белого человека, любившего их и их землю.

Дорогою ко мне присоединились двое детей, мальчик и девочка. В руках у них были красные цветы, такие же, что росли перед домами, скрытыми в кокосовом лесу.

Мы молча достигли вершины, где в цементном саркофаге покоится прах Р. Л. Стивенсона. И жест, которым девочка положила цветок на могилу (куда она потом, улыбаясь, присела отдохнуть), был для меня как бы завершением тех полных волнения и радости минут, которые я пережил со времени прибытия нашей шхуны.

Я был счастлив от этой встречи с Полинезией, от тех впечатлений, к которым я прикоснулся, счастлив от вновь пережитого воспоминания.

Издалека доносился шум океана, бьющегося в коралловые рифы.

Под звездным небом, на ветру
Место последнее изберу.

Радостно жил я, легко умру
И лечь в могилу готов.
На камне могильном напишете так:
Здесь он хотел оставить знак.
С моря вернулся, пришел моряк,
И охотник вернулся с холмов¹.

Это надпись с могилы Стивенсона. Она выбита на английском и полинезийском языках.

Я сделал несколько снимков, и мы начали спускаться в долину. Я попытался вспомнить жизнь Стивенсона на этом острове тишины.

Это было 3 декабря 1894 года: барабаны известили Самоа о смерти Р. Л. Стивенсона. А потом корабли понесли эту траурную весть в Европу и Америку, где вот уже десять лет имя Стивенсона было знаменито.

На Самоа его прозвали Туситала («сказитель»): полинезийцам казалось чудесным, что этот человек при помощи одних только слов давал жизнь фантастическим и нереальным приключениям.

Человек необыкновенный. Судьба привела его по волнам Великого океана на песчаные отмели Апиа, здесь, в Ваилиме, он поселился и жил под лучами тропического солнца, и здесь умер слишком молодым и слишком любимым.

Родился он в Шотландии. Родители его были людьми широкими и либеральными для того времени взглядов². Детство Роберта Льюиса Стивенсона прошло под влиянием любящего и обожаемого отца, в стороне от жизни всех его сверстников. Чувствительный, с богатой фантазией и слабым здоровьем, он еще ребенком жадно читал все подряд. Ум его больше занимали страшные и трагические шотландские легенды, чем трезвая школьная действительность.

Не получился из него ни студент инженерного факультета, ни впоследствии адвокат. Но в 25 лет он уже был писателем и опубликовал свое «Путешествие внутрь страны», первое из его бессмертных произведений, повествующее о его первом, незабываемом путешествии³. Затем Стивенсон попадает в Америку и женится на Фэнни Осборн. С этого времени его слава растет еще быстрее благодаря целой серии книг. Среди них — «Остров сокровищ» и «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда».

В 35 лет удача сопутствует ему неизменно, но тяжелые бо-

¹ Строки из «Завещания» Стивенсона (перевод Игн. Ивановского). Стихи были написаны на 15 лет раньше, во время пребывания Стивенсона в Калифорнии. (Здесь и далее примечания переводчика.)

² Нельзя забывать, однако, что в семье Стивенсона были сильны пуританские настроения, причинившие ему в детстве немало страданий.

³ Речь идет о поездке Стивенсона на каноэ по рекам и каналам Бельгии и Франции.

лезни неумолимо преследуют его. Его произведения иллюстрируются знаменитыми художниками, критика хвалит его, а писатель вынужден проводить свои дни в лечебницах Европы и Америки.

У него чахотка и слабое сердце. Книги его приносят сказочные доходы, и он решает найти для себя подходящий климат на крайнем юге Тихого океана.

Путешествия на острова Южных морей — это одновременно и последняя попытка вновь обрести здоровье и стремление отчаявшегося писателя увидеть мир, прежде чем оставить его навсегда.

Путешествия, знакомство с повседневной жизнью островов Тихого океана — все это как будто бы исцеляет его, придает ему сил и пробуждает большой интерес к практической жизни. Он поселяется на Самоа. Жизнь островитян, полная тяжелого труда, их верования и образ мыслей, в чем-то фантастический и в чем-то практичный, — все это очаровывает его. Много часов в день проводит он в порту острова, наблюдая за прибытием, отправкой, погрузкой и разгрузкой полинезийских шхун. Так появляются сборники «В Южных морях», «Остров голосов», «Берег Фалеза», «Отлив», «Волшебная бутылка».

В своем дневнике он пишет, что вид океана, кораблей, бескрайних пляжей, зеленых кокосовых лесов вызвал у него в памяти ранние стихи, написанные им еще в Шотландии:

Видеть сны, пробуждаться, изумляться.
И с радостью в экстазе тишины
Сделать отмеренный вдох и выдох.

На Самоа он не забывает своей Шотландии. Он занимается поисками сходства и аналогий в полинезийских и шотландских легендах... В прибрежных селениях он наблюдает полинезийских детей, их игры, их счастливую свободу и единство с природой, сравнивает этих детей с детьми своей холодной и туманной страны, вспоминая безрадостные улыбки маленьких англичан. «Для островитян, — пишет он, — дети то же самое, что для нас картины самых лучших художественных галерей: они не устают восхищаться и гордиться ими, и я, по правде говоря, не могу не признать их правоты». Эта его фраза (в ряду многих других замечаний о жизни островов, о детстве, о его счастье и свободе, о любви к семье у полинезийцев) входит в то подобие дневника, которое под названием «Письма с Южных морей» он публиковал в американских еженедельниках, а позднее собрал в отдельную книгу.

На этих страницах речь часто заходит о детях и подростках. Ведь дети и подростки царят в Полинезии, их гармоничное, живое присутствие сказывается на всем.

Стивенсон любовался ими, играл и смеялся, запускал чудесных бумажных змеев и был с ними счастлив...

Вот что говорится в одном из его писем к матери: «В наших краях ребенок видит в море — свинцовом, враждебном — нечто чудовищное, чего надо бояться. Здесь же море — это товарищ по играм, которого хотел бы иметь в детстве и я... и, может быть, тогда у меня было бы другое здоровье...»

На Самоа Стивенсон активно участвовал в общественной и политической жизни острова. Многие из местных правителей были его друзьями. Сегодня таких правителей больше не существует, их преемники называются «тавана» и являются всего-навсего вождями селений, но их общительность осталась прежней.

Стивенсон был доверенным лицом местных вождей, они поверяли ему свои тайны, гостили в его доме, построенном в глубине острова. Этот дом тогда, как и теперь, был местом паломничества — литературного и... обычного. Когда Стивенсон выходил на веранду, садился в свою качалку, один или в окружении домочадцев и местных жителей — вождей, простых рыбаков, — вокруг него создавалась атмосфера сказочности и человечности. А туземцы тем временем рассказывали свои старинные предания и наивные легенды.

В Самоа заходили европейские и американские корабли, и часто матросы, пассажиры, офицеры просили разрешения посетить Стивенсона... Они добирались верхом до Ваилимы, гостили у него по несколько дней... Им хотелось послушать знаменитый рассказ о его путешествиях под парусом или о чарах дьявола, заключенного в бутылку.

Писатель сам стал частью неумирающей легенды об очаровании и красоте Самоа.

Я убедился: Самоа и сегодня мало изменился. Шхуны заходят все в тот же порт. И нередко какой-нибудь впервые попавший в эти края моряк спрашивает, сойдя на берег, где находится дом Стивенсона. Все мы ищем по свету доступного нам счастья, стараясь поверить в сказку о волшебном сосуде...

Два года продолжалась счастливая жизнь Стивенсона на Самоа¹. Корабли привозили не только посетителей, но и родственников, которые последовали за ним и теперь поселились вместе с ним в большом доме в Ваилиме. Полинезийские вожди фотографировались теперь на веранде вместе с экипажами кораблей и многочисленными родственниками писателя. Однажды сошел на берег с корабля одинокий путешественник, который прибавил еще один портрет писателя ко множеству других; это был итальянский граф и художник Джироламо Нерли.

Пасынку Стивенсона, Ллойд Осборну (он тоже был писателем), мы обязаны записью последних дней Стивенсона. Он так рассказывает о кончине писателя: «Это случилось вечером 3 декабря 1894 года: у смерти особая поступь, и, когда я услышал,

¹ В действительности в общей сложности Стивенсон прожил на Самоа четыре года — с 1890 по 1894 год.

как закричала Фанни, я понял, что Стивенсона не стало. Кровавизлияние в мозг, вскоре после заката».

В конце XIX — начале XX века и другие писатели искали в бегстве на острова Южных морей вдохновения и полной свободы, той свободы, что рождает в творчестве новые темы. Самый известный среди них — Джек Лондон, писатель, поведавший о мифе Южных морей.

В наше время путешествие на юг Тихого океана в поисках приключений не составляет больше особых трудностей. Можно провести там отпуск, занимаясь рыбной ловлей и подводной охотой: многие североамериканские и французские клубы за доступную цену организуют коллективные поездки в места, где можно сделать смелый выстрел в акулу довольно больших размеров.

Охота на акулу *те мао* (как ее называют индейцы) входит в состав мифа Тихого океана для сегодняшнего туриста — искателя приключений, и для вчерашнего отважного мореплавателя, каким и был Джек Лондон.

Каждый уважающий себя клуб путешествий гарантирует опасную встречу с акулой, возможность ранить и поймать ее: теплые и спокойные воды атоллов кишат ими. Человек и акула никогда — ни сейчас, ни раньше — не были друзьями. Эти тихие воды испокон веков являются центром охоты на акул.

Легенды и народный лубок рассказывают о смертельном броске акулы, о схватке ее со смелыми рыбаками, о том, как отсекают челюсть с шестью рядами острых зубов — почетный трофей. Сегодня такие сцены можно увидеть в кино.

И вчера и сегодня те же опасности, те же приключения. Единственная разница заключается в средствах: крючок сегодня надежнее, леска крепче, охота сподручней.

Но миф Великого океана поддерживается не только смертоносными челюстями, кровью, смертельным риском. Ни один из путешествовавших по Южным морям не остался равнодушным к изумрудному зеркалу атоллов, кристальной прозрачности глубин, к переливам кораллов, к поэтичности жителей островов.

Джек Лондон, будучи в Южных морях, вдохнул новую жизнь в великий миф, с которым он познакомился сначала юнгой, потом матросом, боцманом и, наконец, владельцем яхты...

Работая без устали, он достиг богатства и славы. Его труд был тяжел и непрерывен, его литературная продукция огромна. Вся она — плод личного опыта. Джек Лондон — моряк, портовый грузчик, солдат, золотоискатель, прачка, учащийся и опять моряк и всегда — моряк, даже тогда, когда авторские права сделали его богатейшим писателем. Первое судно, которое он построил, будучи уже богат, было названо им «Снарк», словообразование от «snake» — змея и «shark» — акула, равнозначное «морскому чудовищу», «морской змее». На этой яхте, за строительством которой он следил сам, Джек Лондон прошел

по маршрутам своей молодости. Легенда о Южных морях между тем стала еще богаче благодаря его рассказам, полным человеческой теплоты и волнующих описаний. На этой яхте, на якоре у далеких островов, он написал «Дом Мапуи», «Китовый зуб», «Неотвратимый белый человек», «Потомок Макау», «Язычник». В них любовь к жителям островов становится взволнованным братским гимном этим людям, новой вехой в создании легенды об этих морях, поддержанной впоследствии рассказами других путешественников, посещавших острова на парусниках и пароходах год за годом, вплоть до наших дней.

Сегодня в небе тропиков летают самолеты. Несмотря на поэтичность имени, которое им дали полинезийцы, — «манурева», «птица бесконечности», — гул этих самолетов разрушает поэзию счастливых островов, тишину нетронутой природы. Самолеты доставляют на острова все новых энтузиастов-паломников, готовых во что бы то ни стало поверить, будто чары еще существуют. Но эти же самолеты уничтожили расстояния, и сейчас «затерянные острова» уже больше не являются таковыми, а вместо селений и причалов возникли городки, порты, маленькие столицы, полные людской толчеи. Нашествия туристов организованы как военные экспедиции. Их цель — поиски покоя и одиночества. И день за днем они разрушают именно покой и уничтожают саму возможность одиночества. Человек осквернил природу, своим присутствием невольно придав манерность простоте. Цветастые рубашки туристов с поп-артовским рисунком, фотоазарт, торговля когда-то священными предметами и предметами ритуала (как, например, одежда для танцев) — все это внешние приметы глубоких изменений, превративших жизнь островов в сплошную ярмарку, где *вахине*, полинезийская красавица, становится олеографической деталью искусственного фольклора, а старый рыбак, охотник на акул, — продавцом тканей или зазывалой. Миф Южных морей гибнет в городах. И с трудом еще существует в местах, найти которые можно только при большом желании и терпении в стороне от автострад и селений, возомнивших себя городом. Там, может быть, еще звучит поэзия островов.

Вот они, девственные берега в тени кокосовых крон, пустынное зеркало морских вод, настоящая природа. И пусть завтра эти же самые раковины попадут на рынок перед гостиницей или же на стенды сувениров в аэропорту! Сейчас они здесь, в руках рыбака, добывшего их на ваших глазах, так же как это было двести, сто, пятьдесят лет назад.

Чудесное, блестящее поэзией описание этих раковин оставил нам другой знаменитый писатель, один из самых крупных, испытанных на себе чары Южных морей и способствовавших распространению этой легенды, Джозеф Конрад.

«Найденные в море раковины принято приносить на берег и закапывать в раскаленный песок. Под этим песком они оста-

ются на две недели и становятся чистыми и блестящими, готовыми к тому, чтобы превратиться в удивительные по цвету и форме ожерелья... Их используют как украшения, и самые красивые из них расцениваются так же, как у нас какие-нибудь драгоценности...»

Мы процитировали Конрада, Теодора Юзефа Конрада Кожневского. Он был поляк, но стал одним из крупнейших писателей, пишущих на английском языке. В длительных плаваниях он прошел на кораблях самого разного типа весь путь от юнги до капитана. Миф Южных морей он познал среди волн Тихого океана: буря, описанная им в «Тайфуне», происходит на Тихом океане. Главы его повестей о Южных морях кажутся начерченными на бумаге матросским ножом, погружаемым в пену океана.

Он был писатель — и капитан на торговых судах. Он писал об островах и бурях — и о людях в море или на берегу, о шхунах, идущих под попутным ветром. Его личный опыт, приобретенный в молодости и переосмысленный в зрелом возрасте, способствовал распространению мифа о Южных морях в конце XIX века сначала в англосаксонском, а затем и в целом мире.

В Южных морях достаточно сказать: «Это Конрад» и указать на горизонт, чтобы придать всему живое ощущение поэзии: будь это невероятных красок закат или неспешное плавание от острова к острову.

На чем бы вы ни плавали — под парусом или на моторном судне, на лодке или на корабле, будь это вчера или сегодня, — любая страница хроники этого путешествия может быть соотнесена со строками Конрада. Как-то раз мы были свидетелями пожара на торговом судне в порту Папезте, и сразу же нам пришла на память страница из Конрада: «Вдруг показалось, что начинается какой-то большой праздник, куда были приглашены все, все жители... Они шли в сторону порта; смех, выкрики, все любовались неожиданным зрелищем: горело торговое судно какого-то китайца. Оно хорошо задымилось, дерево было старое, и огонь был мощный. Под звон колокола подъехала упряжка лошадей: это была повозка пожарников, и несколько добровольцев взялись за шланги и насосы. Все не действовало, но это никого не беспокоило, никто не разразился теми колоритными словами, без которых не обходится ни один порт мира... здесь, на островах, никогда не слышно проклятий: пожары, так же как и жизнь вообще, воспринимаются так, как есть...»

Каждый день выходят в море все новые шхуны, покидая спокойные лагуны. На борту, как и на суше, все принимается как таковое. Льет пиво в пересохшее горло моряков и пассажиров, звучит ритм танца, подчиняющий себе всех — от капитана до последнего торговца. Каждый миг путешествия напоминает то Джека Лондона, то Конрада, воспевших эти моря, эти бе-

рега, эти путешествия... И каждый день миф этой земли вновь оживает в правде персонажей их произведений.

Наша шхуна идет от Самоа к Таити, покачиваясь на волнах. Как «Снарк» Лондона или как большой парусник Конрада, она тоже захвачена чарами островов.

В свете закатов угасают дни. Последние причалы у пустынных берегов, находящиеся как бы вне времени, поддерживают веру в то, что чары Южных морей неотступно следуют за нами.

И вот после *спокойного* Самоа — *очарованный* Таити.

Один причал за другим — и все яснее понимаешь, почему эти легендарные люди (Стивенсон, Конрад, Джек Лондон и Гоген) пытались убежать от тоски и тревог своего мира.

Победа простоты одного мира над сложностью другого — вот почему они остались здесь до конца своих дней, вот в чем заключалось романтическое обаяние их бегства. И это побудило меня пройти по их следам, чтобы понять их. На Таити я попытался найти Гогена, так же как искал Стивенсона на Самоа. Но хотя цель была одна и та же, средства были иными.

На Самоа я искал «атмосферу», потому что хотел найти следы писателя, на Таити я искал образы, потому что шел по следам художника.

Я хотел проверить, существуют ли еще на острове свет его картин и его ни с чем не сравнимые краски — теплый тон послеполуденного времени, розовые пляжи с маленькими черными лошадьми в галопе, смелые, откровенные сочетания красок «парео» — одежды местных женщин.

И вот какой меня ждал сюрприз: подойдя через 60 лет после него к тому же самому причалу порта Папезте, куда Гоген прибыл в конце прошлого века, я сразу же заметил: дух художника еще настолько жив, что его можно ощутить в самой повседневной жизни.

Здесь, на Таити, совсем неожиданно картины Гогена предстают перед нами в точных и живых образах.

В своем таитянском дневнике «Ноа-Ноа» он писал: «Как настрожена и как скрытна таитянка... В глубине ее детских глаз есть что-то темное, непередаваемое!

Я пытаюсь понять то древнее, царственное и религиозное, что заключается в ритме ее движений, в ее редкой неподвижности, в этих мечтательных глазах, где таится неразрешимая загадка».

Сегодня островитянка все еще та же. И поскольку она была излюбленной моделью Гогена, достаточно встретить ее, чтобы ощутить дух некоторых его картин.

То же самое можно сказать и о некоторых пейзажах, оставшихся неизменными, и о целой серии деталей, и об отдельных моментах, связывающих прошлое с настоящим. Все это отправляет нас к совершенно определенным моментам жизни художника на Таити.

По всему острову остались деревянные мемориальные доски.

Еще живы помнящие его старики туземцы, есть учреждения, где сохранились напоминающие о нем бумаги (у одного адвоката есть акты о его наследстве, из которых можно понять, что после смерти некоторые его рисунки были проданы за *один франк!*).

И вот сегодня можно еще проследить сложный и трудный путь этой мучительной, тяжелой жизни, от первого до последнего дня его пребывания в Океании.

Могила его находится в пятистах милях на север от Таити, на Фату-хиве, самом крупном острове Маркизского архипелага. «Здесь покойся Поль Гоген, французский художник», — написано на маленьком обелиске, одиноко стоящем на маленьком кладбище.

Как и Стивенсон, Гоген не желал бы для своей могилы лучшего места.

Перед ним открывается одна из самых внушительных панорам Океании: за маленьким кладбищем (давно заброшенным, заросшим кустарником и цветами, где царят тишина и полное запустение) простирается залив des Taitres, очерченный линией берега, густо покрытого зарослями кокосовых пальм, легкие листья которых неустанно шумят, как море.

Каким образом Гоген попал из Таити на далекие Маркизы?

Объяснение можно найти в некоторых строчках «Ноа-Ноа». «В тот день, когда прибыл корабль и я ничего не получил, я решил на самом деле покончить с жизнью. Я ушел в горы, туда, где мой труп съели бы муравьи. У меня был с собой яд, который я сохранил со времени болезни...»

Отчаяние, нищета, так контрастирующая с духовным богатством и покоем, который царил вокруг, толкнули Гогена к самоубийству.

Его, однако, удалось спасти.

И тогда, чтобы избавиться от невыносимого положения, он оставил свой дом в Папезте и переправился в селение Атуана, на Фату-хиву.

Он освободился от всего европейского, что еще в нем осталось, и стал жить как туземец.

В «Ноа-Ноа» он пишет: «Объяснение моего таитянского искусства, считающегося непонятным, может быть найдено только в самой этой жизни, свободной, открытой и в то же время интимной, среди лесов и ручьев, журчащих в тени; в этих женщинах и тех словах, которыми они обмениваются вполголоса в огромном доме, называемом Природой, и повсюду сказочные краски и огненный воздух, чистый и неподвижный в тишине».

Это единство Художника с окружающим миром поставило его на сторону туземцев против колониальной администрации. Отсюда и пошлели заявления, приговоры, издевательства: заклю-

чительные удары враждебной судьбы по этой полной невзгод жизни.

Гоген умер на Фату-хиве. Это было 8 мая 1903 года.

В тех местах еще живет та девушка — теперь уже старая женщина, — которая поделила с Гогеном последние годы его жизни.

Сокращенный перевод с итальянского
Евг. Бернардини

УИМБИА ГИКУНГУ — МОЙ ВЕРНЫЙ ДРУГ*

ВЛЮБЛЕННЫЙ В АФРИКУ

Карл Экли, известный американский исследователь Африки, родился в 1864 году на ферме отца, недалеко от Нью-Йорка. Там протекли его детские годы, там загорелась в сердце любовь к природе. Целыми днями пропадает он в лесу, часами сидит притаившись, прислушиваясь и присматриваясь к жизни лесных обитателей. Как-то раз он принес домой трупик белки и хотел набить чучело. Но ничего не получилось. Через некоторое время посчастливилось достать руководство по набивке чучел, и тринадцатилетний Карл стал усердно изучать эту премудрость. Мальчик мечтает стать чучельщиком. Девятнадцатилетним юношей Экли отправляется в соседний городок Рочестер, отыскивает там мастерскую натуралиста профессора Уорда, видного в то время поставщика чучел, с волнением протягивает ему визитную карточку:

«Карл Экли,
чучельщик»

С самого начала своей работы на музейном поприще Экли ясно осознал, что изображение животного, смонтированное для публичного показа, не может иметь ни воспитательной, ни эстетической ценности, если оно представляет собой просто набитую соломой шкуру, снабженную двумя стеклянными глазами. Он был глубоко убежден, что экспонат, не передающий характерную динамику поведения животного в привычной ему среде, неубедителен и ничего не даст посетителю. В своих исканиях

* Из книги К. Экли «В солнечной Африке». Нью-Йорк, 1925.

лучшего способа сооружения биологических групп Экли проходит длинный путь упорной работы. Новым шагом Экли, перевернувшем все музейные методы его предшественников в изготовлении чучел, было создание художественной скульптуры животного, передававшей каждый мускул, каждую складку тела. Со скульптуры формировался гипсовый слепок, с помощью этого слепка создавался манекен из папье-маше, скрепленный проволокой, и на него уже натягивалась шкура. Второе нововведение Экли — это художественное и правдивое воспроизведение среды — тех естественных условий, среди которых живут звери¹.

В 1896 году Карл Экли отправляется в свою первую научную экспедицию в Африку. Солнечная Африка очаровала его. Вернувшись на родину из Сомали после третьей африканской экспедиции, он с юношеским дерзанием заявляет, что хочет перенести Африку в Америку. Он предлагает Музею естественной истории в Нью-Йорке проект африканского зала, где будут представлены все животные Африки в их естественной обстановке. Своим энтузиазмом Экли заражает окружающих. Ему удается получить общественные средства для осуществления своей грандиозной мечты. Пять раз путешествует он в Африку и там изучает жизнь диких зверей. Он изобретает специальную кинокамеру для работы в джунглях. Антилопы, слоны, львы, гориллы по очереди привлекают к себе интерес Карла Экли.

Карл Экли отдал много сил работе по охране природы у себя на родине и в любимой Африке, где по его инициативе и при его деятельном участии большая территория в Конго была отведена под заповедник для горилл.

62 лет едет Экли в свою последнюю африканскую экспедицию, в Конго, чтобы продолжить наблюдения над гориллами. Он спешит к бамбуковым зарослям по склону потухшего вулкана Микено, родины горилл.

Мысль неудержимо рвется вперед, а физических сил становится все меньше, особенно после приступа лихорадки. Старые раны, полученные в жестокой схватке со слоном, дают себя знать.

То пешком, то на носилках пробирается Экли между вековыми деревьями, обвешанными бахромой седого мха. С мшистых веток тянутся к солнцу нежные лепестки орхидей. Вот и бамбуковые заросли. Экли видит, как промелькнула одна, другая горилла. Он слышит их тихий лай... Ветер сорвался с обледенелой вершины Микено и обдал суровым холодом.

Это были последние минуты жизни замечательного исследователя Африки — 17 ноября 1926 года Карл Экли скончался. В бамбуковых зарослях на горе Микено покоится его прах. Его похоронили там жена и товарищи.

Теперь эти места стали заповедными.

Экли не дождался осуществления своей мечты. Любимое дело этого неутомимого исследователя Африки и замечательного скульптора-чучельщика закончили ученики. Африканский зал был открыт для посетителей в Музее естественной истории в Нью-Йорке в январе 1936 года.

В центре огромного африканского зала в Музее естественной истории Нью-Йорка по замыслу Экли помещена группа «Тревога»: четыре слона сбились в кучу — они почуяли врага. Карл Экли отдал много сил созданию

¹ Более подробное описание дано в журнале «Советский музей», 1936, № 2. Алла Макарова, «Монтаж биологических групп по методу Экли».

этой замечательной биологической группы; он лепил огромных слонов и собственными руками, натягивая шкуры, делал чучела этих великанов.

Большой любовью посетителей музея пользуется известная бронзовая скульптура «Раненый товарищ». В ней Экли рассказал о замечательном чувстве товарищества, которое он наблюдал в стаде слонов.

...Однажды среди большого стада слонов Экли заметил красавца с великолепными бивнями.

«Этот малый подойдет для моей музейной группы», — подумал ученый и пошел по следам слона через густые заросли. Выйдя на открытую поляну, он выстрелил. Слоны пустились в бегство вместе с раненым товарищем и скрылись в облаках пыли. Но раненый слон скоро рухнул на землю. От стада отделились шесть слонов. Они подошли к умирающему товарищу. Дружными усилиями — хоботами, клыками они старались поднять его на ноги. Их усилия были напрасны, но слоны продолжали попытки, рискуя собственной жизнью. Они не ушли, пока их товарищ не умер.

Этот случай глубоко взволновал Карла Экли, и ему захотелось, чтобы все узнали о замечательном чувстве дружбы у слонов.

В огромных залах Американского музея естественной истории выставлено много прекрасных работ Карла Экли — чучел и скульптур животных, но ни одна из этих работ не вызвала столько восторженных отзывов, как маленькая бронзовая группа слонов «Раненый товарищ».

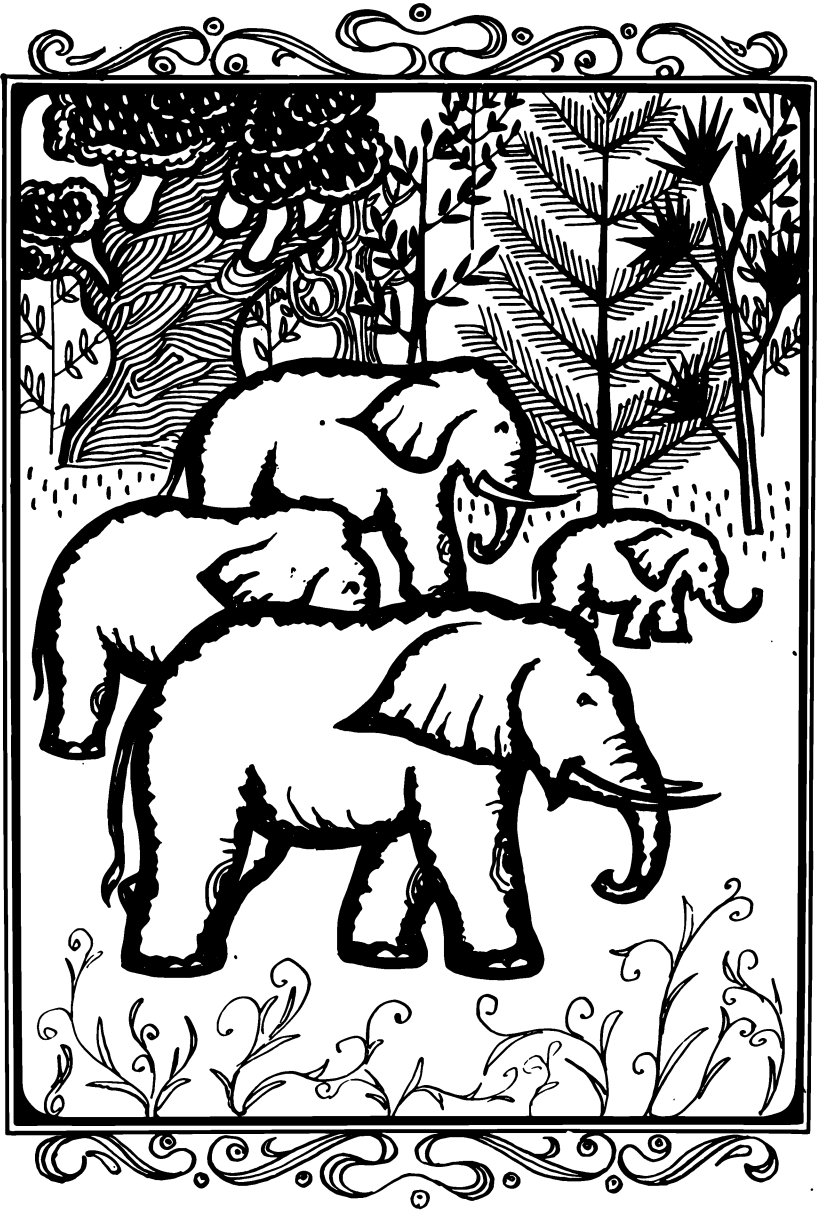
Имя Карла Экли произносилось среди прогрессивной творческой интеллигенции Америки с необыкновенным уважением, преклонением, с любовью.

Я впервые услышала о нем в Нью-Йорке в двадцатых годах, в Американском музее естественной истории, где работала референтом по русской естественнонаучной литературе. Я всегда любовалась биологическими группами, созданными Экли, вместе с коллегами. Мне запомнилась одна экспозиция: зимняя ночь, луна ярко освещает снежную поляну, а на переднем плане — воющий волк. Все так живо, как в самой Природе. Среди биологических групп пернатых я всегда любовалась группой розовых фламинго.

Мне говорили о чудесных биологических группах, созданных Экли для музея в Чикаго. Они изображали весну, лето, осень и зиму в умеренном климате. Это были первые работы Экли, новые шаги в изменении музейных экспозиций.

Как-то раз, когда я остановилась перед одной из биологических групп, ко мне подошла моя подруга Марта Миллер и шепнула, чтобы я зашла к ней, — она работала секретарем в мастерской Карла Экли. Затаив дыхание я прошла за ней в это «святая святых» — в студию «великого чучельщика», расположенную в одной из башен музея.

Экли был поглощен работой. Он стоял на высокой лестнице и работал над гигантской скульптурой слона для группы «Тревога». Я только издали тихонько следила за его работой, стараясь остаться незамеченной. Много лет спустя Михаил Михайлович Пришвин рассказывал мне, что он довольно часто бывал в окрестностях Ясной Поляны и не раз издали видел Льва Николаевича Толстого, но ни разу не решился подойти к нему. Я тогда вспомнила свою встречу с Карлом Экли и подумала, что мною руководило то же

чувство, что и Пришвиным, — уважение и преклонение перед Великим Талантом, перед Вдохновенным Творчеством.

Ниже я предлагаю вниманию читателей главы из книги К. Экли «В солнечной Африке», переведенные мною.

Алла Макарова

Негритенок племени кикую прибился к нашему сафари. Он очень толковый паренек, всегда чем-то занят.

— Давай возьмем его с собой, — шепнула мне жена.

— Подойди сюда, мальчик!

Он подошел, худенький, тринадцатилетний «куке», совсем нагой, с большими черными глазами.

Эти глаза покорили нас.

Мы подарили ему походный костюм цвета хаки, — он улыбнулся от радости. То, что костюм был великоват для него, совсем не огорчило мальчика.

Он родился у подножия горы Кения в глинобитном домике. Его называли Уимбиа Гикунгу. Как и все ребята племени кикую, Уимбиа Гикунгу все свое детство пробегал голышом. Ему и не нужна была одежда. Зато он был ловкий, как леопард, и очень смелый. Глаза у него были зоркие, и он был очень наблюдательным, — ничто не могло ускользнуть от его внимательного взгляда.

Отец Уимбиа Гикунгу был старым и мудрым человеком. У него было несколько сыновей и дочерей намного старше Уимбиа Гикунгу, и они, вероятно, помогали родителям воспитывать младшего брата. Но первые десять лет жизни Уимбиа Гикунгу провел возле своего отца, на привольных полях и пастбищах, расположенных у подножия Кении, одной из высочайших гор Африки.

В теплые длинные летние дни он то играл, то помогал отцу работать в поле, где росли земляные груши, маис, батат, тыква, бобы. Потом он водил коз и овец на водопой к студенному роднику — самому большому сокровищу, которым владел отец. А когда садилось солнце и быстро спускавшиеся сумерки возвещали о приходе темной ночи, Уимбиа Гикунгу подсаживался к костру и не сводил глаз с матери, — она варила вкусную маисовую похлебку с жирной бараниной. И кругом, куда ни глянешь, по склонам холмов мигали красные огоньки костров, и возле них дожидались своего ужина другие маленькие «куке». Большие облака сизого дыма костров повисли между небом и землей.

Порывистый холодный ветер сорвался с обледенелой вершины горы Кения. Уимбиа Гикунгу закутался потеплее в козлиную шкуру и стал к чему-то прислушиваться. Издалека, с крутого склона горы, заросшего дремучим лесом, донесся к нему трубный рев слонов. Уимбиа хорошо знал, что происходило

в этих джунглях: в один счастливый день старый вождь Эндагу повел его на высокий холм и показал оттуда большое стадо слонов, и они следили за слонами, пока не спустились сумерки. Они видели, как слонята выбежали на поляну и стали играть и катать огромный запекшийся ком муравейника. Потом, испугавшись дровосеков, слонята бросились догонять свое стадо. Уимбиа Гикунгу видел, как великаны-животные тихонько пробирались по лесу, — он только видел это, но не слышал, так как слоны, словно тени, движутся бесшумно. Но потом раздался их трубный рев, они звали отбившихся от стада товарищей, — слоны были в тревоге, они сбились в кучу. Сколько страха и радости пережил Уимбиа Гикунгу в тот незабываемый день, когда старый вождь Эндагу показал ему в первый раз слонов. И вот теперь, когда он грелся у костра и слышал трубный голос слона, все всколыхнулось в памяти, и его снова потянуло на крутой склон горы, поросшей дремучим лесом, — туда, где бродят слоны. Не с этой ли мечтой мальчик пристал к нашему сафари?

Он стал жить с нами в лагере. Его большие черные глаза зорко следили за тем, где бы найти себе работу, и его худые детские руки всегда были заняты. То он протягивал повару нож, вилку или кастрюлю, то помогал Али — старшему бою, который обслуживал наши палатки.

Я решил дать Уимбиа Гикунгу определенную работу и назначил его помощником Али. Сначала мы просто звали его «тото», что на местном языке означает мальчик, а потом мы называли его Биллем. При напряженной работе очень неудобно произносить такие длинные имена, как Уимбиа Гикунгу.

Через шесть месяцев Билль прекрасно овладел своей новой работой, и у него еще оставалось достаточно времени, чтобы не упустить ничего интересного, что происходило в лагере.

И теперь, после четырех африканских экспедиций, я вспоминаю о Билле как о лучшем тентбое¹, лучшем оруженосце на охоте, лучшем следопыте, с которым мне когда-либо приходилось встречаться. Я вспоминаю о нем как о друге, который пошел бы на верную смерть, чтобы спасти меня. И если бы я стал собираться в новую экспедицию в незнакомые районы Африки, я попросил бы Билля, и никого другого, стать моим советником и первым помощником, даже если бы нам пришлось иметь дело с племенами, о которых Билль ничего не знал.

На протяжении первых шести месяцев обучения в нашем лагере Билль все время был чем-то занят. Если нечего было делать в лагере, он брал капканы и расставлял их для шакалов или же бродил по зарослям кустарников в поисках ящериц и змей, которые могли бы пригодиться для наших коллекций.

Месяц проходил за месяцем, и незаметно Билль занял свое

¹ Tentboy — мальчик, обслуживающий палатки (англ.).

скромное место в работе нашей экспедиции. Мой лагерь теперь находился на вершине горного хребта Абердер (Aberdares), расположенного на запад от горы Кения. Как-то раз, когда мы с Кенингхемом¹ возвращались после четырехдневной неудачной охоты, на расстоянии нескольких ярдов от лагеря мы заметили свежие следы слонов. Издалека мы увидели одного из членов нашей экспедиции с тентбоем Али, которого он взял с собой в качестве оруженосца, а немного ближе к лагерю мы заметили Билля. Мальчик был обнажен до пояса и с трудом нес мое тяжелое ружье, а на поясе у него висела сумка, полная патронов, — Билль не упускал случая помочь мне.

Вскоре наши охотничьи скитания привели нас к холмам Кикья — на родину Билля. Мы были невдалеке от поселка, где жили родители Билля, и он послал за своей матерью, чтобы передать ей часть заработанных денег. Когда она пришла в наш лагерь, Билль познакомил нас с ней. Он повел меня к месту, где стояла его мать, прислонившись к скале. Протянув руку в ее сторону, он сказал: «мама». Это была веселая молодая женщина, ее костюм по обычаю племени состоял из кожаной юбки, бус на шее и браслетов на руках и ногах, какие-то громоздкие серги украшали ее уши.

Мне вспоминается день, когда Билль сидел в мрачном настроении. Он получил выговор за то, что не выполнил поручения. Мальчик ответил, что свою работу он знает и не нуждается в том, чтобы ему напоминали, что делать. Его буквально приводило в ярость, когда ему указывали на необходимость сделать то или другое. Он прекрасно сам знал все, что входило в круг его обязанностей. И относился очень добросовестно к своей работе. Если, бывало, он не сделал чего-нибудь вовремя, то в девяти из десяти случаев это происходило оттого, что его раздражали излишние напоминания. Эта черта, характерная для четырнадцатилетнего Билля, не изменилась и тогда, когда ему исполнилось двадцать, и причинила потом бедному пареньку много неприятностей. Распоряжения, которые повторялись по несколько раз, он воспринимал как недоверие, а ему хотелось, чтобы ему безусловно верили, — вполне законное требование каждого честного человека.

Когда работа нашей экспедиции подошла к концу, мы вернулись в Найроби, чтобы подготовить отъезд из Африки. Стоило нам только туда приехать, как Билль попросил дать ему полный расчет. Нам хотелось, чтобы он остался с нами до самого отъезда из Найроби, и мы пробовали уговорить его, но все наши усилия были напрасны, — Билль настоял на своем, хотя из-за своего преждевременного ухода он лишился премиальных. Ему неудержимо захотелось истратить как можно скорее заработанные деньги. Он заказал себе новый европейского покроя

¹ Кенингхем — знаменитый охотник на слонов.

костюм у индийского портного на базаре в Найроби. Но не прошло и двух недель, как он проиграл этот костюм в азартной игре. Так кончился первый опыт работы Билля в моем сафари.

Четыре года спустя я вернулся в Британскую Восточную Африку. За несколько месяцев до моего приезда Билль и Али были внесены в списки работников нашей экспедиции, которая была названа экспедицией имени Рузвельта (в честь президента Америки Теодора Рузвельта).

Но не успел я приехать в Найроби, как Билль за какой-то проступок попал в черный список. А это означало, что ему будет очень трудно найти какую-нибудь работу. Но, хорошо зная «темперамент» Билля и легко представляя, при каких условиях произошло его «падение», я с радостью взял его к себе в сафари, а он был рад вернуться ко мне.

Нас было четверо — членов экспедиции. Среди местного обслуживающего персонала — тентбоев и работников кухни — большинство были африканцы племени суахили, и мы боялись, что Билль не уживется с ними, потому что суахили и кикую обычно не ладили между собой. Но мы ошиблись.

Билль всегда становился мрачным, когда мы приближались к городу или какому-нибудь местечку, где был базар. Неудержимое желание покутить боролось в его сердце с желанием скопить деньги, он нервничал и становился невыносимым. Прибытие в Найроби обычно сопровождалось следующими событиями: мы должны были полностью рассчитаться с ним и отпустить его с работы. Но на следующий день, после того как он прокутит все деньги, он возвращался к нам и как ни в чем не бывало принимался за работу, которую выполнял с удивительным усердием, но выражение его лица было мрачным. Наконец, набравшись храбрости, он просил: «Бвана, возьмите меня, пожалуйста, с собой в новый поход». И когда я обещал ему, что он останется на своей прежней работе, он буквально сиял от радости, и мы снова были друзьями.

Я теперь стал приучать Билля к работе оруженосца. Когда мне приходилось отправляться на опасную охоту, я брал его с собой вместе с другим боем-оруженосцем. На охоте он проявлял необычайную настороженность и удивлял меня зоркостью своих глаз. Скоро он занял место моего постоянного оруженосца.

Как-то раз, когда мы охотились на слонов в Уганде, я взял Билля с собой. Мы только что закончили наблюдение над небольшим стадом слонов. Решив, что оно не представляет для нас интереса, мы повернули обратно, чтобы пойти по следам другого стада. Эти следы шли по участку, вдоль и поперек искоженному слонами. Билль обратил внимание на следы двух больших слонов, и я попросил его проследить, куда они приведут, хотя, по правде сказать, ни минуты не сомневался, что с этим ему не справиться. Когда мы в последний раз были в городе, Билль купил себе элегантную соломенную шляпу с прямыми по-

лями и тросточку, и вот он шел теперь непринужденной походкой, помахивая палочкой, заломив шляпу набекрень, и напоминал скорее денди на утренней прогулке, чем следопыта за работой. На протяжении пяти часов мой чернокожий паренек шел по следам двух слонов, читая их путь с необычайной легкостью, даже в таких запутанных местах, которые поставили бы в тупик самых опытных следопытов. Наконец следы привели его в густые заросли. Билль внезапно остановился и в знак предостережения поднял вверх палочку. Я тихонько подошел к нему и увидел двух старых слонов, — нас разделяло расстояние меньше двадцати футов. Когда один из них был убит, а другой убежал, я почувствовал себя гораздо лучше, чем в первый момент этой неожиданной встречи.

Но пришел день, когда елон жестоко расправился со мной, в тяжелом состоянии я пролежал без памяти несколько часов, и если бы не Билль, меня бы уже не было в живых.

Биллю очень хотелось подняться со мной на гору Кения, чтобы вместе поохотиться на слонов. Но его помощь нужна была нашим людям в нижнем лагере, чтобы установить связь и получить продукты у местного населения, говорившего на языке суахили, которым мы еще не овладели. Билль же довольно хорошо объяснялся по-английски и был хорошим посредником в переговорах. Признаюсь, мне было грустно уходить на охоту без него.

Весть о случившемся со мной несчастье достигла лагеря, когда начало смеркаться. Пока были сделаны все необходимые приготовления, чтобы отправиться ко мне на помощь, стало совсем темно. Была уже полночь, когда моя жена с Биллем собрались в путь. А путь предстоял тяжелый — двадцать миль под проливным дождем, вверх по склону горы, поросшему лесом и джунглями. Это не испугало ни жену, ни Билля. Но носильщики и проводники вместе с оскари (солдатами из туземцев) были парализованы суеверным страхом перед лесом, окутанным ночной мглой. Они так и не двинулись бы с места и сидели бы в своих хижинах, если бы не Билль — он заставил их подниматься по склону горы Кения ко мне на помощь. По его распоряжению стали прорубать просеку в джунглях, чтобы пронести мои носилки. Ему удалось привлечь к этому делу одного из вождей племени кикуя, который пришел со своими людьми. Они стали рубить просеку с верхнего склона, начиная от границы своих полей, и, постепенно спускаясь вниз, должны были встретиться с нашими носильщиками и проводниками, которые прорубали просеку, начиная от подножия горы и поднимаясь вверх.

В этом случае, так же как и во многих других — при самых неожиданных и сложных обстоятельствах, — Билль проявил смелость, находчивость, необычайную проницательность ума, короче говоря: Билль спас мою жизнь, это не подлежит сомнению.

Во время моей тяжелой болезни Билль трогательно заботился обо мне и находил время выполнять целый ряд работ по лагерю.

Мне кажется, что никогда еще характер Билля не выявлялся так ярко, как это было во время моей болезни и в период выздоровления после роковой схватки со слоном. Я уже поднялся с постели и начал понемногу ходить, но нужно было, чтобы кто-нибудь сопровождал меня и нес складной стул, так как сил у меня еще было мало. Тогда-то и было у нас интересное приключение, в котором Билль принимал активное участие. Совсем недалеко от нашего лагеря, на краю леса у подножия горы Кения, находился большой участок заболоченной земли. С трех сторон он был огорожен высоким горным хребтом, а с четвертой прикрывался стеной темного густого леса. Как-то раз к нам в лагерь пришли люди из соседней деревни и сказали, что старый слон забрел на болото «и, наверно, еще много раз взойдет солнце, прежде чем он покинет эти места». Мы не удивились этому сообщению, так как уже знали, что одинокие слоны часто проникают в такие уединенные места с хорошим пастбищем, где никто их не тревожит. Здесь они остаются неделю, а то и 10 дней, пока не напасутся и не нагуляются. А потом исчезают в глуши дремучего леса.

Прошло немного времени, и мы с Биллем решили последить за этим слоном. Дело было утром. Мы вышли к опушке леса, где местные жители показали нам след слона. Мы пошли по этому следу и скоро обнаружили, что рядом с ним идет совсем еще свежий след другого слона. Я попробовал пойти по этим следам, но скоро почувствовал, что у меня недостает сил. Тогда я попросил местных жителей, которые сопровождали нас, подняться по склону горы, обойти по подковообразному хребту заболоченное место и по пути бросать камни в близлежащую лесную чащу. Прошло немного времени, и один из слонов, встревоженный таким образом, вышел из лесу и стал пересекать открытое место. Он был на расстоянии около трехсот ярдов от меня и уже подходил к противоположной стороне леса, когда вдруг меня осенила мысль, что я смогу заставить его повернуть обратно, если испугаю, выстрелив в сторону той части леса, куда он направлялся. Я выстрелил. Пуля с треском пролетела меж деревьев впереди слона и испугала его. Он круто повернулся и пошел обратно. Я думал, что он пойдет по направлению ко мне, но я ошибся. Сгоряча я выстрелил еще три или четыре раза. По дымке пыли, поднявшейся с его толстой шкуры, я смог определить место попадания, и хотя одна или две пули попали в правильное место, они не проникли достаточно глубоко, чтобы убить слона.

Все это вышло очень глупо, но, поскольку я ранил зверя, необходимо было довести дело до конца. Слон снова повернулся и продолжал свой путь к лесу. Теперь мне нужно было пойти по его следу. На расстоянии около ста ярдов слон почуял нас, еще

минута, и он напал бы. Мой новый выстрел заставил его еще раз повернуться. Скоро он скрылся в зарослях джунглей.

Час спустя я увидел слона на расстоянии семидесяти пяти ярдов. Если бы я был здоров, я легко сманеврировал бы и уложил его на месте. Но теперь я был в полном изнеможении и выстрелил с того места, где стоял. Слон рухнул на землю, но снова поднялся и скрылся в лесу. Мои темнокожие спутники помогли мне добраться до лагеря. Хотя я был уверен, что на следующее утро мы найдем слона мертвым, я все-таки считал, что наделал много глупостей.

На следующее утро в сопровождении нескольких боев я снова отправился по следам слона. К своему большому огорчению, я понял, что слон вместе со своим стадом ушел в глубь лесных зарослей. Я знал, что он был смертельно ранен, что раненый слон опасен и что необходимо найти его и убить. По состоянию здоровья мне это было не под силу. Все свои надежды я возлагал на Билля. Я дал ему в помощники своего постоянного оруженосца и каждому из них по хорошему ружью. Я просил, чтобы они не оставляли след, пока не найдут слона, и стреляли бы только в случае крайней необходимости. И если им посчастливится найти слона, пусть один остается на месте, а другой вернется, чтобы известить меня.

Я возвратился в лагерь и стал ждать. Меня начало беспокоить, что они не взяли с собой еды. Я предполагал, что они вернуться в лагерь до наступления ночи, но прошли еще целые сутки, прежде чем Билль прибежал в мою палатку и стал будить меня. Была уже полночь. Он подробно рассказал, как терпеливо они шли по следам слона, но увидеть самого слона им не удалось, — только один раз они услышали трубные звуки его голоса где-то далеко впереди. Наконец они решили, что надо вернуться в лагерь, посоветоваться со мной и захватить еду.

Полтора года спустя, когда я уехал в Америку, Билль возвратился на свою родину, в страну кикую, и там возобновил поиски раненого слона. Он делал это с большой настойчивостью и терпением. В конце концов ему удалось отыскать того человека, который нашел мертвого слона. Из разговора с ним Билль узнал, что он продал один из бивней какому-то индейцу, а другой оставил у себя. Через некоторое время этот бивень при содействии Билля был прислан мне.

Как я уже говорил, первым учителем Билля в нашем лагере был Али, который не только был очень славным парнем, исполнительным тентбоем, но и настоящим артистом. Он никогда не уставал развлекать своих собратьев. Каждый вечер, когда все собирались для отдыха у костра, он без умолку рассказывал им всякие были и небылицы. И мы часто бывали в числе слушателей и зрителей Али. И хотя мы не понимали еще его родного языка, языка суахили, мы улавливали суть рассказа, просто глядя на него, следя за его жестами. Предположим, Али расска-

зывал своей аудитории о белом человеке. Он не только описывал одежду во всех деталях, — по его пантомиме можно было не только узнать, что бледнолицый носит галстук, что рубашка у него с манжетами, но мы без труда могли определить, о ком именно шла речь. Темой этих рассказов часто бывали происшествия дня. Это могли быть какие-то интересные приключения на охоте, которые произошли со мной и о которых Али узнавал от моих боев-оруженосцев после их возвращения в лагерь. Вечером, на досуге, Али рассказывал своей аудитории, как все происходило, со всеми мельчайшими подробностями, часто расцвечивая рассказ своей собственной фантазией, что вызывало у слушателей бурное одобрение.

Но никто не мог заменить мне Билля. Он был моим неизменным спутником до самого конца моей экспедиции 1912 года. Он всегда проявлял самый живой интерес к моей работе и был моим преданным другом. Помню, как однажды мы бродили с ним по следам слонов почти два дня. Наконец в полном изнеможении я растянулся под деревом, — у меня начался приступ тропической лихорадки. Я попросил Билля разбить лагерь, а сам забылся в тяжелом сне. Очнувшись, я увидел перед собой Билля — он будил меня. Когда я спросил, готова ли моя палатка, он мне ответил:

— Нет, бвана, палатка еще не готова, но гамак готов. Прошу, ложитесь.

Билль проявил немало изобретательности и смекалки, чтобы соорудить для меня самодельные носилки из двух жердей и холста. Он освободил двух самых сильных носильщиков, увеличив вдвое груз других, чтобы перенести меня в лагерь. Мы были на расстоянии десяти километров от лагеря, — весь этот далекий путь люди несли меня на руках. Прошел целый месяц, прежде чем я достаточно окреп и мы с Биллем снова вернулись на тропы слонов.

В другой раз я заболел желтой лихорадкой и лежал в госпитале в Найроби. Меня уже внесли в списки смертников, и я должен был отправиться на тот свет еще накануне, но что-то не было согласовано, и я задержался на земле.

Я лежал лицом к окну, которое выходило на веранду, и, когда я открыл глаза, я увидел Билля. Он стоял за перилами и не сводил с меня глаз. Мне кажется, что он простоял здесь не один час с глазами, мокрыми от слез, и все смотрел на меня.

Несколько дней спустя ему разрешили войти ко мне в палату. Он подошел несмело к кровати и взволнованно прошептал: — Джамбо, бвана! (Доброе утро, господин!)

Я постарался успокоить Билля и сказал, что все хорошо, что я выздоравливаю. Он тяжело вздохнул, но не смог сдержать рыданий и, обливаясь слезами, выбежал из комнаты.

Почти десять лет спустя после того, как мы расстались с Биллем, на большом банкете в Нью-Йорке в честь товарищеской

встречи африканских охотников, ко мне подошел один из моих друзей, недавно вернувшийся из Восточной Африки.

— Я все знаю о тебе, Экли, — сказал он мне. — Билль был в моем сафари и никогда не упускал случая рассказать что-нибудь интересное о своем любимом Экли.

И вот теперь я знаю, что Билль по-прежнему любит меня, а для меня нет никого дороже Билля во всей Африке, и я мечтаю о новой встрече с ним. Мне так недоставало его в моей экспедиции в страну горилл в 1921 году. И если мне удастся снова вернуться в эти края, я попрошу Билля встретить меня в Кейптауне. И на пути от Кейптауна к экватору он снял бы с меня большую тяжесть. Я говорю не только о тяжести охоты на горилл, когда по большей части я оставался один в дремучих лесах горы Киву, но и об организации сафари и переговорах с конголезскими людьми, — во всех этих делах помощь Билля была бы мне очень дорога. У меня не было помощника в трудном деле чучельщика — обработке и хранении шкур и скелетов, — и помощь Билля была бы здесь бесценной. Я утверждаю это потому, что знаю, как горячо берется он за изучение нового дела и как добросовестно относится к выполнению своих обязанностей, — я не сомневаюсь, что из него получился бы первоклассный помощник таксидермиста.

Билль теперь на 15 лет старше, чем тогда, когда мы расстались с ним в конце 1911 года. Тогда он был мальчиком, теперь он уже мужчина. Мне говорили, что у него свой участок земли, который он возделывает, что он женат и у него трое детей.

И теперь, когда я пишу эти строки, собираясь в экспедицию 1926 года, самую важную из всех моих африканских экспедиций, нет никого, с кем бы мне так хотелось встретиться, как с Биллем, — в первую же минуту, когда я ступлю на землю любимой страны и вернусь к любимой работе. Я твердо верю, что Билль не обманет моих надежд, потому что я знаю прекрасные качества его ума и сердца — качества, которые в Билле-человеке никогда не изменятся.

Сокращенный перевод с английского
Аллы Макаровой

ШКОЛА ДЛЯ СЛОНОВ*

Начальник станции в Каукурунде любезно сообщает нам, что обратный поезд на Коломбо отправляется лишь в 18.03 и у нас почти пять свободных, бесцельных часов вынужденной остановки. Итак, мы двинулись вперед по самой жаре, время от времени незаметно выжимая штанины брюк и отряхиваясь от пота, как собаки, вылезшие из воды. Ребятишки, прыская от смеха — гляньте, какая у них белая кожа, — ведут нас к этой затерянной в глуши цейлонской деревне Каукурунде. По Каукурунде сквозь струящийся зной между двумя порядками дышащих жаром домов идут навстречу нам двое людей. Головы их обриты не просто наголо, а вообще до предела возможного; это самая точная нулевая стрижка на всем свете и во все времена. У нас остается впечатление, что они ежедневно срезают себе бритвой вместе с волосами слой по слою от своих черепов. Они обернуты в ткань ярко-желтого, золотистого тона, один конец которой свободно переброшен через плечо. Над головой каждый держит черный зонт; зонты плавно колышутся, как складки медузы, проплывающей через расплавленный воздух. Это буддийские монахи, одетые согласно их теперешней моде. Ни один из них не показался бы без черного зонтика, это было бы столь же неприлично, как если б европейский священник вышел на улицу в купальных трусиках. Следовало бы тут же вступить в беседу с

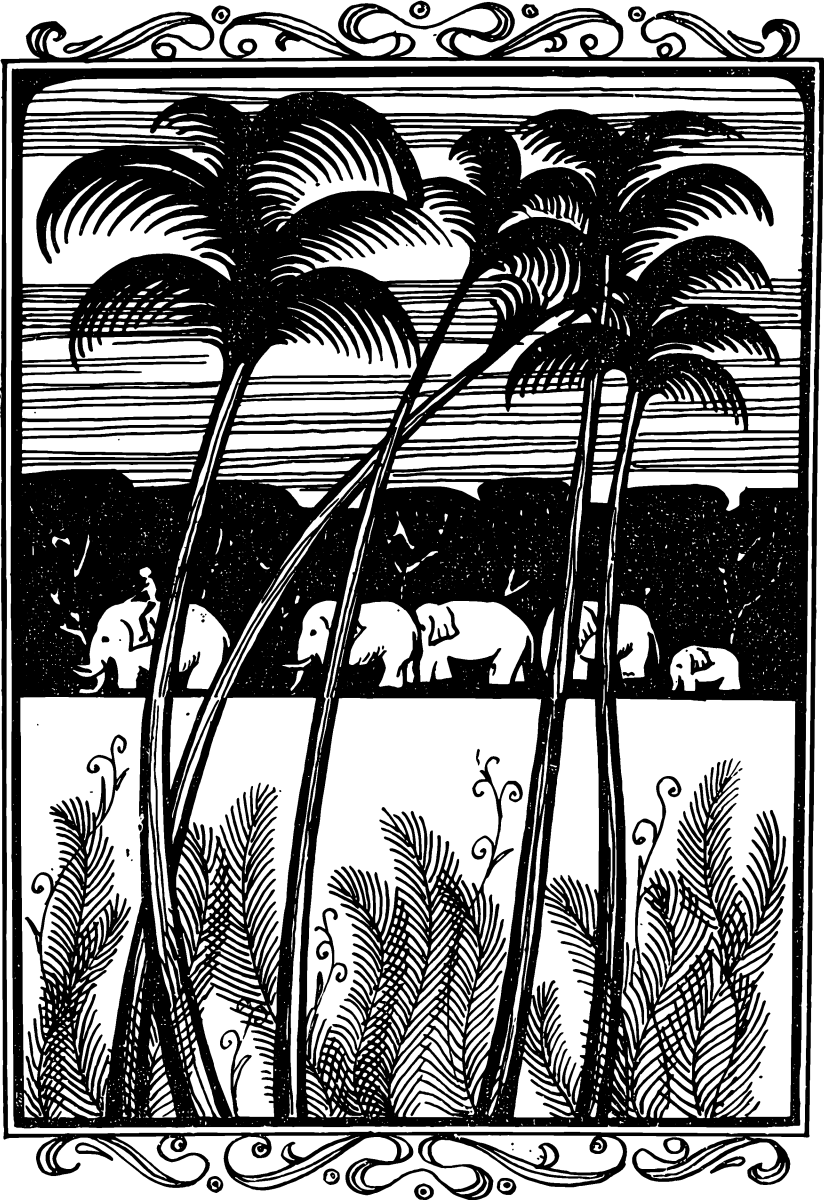
* Из книги «Запыхавшиеся рассказы». Варшава, 1971.

этим солнечными джентльменами, завести с ними дискуссию о политике и буддизме, сделать какие-то записи, пометки. Увы, наше профессиональное любопытство упало до тревожно низкого уровня; тот факт, что на горизонте вырисовывается большая вывеска местного кафе, начисто отбивает у нас желание заниматься служебными делами.

Некоторое время спустя мы приходим к выводу, что Каукурунда — один из самых прекрасных уголков мира, какие нам довелось увидеть. Возможно, столь безапелляционный вывод связан непосредственно с шестью банками ледяного пива типа «Туборг», которые мы потребили с целью восстановить водный обмен в организме. Но нельзя оспорить, что здесь на самом деле чудесно. Легкий бриз, несущий прохладу, синий, солоноватый запах моря, который в этот пропотевший день кажется глотком холодной простокваши... К тому же через четверть часа ходьбы прогулочным шагом деревня Каукурунда носит другое название, и вообще это уже не деревня, а просто поляна, раскинувшаяся у большого озера. Куда же это вы забрались, пан репортер, и как вы вернетесь отсюда в Коломбо, не говоря уже о Варшаве?

Ах, нет, нет, не будем задавать себе неумных вопросов. Лучше оглянемся вокруг и насладимся хоть немного тем роскошным пиром, который организовала нам тут природа. Костяные черепахи, шершавые, черепашьего цвета, заляпанные рыжим илом до самой зеленоватой мордочки, плещутся в оливковой воде озера. В кронах пальм истерически орут шафрановые птицы, самозабвенно распушая хвосты и хохолки. Пара бабочек, ярких и огромных, какие снятся детям, порхают над изумрудной листвой и над яшмовыми травами. Пепельно-серые буйволы, недвижно возлежащие в чернильном болотце. Фиолетово-изумрудные жуки богомолы. Пунцовые глицинии, канареечные мимозы — боже, как экзотично!

И тут вдруг в довершение всего с топотом, сопением и харканьем появляется перед нами длинная колонна слонов. Погонщик-тамил лениво подгоняет бамбуковым прутом предводителя колонны. Подозрительные толстяки потряхивают притороченными на спинах вязанками камыша и вкусных лиан, которыми они будут лакомиться за ужином. Они возвращаются, видимо, после трудового дня домой, их тяжелая поступь напоминает уставшую походку рабочих второй смены. Интересса к окружающему миру осталось в них ровно столько, сколько нужно, чтобы взглянуть на нас сверлящими глазками, окинуть взглядом, полным недоверия, каким обычно и люди встречают нежеланного гостя. Опущенные к земле хоботы вздымают облака пыли. Мягкие уши — в зоопарках эти уши никогда почему-то не выглядят такими большими — равномерно колышутся возле треугольных морд, уничтожая по пути рои оранжевых оводов. О неуместных, карикатурного вида хвостах, украденных, вероят-

но, у тапиров или попросту у свиней, мы упоминать не будем, поскольку такие хвосты лишь компрометируют и придают смешной вид столь серьезному, важному созданию, каким является слон.

Нет, оказывается, все же надо вспомнить о хвостах. Только часть колонны составляют особы взрослые и внушительные. Шеренга слонов постепенно уменьшается в росте — вот теперь нам понятно, откуда взялись на тетиной этажерке те девять фарфоровых слоников; слоны, очевидно, всегда выстраиваются, как в армии, по росту. Конец колонны напоминает детсад на прогулке. Появляются все более маленькие и резвые слонята, к тому же еще совсем розовые, покрытые редкими темными волосами. Неудивительно, что молодежь придумала себе очень смешную игру, а именно: обвиваем крепко хоботом хвост идущего впереди, в то время как наш собственный хвост обвит хоботом идущего сзади. И если принять во внимание, что молодежь ступает еще не очень уверенно и переваливается с боку на бок и что держаться хоботом за чужой хвост не самое легкое дело...

Но это уже совсем не экзотическое явление. Слоны стройным рядом сворачивают вправо, в какие-то заросли, и, когда мы ускоряем шаг, чтобы узнать, что их туда влечет, мы замечаем вывеску, какой еще никогда не видели за всю свою, может, и недолгую еще, но богатую впечатлениями жизнь: «Школа слонов св. Эндрю».

Шесть банок пива «Туборг» ни в коем случае не могли вызвать таких навязчивых галлюцинаций. Согласно вывеске, повешенной на придорожной пальме, непреложно следует факт, что тут находится «Школа слонов св. Эндрю».

Внезапно нас перестают волновать цейлонские железные дороги, пиво «Туборг» и даже поезд в 18.03. В данный момент нас интересуют исключительно слоны и больше ничто на свете.

Мы решительно проходим через бамбуковые ворота школы, и удивительно, никто не требует от нас пропусков, и мы тоже не жаждем, чтобы нас представили дирекции. К счастью, оказывается, что администрация школы и педагогический состав — люди очень симпатичные, общительные, владеющие английским языком. Мы вынимаем еще так недавно презируемые блокноты, и уже четверть часа спустя наши знания в области слонологии начинают приобретать определенную стройность. Да разве мы не предвидели, что именно тут, именно сейчас и ожидало нас наше репортерское счастье? О людях разного рода мы пишем всю жизнь, а вот что нам известно о слонах?

Слон — сообщают нам — является до сих пор самой распространенной тягловой силой в лесном и сельском хозяйстве Цейлона, он вне конкуренции по своей стоимости. Обыкновенный слон-чернорабочий стоит на рынке около четырех тысяч рупий; дипломированный слон с полным набором профессиональных

навыков и в продуктивном возрасте — от шести до семи тысяч, (в то время как цены грузовых автомашин начинаются от 20 тысяч, ибо Цейлон пока не производит автомашин, импорт же дорог ввиду высокого таможенного налога). Кроме того, слоны не потребляют бензина, да и природа поскупилась одарить райский остров нефтью — зато они обожают зеленые сочные побеги кустарников и деревьев, растущих по обочинам каждой деревенской тропки. И наконец, не следует забывать, что соответственно обученный слон функционирует одновременно как бульдозер, подъемный кран, пила, приставная лестница, корчеватель пней, гигантский электромагнит, борона, соха, комбайн для прополки и элеватор, чего нельзя сказать о самом лучшем «джипе» или «лендровере». Думается, наши многоопытные конструкторы не скоро еще изобретут подобную универсальную машину.

Не следует поэтому удивляться, что на Цейлоне около десяти тысяч рабочих слонов, облагаемых высоким налогом. Во времена, когда Цейлон был английской колонией, их было наполовину меньше. «Это большое достижение национальной экономики, и мы отнюдь не намерены эту цифру сокращать». Трудно все же умолчать о том, что в три раза больше — значит, около тридцати тысяч — слонов гуляют себе в свое удовольствие по девственным джунглям, словно бы ничего в мире и не менялось.

Тридцать тысяч диких слонов! Цейлон является одним из трех последних уголков на земном шаре, где дикие слоны еще живут стадами, в большом количестве, как в добрые старые времена. Достаточно выехать в окрестности Тринкомаме, чтобы увидеть чуть ли не в черте города группы спокойно пасущихся слонов, еще до сих пор не внесенных ни в какие списки, не осчастливленных именами и доставляющих местной администрации немало хлопот.

Не будем уж поминать злостное вытаптывание плантаций сахарного тростника, чая и бананов, опустим коллективные драки на берегах ручьев и речек и не поставим в счет хулиганские выходки, которые позволяют себе наиболее безответственные элементы, имеющиеся среди диких слонов. (Переворачивание машины на шоссе или разбрасывание багажа принадлежит к числу любимейших развлечений вышеупомянутых безответственных элементов.) Но разве в силах репортер, привыкший в родной стране подсчитывать энергию до последних джоулей, смотреть безучастно на пропадающую впустую колоссальную энергию? «Вы совершенно правы, сэр; мы полностью разделяем ваше мнение, на диких слонов пора найти управу и впрямь их в созидательный труд на благо нашего народа». И теперь-то уж мы осознали, каким высоким целям служит школа для слонов святого Эндрю.

Конечно, у слонов есть свои недостатки, которых даже такая известная школа не в силах исправить. Но кто же из нас без недостатков? Верно и то, что слоны любят плескаться в воде, ту-

говаты на ухо и порою ревут без всякого повода. И нужно ежедневно чистить их в проточной воде, в противном случае никакая сила не заставит их подняться утром на работу. Речь идет не о каком-нибудь там легком душе, а о хорошей бане, с непременно осмотром хобота, хвоста, ушек и ноготков. Для этой цели постоянно содержится двадцать человек. Нечего также скрывать, что даже хорошо воспитанные слоны весьма легко поддаются панике и впадают в бешенство, — например, во время буддийского праздника в Канди в 1959 году они затоптали около тридцати человек, а число сломанных ребер превышало пять тысяч. Но будем откровенны: а разве мы, люди, никогда не поддаемся панике и не впадаем в бешенство?

Зато слоны-работники обладают многими прекрасными качествами, которыми люди могут похвалиться нечасто. Прежде всего они очень исполнительны и трудолюбивы, не сгалтурят ни под каким видом, у них никогда не останавливаются часы и не опаздывают трамваи. Слоны не транжирят заработки на выпивку и азартные игры, а свободное время проводят исключительно в кругу семьи и близких друзей.

...Наши записи по вопросам слониологии занимают уже по полтора десятка страниц в блокноте и пополняются в таком темпе, что вскоре нас можно уже считать экспертами. Продолжительность жизни у слонов — записываем дальше — в среднем восемьдесят лет, из них семьдесят пять слон способен продуктивно работать. И здесь природа тщательно отделяет свои творения от созданных людьми, ибо не изобретено еще пока машины, способной работать столь долгое время без всяких ремонтов, замены частей и технических осмотров. Встречаются, правда, мафусаилы, живущие до 150 лет (один такой долгожитель, говорят, до сих пор бродит в джунглях, хотя на ухе у него выжжена дата — 1844 год).

Впрочем, как сравнивать слона с машиной? Следовало бы лучше вообразить самый большой самоходный экскаватор в мире в соединении с самым точным компьютером и микрофабрикой органического синтеза, чтобы получить приближенные масштабы соотношения. Слоны немногим уступают по развитию интеллекта человекообразным обезьянам. Они раз навсегда запоминают пройденный путь длиною в сто миль и сумеют вернуться обратно без проводника; во время корчевания джунглей выполняют до 36 различных сложных операций, безошибочно определяя их последовательность по одной лишь команде погонщика; подчиняются принципам коллективного труда и умеют прекрасно понимать друг друга; срывают себе ровно столько корма, сколько им нужно на один раз; заставляют своих детей употреблять известь, фосфор и соду, применяя весьма хитроумные способы добывания этих минеральных веществ; умеют даже планировать свой рабочий день таким образом, дабы после каждой еды полчаса вздремнуть.

Да, слон был бы самым замечательным работающим существом в мире, если бы не тот прискорбный факт, что он является одновременно существом весьма болезненным, если не сказать хлипким. Статистика школы показывает, что около двадцати процентов слонов в ранней юности подвержены различным хворям, которые, как правило, кончаются смертельным исходом. Наиболее часто случается воспаление легких — от бегания с излишней резвостью, несварение желудка (мы наблюдали, как ставят слонам клизму, описать это не представляется возможным), нарушения кровообращения, а также обыкновенная анемия. У них часто случаются тропические инфекционные заболевания, природа которых до сих пор еще не изучена. У совершенно здорового слона вдруг подскакивает температура, он начинает корчиться в конвульсиях и через полтора дня гибнет. Захоронение четырех тонн мяса в таком климате тоже немалая проблема.

Поразительный факт: слоны подвержены также нервным и психическим заболеваниям. Пресловутые слоны-отшельники являются попросту жертвами далеко зашедшей шизофрении, если это можно так назвать. Ведущие цейлонские слониологи, не слишком заботясь о мнении международных авторитетов в области зоологии, решительно утверждают, что старые, чудаковатые слоны-одиночки вовсе не стремятся к уединению намеренно. Скорее их преследуют неотвязные галлюцинации, им кажется, что они окружены большим стадом поклонниц и друзей, а определенные их действия позволяют предположить, что одиночки ведут с этим несуществующим окружением непрерывный и оживленный диалог. Ничего удивительного, что человек, неожиданно помешавший этой беседе, заслуживает лишь того, чтобы сбить его хоботом и тщательно затоптать. Любопытно, что шизофренией болеют только самцы; представительницы слабого пола просто погибают, когда им трудно ужиться с молодежью или приспособиться к новым условиям.

Состояние меланхолии или общей депрессии, предшествующее начальной стадии шизофрении, обычно лечат переменой в питании или же отправляют заболевшего в отпуск. Зато пьянство у слонов, к сожалению, неизлечимо.

Естественно, речь не идет здесь о ежедневной четвертинке «Выборовой» с ананасом или гроздью банана на закуску, а о неудержимой тяге разыскивать в джунглях некоторые разновидности кустарников (тояда), имеющих наркотические свойства. Растение это доставляет слонам массу удовольствий, удивительную уверенность в себе и легкое опьянение, которое сопровождается взрывами веселья и остроумия. Ввиду этого свойства тояды его стоило бы, между прочим, принудительно вводить в рацион слонов, ибо в большинстве своем слоны — существа, начисто лишённые чувства юмора и, за исключением ранней юности, очень мрачные.

Увы, как нам рассказали, употребление тояды только вначале способствует хорошему настроению. Уже спустя несколько недель несчастный алкоголик начинает заболеть, он плохо спит, обижает своих близких, ссорится с приятелями и — обычное дело — начинает небрежно относиться к работе. Лишенный своего любимого растения, слон-наркоман быстро умирает. Поэтому погонщики всеми силами стремятся не допускать, чтобы слоны бродили безнадзорно по джунглям; это действительно самая большая опасность, подстерегающая взрослого обученного слона.

Владелец пристрастившихся к пагубному зелью слонов иногда пытается сбыть их тем же путем, что и лошадики где-нибудь на рынке под Серадзом, продающие коня с дефектными копытами. Но дело это нелегкое, и надо, чтобы попался какой-нибудь протак, вроде польского репортера, который ничего не заметит. Жертв тояды довольно просто распознать по слезящимся глазкам, вялому хоботу и пористым шишкам надо лбом, не говоря уже о таких типичных для алкоголика симптомах, как потеря координации, или, попросту говоря, внезапное падение без всякого повода.

Мы спрашиваем, откуда школа получает молодняк, поскольку она существует уже не первый десяток лет и располагает таким сводом инструкций, что этому могло бы позавидовать министерство высшего образования в Польше. Оказывается, что четыре специальные экспедиции действуют в западной части Цейлона и, как бы это выразиться, хватают учеников прямо в джунглях. За ногу. Абитуриенты доставляются сюда поездом и после двухнедельной акклиматизации приступают к учению в начальных классах.

«Вербовщики» стремятся подобрать возможно более юных учеников, поскольку и у слонов существует зависимость между возрастом и ценой. Среди теперешних учащихся школы для слонов св. Эндрию преобладают молодые особи в возрасте до десяти лет, в большинстве пойманные в джунглях (за ногу!) или родившиеся здесь.

Молодняк возраста до десяти лет не доставляет администрации школы особых хлопот, это ряды пятерочников, которым ничего не надо повторять дважды. За башковитого десятилетнего слоненка с хорошими отметками по основным предметам можно получить на рынке до девяти тысяч рупий. В отличие от людей слоны никогда не забывают того, чему научились; если выпускника школы спустя шестьдесят лет поднять ночью и дать задание, он выполнит его сразу и без запинки.

Зато учащиеся, которым уже за тридцать, с большим трудом поддаются обучению. Переростки, попавшие сюда впервые, еще так-сяк осваивают науку, хуже обстоит дело со второгодниками. Нам их позже показывали. Этим мы позволим себе публично пристыдить, обнародовав даже их анкетные данные.

1. *Слон Агавелла*, 34 года, окончил школу для слонов в возрасте 24 лет с весьма посредственными результатами. Долгое время очень плохо справлялся с работой у своего владельца, халтурил, хулиганил, в конце концов сбежал из колонны и покалечил попавшихся ему на пути прохожих. Через несколько дней, голодный, грязный, вернулся в школу с явными признаками раскаяния, но с полной — увы — потерей памяти (амнезия?). Повторяет весь курс обучения заново.

2. *Слониха Суннала*, многодетная мать, во внезапном приливе энергии сбила надсмотрщика на плантации, расшвыряла старательно уложенные штабелями тюки чая, гуляла какое-то время в подозрительном обществе по предместьям Канди. Повторяет курс с самого начала, но проявляет явные признаки дебильности. Простейшие команды ей надо твердить по десять раз. Директор школы конфиденциально сообщил нам, что он не возлагает никаких надежд на эту ученицу. И что тогда? А неизвестно; быть может, ее надо отпустить обратно в джунгли.

Но это всего лишь отдельные случаи, и они, конечно, не могут затмить успехов, которых добились педагоги школы св. Эндрю; тем более не следует делать вывод, что массовое просвещение и политехнизация для слонов неактуальны (на школьном дворе уже долгое время по несколько часов в день работает старый, оглушительно ревущий локомотив: слонов необходимо приучать к шуму и грохоту, чтобы они не боялись машин и не пытались бы уничтожить их путем любовой атаки).

Тут еще надо сообщить об одной поразительной тайне из жизни слонов, которую пока не сумели разгадать самые эрудированные слониологи. В возрасте между сорока и пятьюдесятью годами, то есть примерно в половине своей жизни, рабочий слон, даже хорошо обученный и получавший пятерки по поведению, вдруг начинает проявлять нервозность, терять выдержку. Такое состояние длится всего несколько дней, но возникает неукоснительно. Погонщик, который это вовремя заметит, старается как можно скорее отвести своего подопечного на затененную площадку и обеспечить ему душевный покой, снабдив его при этом всяческими лакомствами. Не всегда удается сделать это в нужный момент. И тогда плохо погонщику. Трехтонный слон, вертась, как шкодливая мальчишка, сбивая шеренгу и поглядывая исподлобья, выжидает подходящего момента, чтобы одним молниеносным движением хобота скинуть погонщика со своей спины и — уже на земле — затоптать его.

На этом все кончается. После единственного и никогда уже не повторяющегося кризиса к слону полностью возвращается душевное равновесие, он перестает беситься и до конца жизни трудится так, как хотят от него люди.

Сокращенный перевод с польского
Р. Белло

СОДЕРЖАНИЕ

Комсомол на ударной стройке	5
<i>В. Свастьянов.</i> Океан голубой планеты	15
<i>Олег Ларин.</i> Запишите меня в Надым	20
<i>Павел Лукницкий.</i> Сотворение мира	33
<i>Владимир Воробьев.</i> Гипотеза Мархинина	42
<i>В. Поволяев, В. Травинский.</i> Люди и стихия	59
<i>Еремей Парнов.</i> Сердце в песках	71
<i>Виктор Пулькин.</i> Древний путь	142
<i>Евгений Кондратьев.</i> У мокши	154
<i>Герман Смирнов.</i> Безрассудная затея профессора Лэнгли	182
<i>В. Левин, А. Хазанов.</i> Народ, который отказывается говорить	197
<i>Г. Еремин, Г. Ефанов.</i> На охотничьих тропах планеты	214
<i>Дм. Урнов.</i> В мертвом гите, или Трое в Англии, не считая лошадей	238
<i>С. Вербицкий.</i> Японцы и море	255
<i>М. Шишигин.</i> Мюнхен — столица Баварии	277
<i>Фолько Куиличи.</i> Легендарные острова. Сокращенный перевод с итальянского Евг. Бернардини	286
<i>Карл Экли.</i> Уимбиа Гикунгу — мой верный друг. Сокращенный перевод с английского Аллы Макаровой	297
<i>Веслав Гурницкий.</i> Школа для слонов. Сокращенный перевод с польского Р. Белло	310

Бригантина. Сборник рассказов о путешествиях, поисках, открытиях. Худож. А. Гангалюка. М., «Молодая гвардия», 1975.

320 с. с ил.

На обороте тит. л. сост.: Вл. Стеценко.

Ежегодное издание. Знакомит читателя с очерками о путешествиях, поисках, открытиях. В настоящем сборнике публикуются рассказы о преобразовании пустынь, о Памире и Дальнем Востоке, Африке и далеких тихоокеанских островах, об археологических раскопках в Италии и другие материалы.

Б 70302—050
078(02)—75 172—74

С61

БРИГАНТИНА.

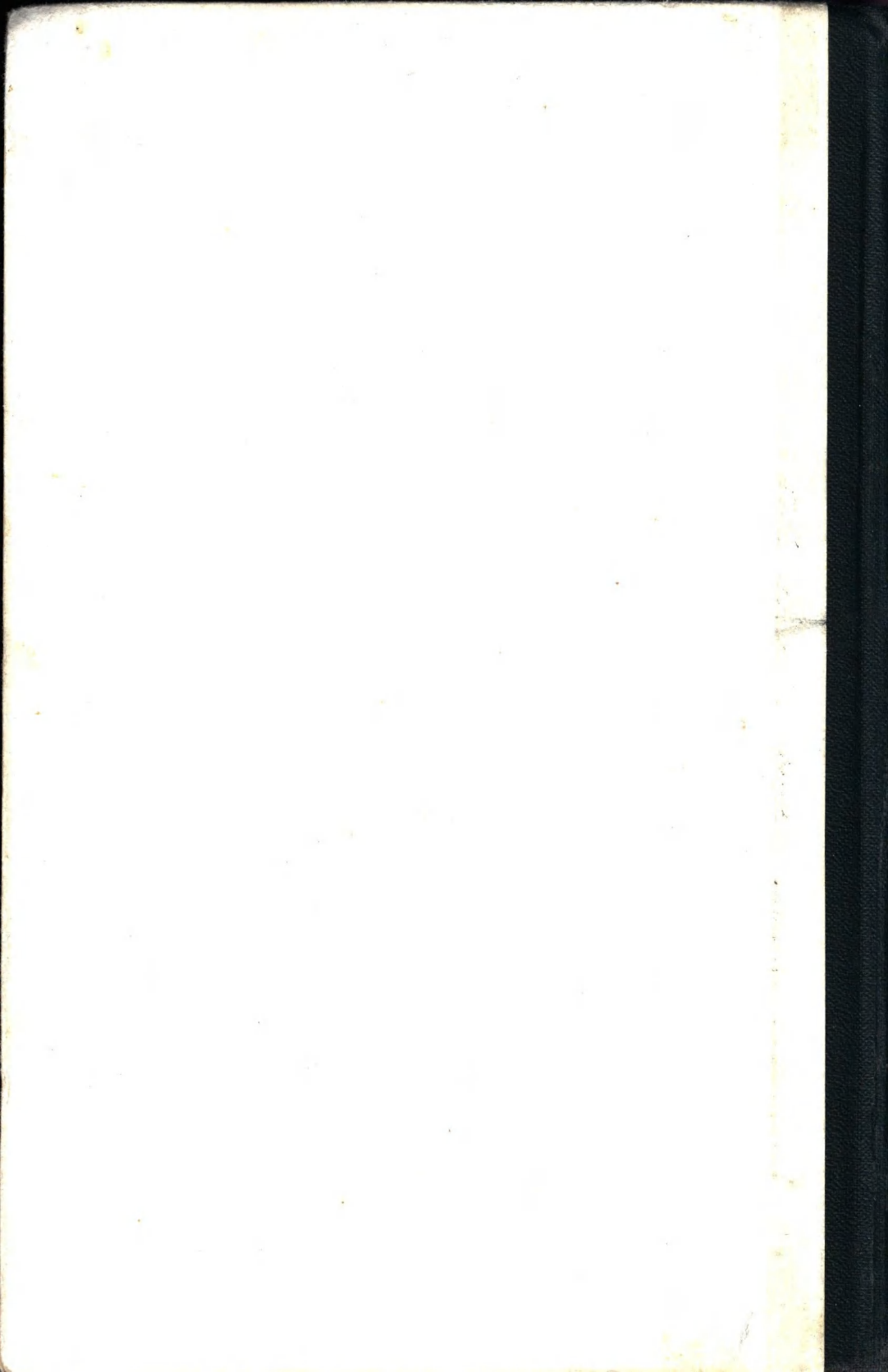
Редактор **С. Митрохина**
Художественный редактор **Б. Федотов**
Технический редактор **Т. Кулагина**
Корректоры **Г. Василёва, З. Харитонова**

Сдано в набор 2/IV 1974 г. Подписано к печати 17/II 1975 г. А08047. Формат 60×90¹/₈. Бумага № 2. Печ. л. 20 (усл. 20)+ + 24 вкл. Уч.-изд. л. 23,3. Тираж 100 000 экз. Цена 1 р. 09 к. Т. П. 1974 г., № 172. Заказ 567.

Типография издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, Суцеская, 21.

БРИГАНТИНА 74

